

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ
АНО «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР МУСТАЕВЕДЕНИЯ»

И. И. Валеев

МУСТАЙ КАРИМ И ЕГО ЭПОХА

Уфа

2019

УДК 82
ББК 84
В15

*Издание осуществлено при содействии
Фонда поддержки научных исследований АН РБ*

Рецензенты:

Р. М. Зиязетдинов, доктор исторических наук, профессор;
Э. Ш. Хамитов, доктор педагогических наук, профессор,
почетный академик АН РБ

Валеев, И. И.

В15 Мустай Карим и его эпоха. – Уфа : Башк. энцикл., 2019. –
300 с.
ISBN 978-5-88185-436-2

В книге отражена эпоха жизни и деятельности корифея башкирской литературы Мустая Карима, а также отношение писателя к ней.

Рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 82
ББК 84**

ISBN 978-5-88185-436-2

© Валеев И. И., 2019

© «Башкирская энциклопедия», 2019

Мустай Карим, общество и власть

Мне представилась возможность ознакомиться с рукописью книги «Мустай Карим и его эпоха», и это воодушевило меня поделиться своими некоторыми размышлениями о великом Мустае и привести несколько свидетельствований о нем.

Мое поколение, родившееся после Великой Отечественной войны, в начале 50-х годов, выросло на произведениях ранних советских писателей, поэтому могу утверждать, что Мустая Карима знаю с детства, постигал мировосприятие и духовные ценности писателя через его произведения. Неизгладимое впечатление оставило прочтение во время учебы в начальных классах его книги «Беззең өйҙәң йәме» («Радость нашего дома»). Для меня и моих сверстников Оксана стала самой милой девочкой.

Личное общение с поэтом началось в 1980-х годах, в период моей работы редактором республиканской молодежной газеты «Ленинсы»–«Ленинец». Не буду описывать в подробностях наши встречи, общения, которые продолжались до ухода из жизни Мустафы Сафича. В моей памяти он остался как человек, сотканный из сплава мудрости, вежливости и величия. Он, будучи выдающейся личностью, при жизни стал своего рода брэндом башкирского народа и Башкортостана, в общественном сознании его имя было неотделимо от этих понятий. Находясь за пределами республики, мне часто приходилось слышать от незнакомых людей, представляющих разные регионы страны и мира, восклицания: «О, ты – башкир! О, это – Салават Юлаев, это – Мустай Карим!» Мудрость Мустая Карима вдохновила меня надолго связать свою жизнь с башкирской энциклопедистикой. Более четверти века я верен его совету и наставлению: «Ты на своем месте, энциклопедия не место для людей, зараженных духом националистического угара».

В книге Мустай Карим представлен как человек преданно служащий идеалам воспитавшего его общества. Действительно, он был сыном своей эпохи, до конца жизни не изменил собственному убеждению. В нем преломлялись великие события тех дней, в его творчестве отразились эстетические идеалы, запросы того времени и его личное отношение ко всему тому, что происходило вокруг него.

Мустаю Кариму посчастливилось родиться, жить и творить в обществе интенсивной социальной динамики, в период зарождения новых отношений среди людей, которые были объединены общей идеей и стремлением построить социально справедливое общество. Жизненные интересы Мустая Карима совпали с предпочтениями зарождавшегося нового общества, что сыграло немаловажную роль в формировании его взглядов и раскрытии в нем таланта творца художественных ценностей, направленных на воспитание людей нового типа, способных создать самое гуманное общество в мире. Его имя стоит в одном ряду с именами таких маститых писателей страны, как Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев и др., в советской Башкирии он стал одним из главных мастеров слова, чьи произведения были овеяны гуманизмом, несли людям образцы высокой нравственности. Слово Мустая, его размышления и выводы становились достоянием общества, люди доверяли мастеру слова, прислушивались к его мнению и действовали в соответствии с его призывами и наставлениями. Мустай Карим глубоко чувствовал свою ответственность перед социумом, не мог молчанием реагировать на непростые общественно-политические ситуации. В годы Великой Отечественной войны, несмотря на молодость, у него хватило смелости стать автором ответа советских воинов башкирскому народу, рассказать о ратном их подвиге на полях сражений, успокоить население республики, заверив в скорой победе советских войск над фашизмом.

Мустай Карим был представителем той части творческой интеллигенции, которая воспринимает всякую власть как данность, уживается с ней. Он был «вхож» во власть, жил с ней в согласии, его принимали в коридорах власти, кто бы ни был «у руля», к его мнению прислушивались. Он мог за кого-то похлопотать в решении их житейских вопросов, защитить честь и достоинство коллег и других сограждан и т.д. При этом он не льстил власти и ее представителям, не пел хвалу руководителям республики. Он говорил правду о наблевшем, находился в постоянном поиске и споре с действительностью, подсказывал пути решения накопившихся проблем в обществе, поэтому пользовался большим авторитетом и уважением у власти. Власть часто использовала имя и авторитет поэта в целях воздействия на умы и настроения широких масс населения. Он «переломил ситуацию» в обществе перед принятием Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан и накануне объявления башкирского языка государственным его выступления оказали

огромное влияние на общественное сознание и умонастроения как государственных и общественных деятелей, так и всего населения республики.

Мустай Карим стал крупным государственным и общественным деятелем республики и страны, обладателем самых высоких наград и премий советской власти. Но он не изменился, сохранил собственное достоинство, продолжал до конца своих дней выполнять миссию творца, художника-приверженца социалистического реализма и остался верен своим святым идеалам и жизненному кредо.

Жизнь Мустая Карима – это целая эпоха, эпоха социальной справедливости в истории нашего Отечества, это подвиг, заслуживающий увековечения в памяти народной.

Мы, башкирские энциклопедисты, готовим к 100-летию поэта достойный подарок – энциклопедию «Мустай Карим». В республике первая персональная энциклопедия была посвящена Салавату Юлаеву, которая увидела свет в 2004 году, вторая – будет посвящена Мустаю Кариму. Это глубоко символично и соответствует мировому общественному мнению, согласно которому они находятся в одном ряду, о чем было сказано выше. Я счастлив тем, что судьба предоставила мне возможность принять участие в подготовке энциклопедических изданий, посвященных великим сыновьям башкирского народа.

У.Г. Саитов, кандидат философских наук,
директор ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия»,
заслуженный работник печати и массовой информации РБ,
лауреат Государственной премии РБ в области науки и техники,
отличник печати СССР, кавалер ордена «Знак Почета»

Вместо предисловия

История – не просто наука о прошлом, это наука о человеке во времени, которая дает нам возможность познать самих себя, ощутить частицей этого многосложного, противоречивого мира. Мы выполним свою задачу, если научим детей простой истине – пониманию того, что мы приходим в этот мир не сломать традиции, а приумножить их, вписаться в них, ощутить духовную связь поколений. Только в этом случае человек обретет фундамент под ногами и его не будут раздирать внутренние противоречия. Все, что не основывалось на опыте прошлых поколений, как правило, терпело фиаско. Думается, есть в истории проблема, которая еще недостаточно изучена, – это человек во времени. Природа человеческая мало изменилась с древнейших времен. Мы обураемы теми же страстями, от которых страдали люди в X веке или в IV, – любовью и ненавистью, алчностью и гордыней. Это веками живет в человеке, мы даже не представляем, сколько всего заложено в нас на генетическом уровне, что передавалось нам от поколения к поколению. Так что человек в настоящем вбирает в себя человека в прошлом.

Человек – единственный из живых существ, обитающий в двух мирах одновременно. С одной стороны, он – природное тело, подчиненное всем физическим, химическим и биологическим законам, и вне природного мира его существование немислимо. Эта жизнь, увы, кратковременна и ограничена во времени и в пространстве. Но, с другой стороны, человек живет в мире разума, сверхчувственном, созданном им самим. Этот мир свободен от оков времен и расстояний. В нем человек общается с мыслителями античной Греции и художниками эпохи Возрождения, встречается с гением Рублева и Пушкина, сопереживает взглядам Шекспира и Ремарка.

Сегодняшнему молодому человеку трудно себе представить, кем был М. Карим для своих современников – доверенным лицом, говорившим от имени большинства. О чем? О том, что не все гладко в той жизни, которая по всем посылам должна бы становиться все лучше и одухотворенней, а становится все хуже и бездуховней. Было и есть время

двойных стандартов и двойной морали. Небывалый в мировой истории политический строй не только подвергался натиску извне, но и расшатывался изнутри. М. Карим, как и многие его современники, страдал от этой двойственности и пытался противостоять ей. Он понимал, что двойная мораль пагубна для народа, и видел противоядие в душевном здоровье, нравственной прочности. Главной опорой человека, он считал, труд, а главным двигателем – самовоспитание, взыскательность к себе.

М. Карим вел читателя-современника к пониманию серьезнейших вещей, от которых зависело благополучие государства и народа. Он не морализаторствовал, не навязывал своего мнения, не учил жить – он хотел, чтобы человек сам дошел до понимания больших истин через книгу. И входили в каждый дом его герои, своими становились в любом кругу Старшая мать, Акъегет и Зубаржат, Салават, Прометей и др. Мустаевская эстетика требовала не врать, не заниматься украшательством. А нравственные силы давала писателю и читателю сама эта пульсирующая, точно пронизанная нервами и капиллярами, жизненная среда.

Т. Бабичева, наверное, близка к истине, когда пишет, что М. Карим «был любимым сыном Вселенной – щедрым, мудрым, всевидящим и понимающим. Я думаю, такие люди приходят в мир раз в тысячелетие, а определенному народу даются поштучно на сотни миллионов. Они приходят, чтобы открыть глаза своему народу и рассказать миру, что есть такой народ» [24, 54].

Здесь можно вспомнить и статью известного башкирского поэта и публициста Г. Шафикова о Мустае Кариме под символическим названием «Жизнь, вобравшая эпоху» [577]. Нельзя не согласиться с М.Г. Рахимовым, утверждавшим, что пройденный М. Каримом путь – «это целая историческая эпоха, которую в литературе по праву называют эпохой **Мустая Карима**» (выделено мной. – *И.В.*) [165]. В ней «было всякое – и хорошее, и нелегкие времена. Но искренняя и созидательная любовь к родному краю, доброе и внимательное отношение к людям, стремление внести свой вклад в его обустройство и процветание» [165].

М. Карим как-то заметил: «С возрастом каждый из нас все больше думает о самом важном и главном, что было в его жизни. Но у каждого из нас есть еще свои вехи, свои огни, свои парады, свои панихиды» [393, 42].

Да, у каждого из живших и живущих на земле людей есть свои вехи, свои огни и парады, свои панихиды. Они были и у М. Карима. Об этом данная книга.

«Я принадлежу к самому счастливому поколению советских людей»

Мустай Карим [364, 197]

Лауреат Международной премии им. М.А. Шолохова Р. Мухаммадиев делится с нами: «В детстве мне почему-то казалось, что жизнь начинается с колыбельной матери. Думая так, возможно, я несколько и ошибался, но в ошибке этой было что-то символическое. Разве плохо когда жизнь начинается с колыбельной матери? Потом были сказки народные... (Телевизора и мультфильмов не было еще и в помине. Вот были годы!) И чуть погодя стихи ворвались в наше детство, в детство счастливого послевоенного поколения. Первым, безусловно, был Габдулла Тукай. А затем Александр Пушкин (естественно, в переводе на татарский). Хади Такташа с Мусой Джалилем так же, как и Владимира Маяковского с Сергеем Есениным, тогда еще почему-то решили поддержать за ширмой, как бы про запас, что ли...» [490].

Именно в те далекие годы автор вышеприведенных строк и услышал впервые о Мустае Кариме. «Его поэтические строки, – продолжает он, – пронизанные щедростью души, полные света и тепла, уже тогда солнечными лучами озаряли своих юных читателей. Не то чтобы мечтать, я и подумать не мог тогда, что через десятки лет мне посчастливится с ним не раз встречаться, с глазу на глаз беседовать и время от времени обмениваться мнениями о новых явлениях в литературе и жизни общества. И я на собственном опыте убедился, что поэт нашего раннего детства одновременно является еще и чрезвычайно скромным, удивительно мудрым человеком.

В разных городах, в разных странах и в разные годы мне приходилось слышать из уст самых разных людей рассуждения о личности и творчестве Мустая Карима, читать о нем на страницах разных, порою и противоположно-ориентированных газет и журналов. В своих трактовках и приоритетах они могли расходиться, а вот в оценке таланта его человеческой скромности и мудрости, как будто стоворившись, все были едины» [490].

При обращении к жизни и деятельности М. Карима автору этих строк не дают покоя вопросы: откуда у деревенского парня такой хорошо организованный ум, прекрасная манера устной и письменной речи, глубина и меткость суждений, такое остроумие?

Мне видится только один возможный ответ на эти вопросы: избрав стезю поэта, писателя, драматурга да ощутив при этом безмерность своих возможностей, он должен был осознать практическую необходимость встать в один ряд не только в литературе, но и в повседневном общении – с М. Гафури, Р. Гамзатовым, М. Дудиным, Ю. Марцинкявичюсом, Н. Хикметом, К. Симоновым, А. Твардовским, а те, в свою очередь, составляли единый круг с М. Горьким, В. Маяковским, А. Блоком, С. Маршаком, А. Гайдаром... Неважно, кто с кем на самом деле был дружен, а кто между собой враждовал, кто сотрудничал, а кто соперничал, – важно, что это была единая среда отечественной интеллигенции. А принадлежность к ней определялась не цветом крови, не связями, даже не университетским дипломом, а качеством духовной жизни и талантом. Всего то и надо было – подняться (в знаниях, мышлении, моральной чистоте) до уровня этих коллег, сослуживцев. Всего-то... Понятно, что это удавалось не всем, а если все-таки удавалось, то ценой невероятных усилий (напрашивается аналогия с нынешними фаворитами публики – хоккеистами, только те заботились не о физической форме, а о душе). Но все же – удавалось, потому что была среда, был мощный пласт культуры – духовный гумус нации, который, между прочим, веками по крупницам прирастал, копил в себе чудодейственную человекотворную силу.

«Я не был сторонним человеком своему обществу, своему времени. Я был внутри времени, если так можно сказать. Все, что делалось, через меня проходило», – заметил однажды башкирский поэт [411].

«Мы были детьми своего времени, своей страны, своего советского народа», – заявил М. Карим на вечере, посвященном годовщине со дня смерти Р. Гамзатова в Большом зале Центрального Дома литераторов, организованном Международным сообществом писательских союзов и Союзом писателей России [282].

М. Карим очень много писал и говорил о своем детстве и о психологической атмосфере в обществе, в котором проходило его становление.

Поэт утверждал, что детство его поколения «было согрето ранними лучами солнца победившей весны» [363]. «Может быть, – писал поэт, – ты не совсем одет и не совсем сыт, но ощущение утреннего тепла всегда наполняет душу радостью и надеждой. Ведь взошедшее солнце обязательно пойдет все выше и выше – к зениту. С теми первыми весенними лучами в душу проникло и первое детское сознание своего классового превосходства, что твой отец не богат, а трудовой

человек. Как быстро сменились чаши весов человеческого достоинства!» [363].

Мустай Карим, как справедливо замечает И. Сотников, «родился в замечательном 1919 году, когда была создана Башкирская Автономная Советская Социалистическая республика. На его глазах неузнаваемо изменился облик ее земли и народа. Вместе со своей страной прошел большой путь и наш поэт» [520].

Свой уход из аула в большой мир Карим замечательно описал в поэме «Декабрьская песня»:

*Кем стану в стране родимой?
Зовет меня путь вперед...
Какой меня труд горячий
Хозяином изберет?
Я в мир выхожу не в гости
В разгар весеннего дня,
Ни трудности, ни помехи
Век не согнут меня!* [520].

Виталий Смирнов так размышляет о башкирском поэте и его эпохе: «Мустай Карим – ровесник Башкирской республики. Он прошел с нею весь трудный и одновременно радостный путь строительства новой жизни. И пусть трудности первых лет становящейся на ноги республики миновали его, но тем не менее они вошли в народный опыт, а вместе с ним в жизнь и поэтическую плоть Мустая. Примечательно, что уже в школьные годы первые поэтические упражнения Мустафы Каримова были откликом на важнейшие для страны и народа события» [512, 169]. Он же считает, что башкирский поэт «входил в литературу в тридцатые годы, уже опаленные дыханьем сороковых. Они стали для него временем наполнения творческих “закромов”, освоения жизненного материала и ученичества во всех смыслах: молодой поэт учится в Башкирском педагогическом институте, осваивает сложную поэтическую “науку”, осмысливает и эстетически переплавляет традиции русской и национальной поэзии. “У моей скромной колыбели, – вспоминает Мустай, – под невысоким поэтическим небом стояли Пушкин, Лермонтов, Тукай”. Поэт не увлекся ложными эстетическими новациями, поисками ультрареволюционных художественных средств для выражения нового социалистического содержания. Трудно, конечно, судить о том, сколь сознательна была эта позиция в тридцатые годы. Но что она стала эстетическим кредо всего творческого пути Мустая – очевидно» [512, 169].

В день чествования М. Карима по поводу его 85-летия президент РБ М.Г. Рахимов подчеркнул, что поэт «с молоком матери впитал неповторимую красоту родной природы, звучность и неисчерпаемое богатство языка, глубокую мудрость, культуру, нравственные и духовные ценности своего народа. Здесь впервые постигал он уроки крестьянского труда, азы грамоты, впитал огромную жажду знаний.

Его властно притягивали к себе и поэтическое достояние Востока, и великое наследие европейской классики. Подобно тому, как наш седой Урал соединяет части света, в творчестве Мустая Карима органично связались многовековые пласты и традиции евразийской культуры» [165].

В течение всей своей жизни М. Карим шел вместе со всей страной, рос вместе со своим поколением, которого А. Фадеев назвал поколением орлиным. А во время беседы с поэтом другой выдающийся сын Башкортостана, член-корреспондент РАН, много лет проработавший ректором УАИ им. С. Орджоникидзе Р.Р. Мавлютов заметил: «Не спорь, Мустай, вы все же люди счастливой судьбы» [395].

В разговоре с журналистом И. Николенко М. Карим высказался в том смысле, что время – это люди, а не часы, что эти люди создают климат и делают эпоху [444].

Действительно, современники башкирского поэта создавали великую эпоху, совершали великие дела, свидетелем и участником которых был Мустай Карим, ставший своеобразным летописцем и певцом этой великой эпохи. Не случайно во времена разгула «перестройки» В. Лукьянин назвал М. Карима поэтом социалистического мироощущения [311, 148].

«Юности нашей, – писал М. Карим, – были знакомы радость жажды к знанию и длинные очереди за скудным студенческим пайком, достаток предвоенных лет и встреча с бедой и фашизмом лицом к лицу. Но нам никогда не были знакомы сомнения, страх и уныние. Мы всегда стремились и стремимся приблизить час встречи двух огней – огня, зажженного в наших сердцах, с огнем того маяка, что мы называем нашим коммунистическим идеалом» [363].

Народный поэт Башкортостана – сын прошлого века. Его «коснулись жгучие искры революции и гражданской войны. А дороги Великой Отечественной он прошел с автоматом в руках от начала до конца.

На переломе двух веков сам он как гражданин пророс корнями в XX веке, а творчество его, наполненное высоким духом человечности, устремилось в XXI. Живя с народом, разделяя его радости и боли» [547].

Известный публицист А. Докучаева очень убедительно пишет о времени М. Карима: «Мужчины моего поколения – те мальчишки, которые в детстве, суровом в бытовом отношении, чувствовали со стороны взрослых интерес к себе, а когда возвращались отцы с войны, выпитывали каждое сказанное ими слово, гордясь не только героизмом победителей, но и выправкой, их красивой формой. Не потому ли из этих мальчишек выросли достойные люди, которые и ведут себя по-рыцарски: подают даме пальто, считают зазорным при женщине произнести бранное слово, предложат руку жене, сестре, незнакомой старушке, когда те спускаются с подножки трамвая» [213].

Биография М. Карима во многом типична для его поколения, для его эпохи.

Сопоставим его биографию с основными этапами истории страны. Родился в разгар Гражданской войны. Младенчество проходило в пору НЭПа – Ленинской новой экономической политики. От НЭПа – к строительству социализма. На его глазах в результате развернувшейся в 30-е годы социалистической индустриализации, коллективизации, культурной революции страна невиданными темпами крепла экономически и духовно. Но этот великий подъем СССР был оборван военной машиной гитлеризма, захватившего в конце 30-х – начале 40-х годов Европу и в июне 1941 года обрушившегося на первое в мире социалистическое государство.

Потом – Великая Победа, годы восстановления страны и новых мирных свершений, рывок в развитии науки и техники, обеспечивший впервые в мире полет человека в космос. Советского человека! По всей стране возводятся новые города, в том числе десятки наукоградов, в строй вступают сотни предприятий, открываются новые школы, профессиональные училища, техникумы, вузы...

Только радоваться бы участнику Победы и созидания этим успехам. Но в середине 80-х и в 90-е годы пришла нежданная беда – в одежке горбачевской «перестройки» и ельцинских либеральных «реформ»...

Все это стало материалом для обстоятельных размышлений Мустая Карима.

Поэт часто говорил о начале своего жизненного пути.

В 2000 году он вспоминал, как его в ноябре 1933 года приняли в комсомол, с какими чувствами он вместе с товарищем Ташбаем поехал в Чишмы за комсомольским билетом [406, 10]. А в 15 лет он стал секретарем комсомольской организации. Через некоторое время он почувствовал себя гражданином великой страны, когда в Чишмах же получал паспорт.

Начало комсомольского этапа жизни отразилось в волнующих стихах о комсомольском билете. В них ведется «суровый рассказ» о молодом герое Гражданской войны: смертельно раненный в бою, он прощается с боевыми друзьями и отдает им окровавленный, пробитый пулей комсомольский билет.

У нас в старину верили, что поэты обладают тайной предвидения, что они по глазам читают судьбу человека, а уж свою – наверняка знают наперед. И вот стихи о комсомольском билете... Написанные за четыре года до начала войны, они оказались пророческими для их автора. «В августе 1942 года был тяжело ранен в грудь», – пишет Мустай Карим в автобиографии [554].

Мустай Карим считал, что ему повезло в самом начале самостоятельной жизни. «Как начал, – говорил он, – учиться в Уфе, стал студентом, сразу же вошел в литературную среду. В 36-м году уже ходил на всякие литературные вечера, посещал секцию поэзии в Союзе писателей. В том же году стал регулярно печататься.

Старшие писатели очень доброжелательно ко мне отнеслись, приняли в свою среду. Баязит Бикбай стал опекать меня, Салях Кулибай не оставлял без своего внимания. Я им за это очень благодарен. Я для них не был мальчиком на побегушках.

В 1938 году, продолжая учебу в институте, работал в журнале “Пионер”, а в 1939 году меня приняли литконсультантом в Союз писателей» [437].

Но до этого был случай, который оказал на судьбу М. Карима решающее значение.

Шел 1935 год. Приехав на учебу в Уфу, будущий поэт вдруг затосковал по родным просторам. Неприкаянно бродил он по городским улицам и искал изредка наезжавших по делам односельчан. В душе его зрело твердое решение вернуться домой, в аул, и посвятить себя вековому ремеслу сородичей – растить хлеб. Нежданно приехал отец. Привез гостинцев, теплую овчинную шубу на зиму и запах родного очага. Он не удивился решению сына, не совестил и не корил его. Лишь покупая на вокзале два обратных билета, с грустью заметил: «Воля твоя, сын мой. А я-то думал, что и из нашего рода выйдет хоть один человек в большой мир». Отец, неграмотный башкир, вместо подписи ставивший тамгу в виде куриной лапы, вложил в эти слова тоску по знаниям и уязвленную отцовскую гордость за сына, первым из аула ступившего на тернистый путь науки. Чуткость ли подсказала это Мустафе, или такт отца обезоружил – один билет остался неиспользованным [554].

Тем родником, что стал истоком творчества М. Карима, являются вольные степные просторы, берега и воды реки Демы, «когда-то ставшей нежной и чуть грустной песней» русского писателя Сергея Аксакова... Это конечно же и родительская семья. В ней – многолетней, трудолюбивой, сохранившей еще родовые устои – царило высокое понятие о нравственности.

На глазах М. Карима происходили великие преобразования, которые потрясли весь мир. Еще в 1957 году он писал: «Я стараюсь окинуть мысленным взором всю мою республику от края и до края. На знамени ее теперь красуются два ордена Ленина. Это республика нефти и науки, металла и поэзии, хлеба и песни. В ее судьбе может увидеть, как в зеркале, свое будущее любая из колониальных стран пробужденного Востока. Истекшие сорок лет изменили облик нашей земли, изменили душевный облик народа. Его принадлежность к тем, кто начинал в мире новую эру, возвысила башкирский народ в его собственных глазах» [363].

Но чтобы все это стало возможным необходимо было произойти событие, которое получило название Великая Октябрьская социалистическая революция.

М. Карим много теплых слов посвятил этому событию. Не только в эпоху Советского Союза, но и в 90-е годы и в начале нулевых.

Вот несколько его мыслей на эту тему:

1957 год. «Что касается судьбы моего народа, то в предреволюционные десятилетия многие люди, посетившие наш край, участь башкир считали предрешенной. Одни беззвучно проливали над будущей могилой башкира притворные слезы, а у других вырывался глубокий душевный стон: “Пропадет башкир! Пропадет! Беспременно пропадет этот самый башкир!” – писал Г.И. Успенский, побывавший в 1889 году в Башкирии. Он звал спасти погибающего.

Спасла башкирский народ социалистическая революция, вихрь которой засыпал заранее вырытую самодержавием могилу. Да и в самом народе еще не иссякли его жизненные силы. С зачарованием исцелившегося он посмотрел на мир, на завтра. Его свободные руки приобрели богатырскую силу, его проясненный разум понял, что удел человека на земле – это счастье, и оно рождается в борьбе и деятельности. И мой народ стал бойцом в великой армии свободных народов и прилежным тружеником в рабочем строю» [363].

1960 год. «Самое великое из всех нашей революции – это исцеление человеческой души, признание за человеком права творца и хозяина земли.

Судьба людей труда веками складывалась так: когда они на жалких клочках земли, оросив их своим соленым потом, выращивали свой хлеб, их уводили уничтожать хлеб подобных им же хлеборобов. Когда они сколачивали свои немудреные жилища, их угоняли, чтобы предавать огню жилища других. Когда вырастали сыновья, то сыновей посылали на поле брани, чтобы убивать чужих сыновей или самим быть убитыми. Натруженные руки создавали добро десятилетиями, а дух разрушения, который подчинялся злой воле пресыщенных, праздных людей, отдавал это добро на пожирание огню и мечу.

Социалистическая революция с того заветного октябрьского утра низвергла культ разрушения, утвердила культ созидания» [373].

1962 год. «Лишь одно скажу. Двадцатый век – мать коммунизма. А мать и ее любая добродетель всегда достойны высокого почтения» [375, 144].

1988 год. «Я безмерно горд тем, что живу в великой стране, что мое большое Отечество является родиной, отчим домом социализма, что оно идет по главной дороге истории» [393, 346].

1999 год. «Как напоминание о самой простой непреложной истине не устану повторять, что Великая Октябрьская революция для башкирского народа стала не просто новой вехой, а почином новой эпохи, открывшей самые благоприятные условия для проявления и реализации издавна накопившейся созидательной энергии. Это бесспорно. Начиная, к примеру, с национального театра до национальной государственности, с детского букваря на родном языке до национальной Академии наук – все это постреволюционная реальность. Тут доказывать ничего не нужно, просто не следует забывать или лукавить, что не помнишь. Переписчики истории, сколько бы ни усердствовали, чтобы затуманить память о нашем многоликом, многодумном советском прошлом, приписывая ему только роль злостного разорителя, правду о нем оспорить не смогут» [402, 445–446].

1999 год. «Мы грешили бы против истины, если бы умаляли огромное значение Великой Октябрьской революции для судеб башкирского народа и других народов нашего края» [402, 457].

В 1957 году из-под пера М. Карима появилось стихотворение со звучным названием «Я свидетель тому». Да, он был свидетелем тех разительных явлений, которые и происходили в стране.

*Свидетель я тому, товарищ,
не забудь,
Что в тот же час, как я вступил
на землю,*

*Я знаю Азию. В Европе я бывал,
Я много видел прелести
нездешней.
Деревни стран других, как книги,
открывал,
Но лучше всех моя. И ближе всех,
конечно! [362]*

Разве не является правдой это вот утверждение поэта: «Коренные изменения произошли во всем образе жизни, в частности, в деревенском укладе. Небывалый подъем социалистического сельскохозяйственного производства привел к значительным успехам в борьбе за изобилие продуктов. С каждым годом богаче и красивее становится одежда людей, радостнее человеческие лица. Глаза и душу радуют обновленные колхозные села. Не хлеба и сахара, не ситца требуют теперь сельские избиратели при встрече со своим депутатом, а просят, чтобы побольше присылали им хороших книг, грампластинок, телевизоров и пианино. Сельские жители хотят, чтобы коллективы профессиональных оперных и драматических театров выезжали в колхозы и совхозы и показывали там свои постановки. Нужно сказать, что такие выезды у нас становятся уже традицией» [493].

«Да, от этой истины никуда не деться: Мустай Карим жил в согласии со временем», – сокрушается В. Лукьянин [311, 148]. Это так! Но разве можно согласиться с его утверждением, что М. Карим «без видимых колебаний принимает официальную мифологию (???)», в свете которой Октябрьская революция и последовавшие за ней социалистические преобразования предстают цепью благодеяний, оказываемых народу со стороны партии, правительства, вождей. А раз принимает, то и закрепляет ее весом своего авторитета, силой таланта» [311, 146].

Далее сей аналитик делает упрек М. Кариму: «Благодеянием рисуется и коллективизация. “Она ворвалась в быт аула неожиданно и стремительно, как весенний разлив. Иные, как зайцы на затопленном острове, метались, а другие, как олени, пустились вплавь, ища невидимого берега. Но немало было людей с пылким сердцем и здравым рассудком, которые понимали ход событий и предугадывали их исход”. Понимали, «что перемены в укладе деревенской общины неизбежны, что они вызваны жизненной необходимостью» [311, 147].

На следующей странице этой статьи читаем: «Не ищите в моих словах ностальгию по “славному” прошлому. Путь, которым мы семь десятилетий пытались идти к социализму, не оправдался, это, по-моему однозначно» [311, 148].

В. Лукьянин и прошлое наше не принимает, взяв в кавычки слово «славный», и путь, пройденный за 70 лет, считает никчемным.

Митрополит Вышегородский и Чернобыльский Павел искренне признался: «Благодарю Бога за то, что родился в советское время» [464, 14].

Своеобразным ответом на эти обвинения звучат и слова М. Карима: «Дать всему свершенному полную и трезвую оценку, успехами не упиваясь и, как говорится, недостатками не убиваясь, суметь проститься с прошедшим по чести-достоинству и твердо пожать руку будущему – так, наверное, и должен человек строить свои отношения с временем...»

Лад и гармония жизни вырастают из искренности и естественности этих отношений» [382]. М. Кариму также принадлежат слова: «Если спросите, когда у нас было самое хорошее время, думаю это 50 лет после Великой Октябрьской революции. Не было периода лучше» [304].

В 1976 году поэт впервые говорил о советских пятилетках, находя интересное сравнение: «Время исчисляют и тысячелетиями, и столетиями, исчисляют и пятилетиями. В моей памяти, в моей сознательной жизни пятериками пронесшиеся годы отмеряли не столько время, сколько отмеряли труд – уже свершенный страной и тот, что будет свершен. **Еще в детстве ПЯТИЛЕТКА в моем представлении вырисовывалась большой, сильной пятипалой рукой** (выделено мной. – *И.В.*). Эта могучая рука строила заводы, строила шахты, возводила мосты» [382].

Тогда страна прошла девять пятилеток и вступила в десятую. «Это, – писал М. Карим, – сосчитать быстро да просто. А ведь сколько поколений в них положило силу рук, надежды, горения ума и сердца! Давайте оглянемся: люди скольких поколений забывали о своих нуждах, о своем благе, все свое терпение в единый кулак, в единое устремление сжимали, все отдавали для дней наступающих, для поколений нарождающихся. Они считали своим святым долгом изобилие, радости оставить другим. И потому они, знавшие цену страданиям и славе работники и борцы первой, второй, третьей и последующих пятилеток, не остались там, у подножия моста. Они сегодня вместе с нами вступают на него...» [382].

Здесь, имея в виду замечание М. Карима: «**На пройденный путь невозможно не смотреть глазами своего поколения, своего народа. Нет точнее их взора**» (выделено мной. – *И.В.*) [226], обратимся и к этим его строчкам: «Вспоминаю тот год, когда за нашим колхозом

закрепляли земли на вечное пользование. На майдане шло собрание: выступил обычно немногословный старый Шарифулла.

– До революции у меня не было «души», – сказал он, имея в виду землю, – ее не было и у моих братьев. Сестрам, матерям вообще «душ» не полагалось. И я жил без земли. Наши «души» мой голодный дед за бесценок распродал баям еще тогда, когда нас и не было на свете. Взамен нашей земли он получал вечную нищету – не только для себя, но и для потомства; ее – этой нищеты – хватило бы до самого конца стояния мира, если бы не революция! Что мужик без земли? Птица без гнезда! Революция вернула землю хлебопашцу, и теперь Сталин говорит нам, мужикам: «Вечно трудитесь на этой земле – будете вечно счастливыми».

Мне помнится и другое: как тот же Шарифулла, заложив ладони за пояс, вышел послушать веселое гудение трактора, ступившего на нашу ковыльную степь. Как улыбался всеми своими морщинами Шарифулла первой прямой – черной-пречерной – борозде! Прозветлевшие глаза пастуха увидели, как сменились узкие полоски жалких наделов зеленью бескрайних колхозных полей» [342].

О разительных переменх в деревне М. Карим вел искреннюю беседу во многих своих статьях [340; 350; 355; 366 и др.].

«Хозяином труда был бай, хозяином мысли – бог. А все же счастье нужно было человеку. Он много веков ждал, что его принесет огнекрылая птица.

Той огнекрылой птицей была наша великая революция. Но и она в один миг не осыпала всю страну счастьем. Она освободила от рабства руки и мысли, сделала человека хозяином своего труда, а значит, и своей судьбы. Свободный человек через многие годы борьбы и лишений шел к своему сегодняшнему и грядущему счастью.

Очень много нужно человеку для подлинного счастья, неизмеримо больше – для счастья целой страны. Нужно было перепахать всю пашню народной жизни, засеять ее семенами надежды, братства, любви. И воскресший народ сделал это. Отныне человек стал полон веры и любви к другому человеку» [363].

В эпоху М. Карима, как он утверждал: «Творческая энергия народа делает чудеса, она разгадала тайны нефтеносных глубин в наших степях, научилась создавать наихитрейшие машины, лучше выращивать хлеб» [175].

По Мустаю Кариму, каждая весна «порождает новые желания и надежды. И, конечно, сбудутся они, становясь деяниями, подвигами, победами. Эти желания превратятся в горы золотого хлеба на полях,

в молочные реки на колхозных фермах, поднимутся новыми заводами и домами, пролягут дорогами, станут новыми машинами, путевками на курорты, аттестатами зрелости. Оправдается и самая большая надежда каждого советского человека: и завтра будет наше небо ясным, земля – спокойной, глаза – без печали. Нет сомнения – так и будет!» [366].

В начале освоения космоса Советским Союзом писатель очень часто обращался к этой теме. Интересными являются его воспоминания о детстве с наблюдениями тех реалий, свидетелями которых он был. «На этом, – писал он, – знаменательном рубеже времен, когда земная материя в своем полете в космическую бесконечность обогнала самую дерзкую фантазию, я часто вспоминаю тревожные мечты детства. Они уводят меня в те далекие дни, когда ребячья душа была закрыта туманом легенд о всемогущей силе неба, когда доверчивые ребячьи глаза с мольбой глядели в таинственные звездные дали. Особенно тревожило душу такое поверье: в двадцать шестую ночь святого месяца Рамазан небо на мгновение раскрывает свои веки и излучает ослепительный свет. Кто увидит этот яркий свет и успеет загадать желание, тому суждено полное его исполнение.

А кто же не хочет исполнения своих желаний? Поэтому однажды мы – восьми-девятилетние сверстники – в прохладную весеннюю ночь до вторых петухов лежали на крыше сарая, не отрывая глаз от темного неба. Все желания были у нас наготове. Только исполнитель почему-то забыл на нас взглянуть» [369].

Весь мир восхищался победами СССР в освоении космоса. Восхищался и Мустай Карим. «Теперь, – писал он, – страна набирает новый разбег. Ощущение полета – особое ощущение. В нем и радость, и гордость, и мужественная тревога. Дело ведь не только в межпланетной ракете, не только в размахе наших дел. Дух захватывает оттого, что нет предела размаху души советского народа, нет предела полету мысли народного гения. Эпоха завоевания второй космической скорости совпала с эпохой высокой скорости продвижения к коммунизму – в делах, мыслях, желаниях» [369].

В статье «Мудрые уроки» писатель описывает как его земляки наблюдали за нашим спутником и восхищались теми изменениями, которые произошли после Октября: «В те дни, когда вокруг Земли начал кружиться наш первый спутник, я был в ауле. Тихим, ясным осенним вечером большая группа колхозников стояла на пригорке на берегу реки Сармасан. Люди знали, что вот-вот над аулом должен пролететь спутник. Учитель местной школы громко и подробно

объяснял, как был запущен спутник и почему он не падает. Кто-то перебил его:

– Все это мы слышали по радио. Давайте лучше помолчим. Может, звук услышим.

Все оглянулись на перебившего беседу. Это был старый человек в мохнатой заячьей шапке.

Тихо опускались густые сумерки. Вдруг пронзительный мальчишеский голос известил:

– Вон с хвоста Большой Медведицы звезда оторвалась!

Хвост Большой Медведицы был цел. А в небе действительно летела звезда. Не падала, а летела.

– Пльвет, будто в твоём море-океане... И не качается.

– Тихо! Может, звук услышим.

Звука, конечно, не услышали. И спутник медленно утонул во вселенском тумане. Люди шумно не восторгались и шапок в воздух не кидали. Это чудо будто они сами сделали, и поэтому им казалось неловким быть несдержанными в выражении своих чувств. К тому же ведь особое восхищение вызывает то, что сделано другими. То, что сделано добротой тобою самим, порождает иное чувство, скорее всего, гордое чувство достоинства. Мне казалось, именно с этим чувством начали расходиться аулчане. Лишь старик в заячьей шапке остался стоять неподвижно. Я молча подошел к нему.

– Да, времена... Да, люди... – сказал он. – Ни молитв не читают, ни песен не поют, все принимают, как должное. В этом их сила. Стало быть, и мудрость...» [375, 144–145].

А ведь около 40 лет до этого в ауле был забавный случай. Об этом рассказал один из историков деревни: «На моих глазах в этом ауле однажды был дикий и смешной случай. Темной ночью какая-то старуха увидела, как на конце Верхней улицы, вот там, на бугре, упала звезда. Потом еще, еще падали. В страхе она закричала на весь аул: “Боже! Пришел конец света! Люди, спасайте свои души!”

Сонные люди высыпали из домов на улицу. Действительно, на конце Верхней улицы стремительно падали звезды одна за другой. Охваченный ужасом, весь аул встал на ноги. Плакали дети, причитали женщины. Старики, бормоча молитвы, направились в мечеть. Явился мулла. Устроили молебствие. Тем временем звезды падали и падали.

Кто-то из смельчаков отважился пойти на тот бугор. Там, оказывается, затейник Сабит, сын самого муллы, привязал к концу колодезного журавля фонарь, обернутый в желтую тряпку, и то опускал

его, то поднимал. Испуганным суеверным аулчанам было недосуг разобраться в том, что падает, что поднимается. Когда обо всем этом узнали собравшиеся в мечети, то, обезумев, побежали на Верхнюю улицу, чтобы наказать Сабита. Но Сабит, вовремя скрылся в лесу. Однако же вскоре его нашли и избили до полусмерти. Всего лет сорок, как случилось это.

Вот времена... Теперь люди сами делают звезды и пускают их, куда хотят. И не удивляются. И молитв при этом не читают. Оно, пожалуй, так и надо. А все же иногда не помешало бы посмотреть на этот же спутник с расстояния сорокалетней дальности. Оттуда сюда. Тогда она, наша звезда, покажется еще больше и ярче. Это не то расстояние, которое уменьшает. Это нечто другое» [375, 145].

М. Карим находил удивительные слова о достижениях Башкортостана в послевоенное время. «Невиданно, – писал он, – расширилась сфера общения Башкирии со всем большим миром. На ее заводах выполняются заказы Индии и Румынии. За опытом едут к нам французы, китайцы, вьетнамцы. Мои земляки выезжают в зарубежные страны. Уфа дружит с румынским городом Бакэу. Представители этих городов ездят друг к другу в гости. Мой друг, нефтяник Степан Иванович Кувькин, был одним из руководителей Советского павильона на Брюссельской выставке» [369].

Поэт мастерски описывал гармонию природы Башкортостана и изменение жизни башкир. «От скалистых, – писал он, – уральских хребтов до песчаных степей тянутся просторы моей республики. В наших горах бьют горячие ключи, по ущельям бегут бурные Караидель, Сакмара, Юрюзань – бегут и ведут за собою множество своих младших сестер, а по плодородным долинам медленно движет свои струи славная седая Ак-идель и задумчивая, прелестная Дема. От вершин гор до равнин на сотни километров тянутся дремучие леса. Раньше лес давал только лыко на лапти, лучину для “света”, бревнушки для хилых избенок. Горы и степи, веками немые, ныне, открыли башкирам несметные сокровища, хранившиеся в недрах, – почти всю менделеевскую таблицу.

Земные глубины открываются только вольному человеку. Только вольный советский человек мог так быстро создать промышленность.

Наши нефтяные промыслы, оснащенные сложной советской техникой, явились подлинным университетом башкир» [342].

М. Карима радовало то, что у Западных и Южных склонов Уральского хребта была создана нефтяная база. «Иная, – отмечал

поэт, – здесь идет жизнь. Там, где недавно только кочевал мой народ, его республика обогащена развитием индустрии, добычей ископаемых, мощной машиностроительной промышленностью, башкиры готовят механизмы для нефтепромышленности, моторы для комбайнов, электроизделия, разные станки. Свиток новой жизни моего народа только разворачивается» [342].

Думается, читателям, особенно молодым, будут интересны вот эти свидетельства М. Карима: «В 1950 году 2400 колхозов республики получают свои фабрики света. И, видимо, недалеко уже то время, когда с помощью электричества, на котором кипятим чай (мы очень любим этот напиток!), все наши башкирские хлеботорбы будут выполнять трудоемкие сельскохозяйственные работы – пахать, косить, убирать урожай, орошать землю Башкирии.

Да, мы смело мечтаем о передовой технике. О ней говорит нам радио, оно вошло в наш быт, и башкиры его называют “советчиком жизни”. Далек видны теперь на ночном колхозном стане частые электроогни многих наших аулов, в том числе и аула Мракова, который своим наименованием не только символизировал быт, но, можно сказать, вполне реально его определял. Теперь в этом богатом советском ауле все говорит о новом, новым дышит. Звуки радиоприемника слышны в той же, недавно седой, ковыльной степи. И уже никто не вспоминает единственное место развлечения – кабак, освещенный “моргасиком”, тусклой малолинейной лампочкой.

В Мракове – средняя школа, педучилище, гидроэлектростанция, амбулатория, радиозузел, библиотека, шесть магазинов. В Мракове – новые люди» [342].

На вопрос: «Вы вспоминали о довоенном времени?», поэт ответил: «На войне мечта была – приехать домой и жить, как до войны жили. Мы же всегда скудно жили. А перед самой войной жизнь наладилась, неплохая была. В 39-м году сельхозвыставка открылась, это ж все-таки не только показное было, это же достижение было! Нельзя верить тем, кто говорит, что все у нас было показное! Было что показать! Показное – если есть что показать.

Вот меня студентом послали на эту сельхозвыставку. Мне было 20 лет, первый раз в Москву попал. Что я увидел? Это же целый городок, сказка. Это достижения были» [436].

А в 2004 году он вспоминал: «В детстве Уфа была для меня недоступной, чужой и очень манящей. Сознательная моя встреча с ней состоялась в 1928 году. Я тогда ночевал в училище наборщиков на улице Егора Созонова, где дворниками работали наши кляшевские

муж с женой. Помню, в магазине на Ново-Мостовой я купил пряники. Недавно зашел туда и говорю девушкам-продавцам: “У вас нет таких вкусных пряников, какие я в детстве здесь покупал...”

Потом где-то в 4-м классе нас привезли летом в Уфу на экскурсию. Я благодарен нашим малограмотным учителям, которые понимали, как важно детям общение с большим городом. Это сейчас Кляшево – считай, Уфа. А тогда добирались сложно: пешком – до станции Юматово, потом поездом до города. Поселили нас на улице Худайбердина в детском доме» [36, 15].

После известного XX съезда КПСС поэт писал: «Мне хочется на нескольких фактах показать, с какими достижениями и заданиями вошла в семилетие моя родная Башкирия. Она закрепила за собой одно из первых мест по добыче и по переработке нефти. Бывший “угасающий край”, край мрака, вырабатывает сейчас света не меньше, чем вырабатывали все электростанции России до революции. Одна ГЭС на реке Уфе, строительство которой подходит к концу, будет сильнее всебашкирского табуна коней старых времен, когда он, этот табун, был, кстати, немалочисленным. Созданы такие условия, что в 1965 году добыча нефти увеличится более чем в два раза.

Башкирия является одним из крупных центров химии и машиностроения, угля и металлургии. Республика входит в семилетие, освоив полмиллиона гектаров целины, выстроив только в минувшем году многие сотни тысяч квадратных метров жилья, сделав значительные сдвиги в животноводстве. Красивее стали одежды на людях, веселее стали улыбки на лицах. Это очень важно» [6].

Хочется спросить у тех, кто поливает грязью эпоху М. Карима и критикует поэта за его отношение к своему времени, разве всего этого не было?

После разрушения СССР капитал мгновенно стал демонтировать социальные завоевания, достигнутые благодаря советскому примеру, и как сейчас богачи спасаются от кризиса, беспощадно обдирая народ.

Героями Октябрьской революции стали восставшие рабочие, матросы и солдаты (переодетые в шинели крестьяне), руководимые большевиками-ленинцами. Отношение российской интеллигенции к революции было разным и противоречивым. Часть, близкая к народу (М. Горький, С. Есенин, А. Блок, В. Маяковский, многие ученые), поддержала ее, другая часть не приняла и подалась в эмиграцию. Но впоследствии, увидев созидательный характер Советской власти, многие пересмотрели свою позицию, вернулись на Родину и приняли активное участие в строительстве новой жизни. Среди них были писатели:

А. Толстой, А. Куприн, А. Белый, поэтесса М. Цветаева, композитор С. Прокофьев, художник И. Билибин, профессор международного права Ю. Ключников, царские генералы, выдающийся военный теоретик Л. Славцев.

Не принял революцию, как известно, и писатель В. Короленко, но в отличие от И. Бунина он остался в новой России и отказался от предложения Советского правительства выехать за границу на лечение. Обоих гуманистов, и не только их одних, напугал вырвавшийся наружу гнев долго подавляемого и угнетаемого трудового народа, неизбежные жестокости и эксцессы революции. Но, увы, революции в белых перчатках не делаются.

В развернувшейся исполинской схватке сошлись ожесточенно сопротивляющийся старый мир и рождающийся в муках мир новый. Это хорошо понял поэт А. Блок. В своей статье «Интеллигенция и революция» он писал: «...Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ – паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрешится вековая распря между “черной” и “белой” костью, между “образованными” и “необразованными”, между интеллигенцией и народом?» [18].

Можно только восхищаться чуткостью Блока, который уже тогда сумел разглядеть в большевиках силу, способную спасти страну. За какие-то несколько месяцев 1917 года Россия фактически перестала существовать как единое целое. И дело не только в сепаратистских настроениях на окраинах страны. Самое страшное заключалось в том, что тело государства распадалось на мелкие кусочки. Прежде скреплявшие их законы, административное устройство и т.д. исчезали, сильно ослабили в условиях экономического и политического кризиса моральные скрепы. Расцвел бандитизм, началась молекулярная гражданская война – сведение старых счетов. Россия из единой страны превращалась в конгломерат почти не связанных между собой сел, волостей, общин, каждая из которых выживала, как могла. Ни одна из политических сил не имела ни физических возможностей, ни морального авторитета, чтобы остановить этот смертельно опасный распад.

За исключением большевиков.

Александр Блок стал одним из немногих представителей творческой интеллигенции, кто с такой радостью встретил Великую

Октябрьскую революцию. Он долго ждал ее приход – настоящей, не искусственной революции, которая должна была открыть новую страницу в истории столь любимой им России, спасти ее от, казалось бы, неминуемой гибели.

Тогда-то и проявились во всей своей силе талант Александра Блока как писателя и его честность как человека, гражданина своей Родины. В круговерти революции, уничтожавшей старый, такой привычный и родной для интеллигенции мир, он не дал личным лишениям затмить истину, которая заключалась в том, что революция, какой бы на первый взгляд жестокой она ни была, явилась закономерным следствием истории страны последних десятилетий, следствием слепоты и глухоты образованного слоя. Массы, которые держались в невежестве, над которыми измывались, обирая до нитки, стегали кнутами и вздергивали на виселицах, заставляли умирать на фронтах бессмысленной войны, поднялись, чтобы, наконец, сказать свое собственное слово. Да, это слово грубо и неотесанно. Но откуда ему быть другим? Что сделала интеллигенция, чтобы это слово не было грубым? Она не сделала ничего, а потому обижаться на народ, клясть его последними словами, начать ненавидеть его – глупое и трагическое заблуждение.

Хотя уж у кого-кого, а у Блока были, казалось бы, причины, возненавидеть и народ, и революцию. В ноябре 1917 года крестьяне сожгли родовую усадьбу его семьи в Шахматове. Милое сердцу Шахматово, с которым связано так много светлых воспоминаний детства и юности! Но вызывало ли в его сердце это событие ту ненависть, что затем гнала многие тысячи не принявших революцию людей в эмиграцию, тот злой зубовой скрежет, что заставил Бунина создать «Окаянные дни»? Нет. С удивительной беспристрастностью именно тогда, в конце 1917 – начале 1918 года, Александр Блок создает свои, наверное, величайшие произведения – статью «Интеллигенция и революция», поэму «Двенадцать» и стихотворение «Скифы». И твердо заявляет о намерении остаться в России и сотрудничать с новой властью. «Может ли интеллигенция работать с большевиками? – Может и обязана», – отвечает он на вопрос анкеты [280].

Вопреки стараниям некоторых «литературоведов», которые пытаются сделать себе имя на антисоветских «разоблачениях» и разглядывают в произведении некий скрытый антибольшевистский смысл, «Двенадцать» абсолютно согласуется с публицистикой Блока того времени, с отстаиваемыми им принципами и идеями. Действие поэмы происходит в замерзающем революционном Петрограде. Ее герои –

солдаты революции, представители социальных низов, «голытьба». В них не заложена «высокая культура», они, если взглянуть с точки зрения элитарных слоев, грубы и даже жестоки. Но эти солдаты – порождение старого мира, явившиеся, чтобы сломать его порочные своды (под которыми только и могут рождаться ущербные, грубые люди) и расчистить дорогу для пришествия нового мира.

Поэма «Двенадцать» стала, по сути, первым творческим откликом на Октябрьскую революцию. Откликом великим и пророческим. Сам Александр Блок впоследствии отмечал, что «Двенадцать» – это лучшее, что он написал. «Потому что тогда я жил современностью» [280].

На следующий день после написания поэмы «Двенадцать» Блоком было создано стихотворение «Скифы». В нем поэт словно заложил наказ нам – потомкам – беречь Россию, ее великую самобытность. Россия – это не Запад, у нее – своя историческая миссия:

*Мы любим все и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все –
и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Россия под руководством большевиков, бросила вызов этому миру, погрязшему в разврате и алчности. Она зажгла факел, который указал дорогу всем угнетенным Земли. А потому Запад со страшной злобой обрушился на Россию и ее революцию, стремясь задушить ее, лишить людей надежды на лучшую, справедливую жизнь:

*Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!
Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит...*

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию», – писал Александр Блок в вышеупомянутой статье «Интеллигенция и революция». Поэт слышал революцию, слышал «биения кармического сердца». Так услышим же и мы поэта! Услышим, чтобы понимать, чтобы действовать, чтобы спасти страну [280].

Н.А. Бердяев, один из противников Советской власти и большевиков, будучи высланным на «философском пароходе» с двумя

сотнями несогласных с социалистическим переустройством страны, признавал, что «Ленин и большевики спасли Россию». Мудрый был человек. Предсказывал, что «внезапное падение Советской власти без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляло бы... опасность для России и грозило бы анархией». Увы, так и случилось в результате контрреволюции 1991–1993 годов.

Задолго до октября 1917 года тот же Н.А. Бердяев предсказывал, что пролетарская революция – неотвратимая судьба России, ее шанс на возрождение. Октябрь 1917 года спас страну от грозящей ей тогда экономической и социальной катастрофы. Революция приобщила к созидательной жизни широчайшие слои населения, укрепила национальное самосознание.

Большевики должны были прийти к власти. Это сознавали наиболее трезвые, реально мыслявшие умы России. Душитель первой русской революции 1905–1907 годов П.Н. Дурново в двух записках императору Николаю II в феврале 1914 года и в декабре 1916 прозорливо предсказал, что ждет страну и правящий режим. То, что говорилось и писалось этим жестким, даже жестоким политиком, заслуживает внимания и сегодня. А кто-то слепо твердит, что во всем виноваты большевики во главе с В.И. Лениным.

На деле все было гораздо сложнее. Ленин и его партия оказались большими патриотами, чем Деникин, Юденич, Колчак... Не принято было цитировать выдающегося представителя царствующей династии Великого князя Александра Михайловича Романова, потерявшего в горниле революции и Гражданской войны более двадцати своих ближайших родственников. Между тем в заявлении к эпилогу своей «Книги воспоминаний», опубликованной в Париже перед самой его смертью, он писал: «Вершители европейских судеб... надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали к священной борьбе против Советов, с другой стороны – на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи». Ленин отстаивал Россию, ее территориальную целостность. Таково суждение ближайшего родственника последнего российского императора Николая II [290].

А вот какую беспощадную характеристику царскому режиму дал не признавший революцию В. Короленко: «...История сыграла над Россией очень скверную штуку. Россия слишком долго допускала у себя бездарное правительство и подчинялась ему. Это правительство держало страну без всякой политической самостоятельности. Прежний режим был слеп и не замечал со своей “диктатурой дворянства”, что он растит только слепую вражду. Он надеялся на слепое повиновение армии, забывая, что армия происходит из того же народа и что повиновение не всегда бывает слепо. И дошло до того, что армия же его и свергла...» [18].

Революцию в России приветствовали многие передовые люди Востока и Запада – Сунь Ят-сен, Дж. Неру, Р. Тагор, Р. Роллан, Г. Уэллс, Т. Драйзер, Дж. Рид, Л. Фейхтвангер, Г. Маркес и многие другие.

Первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль (Ататюрк) в 1921 году заявил: «Мне хочется с большой признательностью упомянуть о Великой Российской Революции, результатом которой является освобождение восточных народов, достижение ими свободы и независимости и вступление их на мировую арену, как это имеет место у нас» [18]. Представитель президента США У. Буллит в своем отчете о поездке в Советскую Россию в 1919 году свидетельствовал, что «во всех частях России открыты тысячи новых школ и Советская власть, по-видимому... за полтора года больше сделала для просвещения народа, чем царизм за 50 лет...» [18].

Читатель может удивиться, но большевиков поддержал и уплывший в эмиграцию великий князь Александр Михайлович Романов. Выступая в клубе Армии и Флота США, где речь шла о событиях в Советской России, в частности о выполнении первого пятилетнего плана, подчеркнув, что он прежде всего русский человек и потом только князь, заявил: «Россия больше никогда не опустится до положения мирового отстойника. Ни один царь никогда не смог бы претворить в жизнь столь грандиозную программу, потому что его действия сковывали слишком многие принципы, дипломатические и прочие. Нынешние правители России – реалисты. Они беспринципны – в том смысле, в каком был беспринципен Петр Великий. Они так же беспринципны, как ваши железнодорожные короли полвека назад или ваши банкиры сегодня, с той единственной разницей, что в их случае мы имеем дело с большей человеческой честностью и бескорыстием...» [18].

Новый мир под руководством Советской власти, утверждал М. Карим, самоотверженно строился всем народом в течение 75 лет.

Был заложен мощный фундамент советской цивилизации, которую выдающийся русский ученый А.А. Зиновьев назвал вершиной человеческой цивилизации. Интересны размышления одного из 33 советских диссидентов, лишённого в 1976 году советского гражданства, диплома доктора наук и звания профессора, высланного в Германию А.А. Зиновьева об отношении людей после Октября к быту и образованию. «Одной, – пишет он, – из величайших заслуг сталинской эпохи явилась культурная революция. Новое общество нуждалось в миллионах образованных и профессионально подготовленных людей. И оно получило возможность удовлетворить эту потребность в первую очередь. Это поразительный феномен: самым доступным для нового общества оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, – образование и культура. Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к достижениям культуры, чем дать им приличное жильё, одежду и пищу. Доступ к образованию и культуре был мощной компенсацией за бытовое убожество. Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить какое-то образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла бы остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как страшнейшая угроза этому завоеванию революции. Быт играл при этом роль второстепенную. И казалось, что образование и культура автоматически принесут бытовые улучшения. Для очень многих это происходило на самом деле и создавало иллюзию возможности того же для всех» [234, 55–56].

Он утверждает, что для «миллионов рабочих и крестьян было благом то, что принесла им революция и новая, коммунистическая система. Миллионы крестьян переселялись в города, приобщались к образованию и культуре, получали более легкие условия труда. Миллионы простых людей из народа становились мастерами, инженерами, начальниками. Дети рабочих и крестьян в огромном числе получали среднее и высшее образование, становились инженерами, врачами, учителями, профессорами, офицерами, чиновниками, учеными, артистами и т.д. Но их дети уже не были детьми рабочих и крестьян. У них уже были другие критерии сравнения и другие потребности» [234, 57].

По его мнению, революция 1917 года расчистила все препятствия на пути образования народа. «Новое общество, – отмечает Александр Александрович, – потребовало многих миллионов людей образован-

ных не только в смысле начального образования, необходимого для массы рабочих и мелких служащих, но и в смысле среднего и высшего образования, необходимого для стремительно растущего слоя механиков, инженеров, врачей, учителей, ученых и т.д. **Начался буквально ураганный процесс роста образованности общества. Он встал на свои собственные ноги, приобрел способность самоусиления и сам стал одним из основных источников прогресса. В истории человечества не было ничего подобного, что можно было бы сравнить с этим. Страна превратилась не только в сплошную стройку, но и в сплошную школу, техникум, училище, институт, университет. И основой этого урагана образования стала средняя школа»** (выделено мной. – *И.В.*) [234, 79–80].

У советского диссидента нашлось и другое сравнение. Читаем дальше: «Наша московская школа была уже обычной для тех лет. Не могу сказать, что такими были все школы. Но таких было много, настолько много, что их выпускниками покрывалась большая часть потребностей высшего и специального среднего образования. Кроме того, моя школа во многих отношениях была характерным явлением сталинской эпохи, гораздо более характерным, чем репрессии и ГУЛАГ» [234, 80].

Он очень убедительно рассказывает свои школьные годы: «Мои школьные годы были голодными. Минимум продуктов питания можно было получить только по карточкам. В школе дети из самых бедных семей получали бесплатный завтрак, а прочие могли кое-что покупать по сниженным ценам в буфете. Для меня эти школьные завтраки были весьма серьезным подкреплением. Были они, конечно, убогими. Но в дополнение к тому, что мне удавалось съесть дома, они сохранили мне жизнь. В школе мне также выдавали иногда ордера на одежду и обувь – особые бумажки с печатями, по которым я мог очень дешево купить рубашку, ботинки или брюки в особых магазинах. Несколько раз мне выдавали рубашки и обувь бесплатно. В школе постоянно организовывали всякого рода экскурсии – в зоопарк, в ботанический сад, в планетарий, в многочисленные музеи. Был драматический кружок, кружок рисования, музыки, танцев, рукоделия. Были спортивные кружки – гимнастики, плавания, лыж, шашек и шахмат.

Большинству учеников школа давала то, чего они не имели в семьях. Родители их были, как правило, плохо образованными. Они испытывали уважение к своим более культурным детям, надеялись на то, что образование выведет их детей на более высокий социальный

уровень. Тогда многие делали стремительные взлеты на вершины общества в самых различных сферах. Казалось, что это становится общедоступным. Выпускники школ практически все (за редким исключением) могли поступить в институты» [234, 80–81].

Однажды М. Карим обратил мое внимание на статью Л. Шарова «Письмо ангелу бездны» [573]. Она, по мнению М. Карима, поверхностная, тенденциозная, в ней много эмоций, но нет вразумительного материала для размышлений. Она полна злобы и желчи в адрес первого Советского правительства и его руководителя – Ленина и направлена на воспитание тех же злобных чувств в сердцах молодого поколения.

К слову, журнал «Смена», где опубликовал свой опус Л. Шаров, был основан в 1924 году как орган ЦК ВЛКСМ и у истоков его стояли лица, принадлежавшие, как прежде было принято говорить, к Ленинской гвардии.

Известно, что каждое действие строго вписывается в свои временные рамки и может быть понято и объяснено (оправдано или осуждено) временем, в которое происходило.

Какой исторический урок извлечет молодое поколение из публикации, составленной по схеме, например: Петр I – детоубийца, Екатерина Великая – мужеубийца?.. Автор упомянутой статьи следует этому принципу – эксплуатации голого факта. Публикацией статьи Шарова, дефектной по указанным мотивам, редакция журнала дезинформирует молодого читателя.

В последнее десятилетие стало модным предъявлять грехи Советской власти – грехи действительные и мнимые. Чем же объяснить столь повышенный интерес некоторых авторов к данному вопросу? Ответ напрашивается сам собою. Хотят разорвать преемственность поколений, вышибить историческую память, лишний раз бросив комок грязи в дедов и прадедов нынешних молодых, в предков, живших, творивших и борющихся в трудное, трагическое время. Хотят лишить молодое поколение кругозора и знания опыта предыдущих поколений при решении нагрянувших государственных задач. Хотят отвлечь внимание юных граждан от проблем и трудностей дня сегодняшнего, выпестовать из молодого поколения послушное стадо, которым было бы легко манипулировать. Цели, достойные иезуитов.

Игнорируя всякую объективность, выступая на словах против ненависти и злобы, якобы посеянных Лениным, автор своим изложением событий пытается подвести читателя к искомому выводу – неприязни, ненависти, злобе к Ленину и всему советскому.

Статья посвящена нелегкой судьбе молодой русской женщины и повествует о временах после окончания мировой и Гражданской войн. То, что героиня статьи православная, чистая душа, не могла понять, да и несправедливо было бы ставить это ей в вину, политику Советской власти, направленную на послевоенное восстановление разрушенной экономики страны, неудивительно. Удивительно то, что современный автор, юрист по образованию, повторяет оценку действий Советской власти, данную лицом наивным, неспособным подойти к оценке с государственной меркой. Не хочет, например, понимать разницу между конфискацией и грабежом. Не понимает наш юрист и того, что, выдвигая такие обвинения, он обязан иметь доказательства присвоения ценностей конфискаторами, а кроме домыслов и предположений, других доказательств нет. Вернее сказать, все прекрасно понимает наш «герой», но предпочитает скорее лгать, чем выйти из прокрустова ложа своего неприятия любых усилий Советского правительства по спасению страны.

Речь конкретно идет о конфискации церковных ценностей на основании постановления органа верховной исполнительной власти от 1922 года с целью оказания помощи голодающим Поволжья.

Но прежде чем вспомнить начало 20-х годов, вспомним Петровское время. Ломка старого уклада жизни. Реформы Петра. Нужда в материальных и людских ресурсах. Как же Петр I решает задачу? Школьнику известно: с церковных колоколен снимаются колокола для переплавки на пушки. Если же не лениться прочитать книгу Евгения Люфанова «Великое сидение» (в двух томах), то можно узнать более того: изымаются золотые, серебряные, медные предметы не только из монастырей и церквей, но и у богатых россиян для переплавки в звонкую монету. Вводится по царскому указу запрет на домовые церкви. Эта мера приводит к «безработице» среди священников. Петру I нужны были грамотные люди. Отсюда – запрет священникам совершать обряд венчания без свидетельства о том, что жених – грамотный человек.

Жесток был Петр с теми, кто оказывал сопротивление его делам. Трагедия отца: пожертвовать чувством к сыну ради блага Родины, как понимал его Петр. Все дела его были оценены сторонниками царевны Софьи и царевича Алексея как деяния дьявола, сатаны, исчадия ада, антихриста и т.д.

Вернемся, однако, в 20-е годы века XX.

Перед первым Советским правительством во главе с Лениным, правительством, признанным за рубежом самым образованным

в мире, задача стояла более широкая, чем спасение только голодающих Поволжья. Она заключалась в спасении страны, в спасении России. Проследим логику действий народного правительства в сложившейся обстановке. Помощь голодающим предполагала массовые закупки продовольствия либо за границей – за золото, либо внутри страны – за твердую валюту. Ни того, ни другого в стране не было. Решение частной задачи – помощь голодающим – требовало решения задачи общей – оздоровление всей экономической жизни страны. Ключ для решения той и другой – оздоровление прежде всего финансово-денежной системы, решать их приходилось одновременно, так как история не отпустила для этого никакого резерва времени.

Была разработана и осуществлялась в период 1922–1924 годов денежная реформа: появилась новая денежная единица – червонец, приравненный к 10 рублям, каждый из которых сначала частично (на 25%), а затем полностью (на 100%) имел золотое обеспечение в размере 0,774234 г чистого золота (в каждом рубле).

Золотое обеспечение денег явилось гарантией устойчивости валюты в период золотого стандарта. (В настоящее время золотого стандарта нет ни в одной стране мира).

Деньги снова обрели утраченные было функции меры стоимости и средства сбережения. Оздоровился товарооборот, производство обрело твердый фундамент, началось восстановление народного хозяйства на основе новой экономической политики (нэпа).

Стало возможным не только осуществлять массовые закупки продовольствия, но и приступить к осуществлению первого государственного перспективного народнохозяйственного плана по восстановлению и развитию народного хозяйства на основе сплошной электрификации, так называемого плана ГОЭЛРО, для разработки которого были ранее привлечены лучшие силы ученых и инженеров страны. Вопреки пессимистическим прогнозам, страна стала покрываться мириадами огней – «лампочек Ильича».

Проблемами внутренними не ограничивались заботы Советского правительства. Л. Шаров не случайно лишь вскользь упоминает о Генуэзской конференции 1922 года. Она заслуживает большего. Рассказ о ней позволит читателю понять, в какой сложной обстановке пришлось действовать первому Советскому правительству России.

На конференцию в Геную, посвященную финансово-экономическим вопросам, собрались представители западных стран. Туда же была приглашена и Россия. Россия и прежде привлекала Запад как источник сырья и рынок сбыта, а Россия была заинтересована в по-

лучении иностранных кредитов. До рассмотрения вопроса о кредитах прагматичные западные правители предъявили требования: вернуть национализированную Советской властью собственность иностранцам; оплатить долги царского и Временного правительств в размере 18,5 млрд золотых рублей; ликвидировать монополию внешней торговли (внешняя торговля является тем каналом, по которому богатства России уплывают на Запад).

Советская делегация эти наглые требования отвергла и, со своей стороны, выставила встречный счет в сумме 39 млрд золотых рублей за ущерб, понесенный Россией от оккупации западными странами ее территории.

Кредитов Россия не получила, зачета взаимных претензий как на Генуэзской, так и на вскоре последовавшей за нею Гаагской конференции произведено не было.

В свете изложенного видно, что оплата Россией царских долгов и долгов Временного правительства увязывалась Советским правительством с оплатой понесенного ею ущерба. Поэтому совершенно непонятной становится поступок Черномырдина касательно согласия оплатить непонятно какой долг и в какой сумме.

Итак, концентрация реальных ценностей в казне была непременным условием введения твердой валюты и как следствие этого – подъема экономики страны.

Пройдет совсем немного времени, позади будут годы Великой Отечественной и на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году самым посещаемым станет наш павильон. И это можно было тоже назвать своего рода торжеством советской цивилизации. Золотую медаль завоевала здесь наша машина «Газ-21» (первая «Волга»): признана лучшей легковой автомашиной мира. Золотой медали удостоился и первый в мире самоходный комбайн, созданный на Ростсельмаше. А главное – демонстрировались модель первой атомной электростанции и первый искусственный спутник Земли, вокруг которого в восхищении ходили буквально все посетители выставки. Это был суммарный показатель того, на что способна Советская страна.

В общем, мы имели основания гордиться и приумножать достигнутое. И действительно, определенное время успешно приумножали. Ведь все, что до сих пор «доит» правительство «демократов», создавалось в ту эпоху. Все без исключения!

«С историей не судятся»

Мустай Карим [402, 455]

Когда мы обращаемся к жизни и творчеству М. Карима, то не должны игнорировать отношение поэта к истории своей страны и к тому, как эта история искажается в последние десятилетия.

Мустай Карим однажды сказал, что 70 лет жизни СССР – большой путь, во многом еще не осмысленный [395]. И «осмысливают» этот путь страны нечистоплотные историки, журналисты, деятели разных мастей на свой лад.

«Они (либерал-радикалы. – **И.В.**), – утверждал В.Г. Распутин, – все делают для того, чтобы обогатить Россию, опорочить ее прошлое, оклеветать народ, вызвать в нас, простодушных, неприязнь к своему родительскому миру. Тут война, самая настоящая война, пока идеологическая, духовная, в которой поношение России стало оружием растления. Все ясно. На войне – как на войне» [155].

По мнению советского диссидента А.А. Зиновьева, «западная пропаганда нанесла сильнейший удар по фундаментальным принципам советской идеологии насчет преимуществ советского общественного строя и образа жизни перед западным. Под влиянием Запада произошло смещение интересов людей в сторону чисто материальных интересов и соблазнов. Негативные явления советского коммунизма стали объектом грандиозной антикоммунистической пропаганды на самом Западе и в Советском Союзе со стороны Запада. Капитализм не сошел со сцены истории, как предрекали Маркс и Ленин, а укрепился и вроде бы (в обывательском представлении и пропаганде) выиграл соревнование с коммунизмом именно в экономическом отношении. В Советском Союзе наметилась тенденция к экономическому спаду, тогда как на капиталистическом Западе наступило неслыханное процветание. Советские люди стали видеть обещанный коммунистами земной рай на Западе, идеализируя ситуацию на Западе и сверх всякой меры преувеличивая в своем воображении западное изобилие» [236, 251].

Александр Александрович обратил внимание на два фактора, сыгравшие важную роль в переломе во взглядах советских людей на Запад. Первый из них – «убожество профессиональной информации о Западе и неспособность советского идеологического аппарата противопоставить западной пропаганде достаточно эффективную

контрпропаганду. Советский Союз имел на Западе десятки тысяч своих профессионально подготовленных представителей в лице дипломатов, журналистов, шпионов, ученых и т.п. В самом Советском Союзе были бесчисленные учреждения и организации, занятые изучением Запада. Но эта гигантская армия “специалистов”, за редким исключением, оказалась сбродом халтурщиков, паразитов, невежд и хапуг. А гигантский идеологический аппарат, занятый пережевыванием потерявших даже идеологический смысл марксистских догм, не смог даже в ничтожной мере использовать в контрпропаганде материалы, которыми изобиловали средства массовой информации самого Запада и которые буквально вопили о преимуществах советской экономики перед западной» [236, 251].

По А.А. Зиновьеву, одной из этих факторов состоит в том, что «советские люди, допущенные властями до непосредственного знакомства с Западом, отбирались как представители привилегированных слоев и оказывались на Западе в исключительных условиях. Им не надо было добывать средства существования на Западе, искать работу, конкурировать с западными специалистами, приобретать жилье, платить налоги, беспокоиться о медицинском обслуживании, думать об образовании и будущем детей, трудиться в условиях западных предприятий, испытывать негативные следствия общения с соседями и коллегами по работе и т.д., т.е. они фактически не погружались в реальную жизнь западного общества со всеми его реальными кошмарами, о которых писали тысячи честных западных писателей и которые показывались в тысячах более или менее реалистичных фильмах, но которые советские люди просто не могли и даже не хотели замечать. У этих советских людей было гарантированное положение у себя дома (жилье, зарплата, медицинское обслуживание и т.д.). Они имели какие-то деньги от своего государства, а также в виде подачек от западных учреждений. Они эти деньги могли тратить, не думая о том, что на них надо жить в будущем. А если они тратили свои деньги, они их с лихвой окупали, приобретая в западных магазинах вещи, дефицитные в Советском Союзе. Они на Западе были в положении гостей и зевак, паразитов и спекулянтов. Для них пребывание на Западе было привилегией как для людей советских. Они видели тут то, что могли, что им позволяли видеть и что они хотели видеть в том качестве, о котором я только что сказал, а именно – изобилие вещей в магазинах, комфорт, прекрасное обслуживание и т.п., т.е. витрину, рекламу и поверхностные проявления западной экономики, а не ее основы, глубины, скрытую сущность. Они все это

сравнивали с тем состоянием, в каком с этой точки зрения находились их соотечественники в Советском Союзе. И все (почти без исключения!) делали вывод, будто рай земной, обещанный марксистами, на самом деле построен на Западе, а в Советском Союзе имел место “черный провал”. Поразительно то, что такой вывод делали не какие-то плохо образованные представители низших слоев населения, а образованные профессора, академики, дипломаты и даже лица из партийно-государственной номенклатуры» [236, 251–252].

Этот процесс, был уверен А.А. Зиновьев, захватил прежде всего высшие слои советского общества, высшее руководство и интеллектуально-идеологическую элиту. Кризис советского общества начал созревать на высотах идеологии и власти, а не в сфере экономики. И в числе его симптомов следует упомянуть потерю чувства и сознания гражданской ответственности перед своей страной и своим народом, а также потерю способности объективного понимания как советской, так и западной экономики даже на уровне обыкновенного здравого смысла, не говоря о высотах науки [236, 252].

Исходя из своего убеждения в том, что «для поэта история – не просто отрезок времени, но поток великих свершений народа» [393, 136], М. Карим отмечал: «Оглядываясь на минувшее только для заверения в том, что любой народ достоин самоутверждения и самооценки соответственно своему историческому пути, исторической судьбе. Эта самооценка не подлежит переоценке со стороны. Она окончательная. Она гласит: “Я весь такой. Прими меня, каков я есть. Я так же поступлю по отношению к вам”. Свои взаимоотношения народы должны строить, исходя из этого незыблемого фактора – самооценки нации, а не навязывать друг другу собственные оценки, как и собственную волю. Если бытие, нравственные и эстетические устои, культовые убеждения одних будут узнаны и понятны другими, то меньше останется места отчужденности, недомолвкам» [402, 442]. А еще раньше он говорил: «60-летний юбилей СССР – это всеобщее торжество и праздник каждого народа. Потому что на незыблемом фундаменте и под надежной крышей нашего общесоветского дома – Союза Советских Социалистических Республик – каждая нация ощущает себя уверенно и прочно, каждая нация или народность нашла там защиту своего родного слова и родной песни, обрела опору для подъема и утверждения своего, национального самосознания и формирования интернационального мировоззрения. Для того, чтобы чувствовать себя равным в дружбе нужно иметь собственное достоинство. Но для подлинной и бескорыстной дружбы этого недостаточно, этого мало. Нужно

ценить и уважать достоинство других, принимать в себя их радость и боль, сделать чуть больше, чуть лучше ради них, чем ради себя. На этом вершинном моральном принципе и держится наше социалистическое содружество. И наша Родина стала страной открытых дверей и распахнутых сердец. «Я из дома выхожу, как в свой дом вхожу», – говорит армянский поэт Геворг Эмин. В этих словах выражены социальное самочувствие советского человека, его внутренняя раскрепощенность, его вера в жизнь и благополучие мира» [175].

Мустай Карим относился к своей стране без предвзятого восторга и наносного скептицизма. Вот что он писал об этом: «Я теперь имею некоторый житейский опыт и могу смотреть на жизнь, на страну, на дела людей и исторические свершения вблизи и издали без предвзятого восторга и наносного скептицизма. Издали вижу я величие моей социалистической страны, особенно тогда, когда бываю в разлуке с ней. В какой бы стране я ни был, имя моей державы всегда шло впереди и вело меня. Когда смотрю вблизи, я вижу каждый новый узор на моей земле, драгоценные плоды вдохновения и труда моих соотечественников и, думая о них, радуюсь не шумной и мимолетной радостью, а испытываю чувство прочного, отстоявшегося счастья. А частые трудности и неполадки – детище нашей собственной расхлябанности и суеты – или малейшее неуважение к нравственным и идейным принципам социалистического общежития со стороны иных людей причиняют мне беспокойство и боль. Это, видимо, естественно. Пусть нас, стихотворцев, никогда не покидает святое беспокойство за дела наших сограждан» [393, 25].

Эпоха, которая отделяет нас от тех далеких лет, вместила народные трагедии и народный героизм, тупую серость концлагерей и гигантские стройки века, фронтовой героизм и фронтовое предательство – давайте все эти вещи не путать. Но давайте также и не поверим тем из новых недоумков, кто замечает, что в результате всех усилий построили нечто вроде «Верхней Вольты с ядерными ракетами».

Но рассказывая историю России, необходимо параллельно обращаться к наиболее ярким страницам мировой истории, чтобы показать читателю, что история России является всего лишь частью истории развития всей человеческой цивилизации. Разве можно пройти мимо борьбы американцев за свою независимость? Но одновременно необходимо рассказать о жестокостях Гражданской войны 1861–1865 годов между Севером и Югом. Кто сегодня, кроме специалистов, знает, что эта война унесла жизни 600 тыс. солдат и офицеров, и это при том, что население Юга составляло всего 9 млн человек (из них 4 млн

черных рабов), а население Севера – 22 млн человек, то есть все население США составляло 31 млн. А это значит, что в США военные потери во время Гражданской войны составили почти 2% населения, причем надо иметь в виду, что убойность оружия, которым воевали американцы, была существенно меньше, чем во время нашей Гражданской войны, когда погибло с обеих сторон 1,8 млн человек, то есть 1% населения (население Российской империи накануне революции с учетом населения Польши и Финляндии и без учета потерь в Первой мировой войне составляло 180,6 млн человек). Правда, в тылу от голода, болезней и террора белогвардейцев погибло более 6 млн человек из числа гражданского населения, но потери северян (около 360 тыс.) и южан (почти 250 тыс.) брались без учета потерь гражданского населения. Впрочем, специалисты лучше разберутся во всех этих цифрах. Важно другое – надо, чтобы каждый человек четко и ясно понимал, что любая революция без жертв не бывает. Поэтому попытки «демократов» демонизировать Великую Октябрьскую социалистическую революцию, последовавшую за ней Гражданскую войну и репрессии 1937 года – это беда не только России. Двадцатилетний великий математик Эварист Галледа был гильотинирован только за то, что он был аристократом. А сколько их, аристократов и священников, погибло под ножом гильотины, исправно рубившей головы на двух площадях Парижа? Даже каждый французский батальон имел переносную гильотину. А попробуйте сегодня посетить усыпальницу какого-нибудь французского короля. У нас ничего не получится, так как прах французских королей восставший народ выбросил на площадь перед Пантеоном, куда Людовик XVI перенес погребения всех королей Франции. Да и сам расстрел царской семьи не является исключительно российским явлением...

Но мы вовсе не призываем подавать весь этот материал как попытку оправдаться перед согражданами. Оправдываться должен тот, кто совершил преступление. Католическая церковь имеет гораздо больше оснований для покаяния за три миллиона жертв Инквизиции и за уничтожение индейцев Южной и Центральной Америки. До сих пор американцы не покаются за уничтожение индейцев при освоении территории нынешних Соединенных Штатов. А разве наша Православная церковь не должна покаяться за преследование и уничтожение старообрядцев, не принявших церковные реформы Никона и до сих пор сохранивших верность канонам старой веры? Но кто посмеет назвать преступниками руководителей и вождей Великой французской революции? Ведь недаром празднование 200-летия

Великой французской революции превратилось в торжество мирового значения. Один перечень почетных гостей чего стоит! А «Марсельеза» до сих пор является гимном Франции.

Среди академиков и докторов исторических наук найдется достаточно истинных патриотов России, для которых истина дороже всего. Вот и надо попросить их создать такой учебник истории, который бы стал для каждого из нас настольной книгой, а не очередной конъюнктурной подделкой под историю.

Также очень важно показать источники обогащения наших «новых русских» нуворишей, тем более что материалов на эту тему в прессе за последние годы было предостаточно. Но главное, пожалуй, заключается в том, чтобы доказательно обосновать гибельность возвращения России в капитализм. Не пора ли более подробно осветить документы конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году и в Амстердаме в 1996 году, на первой из которых тогда еще здравствовавший президент Франции Франсуа Миттеран заявил, что капитализм как система экономического развития общества ведет человеческую цивилизацию в тупик.

На торжествах по случаю 60-летия СССР М. Карим так оценил прожитое страной: «Позади 60 лет, которые не пролетели легкокрылой, порхающей стаей, их пронес наш народ на своих натруженных, порою – израненных руках. **Но они, эти годы, были великими и прекрасными**» (выделено мной. – *И.В.*) [175].

В. Лукьянин ставит в вину М. Кариму, что он «не вступал в конфликты со временем, но лишь потому, что время-то было не однородно, не однозначно. В его творчестве нашло поддержку все то, что в те трудные годы сохраняло связь с социалистическими идеалами; оно не мешало брежневскому руководству. Это, конечно, тоже можно истолковать не в пользу писателя, но вот что хотелось бы сказать по этому поводу. Кажется, мы достаточно убедились, переосмысляя сегодня историю нашей литературы, что попытки поставить творчество художника на службу политической злобе дня ни к чему хорошему не привели. Так почему ж нам так не удается и сегодня судить о творчестве писателя под углом зрения политической конъюнктуры, хотя бы и изменившейся? Политические прогнозы, политическая борьба – это все очень важно, но это, как говорится, из другой оперы» [311, 148].

Написав эти строки, В. Лукьянин противоречит самому себе, выводя эти слова: «А Мустай Карим – художник, и это качество его личности – прочный фундамент его авторитета, не зависящего от политической конъюнктуры. Не он нуждается в покровительстве

властей – им нужен его авторитет, отсюда – награды, премии, звания, хотя, в сущности, они мало что добавляют к звучанию собственного имени поэта» [311, 148].

Да, башкирский поэт имел полное право утверждать: «Мое поколение было свидетелем и участником великих свершений и очевидцем больших потрясений, свидетелем разумных и неразумных экспериментирований, но величавое течение нашей жизни, устремленное к высоким человеческим идеалам, к миру добра и справедливости, осталось неизменно наступательным, осталась неизменной наша вера в собственные силы» [393, 26].

Не только вышеупомянутый критик, но и некоторые другие бросали слова упрека в адрес поэта.

Но здесь уместно, думается, поставить вопрос: «Кто из деятелей культуры не отражал реалии своего времени?» Да, были редкие личности, вроде солженицыных, очернение своей страны было их профессией. А вот М. Карим в течение всей жизни не раз подвергал критике те или иные стороны жизни страны. Критиковал, а не очернял! Разница большая!

Когда немалая часть отечественной интеллигенции плясала на костях своей Родины, М. Карим и в 90-е годы, и в начале нулевых словом своим защищал историю Советского Союза!

Он однажды написал: «Теперь время другое. Но по духу и значимости оно требует от каждого, чтобы он почаще исповедовался перед своей совестью и обновлял присягу перед Делом Октября. Кто еще не успел по-настоящему присягнуть, пусть это сделает сейчас. С присягой надежнее» [393, 356]. До конца своих дней М. Карим остался верен этой присяге.

А сколько их было, этих критических строк в адрес советских властей. Интересующихся прошу обратиться к моей двухтомной работе «Мустай Карим – явление мировой культуры» [86; 87].

Здесь же приведем несколько примеров.

В своей статье «Светлая судьба моей республики», опубликованной в 1949 году, он писал: «Мне хотелось бы обратить ваше внимание еще на некоторые вопросы, решение которых плодотворно повлияло бы на улучшение работы по культурному обслуживанию населения. Не кажется ли, что несколько завышенно планируются доходы с учреждений искусства и культуры? По этой причине все еще высокими остаются цены на билеты в кино и театры. Также дороги билеты на выездные концерты, спектакли городских театров. Конечно, всем нам очевидно, что на идеологическую работу расхо-

дуются немалые средства, но они вполне оправданы. Простите за некоторые отклонения» [342].

Выступая на сессии Верховного Совета БАССР в 1960 году, М. Карим очень серьезно обозначил проблемы, стоящие перед республикой в области культуры.

«Настало время, – сказал он, – серьезно и по-настоящему решить вопрос подготовки кадров работников искусства и культуры для деревни. Теперь нужны не просто заведующие клубами. Необходимы квалифицированные руководители народных театров, струнных оркестров, хоровых и танцевальных коллективов, изостудий и т.д. Небывалая тяга масс к творческому участию в создании прекрасного настоятельно требует подготовки квалифицированных руководителей народных самодетельных коллективов» [493].

В те годы учебные заведения подобного рода были, но их было недостаточно. И по мнению М. Карима, «давали они до сих пор лишь кадры культурно-просветительного направления. По искусству же учащиеся получали поверхностные сведения. Кадры работников искусства для села могут и должны давать средние музыкальные учебные заведения и консерватории. В Башкирии, например, давно назрела необходимость открыть консерваторию. Для этого у нас имеются материальные условия, есть здание и все другое. Открытие консерватории способствовало бы новому подъему музыкальной и общей культуры республики» [493].

Хорошим подспорьем улучшения культурно-массовой работы поэт считал повышение материальной обеспеченности клубных, библиотечных и других работников культуры. «Пока, – говорил он, – эти работники остаются самыми низкооплачиваемыми. Клубный работник, например, получает 350 руб. в месяц. А ведь работа в клубе очень сложная, она требует много труда, заботы, времени» [493].

Если поэт больше говорил хорошее о своей Родине и меньше, скажем, вообще ее не поносил, то это от чувства благодарности: «Меня не покидает одно из самых красивых человеческих чувств – чувство благодарности. Оно у меня очень конкретное и очень обобщенное. Конкретно тем, что это чувство во мне (выделено мной. – И.В.). Обобщенно тем, что оно обращено ко многому – к нашей Советской Родине, к высокому знамени партии, под сенью которого просветлели и судьбы, и песни народов, к нашему народному правительству, для которого нет дела священнее, чем человеческое благо» [378].

В другой раз он писал: «Мы с благодарностью думаем о тех, кто в суровой октябрьской ночи раздул первый светоч, возвестивший

начало новой эры. Так наступило начало крушения последнего ледникового периода – периода рабства и несправедливости в жизни человечества. Лед уходит, а все великое и бессмертное, созданное человеческим гением, остается на земле как драгоценный дар прошлого будущему.

В то же время многие завоевания человеческого разума дошли до нас извращенными волчьим законом классового общества, подобно тому, как изуродованные варварами или беспощадной рукой времени дожили до наших дней прекрасные творения искусства Эллады и Рима» [307].

Все, что вышло из-под пера М. Карима, написано с позиции писателя, а это высокое призвание он понимал так: «Писатель – прежде всего убеждение, позиция, принцип – моральный, идейный, нравственный, человеческий. Без этого нельзя братья за перо. Я размышляю о судьбе великих предшественников. У них были заблуждения, поиски, разочарования, но главное – у них были убеждения, они видели свою цель в служении истине, значит, народу. Думаю, если твое творчество необходимо людям, стране, ты на верном пути. Я сейчас говорю и о моей позиции, позиции писателя – коммуниста, представителя своего времени, писателя, который не мыслит себя без повседневного общения с людьми» [402, 567–568].

М. Карим предлагал смотреть на прошедшее с некоторого расстояния, с высоты прошедших лет. «С высот настоящего, – утверждал он, – ясно видится прошлое, история. Но для того, чтобы лучше разглядеть и понять настоящее, не всегда нужно забегать вперед, скорее даже необходимо чуть отойти назад. Ибо панорама жизни, движущейся вперед, обращена к нам лицом. Будущее не судья настоящего, оно дитя его и всегда будет нуждаться в мудрых уроках минувшего.

Поэтому неплодотворными кажутся суждения тех людей, которые утверждают, будто через какое-нибудь столетие потомкам нашим, достигшим невиданного прогресса во всех отраслях жизни, многое из содеянного нашим временем покажется наивным, незначительным. Дескать, и на первый космический корабль они будут смотреть так, как мы сегодня смотрим, например, на обыкновенное колесо. Кстати, о колесе. Возможно, мы проявляем неблагодарность, когда каждый раз не склоняем благоговейно головы перед памятью того далекого безымянного гения, который согнул или вырубил первый неуклюжий деревянный круг. С него-то все и началось! До этого человечество пользовалось волокушами всех видов.

А лучше всего не вдаваться в рассуждения за людей грядущего. Они будут умнее и образованнее нас и лучше нас поймут, кому и чему обязаны они расцветом своего времени» [375, 144].

М. Кариму, как он признавался сам, всегда хотелось увидеть прошлое вблизи. «Чтение популярной исторической литературы, – писал он, – обозрение памятников старины, даже изучение ученых трудов этому мало способствовали. Расстояние во времени не сокращалось. Там все заключается глаголом “было”. Лишь художественная литература, воспроизводя события отдаленных эпох, вновь оживляя героев и мучеников минувшего, способна непосредственно приобщить нас к духовным истокам человечества, вернее, вселять в нас саму историю в образах. Она всегда утверждает “есть”. Разве все, что происходит в “Борисе Годунове” или “Спартаке”, в “93-м годе” или “Орлеанской деве”, не совершается на наших глазах и не сопровождается нашими страданиями и нашими озарениями? Поэтому мы не спрашиваем себя: “Когда это было?” Когда бы ни случилось – происходит сейчас, проходит через нас, став частью нашей биографии» [402, 476].

Справедливо, думается, утверждение о том, что поэт по духу своего творчества и жизненным ориентирам относился к тем деятелям культуры, которые несли и несут на своих плечах нелегкую ношу ответственности. Его не покидало чувство беспокойства за дела современников. Как отмечала М. Ломунова, «следуя уроку Горького, он сам постигает свою «таблицу человеческой радости и счастья», равно как горестей и печалей. Не устоявшееся, привычное, но – свое, каримовское приятие явлений жизни» [309, 37].

Говорят, что слова человека похожи на него самого. Думается, что это верно. Мустаф Карим в жизни, как и в своем творчестве, был прост в лучшем смысле этого слова. Никакой позы. Известность не сделала его ни спесивым, ни самодовольным. А это говорит о том, что он создан из настоящего материала, того материала, из которого жизнь лепит художников.

На вопрос И. Николенко: «Мустафа Сафич, а у вас лично хоть раз в жизни появлялся соблазн слукавить? Как вы с этим справились?», поэт ответил: «Бывало. Но не в собственную пользу, а с тем, чтобы человека не обидеть, утешить, поддержать, когда он потеряет надежду. Без такого лукавства невозможно. Но личной выгоды от этого не имел никогда. У меня есть Бог, он – внутри меня. Реальное выражение Бога – это моя совесть, и я уже давно молюсь этому Богу. И он мне позволяет слукавить другому в утешение.

Вы сказали, нельзя пропаганду вести прямую. Я слукавил, как будто вам подчинился. В душе – не подчинился. Я должен был говорить все, что хочу! Что за свобода слова такая?! Я мог бы сказать более откровенно, более внятно. А вы говорите, есть такой закон, что нельзя говорить» [444].

Мы должны прислушаться и к этим словам М. Карима: «Следует обо всем поразмыслить несуетливо. Щедро и без преувеличения воздать нашим победам, без пристрастия, гнев сердца согласуя с трезвым разумом, судить о наших поражениях. Победы наши и в созидательном труде, и в кровавой войне утвердили незыблемость, революционную сущность нашего бытия. Неоправданные потери стали источниками наших неурядиц и невзгод. От них невозможно просто отмахнуться: мол, что было, то миновало, хотя я вовсе не сторонник постоянного пережевывания промахов и ошибок прошлого» [393, 357].

Когда мы размышляем о правдивом отношении М. Карима к своему времени нельзя не вспомнить слова большого советского поэта Кайсына Кулиева. «Мне хорошо известно, – пишет он, – что Мустай Карим и в жизни остается таким же, каким он создает нравственный облик поэта в своих стихах. Он полный антипод тех, которые в книгах говорят одно, а в миру делают другое. Как хорошо, что к Мустаю никак нельзя применить ироническую восточную поговорку: “Делай то, что говорит мулла, и не делай того, что он делает”. В нерасторжимости слова и дела я вижу одно из счастливых свойств Мустая Карима. Ни в нем самом, ни в его стихах нет позы. Он прост, естествен, скромен в лучшем смысле слова. И в то же время его стихи сурово правдивы, он, никогда не лакирует жизнь, не учит своих братьев-людей глупому легкомыслию, не внушает им телячьего восторга, не считает жизнь легким делом, он знает, что все человеку дается трудом и потом, а нередко и кровью» [297].

Нельзя согласиться с утверждением о том, что сколько историков, столько и мнений. История одна, но изучают ее люди с разным уровнем нравственности и разным уровнем культуры. Кроме того, историки имеют дело с незаконченным процессом. История не может остановиться, она закончится, когда перестанет существовать человечество, а значит, если процессы незаконченные, то в их оценку будут вноситься коррективы. Ученые, изучающие физику или химию, могут проверить свои гипотезы с помощью эксперимента, все воссоздать в лабораторных условиях. А как быть с историей? Не дай бог ставить какие-то эксперименты на людях, может быть такой социальный взрыв, которых в истории мы знаем немало.

«Люди забывают не только мертвых, но и живых»

Мустай Карим [387, 156]

Мустай Карим как-то заметил, что минувшее нельзя пережить заново. Его остается принять как свершившийся факт, чтобы извлечь уроки [395].

Башкирский поэт «понимал логику времени, не сопротивлялся переменам, объективно принимал нашу действительность» [12].

В беседе с Г. Карпусь поэт особенно подчеркнул свою причастность к советскому прошлому: «... ни от одного периода своей жизни я не отказываюсь, никакого прожитого мной отрезка времени растаптывать не собираюсь. Я обрел зрелость, какие-то свои человеческие принципы еще задолго до войны. Первое стихотворение в пятнадцатилетнем возрасте написал на смерть Кирова. Это не было конъюнктурой. Просто я так тогда чувствовал» [540].

По свидетельству В. Лукьянина, Мустай Карим в эпоху «всеобщего славословия отнюдь не был розовым оптимистом. Он и тогда не понаслышке знал многие беды своих земляков – они нередко обращались за помощью к своему народному поэту и депутату, и он непременно хлопотал об их делах, не боясь, когда надо, и конфликтовать с властями предрержащими. Случалось получать его поддержку и литераторам, чье неосторожное слово в те годы порой оборачивалось нешуточным конфликтом; в редакции “Урала”, например, до сих пор с благодарностью вспоминают его энергичную телеграмму в адрес Свердловского обкома партии – он пытался ею спасти от несправедливых нападков повесть Н. Никонова “Старикова гора”... И все же, если судить без натяжек, Мустай Карим жил в согласии с тем временем, которое мы сегодня называем застойным» [311, 146].

Жизненный путь М. Карима проходил в разнообразные этапы развития страны. Он родился в эпоху, когда под руководством В.И. Ленина создавалось новое государство – СССР. В эпоху И.В. Сталина личность М. Карима формировался как поэт. Во времена Н.С. Хрущева М. Карим превратился в известного деятеля культуры. В годы руководства страны Л.И. Брежневым поэт стал всемирно известным деятелем литературы. Во времена М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина пережил, как и миллионы его соотечественников, трагедию разрушения

СССР и упадка России. И к каждому из этих руководителей страны у М. Карима было свое отношение.

Автор этих строк сегодня перед дилеммой: рассказать всю правду о том, что писал поэт об этих руководителях, значит, о власти в разных периодах истории страны или промолчать.

Если отнестись объективно к разным периодам жизни и творчества поэта, необходимо рассказать честно обо всем, что чувствовал М. Карим и что писал в течение всей своей жизни о стране и его руководителях. А это сегодня может понравиться не всем читателям. Но никто не сможет меня упрекнуть в том, что я несправедлив по отношению к памяти великого нашего соотечественника. А тех, кто сомневается в этом, прошу обратиться к моим книгам и статьям о Мустае Кариме [48–154 и др.].

Особое место в сердце и душе поэта занимал образ В.И. Ленина. Об этом он признавался в юности, в зрелые годы и в конце своей жизни. В 1998 году в статье «Пленен любовью» он признался, что Ленин был его поводырем [402, 547]. А до этого он писал: «В кремлевском кабинете В.И. Ленина растет пальма, посаженная еще в те далекие, трудные годы. На востоке пальму считают деревом долголетия, символом вечности. Тому, кто среди неотложных больших дел своими руками поливал юное растение, не суждено было жить долго. Он ушел от нас, оставив нам пальму вечности, только что пустившую тогда свои корни. Он ушел от нас, сам став символом бессмертия.

Нередко не только исторические события, но и целые эпохи встают перед нами в человеческих образах. Мы говорим, например, что Лев Толстой – это эпоха в русской литературе. Вся эпоха революционной ломки и вдохновенного созидания в нашей стране видится нам в образе великого Ленина. И это потому, что волей истории он помог возвыситься людям и народам, помог им подняться на невиданную высоту исторического прозрения» [369].

В личном архиве поэта хранится рукопись одного из его выступлений, где М. Карим справедливо утверждает: «...Башкирский народ свою письменность получил только после Великой Октябрьской революции, как говорят у нас в народе, получил он ее из рук Ленина и Сталина» [307].

Как исторический факт приведем ответ М. Карима в 1997 году на вопрос «Исторической газеты»: «Кто из государственных деятелей прошлого повлиял на Ваше мировоззрение? И каким образом?». «... Ленин и Петр Первый. В Петре я увидел могучий дух созидания

и наведения порядка в Отечестве. Что касается Ленина, то он с детства заменил нам пророка и вселился в нас» [402, 467].

Первую и неприходящую любовь у Мустая Карима к Ленину загла учительница. Вот как он об этом вспоминает: «...В небольшой комнатке ребятишек тридцать, от восьми лет до тринадцати. Все – первоклассники: в те годы кто когда хотел, тогда и шел в школу. Учительница Рабига-апай раздала всем по две тетради, по одному карандашу и сказала:

– Дети! Это – тетрадь. Это – карандаш. Вам их дал Ленин-бабай.

Еще никто из нас не получал в подарок тетради или карандаши...

Я взял тетрадки, взглянул на них, да так и застыл. От изумления. На обложке одной из них был знакомый рисованный портрет. Вон и с бревенчатой стены напротив улыбается этот же человек, в этой же самой фуражке. Но все же портрет на стене принадлежит всем, он общий... А у меня теперь – свой, собственный Ленин» [393, 7–8].

М. Карим признавался: когда он слышит имя Ленина, когда произносит его, он чувствует особую свободу духа, раскованность мысли.

Далее читаем: «Почему-то уже с детских лет мы никак не могли поверить в то, что Ленин может умереть. Потому и Мавзолей казался просто домом, где он живет. И когда мы рисовали Мавзолей, то многие рисовали его с окошками.

И только потом, через годы, я понял, что весь земной шар – дом, где он живет.

Еще шестнадцатилетним юношей я сделал удивительные для себя открытия. Улица Ленина в Уфе – не просто улица, это одна из немногих улиц его имени, по которой он сам проходил. Небольшой парк над Белой – не просто парк, здесь он встречался с соратниками, и на песке горбатых аллеек оставались его следы. А в этот домик с мезонином на углу улиц Достоевского и Крупской он писал письма, какие в юности писал каждый из нас. И потом, за границей, он часто думал: а что сейчас там, в этом доме, о чем думают, о ком грустят? Здесь жила Надежда Константиновна. Он приезжал сюда в последний год прошлого века. И, быть может, этот уфимский домик был одним из самых близких ему – какой дом может быть ближе, чем тот, где живет твоя любимая?

Он ходил по нашей траве, пил нашу воду, слышал нашу речь, наши песни, понимал – нашу боль и наши надежды. И через девятнадцать лет после того приезда он объявил о провозглашении свободной Башкирской республики, сам подписал тот священный для

нас документ. И, быть может, в этот миг, пусть как недолгий свет молнии, но блеснули ему воды Агидели, даль голубых холмов за рекой, долгие уфимские метели и короткие грозы, и домик, и свет в окошке мезонина. И, может, кольнула тоска по Уфе, как по самой молодости... Ведь тогда вот-вот должны были взметнуться “искры”. А теперь уже пылал великий очистительный пожар, и свет его падал на лицо вождя. И он думал: “Башкирская страна должна быть свободной”.

Нас влекут к себе и волнуют все памятные места, что связаны с именем Ильича... Через них мы особенно ясно чувствуем свою связь с великой судьбой, свою причастность к великому времени. Улицы Ульяновска и поля Кокушкина, залы Казанского университета и коридоры Смольного, дома Праги и шалаш в Разливе, дворцы Кремля и леса Подмосковья стали частью и моей духовной биографии» [393, 8–9].

«Домов Ленина», как пишет М. Карим, в мире очень много. Об одном из них писатель рассказал в статье «С первой весенней травы...»: «Это было в Вьетнаме, а год, когда кончилась война с французами. Мы приехали в одну деревеньку в семи-восьми километрах от города Вин. Хозяева радушно водили нас из дома в дом, оказывали почести, рассказывали о жите-бытье. А потом привели в самый достойный, уважаемый дом селения – буддийскую пагоду. Но, оказывается, хозяева привели нас не для того, чтобы представить святым, а чтобы показать то новое, что пришло в их жизнь.

В большей половине пагоды была устроена Ленинская комната. В красном углу висел портрет человека, очень похожего на Ленина, но с чертами лица вьетнамца, на стене – плакаты, вокруг стола сидели юноши и девушки и читали книги, газеты, журналы.

– Это что же? Зачислили Ленина в святые и внесли его в храм? – спросил я у своего спутника, который приехал со мной из Ханоя.

– Нет, – ответил он. – Эту пагоду все-таки строили не святые, и каменных божков не они сюда принесли. Все сделали люди. Простые люди. И они же выбросили отсюда и мифы, и будд... Они же внесли сюда его портрет, написали на этих плакатах его слова, читают его книги. Нет, здесь не молятся, сюда приходят за советом, за разумом.

– И все, же странно. В пагоде – Ленинская комната...

– Для вас – возможно. А для нас – ничего странного. Здесь вьетнамцы решают не только религиозные, но и житейские дела. В нихто Ленин теперь – главный советчик. А людей больше заботит все же не тот мир, а этот.

Некоторое время я молча думал: «Вот здесь, на краю земли, в хижине, крытой рогожей, сидя на песчаном полу, босые смуглые

мальчики и девочки пишут его имя на бумаге в первый раз – как когда-то писали мы. И все свои надежды, мечты связывают с ним. Мне хочется сказать этим детям: верьте, надейтесь, мечтайте. Все мечты, связанные с ним, с его делом, сбудутся непременно. Как сбылись наши...» [393, 9–10].

Проведем одну параллель с творчеством Мустая Карима и взглядами Расула Гамзатова, который отмечал: «Он (А. Солоухин. – *И.В.*) резко критикует Ленина. Но Ленин впервые прислал Дагестану мануфактуру, хлеб, шрифт. Он начал борьбу с невежеством. То есть много доброго сделал, за что я ему благодарен» [482]. «Вообще, – продолжает Р. Гамзатов, – я не люблю, когда Ленина учат как надо было вести политику, Жукова – как воевать, маму – как плакать, отца – как землю вспахивать. Я, может, и не состоявшийся поэт, но не люблю когда меня учат те, которые сами ничего не написали» [482].

А.Н. Яковлев пишет в правительственной «Российской газете»: «Господин Ульянов, больше известный широкой публике под фамилией Ленин, и господин Джугашвили, больше известный широкой публике под фамилией Сталин, создали в России по существу фашистское государство» [258].

Яковлев был академиком и эти подлые слова не являются заблуждением, это осознанная антироссийская диверсия. Он не может не знать, что «по существу» по всем главным признакам Советское государство было совершенно отлично от фашистского. Да и не в «господине Ульянове» дело – не может человек, даже гений, по своей прихоти создать государство совсем иного типа, если для него нет культурных и социальных оснований. Создать государство – это не иномарку купить.

Столь же подрывную цель преследует публикация в той же «Российской газете» статьи Л. Радзиховского в годовщину смерти Ленина. Статья низкопробная, глумливая, не имеющая никакой познавательной ценности. Главное в ней – трактовка государственности СССР через личность его основателя. Читаем: «Ленина в русской истории даже сравнить не с кем... Напрашивается разве что сравнение с Гитлером: тоже, исходя из утопии, создал небывалый в истории строй, “государство – газовую камеру”... Ленин же – это предтеча фашизма» [258].

О какой консолидации общества можно говорить при таких статьях в официальной газете? О какой легитимности государства РФ в мировом общественном мнении можно говорить при такой трактовке нашей истории? Ведь президенты и короли едут в Кремль из аэропорта по Ленинскому проспекту и на одной из центральных площадей видят

памятник Ленину. Они читают наши литературные и правительственные газеты, видят памятники и делают вывод: «РФ – фашистское государство» [258].

М. Карим был убежден в том, что образ Ленина, независимо от его политической оценки, является **символом**, входящем в душу национального сознания нашего народа. Политический смысл действий по очернению Ленина ничтожен по сравнению со значением этих действий для подрыва национального сознания.

А наш великий педагог, академик АПН СССР и Российской академии образования Г.Н. Волков буквально вопиет: «**Неужели до русских так и не дойдет, что они дали человечеству трех титанов духа: Ленина, Пушкина, Толстого**» (выделено мной. – *И.В.*) [169, 167].

Проект разрушения нашего мира символов еще ждет своего историка. Однако контуры его видны уже сегодня. Эта кампания оказала на народ РФ, и прежде всего на русских, исключительно тяжелое разрушительное воздействие. Оно во многом предопределило глубину культурного кризиса, который выразился в скачкообразном повышении смертности, вспышках насилия, огромном числе несчастных случаев.

Важную роль в этом играло разрушение символов государственности, в том числе профанация Красной площади (например, устройство концертов поп-музыки). Красная площадь – один из больших и сложных символов, олицетворяющих связь поколений. Вот что пишет французский философ С. Московичи: «Красная площадь в Москве – одна из самых впечатляющих и наиболее продуманных. Расположена в центре города, с одной стороны ее ограничивает Кремль. Этот бывший религиозный центр, где раньше короновались цари, стал административным центром Советской власти, которую символизирует красная звезда. Ленин в своем мраморном мавзолее, охраняемом солдатами, придает ей торжественный характер увековеченной Революции. В нишах стены покоятся умершие знаменитости, которые оберегают площадь, к ним выстраивается живая цепь, объединяющая массу вовне с высшей иерархией, заключенной внутри. В этом пространстве в миниатюре обнаруживает себя вся история, а вместе с ней и вся концепция объединения народа» [258].

Вот смысл, который наверняка понимают и очернители Ленина: Ленин в своем мраморном мавзолее и могилы в нишах стены «оберегают площадь», а в этой площади в целом «обнаруживает себя вся история, а вместе с ней и вся концепция объединения народа». Именно это стремятся разрушить антисоветские и антироссийские

идеологические диверсанты. А им помогают наши иваны, не помнящие родства [258].

По собственному признанию поэта, он Сталина в детстве рисовал на картинках, но в 18 лет, поставив его имя рядом с именем Ленина, воспел в стихах [413, 140].

В 1994 году М. Карим заметил: «В годы, когда некоторыми авторами о Сталине издавались целые книги, **лично я о нем не написал ничего** (выделено мной. – **И.В.**), было какое-то внутреннее сопротивление такому всеобщему восхвалению человека. Естественно, я жил в своем времени и был не выше его. Просто тогда уже давало знать о себе зарождающееся отношение поэта к жизни, тот внутренний спор с ней, о котором я уже говорил» [540].

А чуть позже в «Мгновениях жизни» он напишет: «...многие годы к этому имени не прикасался. Дескать, свое слово я в том стихотворении уже сказал. В те годы многие поэты цикл за циклом писали о нем стихи, у некоторых же чуть не в каждом зарифмованном произведении пелась ему хвала. М. Хай даже книгу такую выпустил, “Песни о Сталине”. Это было самым обычным, повседневным явлением. И никого в неискренности обвинить не могу. Нет, не виню, но уже тогда столь непомерное восхваление одного человека вызывало у меня какое-то внутреннее сопротивление» [413, 140].

Это не совсем так!

Писал он о Сталине и немало! Иначе быть не могло! То было время, когда в стране царил единение народа и власти, особенно в послевоенные годы.

У поэта есть теперь малоизвестное стихотворение «Бессмертие» (1953 г.), посвященное памяти И.В. Сталина. Вот оно:

БЕССМЕРТИЕ

Памяти И.В. Сталина

*О нем, как об умершем, петь не буду.
Утраты боль народы не забудут.
Но головы у гроба обнажая,
Вождя мы не навеки провожаем.*

*Пока над миром людям солнце светит,
Пока моря шумят на белом свете,
Пока ветра кочуют по вселенной
И в небе облака вскипают пеной,*

*Пока горят созвездья ясной ночью,
Пока весной зерно ложится в почву, –
Он будет жить во всем, всегда, повсюду.
О нем, как об умершем, петь не буду.*

*Большое сердце перестало биться;
Но смерть перед бессмертием смирится.
И снова встретим мы вождя, и снова
Среди живых, во всем, что есть живого.*

*Ведь жизнь полна, как реки в половодье.
Светлее наше завтра, чем сегодня!
Бессмертный вождь, он будет жить на свете
В соратниках, в друзьях, в отцах и детях.*

*Солдаты, мы оружие не слагаем –
Мы Партии на верность присягаем.
Он будет жить, наш вождь, всегда, повсюду.
О нем, как об умершем, петь не буду [357, 122–123].*

Спустя месяц после кончины Сталина, 5 апреля 1953 года, М. Карим опубликовал в «Советской России» статью «Символ света и разума».

Разве не прав М. Карим, когда в этой статье он пишет: «Одна страна, одна Великая Россия, в одну эпоху дала человечеству двух величайших гениев мысли, гениальных борцов за преобразование мира – Ленина и Сталина. История и раньше знала немало борцов за лучшее будущее человечества. Но в Ленине и Сталине она узнала борцов-победителей, мудрых вождей, которые сумели создать стальную партию коммунистов и смогли сплотить вокруг партии многомиллионные массы трудового народа, повести их на решительный и победоносный бой. У того или другого народа были и есть выдающиеся вожди, защитники интересов масс. Но в Ленине и Сталине человечество увидело своих вождей, вождей всей эпохи, которые изменили и ускорили ход истории» [352].

Далее он искренне продолжает: «Сталин – отец прогрессивного человечества, оставил нам и потомству в наследство обновленный мир, мир побеждающего коммунизма, оставил он нам и потомству несметное сокровище своих бессмертных идей. Оставил он монолитную, несокрушимую партию коммунистов, ее стальной Центральный

Комитет. Будущие поколения, как и мы сегодня, во всем прекрасном и светлом, во всем новом и добром увидят живые черты великого Сталина, почувствуют теплоту его взоров, свет его гения. Все народы перед ним были равными, он не разделял их на белых и черных, на скуластых и тонколицых. Он каждому из нас сказал: ты – Человек, будь достоин своего высокого звания. Он сделал все то, что под силу только титану, сделал для человечества, для его счастья» [352].

Трогательны и эти слова поэта: «Неизмерима любовь народов к своему отцу, поэтому неизмерима и неизлечима боль утраты – Сталина не стало в живых. Хотя уже затихли траурные мелодии, хотя наши знамена сняли свой траур, но в сердцах живых вместе с любовью к нему останется великое, неутешное горе о нем. Никогда не забыть нам то утро, когда дрожащие трудовые руки наших матерей, нежные охолодевшие ручонки наших детей одевали в траур Красные флаги, обвивали портреты вождя черным шелком. Какой это был скорбный труд!» [352].

Сталин уделял большое внимание развитию национальных республик. Еще на заре новой жизни он сказал: «Построить цитадели советской власти на Востоке, поставить социалистический маяк в Казани и Уфе, Самарканде и Ташкенте, освещающий путь к освобождению измученных народов Востока, – такова задача» [352].

По этому поводу поэт писал: «Отцовским вниманием окружил Великий Сталин наш башкирский народ, повседневно заботился о судьбах нашей республики. Если на бывших ковыльных степях работают армады тракторов, то этим мы обязаны ему, его заботе о нас; если на башкирских просторах изо дня в день растут леса нефтяных вышек, то мы обязаны ему, нашему вождю. Сталин нам дал машины, хлеб, песню. Мы с гордостью называем социалистическую Башкирию Сталинской Башкирией. Потому что все то, что создано за тридцать пять лет на этой земле, связано с его именем, с его участием. Сталинским гением озарены пути развития башкирской советской литературы, которая теперь в расцвете. Она, как и все литературы народов советской страны, была заботливо выращена Ленинско-Сталинской партией. Факт рождения и развития башкирской советской литературы является одной из великих побед сталинской национальной политики» [352].

В конце статьи читаем: «Сталин – величайший зодчий коммунизма, оставил нам в наследство плоды своего высокого революционного зодчества. Он – гигант мысли, заботливый отец народов, простой советский человек, таким представляли его те, кто не видел его, и таким узнали те, кому посчастливилось увидеть его.

Мне, рядовому коммунисту, выпало величайшее счастье увидеть его, присутствовать на историческом XIX съезде, который проходил под непосредственным руководством товарища Сталина. Навсегда останутся для меня живыми его черты, его движения, его улыбка и светлый взор. Я слышал последнюю в его жизни речь. Его отеческий голос на всю жизнь вошел в сердце и этот голос всегда будет звать и вдохновлять меня на творческий труд.

Имя Сталина для всех времен, для всех поколений будет символом света, борьбы, разума и вдохновения» [352].

А. Парфенов о работе М. Карима «Цветы на камне» пишет: «Книга открывается стихотворением “Сталину”. В нем поэт выразил горячую любовь к великому вождю трудящихся всего мира в простых, волнующих словах:

*Мой отец, мой учитель, мой лучший друг!
Я хочу, чтобы с наших зеленых гор
Полетели в столицу слова мои,
Обгоняя орлов, рассекая высь!
Я хочу, чтоб мои сыновние чувства
В большую любовь народа влились
И дошли до Кремля от уральских круч,
Как до синего моря звенящий ключ» [465, 190].*

Есть еще одно стихотворение М. Карима, посвященное Сталину. Называется оно «Письмо стариков». Об этом произведении поэта А. Харисов размышляет: «В стихотворении “Письмо стариков” М. Карим выразил благодарность башкирского народа великому Сталину, тому, кто вывел наш народ к жизни. Просто и искренне старики пишут в письме о том, как заботой вождя “на удивление миру большое счастье вьет гнездо на родине башкира” и приглашают его к себе в гости:

*«Мы знаем: у тебя хлопот по государству много,
Мы также знаем, что до нас не так близка дорога.
Тебе в трудах свободный час найти не так-то просто.
Но все же выбери денек и приезжай к нам в гости.
Посмотришь ты на нашу жизнь, пройдешь привольным краем,
А что мы здорово живем, уж мы-то это знаем.
Найди денек и приезжай хоть осенью, хоть летом.
Мы очень ждем. Не обессудь. Всегда твои. С приветом» [558].*

О спектакле, поставленной по пьесе Мустая Карима «Одинокая береза» народный поэт Башкирии Рашит Нигмати сделал следующую

щую рецензию: «В пьесе и спектакле много хороших, волнующих сцен. До глубины души волнует сцена, когда старая колхозница Гульбадуан мечтает увидеть в Москве великого Сталина. Она бы зашла к Сталину и вела бы душевную беседу, «сидя друг против друга и распивая чай». Зритель не выдерживает и, не дослушав конца монолога, начинает аплодировать» [440].

Мустаю Кариму вспомнилось одно письмо, написанное простой женщиной – пенсионеркой, в адрес Союза писателей Башкирии. «Это было, – пишет поэт, – на второй день после получения печального известия о болезни товарища Сталина. Она писала:

“...Я и у себя дома хожу тихо-тихо, так ему будет лучше... Я всю прошлую ночь не спала, будто сидела у его изголовья, ожидая, вот-вот он проснется и попросит у меня воды. Так, наверное, думают все его сыновья и дочери на всей земле...” (выделено М. Каримом. – *И.В.*) [352].

В «Мгновениях судьбы» М. Карим дает своеобразную характеристику Сталину: «Ленин всякие ямы-колдобины, лужи и болота обходил. А Сталин на ямы-колдобины, на трясины болота, на слякоть да сугробы не смотрит, прет-ломит напрямик. А в сапогах, ясное дело, ему и море по колено. Я обомлел: вот это богатырь! Ничего ему не страшно, шагает навстречу бурям-ураганам, нам дорогу прокладывает. Ноги, мол, запачкаю, сапоги, мол, порву – об этом и не думает. Сильный и отважный» [413, 138].

22 марта 2004 года в БГПУ в узком кругу он поделился увиденном на XIX съезде КПСС, как Сталин, после объявления состава президиума, посмотрел налево, потом направо и понял, что не хватает двух стульев. Подозвал кого-то и дал указания. И вскоре принесли и поставили эти самые недостающие стулья. «В стране был хозяин» сделал тогда вывод поэт. Этот же эпизод М. Каримом приведен в книге «Мгновения жизни». Поэт пишет: «Молотов открыл съезд. Пока он говорил, Сталин не спеша оглядел стол, за которым сидел сам и должны будут сидеть члены президиума съезда, повернулся в сторону и поманил кого-то. Подошел молодой человек в военной форме, наклонился к нему. Сталин что-то сказал, видно, дал какое-то поручение. Тот вышел и принес один за другим два стула, поставил во втором ряду. **Выходит, двум будущим членам президиума стульев не хватило. Должно быть, их добавили сверх оговоренного уже в последний момент. Иначе зачем вдруг понадобились стулья? А для себя сделал такой вывод: для рачительного заботливого хозяина мелочей не бывает, он все в памяти держит, внимательный**

взгляд все видит и все проверяет» (выделено мной. – *И.В.*) [413, 145].

В продолжении темы приведем строки поэта: «Не только он (Сталин. – *И.В.*) был творцом своей судьбы, но и **хозяином** великой страны» [346].

Хочется привести один из моментов из судьбы М. Карима, связанный, правда, косвенно со Сталиным. Вот что пишет по этому поводу сам поэт: «Она ввела меня в кабинет, на двери которого было написано “Председатель военной комиссии Союза писателей СССР”, и вышла. Сидевший за столом человек встал, но росту ему это не прибавило. Такой оказался маленький.

Я, как положено по уставу, начал было:

– Младший лейтенант...

– Не надо, знаю, – сказал карлик. – Прочитал. Эта бумага у меня останется, вот тебе направление в ГлавПУР. Сегодня уже поздно. Явишься завтра. На газетную работу направят. Вот еще талон тебе. В столовую зайдешь, там накормят, хлеб, консервы с собой дадут.

– Вы меня лучше в башкирскую дивизию направьте. Она сейчас на фронте.

– Этого не могу. Не в моей власти.

– Я очень...

– Всего хорошего.

Все случилось так стремительно, что не знаю, сказал спасибо или нет, но уже очутился в коридоре.

Забегая вперед, скажу: о его человечности я потом от многих слышал. Фамилия его, кажется, была Рубинский. Разумеется, добрые эти дела творил он не своей прихотью и не своим могуществом, но, коли нелепо, исполнял с душой, без шума, без суеты и щедрым, одевающим своим милосердием вельможей себя не выставлял. Так рассказыывали.

Удивленный таким оборотом, ничего не понимая, я заглянул к той женщине. Она-то все и объяснила. **Оказывается, узнав, что на передовой гибнет много писателей, Сталин издал специальный приказ, по которому литераторов, членов Союза писателей, надлежало перевести на газетную работу** (выделено автором. – *И.В.*)

– Вы тоже в этом списке есть, – она показала лежавший перед ней список. – Поискали вас, но не нашли. Тяжелораненые, вроде вас, на особом учете, – пояснила она. – Хорошо, что сами объявились.

Вот так резко изменилась моя солдатская судьба» [409, 7].

В статье М. Карима «Поэты в защиту мира» мы встречаем такие строки о Сталине: «Сталинская эпоха борцами сделала поэтов и поэтами сделала борцов» [351].

«Лучшие строки книги («В защиту мира». – *И.В.*) посвящены гениальному вождю народов, который высоко несет Знамя этой великой борьбы.

*Знаю – все, что в жизни есть святого,
Радость, счастье и тепло привета,
В слово Сталин, в дорогое слово
Вплотилось – им живет планета, –*

пишет поэт Назар Наджми», – отмечает М. Карим [351].

«Нет сомнения, эту битву за мир мы выиграем. Войну мы победим, потому, что во главе лагеря мира стоит могучий советский народ. Войну мы победим, потому, что полководцем армии борцов за мир является великий Сталин» [351].

«Выражая волю и мысли своего народа, нашедшего счастье под мирным небосводом Сталинской Конституции, башкирские поэты присоединяют свой голос к тем, кто поет песни мира, к тем, кто гневно требует осуждения кровавых атомщиков, убийц корейских детей» [351].

Возвышенные слова о Сталине мы находим и в других его статьях и выступлениях: «Каждый год в нашей печати объявляются рапорты нашего народа товарищу Сталину. О результатах нашего народа, о думах и мечтах вошли в привычку докладывать товарищу Сталину» [341].

«Народные представители поведали свою безграничную любовь к социалистической Родине, первому борцу за мир, знаменосцу мира, великому Сталину» [353].

«Под руководством великой партии большевиков и вождя Сталина он (советский народ. – *И.В.*) идет навстречу прекрасным высотам коммунизма» [348].

«Сердца советских людей полны любви и благодарности великому Сталину – творцу самой демократичной в мире Конституции» [346].

«Великий народный полководец и наставник товарищ Сталин – везде первый кандидат (в депутаты Верховного Совета СССР. – *И.В.*) советских людей. Советский народ выдвигает в Верховный Совет достойных сынов и дочерей, воспитанных Сталиным большевиков» [346].

«Сталинская эпоха», «Сталинская Конституция», «Сталинская пятилетка», «Сталинские планы» и тому подобные слова о Сталине

у М. Карима мы встречаем во многих его тогдашних статьях, стихотворениях, выступлениях.

И разве можно его винить за это? Разве он один в то время писал так? Разве не было всеобщего преклонения перед этим именем? Или мы забыли о таких словосочетаниях, как «Сталинские стройки», «Сталинский орган», «Сталинская линия», «Сталинские соколы», «Сталинские победы» и др., охватившие тогда умы и души наших людей.

Велик был тогда, особенно после Великой Отечественной войны, авторитет Советского Союза и его руководителя. И советский народ не знал в те годы ошибки и перегибы руководства СССР.

Об этом М. Карим писал: «Славословье поводом заливало площади, овациями оглашало залы, сотрясало трибуны. Народные массы словно сами себя воодушевляли, сами себя подначивали, в самих себе пламя любви к нему раздували, сами сделали его святым» [413, 141].

И тому причин было много. «Новая великая держава вышла на мировую арену, себя утвердила. Грозную и удивительную мощь обрела наша Отчизна. И во главе страны – Он. Справедливый и чисто-сердечный. Простой человек. Наш человек. В сапогах, в кителе, на голове – картуз. Я был среди тех, кто аплодировал искренне» [413, 141].

Настоящее потрясение испытал поэт в день смерти Сталина. «Наверное, – вспоминает М. Карим, – даже не в самом сообщении была суть. Этого ждали. Уже несколько дней говорили о его тяжелом состоянии. Разумеется, и сама весть о смерти болью прорезала сердце. Но потрясение испытал я через два дня, 7 марта. В Уфе, на улице Ленина, возле Театра оперы и балета в сквере стояла его статуя. Тысячные толпы потекли туда, словно прося, чтобы каменное изваяние разделило их, живых, горе. Пришел и я. Ведь тяжелое горе, которое мы сейчас все вместе несем, это горе по нему. И облегчить его в силах только он. Сразу тысячи лиц, на которые легла одна желтая тоска, в тот день я увидел в первый раз и в последний» [413, 148].

Писателю запомнилась тогда одна молодая женщина, которая изнемогала от рыданий. Она опустилась перед изваянием на колени: «На кого ты нас оставил? Как нам жить теперь? Как жить? Научи!» – так причитала она и потом затихла» [413, 148].

Эти вопросы волновали тогда десятков миллионов советских людей.

Вспомним в связи с этим написанные С. Есениным слова: «Пушкин – самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу. Даже его ошибки, как, например, характеристика Мазепы, мне приятны, потому что это есть общее осознание русской истории» [222, 460].

Нельзя не согласиться с известным башкирским публицистом М.А. Кутлугаллямовым, утверждающим: «Страна – не там, где тебе поднесли кусок хлеба. С детства нас приучали быть перед своей Родиной честными, верными, искренними, как и перед Матерью и Хлебом. Мы знали также, что забота о стране прежде всего должна лечь на плечи мужчин, и по мере сил готовили себя к этой миссии. Риска вызвать ярость чрезмерно ретивых демократов, все же скажу, что для нас Флаг, Герб, Гимн всегда ассоциировались с понятием Родины. Разве виноваты мой дед и отец мой в том, что для них **имя Иосифа Сталина было равнозначно Родине?** (выделено мной. – *И.В.*) Могут ли обвинить сейчас нас в том, что каждое слово Москвы мы воспринимали с почтением, как указ Родины? Каждое поколение, на мой взгляд, должно стремиться к какой-то цели, с осознанной убежденностью в чем-то. Жизнь без идеалов – прямой путь к безыдейности, и жизнь без идей может лишить человека всего, в том числе и страны» [301, 52–53].

Об этом и Мустай Карим: «Надо его слушать, когда говорят, что воевали оглушенные люди – за Родину, за Сталина!» За этими словами стоял патриотизм» [402, 587].

Да и вся личная жизнь поэта была окружена советской действительностью.

«В детстве, – вспоминал он, – всякий раз, когда приезжали в Уфу, ходили к односельчанам, жившим в городе. На улице Социалистической тогда была мечеть с двумя минаретами. Это было самое внушительное здание по пути туда и обратно.

В следующий раз в Уфу я попал уже в 1935 году, когда поступил на рабфак. Он тогда находился на углу Зенцова и Коммунистической, где теперь инфак БГУ. Это здание когда-то было красного кирпича, очень яркое, а теперь оно покрашено и такого впечатления от него уже нет...

В 1937 году я поступил в педагогический институт. Находился он тогда на Революционной, а общежитие было на улице Карла Маркса, 31.

Ну и последние пятьдесят лет я дважды жил на улице Ленина – в доме № 65 и в доме № 31/33. Сейчас живу на улице Энгельса. Так что всю свою жизнь я связан с классиками марксизма-ленинизма» [437].

Здесь добавим любопытный факт: улица Социалистическая была переименована на улицу Мустая Карима.

А.А. Зиновьев утверждает, что понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, – «это значит понять сущность того нового общественного организма, который созрел в ней. Для этого ее надо брать как нечто единое целое и рассматривать объективно. Но именно это, казалось бы простое и естественное, требование понимания не соблюдается. Во всех сочинениях на эту тему, с которыми мне приходилось иметь дело, обычно выделяется какой-то один аспект исторического процесса, **раздувается сверх всякой меры и изображается с тем или иным пристрастием** (выделено мной. – *И.В.*). Целостность и сложность процесса исчезает, получается односторонне ложная его картина. Поверхностное и чисто фактологическое описание скрывает суть эпохи. Все то, что происходило в массе населения, т.е. основной поток истории, вообще не принимается во внимание или затрагивается лишь в ничтожной мере и как нечто второстепенное. Потому сталинизм представляется как всего лишь обман и насилие, тогда как в основе своей он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, лишь организуемых в единый поток посредством обмана и насилия среди прочих средств» [236, 60].

И далее он предлагает социологическое обследование, чтобы понять основу сталинизма. «Выберите, – призывает он, – характерный район с населением хотя бы один миллион и изучите его хотя бы по таким показателям: численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность, культура, число и тип репрессированных, передвижения людей, вертикальная динамика населения (карьера) и т.п. Сделать это надо по годам. Вы увидите, что репрессии и другие негативные факторы в то время играли не такую уж огромную роль, какую им теперь приписывают разоблачители. И роль их была в значительной мере не той, как кажется теперь. Вы увидите, что главным в ту эпоху было нечто позитивное, а не негативное. На ту эпоху ведь можно смотреть не только глазами пострадавших, как принято теперь, но и глазами преуспевших, а их было неизмеримо больше, чем первых» [236, 60].

А.А. Зиновьев считает, что эпоха Сталина «в самом существенном своем содержании вошла в нашу плоть и кровь навечно – она породила нашу сегодняшнюю реальность и носителей ее. Она породила будущее. Так что уклониться от внимания к ней и от ее беспощадной объективной оценки все равно не удастся» [235, 11]. На Западе выходят бесчисленные книги о гитлеровской Германии, Гитлере и его

соратниках. «А ведь, – продолжает Александр Александрович, – гитлеровская Германия просуществовала всего несколько лет, потерпев сокрушительное поражение. Сталин же и его соратники одержали блистательную историческую победу, построив новый тип общества со всеми его атрибутами, и в колоссальной степени усилили мировую тенденцию к коммунистическому социальному устройству. Есть советский анекдот, в котором Гитлер рассматривается как мелкий бандит сталинской эпохи. Этот анекдот соответствует сути дела.

Гитлеровская Германия – эпизод в истории, сталинская эпоха – великий перелом всей истории. И несмотря на это, внимание к сталинской эпохе и сталинизму здесь ничтожно. Что это означает? Страх реальности? Боязнь признать историческое творчество “низшей расы”? Самомнение? Да и в Советском Союзе положение не лучше. Советская наука и идеология уже не способны воздать должное сталинской эпохе. Они обречены на полусуждение и полуоправдание ее. Историческое же величие эпохи состоит не в ложной чистоте и мелких воображаемых ошибках, а в том реальном океане страданий, крови, грязи, лжи, насилия и прочих мерзостей, через которые пришлось пройти стране. Потому лишь жертвы и враги сталинизма еще способны защитить его историческое достоинство. Но скоро и их не останется в живых. Останутся лишь равнодушные да бездарные спекулянты за счет уже безопасного прошлого» [235, 11–12].

А.А. Зиновьев полагал, что рассматривать «сталинскую эпоху как эпоху преступную есть грубое смещение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому своему смыслу неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Сталинская эпоха была трагической и страшной эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением и не является преступным обществом, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни казалось с чьей-то точки зрения. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом великой революции и **единственным способом** (выделено мной. – *И.В.*) для нового общества выжить и отстоять право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле» [236, 59–60].

Петр I ликвидировал в России патриаршество Православной церкви, а Сталин его возродил. (Для справки: патриаршество после Петра I было восстановлено только 11 ноября 1917 года. Тогда

первым патриархом был избран митрополит Московский Тихон. После его смерти Соборы не созывались, и патриархи не избирались.)

4 сентября 1943 года Сталин по своей инициативе пригласил к себе митрополитов Московского Сергия, Ленинградского Алексия и Киевского и Галицкого Николая, и тогда было принято решение о созыве Собора епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования Священно Синода. В распоряжение высшего духовенства был передан 3-этажный особняк в Чистом переулке, дом № 5 со всеми придворовыми постройками и садом, имуществом и мебелью. Здесь, в особняке, до войны располагалась резиденция посла Германии Шуленбурга. 7 сентября 1943 года на Соборе Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергий [506].

Минула чреда десятилетий... За это время довелось всем нам немало повидать, много пережить и узнать самых разных людей: хороших, плохих, безликих, столкнуться – нередко весьма болезненно и остро – с подлецами и негодьями, прочесть гору художественной, исторической и политической литературы, мемуаров, публицистических статей и научных материалов. Но и сейчас «сознание отказывается разумно воспринимать то массовое, не поддающееся анализу кощунственное предательство, которое было совершено и продолжает совершаться в отношении И.В. Сталина в собранной и укрепленной под его руководством стране и выращенной им партии, вместе с ним спасшей страну и цивилизованный мир от гибели в величайшей за всю историю войне» [279].

Об исторических личностях нужно в первую очередь говорить, что и сколько они сделали для страны, для своего народа в тех конкретных исторических условиях, а не судить их по нашим сегодняшним понятиям и конъюнктурным соображениям. В историю России вписали свои имена, хотя бы начиная с Петра I, не один десяток государственных деятелей. Но ни один из них не подвергался и сегодня не подвергается, как Сталин, жесточайшей и оголтелой критике современных либералов и демократов. Главная причина – отвести внимание народа от тех несправедливостей и ужасов, в какую они ввергли страну.

Да, при Сталине было совершено немало несправедливых дел. Но не надо забывать, в каких исторических условиях все это происходило и нельзя отделять его от той жестокой эпохи, в которой он жил. В Европе набирала силу коричневая чума: фашистский режим во всю силу господствовал в Германии, Италии и Испании. На

Дальнем Востоке не давала спокойно спать милитаристская Япония. А в стране активно действовала троцкистская пятая колонна.

Сталин – это целая эпоха в истории XX века страны. Эпоха борьбы и побед, эпоха укрепления государства, эпоха улучшения жизни трудящихся Советского Союза. Будет к месту привести здесь беспристрастную характеристику А.Ф. Керенского (председатель Временного правительства России до Октябрьской революции 1917 года), данную им Сталину: «Великий человек. Двое было таких: Петр Великий и он. Оба сделали Россию державой» [506].

В. Ковалев из Перми высказал чаяния и думы многих людей. «Жизнь И.В. Сталина – удивительный исторический, психологический и нравственный феномен, который, несмотря на тысячи уже написанных о нем книг, будут изучать еще очень долго, открывая новые грани взаимодействия с ним, ушедшим, ибо прежде всего с его именем связаны величайшие в мире свершения, надежды и чаяния человечества в грозные годы минувшего столетия.

Ведь сколько бы лет ни прошло, сколько бы грязной лжи ни выплеснули еще на нашу трагическую и славную советскую действительность, на революционную эпоху со всеми ее взлетами и падениями, достижениями, недостатками и перекосами, период советского социализма (и прежде всего тридцать сталинских лет) останется в самых отдаленных веках грядущего как чудесный, заревоый, сияющий мир невиданных возможностей и свершений – славное время всенародного прорыва в светлые, безбрежные дали будущего, как десятилетия радости и счастья бесребреннического созидательного труда для себя и своих потомков – последующих поколений» [279].

А вот поколения ныне живущих, особенно кому сегодня 60–70 лет, не будут с благодарностью вспоминать Н.С. Хрущева, ставшего руководителем государства и партии в результате закулисных игр. И у М. Карима была, мягко говоря, сдержанная оценка результатов деятельности Никиты Сергеевича. Он особенно негативно относился к «разоблачению культа Сталина». Хотя в первые месяцы после XX съезда ВКП(б) он говорил об изменении морального климата в стране.

В башкирском селе Дюртюли после XX съезда ВКП(б) поэт встретился с его жителями. На вопрос одного из присутствующих о роли Сталина М. Карим ответил: «В период культа личности все успехи и победы партии и народа действительно приписывались одному человеку – Сталину. Будто и Москву отстоял один Сталин, и войну выиграл он. А где же тогда были народ, партия, армия,

полководцы?.. Наша партия полностью восстановила историческую справедливость» [256].

На третьей сессии Верховного Совета РСФСР в октябре 1960 года выступил М. Карим: «...Никита Сергеевич Хрущев с трибуны XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН произносил гневные, осуждающие империалистов, слова. Его слова разбудили многих людей, дремавших до сих пор, а кое-кого привели в чувство.

Советские люди с благодарностью крепко жмут сильные, добрые руки своего высокого посла за его мужественную борьбу ради жизни без страха и насилия на всей нашей планете, за правду его дел и помыслов, за то, что он через все лабиринты и препоны в ООН пронес негасимый факел надежды и братства. Земной поклон ему, трижды по-русски!» [493].

Поэт признавался неоднократно, что одним из самых для него знаковых этапов стал XX съезд, когда он «ощутил ту внутреннюю раскованность, которая приводит к независимости поступков, помыслов» [307]. В статье «Мудрые уроки» М. Карим пишет: «Какой-нибудь тунеядец мало того, что паразитирует на здоровом теле нашего общества, еще пытается подчас оправдать свой “образ жизни”. Никита Сергеевич Хрущев на митинге дружбы советской и кубинской молодежи сказал: “...Надо разяснять и просвещать, а когда надо и кого надо, следует одергивать. Без этого нельзя”.

Да, без этого нельзя... Но действительно, “когда надо и кого надо...”.

Восстановление ленинских норм свободных, откровенных человеческих взаимоотношений во всех сферах нашей жизни не означает, что мы можем пропускать мимо ушей какую-нибудь дребедень. Не знаю, как кто, а я не снимаю с себя обязанности поговорить по душам с таким человеком.

Ленинские нормы были восстановлены не для этого. Эти нормы основаны на строгой идейно-нравственной дисциплине всех членов общества, и они требуют от них ее соблюдения. Иные из нас просто отмахиваются: “Пусть болтают себе всякие пустозвоны. Кому они мешают?..”. Но в действительности это не совсем так. Когда воробьи слишком усердно и шумно начинают чирикать, они мешают слушать песню соловья» [375, 148].

В «Мгновениях жизни» М. Карим утверждает: «После XX съезда моему творчеству пришло второе дыхание» [413, 160]. И эти слова принадлежат ему: «1956 год – год XX съезда партии – явился той высотой, откуда открылись новые горизонты для творчества. Мы глубже и пристальнее стали вглядываться в мир и в себя, и заучен-

ные привычные истины уступили место выстраданным истинам» [393, 26].

Но надежды на положительные изменения не оправдались. После «разоблачений» Сталина появился новый культ, но без личности. «Впрочем, – пишет М. Карим, – новое божество кровавых жертв не требовало, но души мяло. Я много раз видел его вблизи, в созданных им собраниях участвовал, в больших застольях сидел, за повадками его наблюдал. Своеволие и упрямство (но не постоянство), несдержанность в поведении, грубость и высокомерие в обращении – вот что бросилось мне в глаза. Не скрывая, в открытую тешится своей властью, безнаказанностью, зная, что никто не одернет его, даже замечания не сделает, дурит, как балованный ребенок. А соратники потворствуют. Один мой друг, занимавший высокий пост, услышав про то, как он в Америке, на сессии ООН, снял ботинок и молотил им по столу, сказал: “И то хорошо, что он ботинком в председателя не запустил, с него станет...” И то хорошо... Потом все это назвали “проявлениями волюнтаризма”, но подразумевался тот же “культ”» [413, 163].

М. Карим справедливо утверждал, что 24 февраля 1956 года «в основание могучей великой страны, дружбой и братством спяного Советского Союза и была, наверное, заложена первая мина. А когда пришел срок, эта мина разрушила ту основу. Наверное, человеку, заложившему ее, и в голову не пришло что через столько лет она взорвется. А прийти должно было. Ведь он глава страны, его руки лежали на штурвале событий» [413, 163].

Желая разоблачить Сталина, Хрущев, по справедливому утверждению М. Карима, «удивительные достижения и великие беды эпохи, светлую ее славу и черное горе, чистое золото и пустую глину перемешал все вместе и, осудив одну личность, невольно, сам того не поняв, здоровому обществу и всему социализму вынес неправый приговор. Тогда 82-летний Уинстон Черчилль, весьма этим довольный, сказал примерно такие слова: мол, Хрущев одним докладом добился того, чего не мог добиться он, Черчилль, за многие годы борьбы против коммунизма... Чуткий, говорят, был человек Черчилль. Суд, который затеял Хрущев, через тридцать лет завершили другие. Выходит, ложным приговором не только отдельного человека уничтожить, но даже крепкое государственное устройство разрушить можно. Сильные личности державы собирают, строят, укрепляют, а никчемные, бестолковые правители или сами разваливают, или создают причины развала» [413, 152–153].

Один из тех вопросов, которыми задался М. Карим 24 февраля 1956 года, а где же был сам Хрущев. «Про Молотова, Ворошилова, Кагановича и говорить нечего, – пишет М. Карим. – Самого Никиту Сергеевича возьмем. В 1932–34 годах он первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б), в 1935–38 годах первый секретарь Московского городского и областного комитетов партии, в начале 1938 года становится во главе украинских коммунистов. Все лучшее и все худшее начиналось в Москве. И трагический 1937 год начался в Москве. Никакие тогдашние события не обходили Хрущева стороной. Не потому говорю, что хочу покойного призвать к ответу. С одной стороны, просто хочу напомнить тем, кто сегодня хочет видеть и показать его образ только светлым и незапятнанным. С другой, хочу поделиться одним своим наблюдением: не с этого ли самого момента стало обычаем свои проступки и ошибки валить на других? Не с того ли дня манера вчера говорить одно, а сегодня уже иное талдычить стада привычной? Ну ладно, хоть бы покаяться: “Вчера я так говорил, но, выходит, ошибся, если можете, простите, теперь я эдак говорю, а чего раньше не знал, не понимал, теперь полностью уяснил”. Нет, тут же, без зазрения совести, без излишних предисловий знай себе черное белым выворачивают, белое – черным. Удивительно» [413, 153–154].

Протест против случившегося на съезде поэт чувствовал еще на съезде. «Разоблачительный доклад Хрущева, в котором, на мой взгляд, было много личных моментов», – отмечал он [307].

10 октября 1952 года, стоя на трибуне XIX съезда партии, Хрущев говорил: «Эти победы и достижения были осуществлены благодаря верной политике Коммунистической партии, ленинскому Центральному Комитету и мудрому руководству нашего любимого вождя и учителя товарища Сталина» [413, 154]. Три с половиной года прошло, и, оказывается, не было ни верной политики, ни мудрого руководства “любимого вождя”. Так получается, – размышлял поэт [413, 154].

Удивительный вывод сделал М. Карим: «Сколько бы ни старался, сколько бы в сундуке памяти ни рылся, теплых светлых воспоминаний о Н.С. Хрущеве отыскать не могу. Даже немножко жаль. Вроде и обиды на него особой нет. Возможно, и человек он был не совсем плохой. Образом мыслей, повадками настоящий крестьянин. Беспокойный, хитроватый. Были такие председатели колхозов: заслуги их на государственном уровне отмечались, слава была на всю страну. Потому что они своими руками свое дело делали, которое им по плечу. А этот?.. По плечу ли была его ноша?» [413, 162–163].

На съезде Хрущев «обрисовал неприглядные стороны культа личности, тяжелые его последствия и пальцем грозя, предупредил, какая это страшная вещь для будущего – единоличная власть» [413, 161].

Что с собой представляла единоличная власть – власть Н.С. Хрущева – автор этих строк знает не понаслышке.

1963–1964 учебный год я начал в школе-интернате № 1 г. Уфы. Приехал из глухой башкирской деревни Таишево, что в Мечетлинском районе. Незадолго до этого эту же школу окончил мой двоюродный брат Багаутдинов Марат Хабибрахманович.

В деревне я не чувствовал до какой же степени дошла страна при новом руководителе.

В уфимских магазинах не было ничего: ни крупы, ни макарон, ни маргарина. Не говоря уже о других продуктах.

По субботам и воскресеньям я приезжал к двоюродному брату Багаутдинову Сагиту Хабибрахмановичу и к его жене Любове Васильевне, которые жили на улице Космонавтов.

Люди вставали в очередь за хлебом в 4-5 часов утра. В магазин рано утром мы шли втроем, так как давали буханку хлеба на одни руки. А что творилось в самом маленьком магазине передать очень сложно. Если скажу, что обратно люди не могли самостоятельно выходить, их передавали через головы людей, станет читателю чуть понятней.

А сам Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев почти ежегодно получал Золотые Звезды.

В 1964 году состоялся знаменитый и справедливый Пленум ЦК КПСС, который освободил Хрущева от всех постов. И случилось какое-то чудо: буквально через 10–15 дней в магазинах появилось все! Что это было? Ведь нам никто не помогал! Значит, все дело было в руководстве страны!

Нет сомнения, что за свою жизнь Никита Сергеевич совершил немало добрых дел, за которые ему могут быть благодарны. Вспомнить хотя бы его участие в руководстве строительством первых линий лучшего в мире Московского метрополитена! Можно вспомнить и его участие в восстановлении Донбасса после Гражданской войны и в возрождении Украины после победы над фашизмом. Хрущев заслуживает уважения и как всякий участник Великой Отечественной войны. Будучи человеком, открытым передовым идеям, он способствовал внедрению в производство и в быт советских людей большего числа различных полезных новинок. Вероятно, есть немало людей,

которым Хрущев, находясь на высоких постах, лично оказал помощь, и они или их потомки до сих пор ему признательны. Однако чем выше государственный уровень тех добрых дел, участником и инициатором которых был Хрущев, тем чаще несомненная их польза сочеталась с вредными последствиями, а то и перевешивалась ими. А ведь и в памятнике Хрущеву черные камни перекрывают белые, а белый цвет переходит в черный [221].

Мы неоднократно обсуждали с поэтом о положительных и отрицательных моментах деятельности Хрущева. Конечно, внимание Хрущева к сельскому хозяйству, к примеру, оказалось своевременным и многие его действия в этой области принесли пользу. Однако его энергичная деятельность в этой сфере сопровождалась и немалыми разрушениями, последствия которых сказывались долгие годы. Без Хрущева вряд ли в стране так энергично занялись посевами кукурузы, пользу которой признают и ныне. Но «чудесница» без всякой нужды вытесняла другие культуры, а порой ее урожаи были ничтожны. Нет нужды говорить о пользе массового жилищного строительства индустриальными методами, развивавшегося по инициативе Хрущева. Но эти дома воздвигались без учета особенностей климата и национальной архитектуры от Чукотки до Кавказа и от Эстонии до Казахстана. Одновременно тормозилось строительство более совершенных и добротных домов. Хрущевские же постройки через два-три десятилетия после их воздвижения приходилось сносить.

Нельзя не вспомнить несомненные заслуги Хрущева в создании ракетной промышленности и успехов СССР в космосе. Но другой стороной увлечения ракетами стало разрушение авиации и военноморского флота страны. Благое желание Хрущева добиться разоружения во всем мире сопровождалось тем, что многих военнослужащих буквально выкидывали за борт, оставляя без средств к существованию.

Хрущев осознавал, что система управления народным хозяйством страны, ее политическая система, сохранившие черты чрезвычайщины, нуждаются в переменах. Однако его непродуманные действия лишь усугубляли путаницу в работе управленцев.

Снятие Хрущевым обвинений с жертв необоснованных репрессий сопровождалось не только огульной дискредитацией Сталина и людей из его ближайшего окружения, но и очернением тридцатилетнего героического периода в жизни советских людей.

Попытки Хрущева мобилизовать деятелей культуры на воспитание советских людей оборачивались грубыми разносами и скандальными выходками. Стремление Хрущева постоянно разъяснять политику

страны сопровождалось бесконечным потоком речей, заявлений, бесед, которые вызывали пресыщение у советских людей и сильно девальвировали ценность слова, произносимого руководителем страны.

Благое желание Хрущева быстро построить коммунистическое общество, в котором будут удовлетворены все человеческие потребности, стерты различия между городом и деревней, ликвидирована разница между физическим и умственным трудом, привело к раздаче неразумных и заведомо невыполнимых обещаний, разрушению деревенского уклада, непродуманным реформам в области образования. Вера в возможность построения развитого, процветающего и равноправного общества была подорвана необоснованными обещаниями Хрущева, его прожектерством. Нарушение Хрущевым взятых обязательств, поддержка им заведомых афер и авантюристов подорвали у многих советских людей желание самоотверженно и честно трудиться.

Нет сомнения в том, что Хрущев не раз заставил мир признать силу нашей страны, и он не раз остановил агрессивные действия претендентов на роль хозяев планеты. Но обоснованное стремление Хрущева победить нашего главного геополитического противника часто порождало кризисы, последствия которых были либо сомнительными, либо отрицательными. Даже полученное от американцев обязательство не нападать на Кубу сопровождалось слишком большими потерями, в том числе и ухудшением отношений с Кубой.

Щедрая помощь, которую Хрущев стал раздавать многим странам Азии, Африки и Латинской Америки, пошла на благо миллионам бедных людей. Однако нередко эта помощь разбазаривалась некомпетентными и коррумпированными правителями этих стран, а порой военные перевороты превращали бывших получателей советской помощи в злейших врагов СССР.

Стремление же Хрущева «поправить» наших союзников лишь привело к разрыву с Китаем, Албанией, ухудшению отношений с Румынией, последствия которых чувствовались все годы до крушения СССР. К концу правления Хрущева главные политические опоры СССР в мире – социалистический лагерь и международное коммунистическое движение, были расколоты [221].

Между тем в СССР существовала широкая поддержка идеи преодолеть отставание от Запада «скачком». Хотя советский народ самоотверженно и терпеливо строил социалистическое, а затем коммунистическое общество, мирясь со множеством трудностей, желание быстро завершить тяжелое строительство было велико. К тому же удивительно быстрые темпы преобразования страны породили

убежденность в том, что СССР может в ближайшие годы добиться рывка в развитии экономики, науки и техники. Провозглашение Хрущевым очередной панацеи, которая якобы должна была дать мощный импульс для развития советской экономики, как правило, встречалось с энтузиазмом. Мало кто осуждал Хрущева, когда он говорил о возможности быстро обогнать капиталистические страны в экономическом соревновании.

С верой и надеждой встречали и обещания Хрущева в ближайшие годы решить насущные проблемы страны (в 1953 году он вслед за Маленковым обещал за 2–3 года решить продовольственную проблему страны, в 1957 году он обещал за 12 лет решить жилищную проблему), обогнать США (в 1957 году – по производству мяса, молока и масла за 2–3 года, в 1959 году – обогнать по производству промышленности и сельского хозяйства к 1972 году, а в 1961 году добиться этой цели к 1970 году), создать материально-техническую базу коммунистического общества к 1980 году и построить коммунизм «при жизни нынешнего поколения» советских людей.

Преувеличенные представления были не только в отношении возможностей мирного труда советских людей. Победа в Гражданской войне, а затем значительно более впечатляющая Победа в Великой Отечественной породили веру в возможность добиться новых быстрых и сокрушительных побед над внешними врагами. Это способствовало распространению идей о превосходстве советской военной мощи и о том, что третья мировая война приведет капитализм к гибели. Мало кто видел в попытках Хрущева сокрушить США, овладеть Западным Берлином или, разместив ракеты на Кубе, нацеленные на США, лишь опасные авантюры. Никто не возражал ему, когда он говорил, что для победы над капитализмом надо помогать странам третьего мира, в том числе и оружием.

Но популярны были и идеи Хрущева о том, что мирное сосуществование приведет нашу страну к победе над внешним врагом. Программа Хрущева осуществить всеобщее и полное разоружение за 4 года пользовалась поддержкой. Некритически принимали и его рассуждения о том, что успехи СССР сделает притягательным пример социализма для трудящихся стран капитала и капитализм рухнет [221].

Мустай Карим очень ценил ту эпоху, когда страной управлял Л.И. Брежнев. То было время стабильности и спокойного развития.

Все свои значимые награды М. Карим получил, когда страной руководил Л.И. Брежнев. Но этот факт не стал тем рычагом, который бы заставлял М. Карима восхвалять Леонида Ильича.

Сейчас, стремясь закрепить в сознании миллионов негативный стереотип о прожитых годах, телевидение назойливо крутит архивные эпизоды, связанные с Брежневым последних лет его правления – то очередное награждение, то нечленораздельное выступление – вспомните, мол, эти отгалкивающие знаки эпохи, вспомните, поморщитесь и вздохните с облегчением – все это позади.

А вот имеющий мужество быть честным Александр Зиновьев, который именно при брежневском правлении был выдворен из страны, недавно утверждал: «...Пройдет время, и брежневские годы люди будут вспоминать как золотые годы советской истории... Возьмите количество семей, получивших отдельные квартиры в брежневские годы. Телевизоры, холодильники, автомашины – все было. Чего на Запад-то смотреть! Уровня Швейцарии вы и через тысячу лет не достигнете! Нужно исходить из возможностей страны. Я вовсе не оправдываю ни Брежнева, никого. Я только утверждаю, что термин «застойные годы» – идеологическая пустышка, ложь, несправедливость. История страны не есть история правительства, это прежде всего история народа. Миллионы людей работали, в каждом коллективе были самоотверженные люди» [189].

«Коллектив, в котором работала я, занимался в те годы космической техникой, оборонными задачами. Мы жили в таком темпе, что десятки выходных подряд приходилось тратить на работу и даже не вспоминать при этом о возможности отгулов или о денежной компенсации. В коллективе нашем царил дух творчества, юмор, ответственность друг за друга, а еще – неприятие ловкачества, презрение к рвачам. Я идеализирую? Нет, просто стараюсь удержать живой и независимой собственную память», – пишет инженер Светлана Гаража [189].

И разве не об этом же говорил академик Гурий Марчук в прощальном слове перед отставкой с поста президента Академии наук распавшегося Советского Союза – «речь идет о миллионе ученых, многие из которых работали в режиме гражданского подвига»? И разве не об этом же вспоминала в недавней телевизионной кинопанораме киноактриса Галина Польских – «это сейчас актер, получив сценарий, сразу выясняет – сколько заплатите? А мы – мы готовы были сниматься бесплатно!» [189].

Еще одно свидетельство – телеинтервью маршала Шапошникова во время авиационного праздника в Тушине. Застойные годы были, очень спорно поведал маршал, но в авиации застоя не было.

Равнодушно-насмешливо относились мы к грандиозной возне, которую затеяли вокруг «книг Брежнева» партподхалимы и ретивые публицисты.

Конечно, в доперестроечные времена было достаточно фальши. Но двойной стандарт, явленный миру нашими новейшими властителями, потрясает. Двойная мораль, царствующая сегодня, стократ удушливее, чем в недавнем прошлом. В точку попал Михаил Жванецкий в одном из своих киевских интервью: «Понимаете, в чем дело. При Леониде Ильиче нам так ввали, так ввали... Но это была такая ложь, к которой мы относились, ну, как к графину. Стоит – и пусть себе стоит, звенит – ну и Бог с ним...» [189].

Да, Брежнев в его последние годы массовое сознание всерьез не воспринимало. А демократам – поверили. Поэтому и спрос с них другой. Многие и многие пошли за ними с великими надеждами. Демократы, вздымая по всей стране волны народного недовольства, получили власть именно и только из-за того, что на всех перекрестках обещали приход торжества свобод и прав человека, полное вознаграждение за труд и, конечно же, борьбу с ненавистными привилегиями.

Чувства миллионов советских людей правильно выразил ведущий научный сотрудник МГУ, член Союза писателей России М. Локощенко: «Хорошо помню тот ноябрьский вечер 1982 года, вскоре после праздников. Позвонила испуганная бабушка – сосед сказал ей, что умер Брежнев. Весной слух этот уже ходил в народе, но, к счастью, не подтвердился. Как раз начиналась ежевечерняя программа «Время», и мы с родителями с замиранием сердца включили телевизор. Однако никаких траурных объявлений не последовало – программа шла, как всегда, своим чередом. Репортажи с заводов, вести с полей, международное положение.

Все шло как обычно, и уже отлегло было от сердца, как мама вдруг заметила: вы посмотрите, они же все в черном! Действительно, дикторы сидели за студийным столом с помрачневшими лицами и все сплошь в черных костюмах, и даже Нина Еремина, спортивный обозреватель, тоже была в черном платье. Скорбная весть уже стучалась в двери, но во властных кругах наверху что-то, видимо, еще не было готово. Лишь на завтра, ранним утром, известие о смерти генсека прогремело по стране пушечным выстрелом» [308].

Действительно, смерть Л.И. Брежнева больно отдалось в сердцах и душах десятков миллионов советских людей. Это несмотря на то, что по всей стране гуляли анекдоты о нем.

Мустай Карим считал, что необходимо признать очевидное: в череде войн, революций и прочих потрясений восемнадцать спокойных лет с 1964 по 1982 год, связанных с именем Леонида Ильича, остались в памяти современников золотым веком в истории страны –

и не только новейшей ее истории. Не случайно даже теперь при многочисленных социологических опросах на вопрос, когда лучше жилось, при Ельцине или при Медведеве, люди часто отвечают уверенно и без колебаний: при Брежневе! И это – несмотря на все усилия официальной пропаганды, старательно вытравляющей из народной памяти исторически недавнюю эру благополучия и процветания. Вот еще показательный термин, входящий в широкий обиход: «мирное время» – имеется в виду эпоха развитого социализма до начала перестройки. «Это было еще тогда, в мирное время!» – приходится порой слышать в разговорах.

Если теперь оглянуться назад и попытаться вспомнить разговоры и настроения старшего – тогда – поколения, ныне уже почти полностью ушедшего в мир иной, то чаще всего приходилось слышать одно: хорошо, что во главе страны Брежнев! При Брежневе точно не будет репрессий, дай бог ему здоровья! Забегая вперед, следует сказать, что опасения старших, к сожалению, оправдались, но беда на этот раз грянула, откуда не ждали. Не прошло и десяти лет после кончины Леонида Ильича, как кровь десятков тысяч людей вновь полилась потоками по всему пространству великой страны, запылавшему горячими и горящими точками. Сумгаит, Карабах, Приднестровье, Абхазия, Таджикистан, Чечня, Украина. Сколько их было, убитых по всей стране в конце восьмидесятых и в девяностых годах в погромах и локальных гражданских войнах? Кто знает, кто считал?! Вот он, новый исторический опыт уже нынешнего поколения – ослабленное, парализованное государство, анархия и безвластие ведут к трагическим последствиям. Эпоха Леонида Ильича, при всех ее недостатках, была отмечена повышением жизненного уровня, устойчивым развитием промышленности, научным прогрессом, расцветом культуры, науки и образования и одновременно с этим – гуманизмом и терпимостью. Миллионы советских людей получили в то время современные и благоустроенные городские квартиры со всеми удобствами, переселившись из бараков.

Развитие страны шло вровень с ведущими западными державами: к примеру, цветное телевидение появилось одновременно и в СССР, и во Франции. Современные автомобили, современная бытовая техника – холодильники, телевизоры и многое другое – входили в обиход практически одновременно в Советском Союзе и за рубежом. А какое было качество советской бытовой техники! Электробритва «Агидель», например, прослужила мне 43 года, а купленная в 2011 году этой же марки электробритва прослужила

всего 1,5 года. Холодильники советские в многих домах работают до сих пор.

Летчики тогда говорили, что, пролетая ночью над южными и восточными границами Союза, они легко распознавали контуры великой страны по морю огней в советских городах. С нашей стороны светились огни, зримое воплощение электрификации, по ту же сторону границ царил беспросветная тьма.

При Брежневе, неоднократно напоминал М. Карим, не было политических репрессий. Никто не боялся рассказывать анекдоты про престарелого генсека, которых ходило в народе великое множество – по большей части беззлобных и далеких от политики. Говорят, что сам Леонид Ильич с удовольствием слушал веселые и искрометные анекдоты про самого себя, смеясь от души.

В эпохе Л.И. Брежнева осталось очень многое – то, что мы безвозвратно потеряли и навсегда. Перерывы между телевизионными передачами заполнялись не бесконечными рекламными паузами, а красивыми фотозтюдями о природе, дабы развивать у трудящихся чувство прекрасного и радовать глаз. Ныне каждая секунда эфира, как известно, на вес золота, тогда же время на государственном телевидении не стоило ничего, ни копейки.

Над фасадами зданий пестрели не рекламные названия зарубежных фирм – Сапон и прочие, а такие добрые и пронзительные призывы: «Слава нашей Родине!», «Миру – мир!», «Народ и партия едины!» и т.п. Тогда эти лозунги казались навязчивыми и раздражали, теперь же воспоминание о них греет душу.

В том времени не было ни СПИДа, ни порнографии, да и эротики, впрочем, тоже, ни наркотиков, ни нищих, ни бездомных, ни терактов, ни зачисток, ни спецопераций на беспокойных окраинах. Безмятежный мир царил над огромной страной.

Сегодня, оглядываясь назад, особенно остро чувствуешь, как мирное время шестидесятых–восьмидесятых годов несправедливо оболгано и оклеветано нынешней пропагандой.

Что можно поставить этому времени в вину? Очереди за продуктами в магазинах? Они казались в то время вполне естественным следствием урбанизации – да, колхозники переселяются в города, сельское население быстро сокращается, и продуктов порой не хватает.

«Что вы хотите, деревни-то обезлюдели, работать на земле стало некому!» – так часто приходилось слышать в те годы. Увы, очереди были, но здесь налицо подмена понятий, лукавый прием новой про-

паганды. Очереди-то ведь были в государственные магазины за продуктами по искусственно заниженным ценам! И следует оговорить особо: хлеб фантастически дешевый был везде и всюду, без всяких очередей и ограничений. Никто в Советском Союзе не был голодным. Если хочешь купить мясо по два рубля за килограмм – да, приходилось постоять в очередях. Не хочешь очередей – иди на рынок! На рынках, по рыночным ценам, было все и всегда и без всяких очередей – парная вырезка, домашние молочные продукты, любые фрукты и овощи, все, что только душа пожелает!

Разница с нынешним временем заключается лишь в том, что теперь нет государственных магазинов с неправдоподобно низкими, дотационными ценами. Если бы такие магазины существовали сегодня, то в них тоже стояли бы очереди – иначе и быть не может, иначе не бывает нигде и никогда. У каждого в конце концов имелся выбор – идти в магазин или на рынок.

Необходимо разоблачить мифы об эпохе развитого социализма. Это неправда, будто при Л.И. Брежневе экономика страны была застывшей и косной. Были попытки обновления, были поиски новых форм собственности – те же жилищно-строительные кооперативы, появившиеся в середине шестидесятых годов. Не хочешь ждать новую квартиру, стоя годами в очереди за государственным бесплатным жильем, – плати деньги, покупай кооператив!

Наивно теперь думать, якобы реформатор А.Н. Косыгин, проводя экономические реформы, противостоял консерватору Л.И. Брежневу – очевидно, это была одна команда единомышленников. Разногласия могли быть по частным мелочам, в главных же стратегических вопросах тогдашнее руководство СССР было единым.

Термин «эпоха застоя» был насильно навязан обществу М.С. Горбачевым в годы «перестройки». Но о каком застое можно говорить, если темпы роста ВВП во времена Л.И. Брежнева устойчиво составляли 3-4%, а в конце шестидесятых годов достигали даже 7%.

Советская экономика была в то время второй в мире, уступая только экономике США. Доля Советского Союза в мировом промышленном производстве составляла тогда 20%. Для сравнения: теперь доля новой России составляет едва 3%. Это не просто разные цифры, это – настоящая пропасть [308].

По индексу развития человеческого потенциала, согласно официальной статистике ООН, Советский Союз занимал в конце шестидесятых годов 26-е место в мире. Согласно некоторым данным, СССР при Л.И. Брежневе входил по уровню жизни даже в первую

десятью стран. Для сравнения: теперь Россия занимает по этому показателю то ли 66-е, то ли 71-е место. Так где же настоящий застой и когда он на самом деле начался?

Еще один миф, усиленно навязываемый нам либералами: якобы все успехи советской экономики были связаны исключительно с военно-промышленным комплексом. Нет, развитие экономики было многосторонним. Это в СССР был создан и испытан первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет, это в СССР появился и вошел в серийное производство внедорожник – знаменитая «Нива» Волжского автозавода, успешно экспортировавшаяся в западные страны. Это в СССР были построены первые атомные ледоколы, крупнейшие гидроэлектростанции, Байкало-Амурская магистраль.

Теперь – о культуре. Ниспровергатели социализма все время говорят нам о каких-то пресловутых заморозках после оттепели, о засилье дремучей цензуры. Между тем действительность далеко не так однозначна. Это при Л.И. Брежнев, говорил М. Карим, увидел, наконец, свет роман «Мастер и Маргарита» Булгакова, вышел из печати «Дом на набережной» Трифонова, была издана замечательная серия памятников философской мысли. Массовыми тиражами издавались произведения самых разных авторов как городской, так и деревенской прозы – произведения о судьбах народа и об отечественной истории, зачастую предельно честные, без лакировки и идеологического глянца. Это при Л.И. Брежнев впервые были изданы лучшие образчики эмигрантской литературы и на государственном уровне отдано должное патриотизму русских эмигрантов в годы Великой Отечественной войны (фильм «Мать Мария» и пр.). Это при Л.И. Брежнев расцвел жанр авторской песни. Пели свои песни Высоцкий и Окуджава, и множество грампластинок с их записями, подчас критически острыми по отношению к официальной идеологии, издавалось государственной фирмой «Мелодия» на Апрелевском заводе. Это при Л.И. Брежнев были осуществлены лучшие постановки в Театре на Таганке, в «Современнике» и во многих других театрах – постановки яркие, новаторские и подчас даже бунтарские. В сценариях многих кинофильмов той поры – например, в комедиях Рязанова и Данелии – сквозила острая сатира на советскую действительность, но фильмы эти тем не менее шли в широком прокате. Да и Жванецкий со своими хлесткими миниатюрами имел доступ и к телевизионному экрану, и к грамзаписи.

Размышляя о поэзии тех лет, М. Карим писал: «Во мне жило и живет убеждение в том, что советская поэзия – поэзия нового мира,

поэзия революции – должна говорить о жизни очень серьезно, правдиво, мужественно, с большой любовью к людям. Так она поступала и поступает, конечно, в лучших своих явлениях» [298]. Этим дорога нам и поэзия Карима. Я люблю в ней мудрость пахаря и человечность колыбельной песни крестьянки, ее верность жизни, сердечность, совестливость. Советская поэзия многонациональна и многоголоса. В этом могучем хоре лучших наших поэтов голос Мустая Карима имеет свой чистый тон.

Тогдашняя власть старалась, насколько могла, понять деятелей культуры и искусства, поддержать, пойти навстречу самым смелым их начинаниям. Границы дозволенного и разрешенного в эпоху развитого социализма были существенно раздвинуты. Может быть, эти границы смещались и не так быстро, как того хотелось отдельным нетерпеливым бунтарям, будущим «прорабам перестройки», но процесс этот шел и был, безусловно, поступательным. Если же кому-то теперь, с высот нынешнего времени, эпоха развитого социализма кажется недостаточно свободной, то следует вспомнить о принципе исторической относительности и сравнить общественную атмосферу при Л.И. Брежнев с грозной предыдущей эпохой, тогда еще столь недавней.

В самом деле, чем грозила обычному советскому человеку открытая словесная критика в адрес Л.И. Брежнева, других советских руководителей, да хоть бы и всей Советской власти? Вероятно, слишком строгий критик тогдашнего общественного строя не стал бы депутатом Верховного Совета СССР. Возможно, не смог бы поехать в престижную зарубежную командировку. Разве что. Мы не уверены, что у какого-нибудь американского коммуниста, открыто симпатизировавшего СССР, было в то время значительно больше шансов стать избранным в Конгресс [308].

Нынешние стандарты свободы в ведущих западных странах вызывают подчас недоумение. Если вы в Германии, даже сегодня, открыто симпатизируете нацистам или хотя бы просто сомневаетесь в достоверности фактов о холокосте, вы рискуете реально оказаться за решеткой, причем надолго! В Турции же, еще одной вполне демократической по западным меркам стране, тюремным заключением карается, наоборот, любое утверждение о геноциде армян в 1915 году. Какая же это свобода и демократия?

Человек, возможно, искренне заблуждается, но он лишь высказывает свою точку зрения. И западные лидеры еще имели наглость в продолжение многих десятилетий учить нас правам человека. Разумеется,

идеального общественного устройства не существует, все познается в сравнении. Если реальное положение дел с правами человека в СССР во времена Л.И. Брежнева называть авторитаризмом, то следует признать, что столь же или почти столь же авторитарным было общество и в большинстве западных стран – и в то время, и ныне.

Да, в эпоху Л.И. Брежнева в СССР существовала только одна политическая партия – по сути, даже не партия как таковая, а государственная структура. Но в самом этом факте была отражена, в известной мере, историческая случайность. Первый высший орган власти в стране – ВЦИК – был в 1917 году, как известно, многопартийным. И не случись летом 1918 года мятежа, вполне возможно, что какие-нибудь левые эсеры продолжали бы вплоть до девяностых годов занимать часть мест в Верховном Совете, как это было в ГДР и других странах народной демократии, как это есть теперь в КНР. Так что же было делать Л.И. Брежневу – не создавать же партию левых эсеров заново? Так уж сложилось. Да, тогда в СССР не было ни оппозиционных газет, ни оппозиционных телеканалов – телепрограмм в старой терминологии. А что, разве сейчас у нас есть оппозиционные телеканалы? Где, на какой кнопке?

Новая эра наметилась в ту пору и в отношении власти к религии. С приходом Л.И. Брежнева к руководству было остановлено начатое его предшественником массовое закрытие церквей, прекратились гонения на церковь: тогдашний патриарх Пимен сидел в торжественных президиумах, увешанный советскими орденами. Всякая оскорбительная антирелигиозная пропаганда была на государственном уровне полностью прекращена еще в 1964 году. Если что-то и писалось про церковь в официальных советских изданиях, то подчеркнуто корректно, вроде того, что «наша Русская православная церковь вместе со всем советским народом успешно борется за мир во всем мире!»

«Не было при социализме религиозного воспитания, но было воспитание на великой русской литературе, на любви к Родине, на идеалах добра и справедливости. А песенное искусство народа! Я возьму пока только этот один пункт для примера, который говорит обо всем, – наши песни. Потеряв Бога, душа народа как бы заполнила эту потерю песней. Наши довоенные песни, песни военной поры и послевоенные песни – это великое, уникальное явление русской, советской жизни! И песни эти никто не вымучивал, никто не внедрял их насильно, как ритмы грязных, лохматых, развязных, безумных западных групп. Они шли из гущи народа, от всего сердца. Они были такими искренними, такими мудрыми, такими крылатыми, потому что

таким был духовный и душевный строй наших людей, а он формировался самой жизнью. Русские песни тоже формировала жизнь. Они были чистыми, звонкими, удалыми, но сколько в иных было жгучего горя и безысходной тоски: “По диким степям Забайкалья”, “На сопках Маньчжурии”, “Лучина”, “У церкви стояла карета” и т.п. А когда Федор Иванович Шаляпин пел свою “Дубинушку”, зал, стоя, подпевал ему в едином порыве. Она стала гимном разбуженного народа, разрывающего свои цепи», – писал второе лицо в РПЦ Иоанн [243].

Кто из нас не слышал о том, что в безбожном СССР души людей были изуродованы. С этим утверждением категорически не был согласен митрополит Иоанн: «Это не так! Большинство народа было нравственным. Моральный облик советских людей был самым человеческим из всего человечества. Это признают даже зарубежные политологи. Почему? Да потому что моральный кодекс строителя коммунизма и заповеди Христовы учат одному и тому же – добру. Самые ценным, самым гордым завоеванием советского строя жизни были люди, честные, самоотверженные, целеустремленные, благородные. В тяжелейших условиях они построили великое государство, отстаивали его, спасли весь мир от фашистского рабства, а теперь этот мир, пресмыкаясь перед Америкой, угрожает нам. Значит, они всегда ненавидели Россию. Не народы, разумеется, а их правители, подконтрольные США» [243].

Он же утверждал: «Коллективизм, взаимовыручка, вера, любовь к Родине, открытость, миролюбие, труд, созидание, братство народов, честь, совесть, гражданский долг – вот главные качества и главные нравственные ориентиры советских людей. Вот почему так отчаянно бьется с мерзким режимом старшее поколение, потому что оно с ужасом видит, как гибнет то лучшее, что было создано, то хорошее, что было заложено в людях! Оно бьется не за себя. Много ли ему надо? Оно бьется за молодежь, которая развращена режимом и потому пассивна. Оно бьется за своих детей и внуков, которым уготована участь лакеев у иностранцев и новых господ, в лучшем случае – участь охранников толстосумов и их ворованного» [243].

В международных отношениях при Л.И. Брежневе наметились разрядка напряженности и разоружение – во многом благодаря личным усилиям самого Леонида Ильича. После эксцентричных выходов Хрущева возобладал наконец разумный и взвешенный курс на мирное сосуществование с западным миром, был подписан акт со вещания в Хельсинки, закрепивший послевоенные границы и давший новые гарантии соблюдения прав человека. Именно в эпоху

Л.И. Брежнев Советский Союз прочно и надежно вошел в число демократических стран с развитой экономикой. Совершенно необоснованными и несправедливыми видятся теперь нападки на пресловутую социалистическую демократию в СССР. Да, выборы при Л.И. Брежневе во все органы власти были безальтернативными, но это отнюдь не означает, что они не являлись свободными. Никто не мешал простому советскому человеку поставить галочку в графе «против» или просто испортить бюллетень. Условия голосования в то время – закрытые со всех сторон кабинки со столиком и лампой внутри – гарантировали отсутствие внешнего контроля со стороны. Скрытых камер в ту пору, разумеется, не было и в помине. Поэтому те 99%, которые неизменно получал в целом по всей стране «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», отражали реальную степень поддержки населением существовавшей власти. Приходится теперь признать честно и откровенно, что столь широчайшей социальной базы, как при Л.И. Брежневе, власть в нашей стране в обозримом прошлом не имела никогда.

Еще одна проблема связана с межнациональными отношениями. В стране, где два основных, государствообразующих народа – русские и украинцы – в общей совокупности составляли две трети населения СССР, личность Леонида Ильича с его южным говором, всю жизнь попеременно писавшегося в документах то русским, то украинцем, как нельзя лучше олицетворяла союз братских народов. Работа же его на посту первого секретаря ЦК республиканских компартий Казахстана и Молдавии способствовала тому, что и для этих народов он был своим человеком. «Какой красивый молдаванин!» – так сказал о Брежневе Сталин на XIX съезде партии.

Сам Л.И. Брежнев был наилучшим отражением своей эпохи. Выпускник металлургического института, инженер по образованию. Отважный герой-фронтовик, прошедший через самое пекло «Малой земли» и участвовавший в боях бок о бок с рядовыми солдатами. Выходец из простой рабочей семьи, Леонид Ильич являл собой безусловный образец настоящей интеллигентности и в языке, и в манерах, отражал все лучшие черты своего времени. Речи его были проникнуты уверенным спокойствием и неизменной доброжелательностью, интеллигентным мягким юмором – отнюдь не пошлым и не скабрёзным. Л.И. Брежнев никогда бы не договорился до обещаний замочить кого-то в сортире или до хвастливых заявлений, что слова его якобы отливаются в граните. Такого и представить себе было нельзя! Можно, разумеется, в очередной раз посмеяться над чтением

заготовленных на бумаге текстов, но иной раз, слушая современных политиков с их блатным жаргоном, невольно подумаешь: уж лучше бы они читали по бумажке, как Леонид Ильич! Речи Брежнева, если открыть и перечитать их сейчас, поражают своей человечностью и простым душевным теплом. Чуждый позерству, генсек говорит и печется в своих выступлениях о вполне обыденных вещах – статистике роста народного хозяйства, числе построенных домов и заводов, домнах, железных дорогах и кораблях. И еще – его страстные призывы к миру, к разоружению, к разрядке, выраженные простым человеческим языком. Таким и входил он в каждый советский дом с экранов черно-белых и первых цветных телевизоров – словно заботливый отец и дед, настоящий отец нации, за которого никогда не было стыдно [308].

Очень хорошо характеризует Леонида Ильича и случай, произошедший в Ташкенте 23 марта 1982 года, в год смерти Генсека, и ставший роковым для него.

Как утверждает начальник личной охраны Л.И. Брежнева В.Т. Медведев, в этот день по программе визита в рамках вручения Узбекской ССР ордена Ленина Генсек должен был посетить несколько объектов, в том числе авиационный завод. С утра, после завтрака, состоялся обмен мнениями с местным руководством, все вместе решили, что программа достаточно насыщена, посещение завода будет утомительным для Леонида Ильича. Договорились туда не ехать, охрану сняли и перебросили на другой объект.

С утра поехали на фабрику по изготовлению тканей, на тракторный завод имени 50-летия СССР, где Леонид Ильич сделал запись в книге посетителей. Управились довольно быстро, и оставалось свободное время. «Возвращаясь в резиденцию, – читаем далее, – Леонид Ильич, посмотрев на часы, обратился к Рашидову:

– Время до обеда еще есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас. Нехорошо... Возникнут вопросы... Пойдут разговоры... Давай съездим.

Гостеприимный Рашидов, естественно, согласился:

– Давайте, Леонид Ильич, давайте съездим.

Разговор зашел уже при подъезде к резиденции. Вмешался Рябенко:

– Леонид Ильич, ехать на завод нельзя. Охрана снята. Чтобы вернуть ее, нужно время.

Брежнев жестко ответил:

– Вот тебе пятнадцать минут – возвращай охрану.

День стоял чудесный, ясный, мы вынесли из резиденции кресла, и Леонид Ильич с Шарафом Рашидовичем уселись на ярком солнце. Они беседовали о чем-то, Брежнев смотрел на часы, нервничал. Рябенко связался с местными руководителями госбезопасности, те стали звонить на завод. Прошло всего минут десять, не больше, Леонид Ильич не выдержал:

– Все, выезжаем. Времени на подготовку у вас было достаточно.

Колонна машин двинулась в сторону авиационного завода.

Мы знали, что принять все меры безопасности за такой короткий срок невозможно. Что делают в таких случаях умные руководители? Попросят всех оставаться на рабочих местах. Пусть бы работали в обычном режиме, и можно было никого не предупреждать, что мы снова передумали и высокий гость все-таки прибудет. Здесь же по внутренней заводской трансляции объявили: едут, встреча – в цехе сборки. Все бросили работу, кинулись встречать.

Мы все-таки надеялись на местные органы безопасности: хоть какие-то меры принять успеют. Но оказалось, что наша, московская охрана успела вернуться на завод, а местная – нет. Когда стали подъезжать к заводу, увидели море людей. Возникло неприятное чувство опасности. Рябенко попросил:

– Давайте вернемся?

– Да ты что!

Основная машина с Генеральным с трудом подошла к подъезду, следующая за ней – оперативная – пробиться не сумела и остановилась чуть в стороне. Мы не открывали дверцы машины, пока не побежала личная охрана.

Выйдя из машины, двинулись к цеху сборки. Ворота ангара были распахнуты, и вся масса людей также хлынула в цех. Кто-то из сотрудников охраны с опозданием закрыл ворота. Тысячи рабочих карабкались на леса, которыми были окружены строящиеся самолеты, и расползались наверху повсюду, как муравьи. Охрана с трудом сдерживала огромную толпу. Чувство тревоги не покидало. И Рябенко, и мы, его заместители, настаивали немедленно вернуться, но Леонид Ильич даже слушать об этом не хотел.

Мы проходили под крылом самолета, народ, заполнивший леса, также стал перемещаться. Кольцо рабочих вокруг нас сжималось, и охрана взялась за руки, чтобы сдержать натиск толпы. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, когда раздался вдруг скрежет. Стропила не выдержали, и большая деревянная площадка – во всю длину самолета и, шириной метра четыре – под неравномерной тя-

жестью перемещавшихся людей рухнула!.. Люди по наклонной пока- тились на нас. Леса придавили многих. Я оглянулся и не увидел ни Брежнева, ни Рашидова, вместе с сопровождавшими они были накры- ты рухнувшей площадкой. Мы, человека четыре из охраны, с трудом подняли ее, подскочили еще местные охранники, и, испытывая огром- ное напряжение, мы минуты две держали на весу площадку с людьми.

Люди сыпались на нас сверху, как горох.

...Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним – Володя Собаченков. С разбитой головой. Тяжелая площадка, слава Богу, не успела никого раздавить. Поднимались на ноги Рашидов, наш генерал Рябенко, мест- ные комитетчики. Мы с доктором Косаревым подняли Леонида Ильича. Углом металлического конуса ему здорово ободрало ухо, текла кровь. Помогли подняться Володе Собаченкову, сознания он не поте- рял, но голова была вся в крови, кто-то прикладывал к голове платок. Серьезную травму, как потом оказалось, получил начальник местной «девятки», зацепило и Рашидова.

Доктор Косарев спросил Леонида Ильича:

– Как вы себя чувствуете? Вы можете идти?

– Да-да, могу, – ответил он и пожаловался на боль в ключице.

Народ снова стал давить на нас, все хотели узнать, что случи- лось. Мы вызвали машины прямо в цех, но пробиться к ним не было никакой возможности. Рябенко выхватил пистолет и, размахивая им, пробивал дорогу к машинам. Картина была – будь здоров, за все годы я не видел ничего подобного: с одной стороны к нам пробиваются машины с оглушительно ревушей сиреной, с другой – генерал Рябенко с пистолетом.

Ехать в больницу Леонид Ильич отказался, и мы рванули в рези- денцию. В машине Рябенко доложил Брежневу, что случилось, кто пострадал. Леонид Ильич, сам чувствовавший себя неважно, распо- рядился, чтобы Володю Собаченкова отправили в больницу. У Володи оказалась содрана с головы кожа, еще бы какие-то миллиметры, и просто вытекли бы мозги.

Конечно, если бы мы не удержали эту тяжеленную площадку с людьми на ней – всех бы раздавило, всех, в том числе и Брежнева.

В резиденцию вызвали врачей из 4-го управления Минздрава, которые прибыли с многочисленной аппаратурой. Остальных постра- давших на машине «скорой помощи» отправили в больницу. Володя Собаченков очень скоро, буквально через час, вернулся из больницы с перебинтованной головой. Врачи осмотрели Леонида Ильича, сде- лали рентген и, уложив его в постель, уехали проявлять снимки.

Результаты предстали неутешительные: правая ключица оказалась сломана. К счастью, кости не разошлись. Леонид Ильич отдохнул, пришел в себя, началось всеобщее обсуждение, сможет ли он завтра выступить с речью на торжественном заседании ЦК Компартии республики и Верховного Совета Узбекистана. Косарев и местные врачи настаивали прекратить визит и возвращаться в Москву. Но Брежнев ответил, что чувствует себя вполне прилично, а возвращение домой вызовет в народе массу ненужных кривотолков.

Утром следующего дня, 24 марта, состояние Брежнева ухудшилось. Врачи вновь просили его вернуться в Москву, и вновь он отказался, просил сделать все возможное, чтобы он смог выступить на праздничном торжественном заседании. Руку его укрепили на повязке.

На торжества он поехал. Перед выступлением повязку снял. Встретили его овацией. Выступал больше часа! Надо отдать должное его выдержке, если хотите – мужеству. Он осторожно перелистывал страницы доклада, и из всего огромного зала только мы знали, что каждое мало-мальское движение руки вызывает у него нестерпимую боль.

Движения были скованные, речь заторможенная. Он был похож на человека, который накануне сильно выпил. Так думали не только многие телезрители или слушатели в зале, но и люди из ближайшего окружения Генерального. Нам не стеснялись задавать вопросы на эту неприятную тему. Каждому не объяснишь. Обидно.

На другой день, 25 марта, у Брежнева хватило сил выступить на встрече с руководителями республики, а чуть позже произнести поздравительную речь при вручении ордена Октябрьской Революции первому секретарю ЦК Компартии Узбекистана Шарафу Рашидовичу Рашидову» [321, 166–169].

Кстати, это выступление транслировали по телевидению. И я видел, как Брежнев очень тяжело переворачивал страницы текста выступления.

В связи с вышеизложенным, приведем строки из книги З.Н. Нуреева «От аула до Кремля», которые натолкнули и меня на воспоминания. Зия Нуриевич пишет: «В период уборки урожая, заготовок зерна и других продуктов сельского хозяйства Брежнев часто звонил мне, давал конкретные поручения. В это горячее время, где бы ни находился, в Крыму на отдыхе или в Москве, он почти каждый день разговаривал по телефону с местными руководителями, был в курсе их дел и забот» [453, 354].

Это было 20 июня 1982 года. Тогда я работал в отделе науки и учебных заведений Башкирского обкома КПСС. В этот день дежурил

в приемной первого секретаря. Была суббота. По всей стране выбирали депутатов местных советов. Мидхат Закирович Шакиров совершал поездку по Уфе.

Около 11 часов дня зазвонил телефон ВЧ. Попросили соединить с М.З. Шакировым. Я ответил, что его нет. Тогда услышал: «Соединяю с приемной Леонида Ильича. Объясните сами». Через некоторое время женский голос спрашивает: «Это товарищ Шакиров?» Я ответил, что его нет и что он в городе. Тогда секретарь спросила, кто из руководителей обкома на месте. На своем рабочем месте тогда был второй секретарь обкома Владимир Леонидович Волошин. Попросили его к телефону.

Разговор Л.И. Брежнева с В.Л. Волошиным длился минут 5-6. Было понятно, что речь шла об урожае. В тот год в Башкирии стояла жестокая засуха.

Генеральному секретарю ЦК КПСС оставалось жить меньше 5 месяцев, а его волновала ситуация с засухой в Башкирии.

В связи с этим вспоминается случай. Председатель Верховного Совета РБ М.Г. Рахимов давал интервью тележурналистке Эльзе Хоревой. Это было в 1994 году. Тогда Муртаза Губайдуллович, показывая на телефон ВЧ, сказал: «Вот уже три года я нахожусь в этом кабинете и по этому телефону не было ни одного звонка».

Два факта и два случая к размышлению.

Много интересного узнаем мы из многолетних наблюдений «изнутри» жизни Л.И. Брежнева начальника его личной охраны, а затем начальника личной охраны М.С. Горбачева генерала В.Т. Медведева.

«Отношения, – пишет Владимир Тимофеевич, – Леонида Ильича и Виктории Петровны друг к другу можно без преувеличения назвать нежными, по нынешнему времени и нынешним нравам – старомодными. Однако, когда дело касалось работы, он был жестким, неумолимым. Однажды комендант сказал Виктории Петровне, что появилась ставка помощника коменданта, который должен заниматься хозяйственными делами, и посоветовал ей взять кого-нибудь из охраны: ребята свои, все знают – и хозяйство, и обстановку. Виктория Петровна предложила эту идею Леониду Ильичу без ссылки на коменданта. Разговор был как бы мимоходом, они шли по коридору. Он вспылил:

– Это не твое дело! Ребят не трожь! Охрана выделена для меня, а не для тебя» [321, 124].

По мнению В.Т. Медведева, ты – жена, домашняя хозяйка, мать семейства, в этом весь круг твоих обязанностей. Таковую линию он

проводил беспрекословно. И его предшественник – Хрущев – любил ездить за границу с женой, а иногда и всей семьей (знаменитая поездка на теплоходе), и особенно увлекался зарубежными поездками с женой пришедший на смену Горбачев. У Брежнева же в этом смысле были свои принципы – Виктория Петровна сопровождала мужа в зарубежных командировках крайне редко. Брежнев справедливо считал, что служебные командировки не прогулки, он не любил большого окружения, сам смотрел списки пофамильно. Выходило часто так, что МИД и помощники Генерального пропихивали в поездки своих друзей – «прокатиться», а Брежнев собственноручно вычеркивал их. Иногда мы давали сигнал, Рябенко говорил: «Посмотрите, Леонид Ильич. Зачем нам нахлебники? И охране работы больше» [321, 124].

Жену М.С. Горбачева очень красноречиво характеризуют и эти слова В.Т. Медведева: «...Крым, утро. Раиса Максимовна подходит ко мне и как школьная учительница провинившемуся младшекласснику, объявляет:

– Вы, Владимир Тимофеевич, плохо работаете.

Я озадачен. За четверть века работы в КГБ мне никто не делал серьезных замечаний за какие-то упущения. Не зная за собой вины, я хочу выяснить, что произошло:

– Я вам сейчас говорить ничего не буду, – медленно, со значением отвечает она. – Вот выйдет Михаил Сергеевич. Я хочу, чтобы он слышал.

Не понимаю, в чем дело, но понимаю, что она ему уже пожаловалась. Из дома выходит Михаил Сергеевич, и – что это? – мимо нас проходит к морю, на пляж. Он уже забыл о ее жалобе, ему гораздо приятнее теперь идти отдыхать.

– Михаил Сергеевич! – опять важно, со значением окликает она его. Он разворачивается, подходит. – Вот, я вам говорила о Владимире Тимофеевиче...

Оказывается, Раисе Максимовне понадобилась женщина из обслуживающего персонала, но та – заболела... Теперь выясняется, почему я плохо работаю: подбирать нужно ту службу, которая в нужный момент не болеет, а работает. Но тон, тон – провинциального педагога. Я стою перед ней, здоровый крепкий мужик, накачанный-перекачанный, прошедший такую огромную школу КГБ за четверть века беспорочной службы.

– Да, вы плохо работаете!..

На лице ее не просто удовлетворение – удовольствие. Осанка, взгляд! Она величественно разворачивается, и они уходят. Мне

почему-то казалось, что Михаилу Сергеевичу должно быть неудобно за супругу.

Те общались при мне просто, как муж с женой, как люди.

– Леня, ты...

– Витя, ты...

Эти:

– Михаил Сергеевич, вы...

– Раиса Максимовна, вы...

Как на сцене» [321, 201–202].

Сравнивая моральную атмосферу в семьях Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева, В.Т. Медведев пишет: «Там (у Брежневых. – **И.В.**) я никогда, ни разу не был унижен» (выделено мной. – **И.В.**) [321, 207].

Всем известно, как мстил уже покойному Л.И. Брежневу М.С. Горбачев. Примеров много. Приведем только один со слов В.Т. Медведева: «Мы проезжали по Кутузовскому проспекту. На фасаде дома, где жил Брежнев, была приделана маленькая полочка. Каждый раз на ней лежали свежие цветы. Везу утром Михаила Сергеевича на работу – цветы. С работы – цветы. Он прямо в машине снял телефонную трубку и позвонил Плеханову.

– Ты проезжаешь мимо дома двадцать шесть? Полочку эту на фасаде видел?

Он даже не просил убрать ее. Просто поинтересовался: видел?

На другой день и все остальные дни, месяцы и годы не было ни полочки, ни цветов.

Одного этого звонка было достаточно» [321, 203–204].

Если мы будем иметь в виду регулярные «спектакли» президента России со своими подчиненными, которые выражаются в бессмысленных беседах, то метод работы Л.И. Брежнева со своими подчиненными заслуживает уважения.

«Первые секретари, – вспоминает В.Т. Медведев, – попадали на прием к Генеральному свободно. Во время партийных съездов, пленумов, конференций они собирались группами по 15–20 человек, Брежнев или помощник предлагали: заходите все вместе, а если у кого что-то личное – по одному. Заходили вместе, кому нужно было остаться в высоком кабинете – оставались. После таких встреч Генеральный пребывал в хорошем расположении» [321, 125].

И еще. Л.И. Брежнев не держался за власть, подобно многим. Напротив, как стало известно уже позднее, несколько раз поднимал вопрос о своей отставке, собираясь уйти на покой. Но политбюро и весь государственный аппарат буквально валялись у него в ногах,

упрашивая не уходить, продержаться еще хотя бы немного. Он был нужен своей стране в качестве живого символа стабильности и спокойствия. И этот старый и больной человек держался: повинувшись чувству долга, из последних сил нес тяжкое бремя высшей власти. И пронес его до конца, до тех самых ноябрьских дней 1982 года. Низкий поклон его памяти. Очень скоро настанет новое время, когда общество посмотрит на личность Л.И. Брежнева другими глазами, переосмыслив пройденный страной путь под его руководством. Этот человек сделал государственный строй более человечным, приблизил задачи государства к нуждам и чаяниям простых людей. Рано или поздно придется вернуться ко всему, что было бездумно отвергнуто в последующую эпоху, – к элементам государственного планирования и регулирования в экономике, к государственной монополии на природные ресурсы страны, к большей социальной защищенности простого человека [308].

А вот что пишет В.Т. Медведев по этому же поводу: «...Я снова и снова (с сожалением и горечью) размышляю о том, почему он не ушел на покой в середине семидесятых. Думал ли он об уходе? Да. Иногда, когда очень уставал или закашлялся, Виктория Петровна заводила разговор:

– Леня, может, ты уйдешь на пенсию? Тяжело тебе уже. Пусть молодые...

– Я говорил, не отпускают.

Когда по телевидению показывали его, беспомощного, она также начинала этот разговор.

Действительно – не отпускали. При мне еще в середине семидесятых, после какого-то очередного награждения, он, еще будучи более-менее в норме, сказал членам Политбюро:

– Устаю. Может быть, действительно уйти на пенсию?

Все дружно заговорили: да что вы! Не может быть и речи.

А Андропов посоветовал:

– Вы поменьше себя утруждайте. Мы будем на себя больше брать.

В интервью, которое Александров-Агентов дал незадолго до своей смерти, на вопрос журналиста: “Каково вам, человеку образованному, было работать с весьма недалекой личностью, каким остался у многих в памяти Леонид Ильич?”, бывший помощник ответил:

– Я никогда не соглашусь с таким грубым упрощением личности Брежнева. Он в последние годы жизни дважды ставил вопрос о своей отставке, но “старики” – Тихонов, Соломенцев, Громыко, Черненко – не допустили этого: больной Брежнев был им удобен» [321, 164–165].

Личностные качества и «творения» М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина у М. Карима, кроме чувств омерзения, никаких других ассоциаций не вызывали. Хотя, например, 13 марта 1985 года он направил Горбачеву телеграмму следующего содержания:

«Правительственная
Москва ЦК КПСС Товарищу Горбачеву

Дорогой Михаил Сергеевич! С глубоким удовлетворением поздравляю вас с избранием на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Это событие было желанным для всех нас. Оно вселяет в нас новые надежды и уверенности. Желаю здоровья, неиссякаемых духовных сил и душевного равновесия.

Мустай Карим, Народный поэт Башкирии» [307].

Однажды на вопрос: «Кто из российских политиков, если не импонирует, то хотя бы подает какую-то надежду?», М. Карим ответил: «Сегодня Владимир Владимирович Путин. Я дважды голосовал за него. Похвалюсь, я не из тех, кто вчера отдал голос, сегодня бросает камень» [36, 19].

При путинской России поэт прожил 5 лет. Приняв первые его заявления и какие-то реальные шаги как предвестники будущих изменений в стране, в конце своей жизни М. Карим очень скептически относился к Путину. Во время нашей очередной прогулки на крыше подземных гаражей во дворе его дома поэт бросил такие слова: «Путин оказался непутевым, пустым». Было это 27 мая 2003 года. За 3 года до этого он горячо поддержал Путина во время президентских выборов. Вот что он писал: «Я за свою жизнь видел немало руководителей страны. Были разные. Я не из тех, кто говорит о прошлом только плохое, так сказать, пинает мертвого льва. Перечисленные мною добрые качества Владимиру Путину присущи в высшей степени. Недавно я познакомился с его биографией. Смолоду он ставил перед собой ясную цель, познал цену труда, был упорен в достижении намеченной цели. Про него говорят, мол, внезапно выдвинулся. Если бы не было основы, не смог бы он выдвинуться и не поднялся бы до этих высот. Конечно, я с ним близко не знаком. Однако глава государства – всегда на виду. Думаю, за полгода он успел себя проявить. И помыслами, и делом. Есть определенные результаты» [405].

Только здесь возникает вопрос: Какие «определенные результаты?» Человек еще не проработал практически руководителем государства.

И еще. В 2004 году поэт был удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. 27 сентября того же года он, выступая при получении награды из рук Путина, фактически подверг Президента

критике: «Большое Вам спасибо, Владимир Владимирович, что я удостоен высокой, очень высокой награды Родины. Получая эту награду, все-таки, я не могу сказать, что принимаю ее как аванс. Только потому, что мой лимит, из-за возраста, на авансы и обещания исчерпан. Мои основные сочинения написаны в советское время. Стало быть, я писатель советский.

В этой акции меня очень радует то, что в признании сейчас моей работы и работы моих современников выражаются ваши помыслы и действия, направленные на укрепление и утверждение связи времен.

Отечество не следует делить на временные пояса – на далекое или недалекое прошлое, на настоящее или будущее.

Такое расчленение на времена опасно расчленением на пространства. Отечество оно едино и неделимо. Поэтому оно вечно. Только бы народы в нем жили доброй, созидательной памятью, а не памятью злой и разрушительной (выделено мной. – И.В.). Еще раз спасибо!» [307].

Что касается Путина дело доходит до абсурда. С 2003 года как в университетах США прекратили использовать исчерпавший себя «черный» миф о сталинских репрессиях и сообщают студентам достоверные данные, многократно опубликованные и перепроверенные несколькими группами историков, в том числе с участием американских ученых. А на российском телевидении и ведущие, и приглашенные «историки», и политики продолжают повторять сказку о «миллионах расстрелянных». Для создания образа России как «империи зла» этот миф имеет первостепенное значение. Знаменательно: В.В. Путин, сам вышедший из КГБ и прекрасно знающий истину, при виде этой политической диверсии хранит молчание. А ведь масштаб этой лжи и резонанс от нее таковы, что именно президент должен был бы раз и навсегда прекратить мистификацию. И при этом от него не требовалось делать «коммунистическому монстру» никаких идеологических уступок – ему достаточно было просто один раз официально сообщить достоверные цифры и предложить, на привычном ему языке, «прекратить лепить чернуху» [258].

«Мне всегда, – признается М. Ломунова, – непонятен скептицизм иных критиков, с каким они воспринимают попытки соотнести мироощущение современного писателя с порой его детства. Можно ли говорить о Пушкине, не вспомнив Михайловского, сказок, песен, слышанных поэтом в детские годы?.. О Есенине – не означив рязанской, деревенской струи, вспоившей его творчество?» [309, 37–38]. «Золотой запас впечатлений детства и юности, – говорил А.Твардов-

Она только мечь разжигала.
 И мечь мне в бою как товарищ была
 И силы во мне прибавляла...
 Я, партия, был командиром в бою,
 Но знаю, во всякое время
 Я все ж рядовым в твоём стане стою,
 Такой же как все между всеми.
 Я красный шарик в твоей крови,
 Я искра в пламени бурном.
 Мгновение в вечности нашей любви.
 Я ниточка в флаге пурпурном.
 Я каменщик только
 На стройках твоих.
 Стрелок из твоих батальонов.
 Певец твоих подвигов боевых,
 Живущих в душе миллионов.
 И зов твой звучит для меня везде:
 – Вперед, рядовой Карим.
 В бою ли, иль в мирном нашем труде
 Препятствия – все бери! [368].

На это стихотворение ученица Лида Белоусова откликнулась стихотворением «Десятиклассник»:

Десять лет назад пришел он в школу,
 Первоклассник, маленький мальчишка.
 Здесь впервые сел за парту в классе,
 По слогам прочел впервые книжку.
 Здесь под знаменем давал он клятву –
 Жить по-ленински, учиться и работать.
 Начал он носить билетик алый
 С ленинским портретом на обложке.
 А сейчас, погожим летним утром,
 Он стоит у школьного порога...
 Где полезным будет он народу
 И куда пойдет его дорога?
 Казахстан, Сибири новостройки,
 Трубы фабрик над тайгой седой...
 Здесь его ровесники свершают
 Комсомольский подвиг трудовой.
 Но не зря давал он в школе клятву,
 Носит алый на груди билет.
 Выберет он верную дорогу,
 В этот тихий памятный рассвет [28].

Другое стихотворение М. Карима о партии называется «Здравствуй, Завтра!»:

*Часы эпохи Завтра пробили, –
Звон по Вселенной лить им и лить.
Космос и Время... О них говорили.
Я о руках хочу говорить.*

*Руки, которые не за неделю
Мир сотворили сей.
Нет, эти руки – скажу – в самом деле
Мне не дарили цветов с полей.
Руки эти порвали оковы,
Брали винтовку, знамя несли.
Ил, что остался еще от потопа,
Эти руки убрали с земли.*

*Руки эти меня поднимали,
Воду и хлеб они дали мне.
Эти руки мне счастье ковали,
Словно как сталь на большом огне.*

*Твердые руки, руки в мозолях...
Сколько в них нежности и огня!
Раз погрозят лишь пальцем – не боле
Дважды потом приласкают меня.*

*Знайте, люди заводов и пащен,
Это же руки Партии нашей.*

*Первыми проблеск зари заметят,
След от тучи, где ждется гроза, –
Сердце мое оттого и светит,
Что видят все на огромной планете
Зоркие Партии нашей глаза.*

*Мысли твои, о Партия наша,
Знай, навеки впитала душа.
«Здравствуй, Завтра!» – говорю с бесстрашьем,
Пусть же легким будет твой шаг [372, 13–14].*

В стихотворении «Слово о сокровищах» мы читаем:

*Кто превратил в страну чудес твой край,
А нас с тобой – в людей? Не забывай
Об этом, сын мой, родину любя.
(«Компартия!») – сказал я про себя.* [356, 14].

Будучи избранным делегатом XX съезда КПСС, М. Карим пишет статью «Мои думы», в которой отмечает роль партии в развитии страны. «Читая, – пишет он, – проект Директив XX съезда партии по новому пятилетнему плану, с глубокой благодарностью осознаешь все величие забот Коммунистической партии о могуществе страны, о благополучии и счастье народа. Мы, советские люди, хорошо понимаем следующую истину: чем могущественнее будет наша страна, тем спокойнее могут спать дети всех пяти материков; чем богаче будет наше государство, тем обеспеченнее будет советский трудовой человек. За каждой цифрой, отражающей перспективы роста народного хозяйства в новом пятилетии, мы реально видим завтрашний день страны и народа.

Если партия так сказала, значит так и будет, потому что эти цифры выражают насущные интересы времени и человека. В стране вырастут новые заводы с первоклассным оборудованием, на колхозные поля придут совершенные машины, забьют новые нефтяные фонтаны, население получит миллиарды метров ткани, миллионы тонн продуктов питания, тысячи детей придут в новые школы. По всей стране протянется более 12 тысяч километров новых и вторых железнодорожных путей. Я с радостью думаю о том, что знакомая Кубра апай из Учалов в новой пятилетке приедет ко мне в гости по вновь построенной железной дороге» [359].

В таком же духе написана поэтом и статья «Дружба, скрепленная трудом» [360].

О стиле работы партийных органов М. Каримом говорится в статье «Мудрые уроки». «Вся практическая работа, – читаем мы, – партии и ее ленинского ЦК начисто отвергает красноречивые разглагольствования “в общем и целом”. Партия, открыто говоря о трудностях нашей борьбы, глядя прямо в глаза народу, направляет народные силы на создание жизненных благ ежедневно, повсеместно. Все же тот самый “некто” нет-нет да мелькнет на трибуне. Пора бы знать ему, что он уже изжил себя. Но он этого не знает. Ибо он слеп и глух. Эти строки я также не к нему обращаю, обращаю их к другим, кото-

рые должны остановить его. Как говорили в старину, в колокола бьют не для глухих» [375, 149].

Обратимся к «Письму к советским коммунистам», которое ALECS опубликовал в интернете. «Уважаемые советские коммунисты, – пишет он. – Я не уполномочен говорить за всех, потому что, вполне может быть, кому-то не хватало в СССР бандитов, проституток, ментов-палачей, безработицы, чиновников-коррупционеров, терактов, инфляции, межнациональных конфликтов, беженцев, платного образования и платной медицины, тупых сериалов и бездарной попы по телевизору, церковей, мечетей и синагог, наркомании, педофилов, Ксюши Собчак, Куршавелей для одних и помоек для других, дефолтов и экономических кризисов, монетизации совести и капитализации человечности. Я могу говорить только за себя самого. Потому что лично мне все вышеперечисленное было совершенно не нужно.

Между нами говоря, не все у вас получалось хорошо, а кое-что не получалось совсем, но посмотрев на то, что получилось, после того, как вы ушли, у меня к вам никаких претензий больше нет. Официально заявляю, что я их все, которые у меня тогда были, снимаю...

Но вот того хорошего, что при вас было, больше нет и не будет.

Так что, спасибо вам за то, что вы были. За улыбку Юрия Гагарина, за красный флаг над Берлином, за Советскую Армию, оснащенную первоклассными танками и самолетами, за уверенность в том, что никто никогда не нападет на мою страну, потому что получит так, что мало не покажется. За атомные ледоколы. За то, что хранили великую русскую классическую культуру и культуру других народов Союза от пошлости и законов рынка. За науку, за обсерватории, за синхрофазотроны. За журнал «Астрономический календарь школьника» ценой пять копеек и журнал «Квант» ценой в десять копеек, который выписывала моя не очень богатая мама. За горы Северного Кавказа, на которых можно было отдыхать и кататься на лыжах, не боясь получить пулю от бородатого фанатика. За бесплатный радиокружок, в котором я собрал свой первый транзисторный приемник. За врачей, которые бесплатно сделали операцию на глаза моей маленькой дочке. За гордость необъятностью страны, в которой живешь. За то, что мы все были своими – русские, украинцы, азербайджанцы, армяне, евреи, чукчи и еще 150 разных народов и народностей, за офигенное чувство равенства между людьми, суть которого просто не понять тем, кто тогда не жил.

А самое главное – за то, что мы, как бы ни косячили временами, созидали самый лучший и самый гуманный строй в истории. Если не

для себя, то для наших детей. Но и не только для наших, между прочим...

Погано все стало без вас, уважаемые советские коммунисты, очень погано! И главное – явно будет еще поганее» [9а].

М. Карим не раз говорил и неоднократно писал о личностях, которые достойно несли звание коммуниста.

Так, в статье «Писатель, боец партии» он вел разговор о настоящем патриоте, писателе Николае Островском, который обращаясь к советской молодежи говорил: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе – и никуда иначе! Вот девиз молодежи нашей страны, девиз прекрасный, девиз мужественный, девиз, завещанный нашими вождями» [354]. «Только вперед, только к победе!» – было прежде всего девизом всей замечательной, трудной и героической жизни самого писателя.

«Воспитание на примере героев Николая Островского, – подчеркивает М. Карим, – комсомольцы в минувшей Отечественной войне совершали великие подвиги во имя Родины. Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Лиза Чайкина и сотни тысяч других известных и безымянных героев показали себя достойными преемниками славных традиций первых комсомольцев, достойными сынами Коммунистической партии. Лучшая часть советской молодежи и сейчас является продолжателем дела Корчагина. И роман «Как закалялась сталь» не одинок в нашей советской литературе. Наряду с ним стоят книги А. Фадеева “Молодая гвардия”, Б. Полевого “Повесть о настоящем человеке”, Н. Бирюкова “Чайка”, А. Бойченко “Молодость”, которые также любит и читает наша молодежь.

Советский народ высоко ценит и почитает Николая Островского не только как писателя, но и как своего героя, замечательного коммуниста, стойкого, сильного человека своей исключительно мужественной натурой победившего недуги и даже смерть» [354].

«Я родился на Дону, – говорил еще один из великой когорты партии коммунистов в своей речи перед избирателями Новочеркасского избирательного округа М. Шолохов, – рос там, учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой Коммунистической партии. И, будучи патриотом своей великой, могущественной Родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного Донского края.

Товарищи, ваш старый город много слышал речей о любви к Родине. Говорили о любви к Родине и в годы Гражданской войны. Говорили,

в частности, и атаман Краснов, и прочие подобные ему политические пройдохи, говорили и одновременно приглашали на донскую землю немецких оккупантов и потом так называемых «союзников» – англичан и французов. Говорили о любви к Родине и одновременно торговали кровью казаков, обменивали ее на предметы вооружения для борьбы с Советской властью, с русским народом» [476].

Вчитаемся в строки из речи М. Шолохова на II Всесоюзном съезде советских писателей: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством» [306].

В некрологе по поводу кончины поэта большая группа литераторов и деятелей культуры, среди них Ю. Бондарев, А. Ларионов, В. Сорокин и др., отметили, что М. Карим **«всегда придерживался высоких коммунистических идеалов»** (выделено мной. – *И.В.*) [477]. И член-корреспондент АН РБ М. Аюпов высказался в том смысле [23]. А сам поэт писал: «Не знаю большего счастья для человека, чем быть сыном Советской Родины, разумом и сердцем принадлежать партии коммунистов» [359].

«Война была большой школой для моего поколения»

Мустай Карим [364, 5]

В «Мгновениях жизни» поэт признался: «Эта своевольная вещь, которая памятью называется, никаких моих сетований, отнекиваний не слушая, часто уносит меня в военные годы. Хотя вроде бы за минувшие с тех пор шестьдесят лет все, что тогда случилось, – уже в сердце пережил, все, что в мыслях тогда ворочалось, – разум давно перемолол. О чем хотел сказать, к каким выводам пришел, – о том я в своих стихотворных произведениях, повестях, в некоторых пьесах постарался сказать» [413, 224].

Да, военные воспоминания М. Карима так никогда и не отпустили, сопровождая его всю оставшуюся жизнь.

Переводчица стихов М. Карима Елена Николаевская пишет: «Мустай, фронтовик, прошедший страшную войну, чудом воскресший после смертельных ранений, мудрый, нежный, благородный, одно присутствие которого давало силы, уверенность в себе, исцеляло, радовало, даровало труднейшие решения в вопросах бытия и быта» [547, 71].

Главным событием жизни, решающим испытанием на прочность для него, как и для тогдашних миллионов юношей и девушек нашей Родины, стали годы Великой Отечественной войны.

Пройдя «сквозь горнило жестоких сражений, получив тяжелое ранение, Мустай Карим выжил, стал полпредом не только фронтового поколения, но и вечно живой, непобедимой поэзии.

Он воплотил в себе величие и скромность, доброту и терпение всего многострадального и могучего советского народа, народа-победителя. И вполне объяснимо, что его замечательные произведения рождаются от слияния мужества и нежности, страдания и восхищения, от непримиримой борьбы между силами добра и зла» [165].

На вопрос: «В предвоенные годы Вы думали о том, что придется воевать?», поэт ответил: «Великая Отечественная война не пришла неожиданно. Мы готовились к войне. Мы знали, что нам с фашизмом придется воевать. Когда пакт Молотова–Риббентропа был заключен, немного затихло. А вообще это не было неожиданностью. Но час, миг нападения были неожиданными, потому что просто нас обманули эти немцы со своим пактом. И немножко мы не ждали. То, что совет-

ское руководство заключило пакт – это передышку на этом получили, подготовку. Вот это то, это такой, дескать, этот пакт был предательский, или что-то там. Мы хотели обрести больше силы. Но они разгадали, видимо, и напали внезапно» [428, 101].

Накануне войны советские люди, как справедливо утверждал М. Карим, «жизнь принимали такой, какая она есть. И не думали, что это трудно, потому как все вместе поднимали тяжесть. Все совместно реагировали на жизненные перипетии, разделяли чужую радость и боль...

Когда война началась, пойти воевать – это не только была гражданская обязанность, но и душевная потребность» [444].

М. Карим утверждал, что предстоящие схватки с врагом для сверстников поэта были не только манящей романтикой, где одни блистательные победы. «Мы, – писал он, – готовились сражаться и были готовы, если это необходимо, отдать жизнь за Отчизну. Мы хорошо понимали, что в сражениях бойцы падают не по выбору. Потом озеро Хасан, финская зима научили людей о серьезных вещах думать серьезно. Нас войной не пугали, я думаю, это было хорошо. Мы убеждались в ее фатальной неизбежности.

А искра победы уже была в нас. Поэтому горькие неудачи первых месяцев войны не смогли вызвать душевный разлад и смятение в советских людях, они сделали нас более собранными, более яростными и терпеливыми. Как сон, были позабыты те легковесные кинокартины, песни и фразы. Солдат остался наедине с Родиной, и он впервые за много лет произнес почти забытое слово «Россия», вмещая в него и весь наш обширный Союз, и его вековую историю, и его устои, и его земли и народы. Нужно было защищать Россию, а Россия сжималась» [393, 29].

Душевной потребностью защищать свою Родину была у десятков миллионов вчерашних советских школьников, воспитанных в духе настоящего патриотизма. Не случайно на приеме в честь Победы 24 июня 1945 года И.В. Сталин сказал, что Великую Отечественную войну выиграл советский сельский учитель.

Диссидент А.А. Зиновьев, прошедший путь от неприятия коммунистических идей к ее защите, писал, что «советская идеология была первой (и может быть – последней) грандиозной нерелигиозной (светской) идеологией. Она была всеобъемлющей как по содержанию (по охвату тем), так и по множеству людей, которым она предназначалась, можно сказать была универсальной. Она была предельно рациональной в том смысле, что стремилась опираться на

науку, использовать достижения науки и пропагандировать их широким слоям населения, сама претендовала на статус научности. Наконец, она была самой систематизированной идеологией из всех тех явлений идеологии, какие существовали в истории. Она была идеологией государственной в том смысле, что была узаконена как обязательная для всех граждан страны, имела единый и централизованный идеологический механизм, составлявший часть системы власти и управления, контролировала весь менталитетный аспект советского общества. Официально считалось, что она была марксизмом-ленинизмом. Это верно лишь отчасти. Фактически же отражение жизни человечества и интеллектуального материала двадцатого века заняло в ней основное содержание. Она сложилась после революции 1917 года как осмысление опыта реального советского и мирового коммунизма, – как идеология общества коммунистического типа» [236, 415].

Фронтвик, доктор филологических наук, профессор А.В. Огнёв так характеризовал морально-нравственное состояние советской молодежи накануне Великой Отечественной войны: «Не загадка ли: в предвоенное время мы, деревенские школьники, жили в тяжелых материальных условиях, но крепко верили в свое счастливое будущее, в справедливость Советской власти. Когда крестьяне порицали ее за гонения на религию, нехватку товаров повседневного спроса, за тяжкую жизнь на грани голода, я пропускал это мимо ушей. Моя вера в то, что Советская власть лучше, чем царская, подкреплялась тем, что раньше в нашей деревне не было школы, взрослые были неграмотными или малограмотными, а теперь можно учиться в техникумах и институтах. В 30-е годы молодой человек, выйдя из самых глубин народа, сам пробивал себе дорогу в жизни, без чьей-либо помощи находил в ней свое место. Мы в своем подавляющем большинстве вырастали идеалистами, непритязательными к бытовым удобствам, деньги для нас не имели того большого значения, которое придадут им современные молодые люди» [456].

В 1942 году А. Огнёву, единственному комсомольцу в его деревне, райком поручил создать комсомольскую организацию. «Собрав, – пишет он, – молодежь я произнес первую в своей жизни публичную, очень краткую речь: “Враг сейчас у Ржева и Осташкова. Каждый, кто хочет, чтобы он не пришел к нам, кто желает нашей победы, должен быть комсомольцем”. Сразу же 8 заявлений было написано о вступлении в комсомол, лишь одна девушка не откликнулась на мой призыв. Все вступившие в комсомол достойно прожили свою жизнь. Сейчас никого из них, к сожалению, не осталось в живых.

Очень стеснительный, постыдно бездарный в любовных делах, еще не целовавшийся с девушками – таким я был в 17 лет, когда меня призвали в армию в январе 1943 года. И, конечно, таким был не только я... Вскоре вместе со своими ровесниками 1925 года рождения я принял участие в боях с немцами. Мы, тогда очень молодые, хотели полнокровно жить, любить, учиться, искать свой честный путь в жизни, свое сокровенное счастье. Но неумолимый Молох войны требовал от нас личных жертв» [456].

Народный артист СССР Ю.М. Соломин говорит: «Мы росли во время войны. Ни у кого не возникало ни малейших сомнений, что для нашей страны это война справедливая. Теперь-то вон дошло до того, что Советский Союз был агрессором.

Нет наша Родина отстаивала себя от злейших врагов, воевала за высшую правду, и, как бы ни были мы малы, понимание этого было твердое. И ощущение единства – вот что очень важно!

Я жил в Чите. Казалось бы, так далеко от фронта. Но для нас главное сосредотачивалось на новостях оттуда, и происходящее там мы переживали, как и в любом месте страны. К тому же в 400 километрах была граница с государством Маньчжоу-Го, прояпонский режим которого находился в союзе с фашистской Германией.

Трудности разделяла вся страна. И у нас было голодно, холодно, однако душами властвовало нечто гораздо более высокое» [35].

Это о поколении М. Карима, А. Огнева, А. Зиновьева и миллионов советских юношей и девушек Г. Жуков, отвечая на вопрос, почему мы победили, сказал: «Мы победили потому, что у нас был лучший молодой солдат... Да, когда война пошла вовсю, когда мельница заработала, все решил молодой, обученный, идеологически подготовленный солдат» [456].

Этот молодой солдат воспитывался на книгах Н. Островского. В феврале 1944 года на пленуме Союза советских писателей Н. Тихонов в своем докладе отметил, что у наших бойцов книга «Как закалялась сталь» стала «своего рода евангелием... Ее читают и перечитывают во всех ротах и батальонах». Книги Островского вызвали острые раздумья у Зои Космодемьянской, принявшей решение стать партизанкой. Молодые солдаты в годы войны сверяли свое поведение с проникновенными словами Н. Островского: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое» [456]. В печати справедливо назвали невежественными пошляками работников образования,

выбросивших роман «Как закалялась сталь» из списка изучаемых в школе художественных произведений. Маршал Г. Жуков, призывая молодежь «бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной», писал: «Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко – подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: 19-20 лет – лучший возраст для человека – все впереди! А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь» [456].

И еще сегодня многими ненавистниками советского прошлого утверждается, что, дескать, воевали люди за Родину. Но – не за Советскую Родину. То есть стремление противопоставить Родину и Советскую власть, народ и коммунистов. Как будто это какие-то противоположные, даже враждебные явления. Но разве во время войны господствовало именно такое отношение? Понятно, люди разные, миллионы людей, и у кого-то в мыслях так было.

Разве не права инвалид Великой Отечественной войны, председатель комиссии по работе среди женщин-участниц войны РБ Александра Абакумова, утверждающая: «...если бы в 1941 году в России **была не советская власть** (выделено мной. – *И.В.*), то планы Гитлера могли быть реализованы» [2].

М. Карим по этому поводу писал и говорил так: «Много истоков у Победы. Но одним из главных явилось слияние душевных, нравственных сил народов советской страны, накопленных веками и **раскованных Октябрем**» (выделено мной. – *И.В.*) [381].

«В те годы я по-особенному полюбил родину, с тревогою и болью. Я все еще не перестаю восхищаться героизмом и терпением, суровостью и нежностью нашего народа в ту грозную годину. Тогда я по-настоящему и навсегда понял, какова моя **советская страна, каков мой советский народ** (выделено мной. – *И.В.*). Вместе с другими счастливыми мне суждено было увидеть поле боя в последний день войны, где стоял сплошной лес немецких винтовок, воткнутых штыками в землю» [364, 5].

«Чутье подсказывало, что разразилась великая битва не только **в защиту завоеваний революции и нашего общественного строя** (выделено мной. – *И.В.*), но и в защиту того, что веками создано нашими народами, их руками, разумом и талантом» [393, 22].

«Невольно ощущаешь чувство гордости, когда думаешь о том, что являешься сыном многонационального **советского народа и гражданина социалистической державы** (выделено мной. – *И.В.*),

разгромившей немецкий фашизм и спасший тем самым человечество от духовного и морального оскудения!» [428, 75].

Да, М. Карим неоднократно подчеркивал, что на войне без дружбы между народами СССР и между солдатами невозможно было бы победить.

«...Мне, военному журналисту, очень часто приходилось встречать командиров частей, которые с особой гордостью говорили о том, что в их подразделениях воюют представители разных национальностей, различных наречий. Один командир батальона так и сказал: “Мои солдаты представляют всю землю «от финских хладных скал до пламенной Колхиды”. Они говорят на шестнадцать языках, но у них единый язык ненависти к врагу и единый порыв любви к Родине», – вспоминал М. Карим [381].

Поэту была памятна потрясающая картина, когда воины 3 Украинского фронта, достигшие берегов Днепра, припали к воде. «Нет, – говорил он, – они не просто пили воду, они губами прижались к холодной влаге, со священной водой во рту они, каждый на своем языке, молча обновляли свою клятву. Мне так показалось. Наверное, так оно и было. Земля, где ты воду пил, где ты кровь проливал, становится для тебя близкой и родной.

Неподвластно времени светится в моей памяти «Высота шести», что была на Днестровском плацдарме весной 1944 года. Шесть бойцов под командованием сержанта Хадикова двое суток держались на плацдарме, как говорили, с кленовый листок. Отбили более десяти атак противника, трое погибли, живые выстояли. То была невероятная стойкость. Когда после боя я спросил сержанта Хадикова, как они выдержали, он с осетинским шипящим акцентом ответил: «Выдержали потому, что нас было не просто шесть солдат. За нами и с нами стояли шесть народов шести краев, за нами стояли шесть рек и шесть гор. Вот, сколько нас было...» Его лицо, кажется, я и сейчас помню» [381].

Что же помогало на войне? «Дружба, – утверждает М. Карим. – Очень надежная солдатская дружба была. А во-вторых, во время войны на фронт приезжали артисты – юмористы, музыканты. В трех километрах от фронта он таскает свою виолончель, играет...

Очень много было юмора. Это как раз говорит о душевном состоянии народа, о состоянии его духа. Юмор – это и есть согласие с жизнью» [436].

На вопрос: «Часто ли Вы вспоминаете о войне?», М. Карим отвечал: «Я, кстати, не так часто вспоминаю о войне. О людях вспоминаю...

Во время встреч меня часто спрашивают, просят припомнить какой-нибудь военный эпизод. А я вспоминаю о людях на войне... Там не было промежуточных отношений между людьми. Вот смерть, вот жизнь. Вот победа, вот поражение. И люди в этой ситуации были очень, так сказать, близки друг другу, можно сказать, подпирали друг друга.

Очень много хороших людей видел я на войне. Были люди, которые даже во время войны давали какую-то возможность творчества, опору для творчества. Например, в госпитале, в Туле, как узнали что я пишу стихи, сразу же дали отдельную палату, чтобы думал, писал» [428, 98–99].

Кто не знает Александра Матросова и Минигали Губайдуллина? И вот на их бессмертном примере М. Карим показал истинную дружбу народов Советского Союза. Он говорил: «В недалеком будущем на одном из красивейших холмов Уфы видится мне памятник двум славным сынам башкирской земли: они, опираясь друг о друга, утверждая свое вечное братство, устремятся ввысь. Один из них вернулся через деревню Чернушки, весь пропитый пулеметными очередями. Он – русский юноша Александр Матросов. Другой в степи на Херсонщине оставил о себе вечную память. Она высечена на гранитном обелиске. Вот эти слова: “Герою Советского Союза сыну братского башкирского народа гвардии лейтенанту Губайдуллину Минигали Хабибулловичу, закрывшему своим телом амбразуру вражеского дзота при освобождении села Дудчаны”. Так отметил Минигали свой день рождения, свое двадцатитрехлетие. Сложил крылья тот, кого в дивизии еще недавно называли степным орлом» [381].

22 июня 1941 года вошел в жизнь каждого советского человека по-разному.

21 июня 1941 года М. Карим, как он вспоминал, «втроем – преподаватель немецкого языка в институте Дияров (имя его позабыл), Амир Чаныш и я – сели в поезд и отправились на Дему, порыбачить» [413, 225]. На следующий день, 22 июня, «на мохнатой саврасой коняге, запряженной в легкую арбу, подъехали отец с матерью. Отец еще крепок, ему только семьдесят пять всего. Матери и шестидесяти нет. Отец, с вожжами в руках, ноги вытянув, впереди сидит, мать – лицом назад. На коленях у нее большой узел. Те двое как раз удочки забрасывают. Я на крутом берегу стою.

– Эй, рыбаки! – еще прежде, чем поздороваться, крикнул отец. – Небось, уже надоела уха. Давайте идите сюда!..

Застолье наше уже заканчивалось, когда на юматовской тропе показались несколько человек, идущих с поезда. Первым шагал длинный худощавый критик Афзал Кудаш. Он из нашего аула, Галляма-агая средний сын. Как и все Кудашевы, повадками сдержан, словами приветлив. Узнав, повернул к нам. Отчего-то с отцом моим, как обычно, издали не поздоровался. Когда близко подошел, сказал тусклым голосом:

– Война ведь началась...

Кусок в горле застрял. С усилием я проглотил его – последний кусок в мирной жизни» [413, 228–229].

До войны М. Карим успел написать две книги. «Вопреки, – вспоминал он, – предгрозовой тревоге, которую мы уже испытывали, я назвал ее «Весенние голоса». Сигнальный экземпляр сборника я получил за день до выпускного вечера в институте – последнего вечера мира. На рассвете началась война.

Весь ужас разыгравшейся трагедии, размах начавшейся катастрофы я, как и многие другие, конечно, не смог представить» [393, 22].

Сын Мустая Карима, Ильгиз, вспоминает: «В начале лета 41 года они (М. Карим и его жена Рауза. – *И.В.*) закончили институты: отец – педагогический (4 года обучения), мама – учительский (2 года) – и получили направление в Еркееевский район. Но началась война, отец отправился на фронт с призывного пункта, до которого от того заветного крыльца был всего двести шагов. Мама же – в далекую еркееевскую деревушку Рятамак, но проучительствовала там лишь 4 месяца» [197, 50].

В 1941 году увидел свет стихотворение поэта «Я ухожу на фронт». В этом творении М. Карима любовь к Родине вырастает из конкретной любви к маленькому сыну, к отцу, к девушкам родного края, из любви к великому родному Уралу, своей национальной истории.

*Отец привел мне своего коня.
Скакун дрожал, он был горяч на диво,
Копытом землю бил нетерпеливо.
А мать вручила дедовский клинок,
Чтобы за павших отомстить я мог.*

*Я ухожу, товарищи, на фронт
Отец, пускай в семье никто не тужит,
Акбуз твой верный правдой мне послужит,
Клинок, слезой твоей омытый, мать,
Меня в сраженьях будет защищать.*

*Я ухожу, товарищи, на фронт,
Чтоб стариков текла спокойно старость,
Чтоб нашим девушкам краса осталась,
Чтоб наш Урал всегда стоял могучий,
Чтоб над Белой не сгущались тучи.*

*Товарищи, я ухожу на фронт
За ту весну, что навсегда настанет,
За светлый сад, которым край наш станет.
За маленького сына моего
И родины любимой торжество [386, 33–34].*

Через две недели после того как началась война М. Карима и его сокурсников вызвали на сборный пункт и отправили в Москву.

М. Карима сначала определили в военно-политическое училище, но он туда не попал: «Пока добирались, оно само куда-то уехало. После разных приключений попали мы в Муромское училище связи» [413, 234], где поэт провел осень 1941 года и первые месяцы 1942 года. Это «было самое тяжелое время в моей военной биографии. От Ледовитого океана до Черного моря Родина истекала кровью, а мы за монастырской стеной изучали азбуку Морзе и ежедневно слушали информацию о сдавших врагу городах. До этого и потом я никогда не чувствовал себя таким никчемным и беспомощным. Наши рапорты об отправке на фронт оставались без ответа. Мы начали тихо ненавидеть начальника училища, командира батальона, даже младшего лейтенанта, который учил нас азбуке Морзе. Стихи совсем не писались. Что писать о героизме и страданиях других, когда сам в такое трагическое время сидишь в надежном укрытии? Мы были молоды, жили и думали сердцем, а сердце обжигала боль» [393, 23].

Обучали разным важным специальностям, естественно и азбуке Морзе и радиотехнике. «Для связиста, – вспоминал поэт, – они самые нужные. По другим-то предметам от других не отстаю, даже кое в чем впереди, но вот азбука Морзе никак не дается. Уязвимый, я от этого мучаюсь. Нет у меня способностей к этому делу, рука не быстрая и слух не чуткий. Лейтенант, что азбуке Морзе нас обучает, очень терпеливый, отзывчивый. Даже отдельно со мной занимается. Как продвижение у меня, хоть малое, – ну радуется! А вот тихий Мыльников и всполошенный Юлдашев – прямо молодцы! Особенно Юлдашев» [413, 236].

М. Кариму еще запомнился преподаватель по тактике подполковник Дергач, который пришел с фронта с покалеченной левой ру-

кой. «Этот человек, – пишет М. Карим, – в осенней черной грязи, а зимой в снегу вдоволь нас повалил, но и сам повалился тоже. Что за человек был, сказать не могу, но в голосе даже легкого тепла не чувствуется. Таких у нас в аule «каменной глоткой» называют. Однако был он единственным командиром, который, суворовскую заповедь: «Тяжело в учении – легко в бою» попусту не талдыча, давал нам этот урок. Он нас солдатами воспитывал, упорство и терпение закалял, учил не теряться в тяжелых ситуациях. Когда попал на фронт, когда было особенно тяжело, часто вспоминал подполковника Дергача, словно взглядом с ним встречался. Воля крепла, силы прибавлялось. А ведь за три-четыре месяца он ко мне лично ни разу не обратился даже. Как-то (немцы уже стояли у ворот Москвы) на лесной поляне после занятий подполковник решил подбодрить нас:

– Молодцы! Мы с вами не то что немца – самого сатану в пух-прах разнесем! Вот так, никогда не поддавайтесь. Москву не удержим, так в Сибири, в тайге его будем бить! – пророкотал он» [413, 239–240].

М. Кариму на войне запомнились не только ратные дела солдат, но и повседневные будни.

Однажды на замечание: «Война ведь, простите за может быть, странность этого явления, одна из форм жизни. На ней, несмотря на все страдания, тяготы и лишения, существовал свой быт. Люди, надевшие форму, продолжали мучаться, скажем так, от мирных хворей – гастрита там или геморроя: они влюблялись, создавали новые семьи, они мылись в бане, мечтали о горячей пище и даже в условиях окопной войны стремились хоть как-то обустроить свое пристанище». М. Карим сказал: «Вот ведь в чем штука: мы не считали, что страдаем, не думали об этом. Я за последние 2 с половиной года войны объехал в качестве военного журналиста весь свой 3-й Украинский фронт и ни разу ни от одного бойца не слышал слов “тяжело, трудно”. Да, война не может быть легкой и приятной, это, как ни странно, тоже добросовестная работа, которая очень властно подчиняет себе психологию человека, в каком-то смысле даже формирует ее. Но это та сфера, где жалобы не принимаются и поступки не обжалуются.

...Существует закон войны. И существует закон жизни. Они противоречат друг другу. Более того, закон жизни закона войны не принимает, отвергая его категорически. Потому что война есть ненормальность. Величайшая всемирная ненормальность, заставляющая человека меняться и пересматривать жизненные ценности, вычленивающая в нем и хорошее, и плохое.

Да, конечно, как без быта. Когда люди вне боя, на отдыхе, то они уже другие, к ним возвращаются обычные желания и привычки, домашние привычки. А юмор! На фронте без него обойтись нельзя, он первый помощник и утешитель. И даже когда к нам на фронт приезжали артисты, концертные бригады, то мы ждали от них не печальных, исполненных трагизма номеров, а, наоборот, веселых, потешных» [205].

В продолжении разговора поэт сказал: «Разговариваю с вами, и сам мучительно вспоминаю, где и как мне удавалось мыться, ходить в баню, бриться... И не могу ответить. Когда как, думаю. Видимо, все происходило столь естественно и было настолько не главным, что не сохранилось в памяти. Я до ранения служил командиром взвода связи, и у меня в подчинении в числе иных было и 7 девушек-радисток. В перерывах между боями, когда нас отводили во второй эшелон, мы все вместе жили в одном большом шалаше. И сейчас я даже не представляю, как они приспособивались к условиям военного времени. Ведь кроме общесолдатских, у них были свои девичьи нужды, и чисто гигиенические в том числе! Но память моя не зафиксировала этих проблем, значит, девчонки мои их решали. Человек ко всему приспособивается, даже на войне.

А хвори там отступают на второй план. Они никуда не уходят, живут в человеке, тихо тлеют, но ему просто пока не до них. После войны я сразу же заболел туберкулезом и слег. Но на самом-то деле заболел я давно и знал об этом, поскольку кашлял и иногда даже с кровью. Просто сам по себе с этим справлялся.

И еще одно. Перед боем солдат менял белье и старался хоть как-то помыться. Это что-то вроде закона – если тебя ранят, то возможность заражения уменьшается. Поэтому все мы до боя носили при себе запас чистого белья (ну не все, наверное, неразберихи подчас тоже хватало)» [205].

Однажды М. Кариму задали интересный вопрос, связанный с войной: «А были ли на войне вещи, которые были не связаны с ужасом войны?». «Да, были, – последовал ответ поэта. – Я сейчас даже удивляюсь. Находился в резерве, в Москве. Это была весна, или даже начало лета. Начальник резерва придумал посадить цветы вокруг казармы. И мне поручили это дело. Дали двух помощников. Подумайте, во время войны, в 43-м году, когда вокруг шли бои, я сажал цветы!

Тогда я не придавал этому особого значения. Приказали – сделал. А сейчас думаю. Человеку пришла в голову мысль посадить цветы. Это же очень важно. Он, наверное, был человек тонкого чувства. Видно, решил ненадолго вернуть нас к мирной жизни. Еще совсем

недавно я кровь проливал, только что с поля боя, и вот – сажаю цветы. Это же действительно интересно» [428, 99].

Интересны размышления поэта о героизме. Он неоднократно говорил и писал, что война – это тяжелая работа. «Кроме мужества, – утверждал М. Карим, – нужна сила, терпение, выносливость. Я знаю связиста, который, как он говорил, с катушкой пробежал от Сталинграда до Берлина. Я не раз видел, как хрупкие, нежные девушки с поля боя выносили раненых бойцов богатырского сложения. Одну из них я хочу назвать. Это моя землячка Саня Фахрутдинова – маленькая черноглазая санитарка.

Часто наблюдал я работу артиллерийского расчета, работу саперов, работу зенитчиков. Неспроста на фронте бытовало такое определение: «Хорошо потрудились наши артиллеристы» или «Хорошо поработали наши летчики». В этой войне, наряду с мужеством, победил ратный труд советского воина» [393, 31].

И в беседе с И. Николенко он опять подчеркнул: «Война – это еще и трудная работа. Я ни разу не слышал от солдат, что им тяжело. Два дня нет пищи. Ничего – на третий день будет. Все знали, что не нарочно кто-то их в окопах голодными держит. И, действительно, на третий день привозили пищу. Вот эта вера в третий, послезавтрашний день делала нас оптимистами. Это было кредо нашего мироощущения» [444].

М. Карим утверждал, что личного геройства он не совершал, хотя был награжден двумя боевыми орденами. «Ночью, – писал он, – в разведку не ходил, “языка” не притаскивал. При штурме вражеского дота на амбразуру не ложился, из снайперской винтовки фашистов по одному не “выщелкивал”, на танк с крестами с гранатой не бросался. Подвигам, не совершенным мною, нет числа. На войне человек работу себе не выбирает. Я связист. Во время военных операций, в наступление идем или атаки отбиваем, я возле сражения работником был, бой обслуживал. О мужестве и отваге не думал, простое свое дело делал. Моя обязанность – между командиром дивизиона, штабом дивизиона и батареями на передовой обеспечить связь. Я командир взвода связистов. Младший лейтенант. Меньше меня офицера нет» [413, 243–244].

Действительно, во время боя все бойцы разом героического совершить не могут. Большинство солдат «по долгу и своей специальности исполняют свою воинскую работу. Конечно, во время боя в огонь идут все, но это еще не подвиг, а исполнение обязанностей. Но кроме исполнения обязанностей есть еще «сверхзадача», – вот это, на мой взгляд, и есть подвиг. И в то же время в подвиг страны, в героизм

Отечества свою долю мы внесли. И тут наше участие немалое» [413, 144].

На войне было много удивительного. Об этом М. Карим: «...на фронт во время войны, письма из дома приходили самое большее через пятнадцать дней, порою – даже через 10 дней. А в наше время, лет пять назад, письмо до Чишмов шло три недели. Сейчас, правда, наладилось немного.

И все равно, даже сейчас удивляюсь. Подумайте, был огромный фронт от моря до моря. И все-таки всегда были боеприпасы, люди не были голодными, всеобщая связь была. Сейчас не представляю, уму это непостижимо. В те годы мы держались. Выдержали, одним словом» [436].

И страха перед смертью лишался каждый по-своему. А как это случилось с М. Каримом мы узнаем из его воспоминаний: «Мои связисты вроде справляются. Но командир дивизиона – горячий, вспыльчивый майор Фомичев – все время недоволен. На минуту-другую прервется связь или слышно плохо – раздражается пятиэтажным матом. Вроде, и не меня ругает, а сам по себе кричит, но все равно я на свой счет принимаю. Вдоль провода бегу к батареям. Во время сражения такое случалось часто: то ли катушника убьет, то ли где обрыв. На грохот снарядов, на разрывы мин, на бомбы, с воем падающие с немецких самолетов нет внимания, знай бегу. Умелому и справедливому командиру, искусному матершиннику майору Фомичеву, вернее, теперь уже его душе (он погиб после того, как меня раненого увезли), я и поныне искренне благодарен за две вещи. Первое, и самое главное, вот за что: его неистовая ругань выгнала из меня страх. Как услышу его страшный голос, ни грохота бомб, ни взрывов снарядов, ни свиста пуль уже не различаю. Словно смерть сама в испуге от тебя бежит. Да и вторая благодарность к месту будет: непотребная майорская брань меня от ругани отучила, мат стал вызывать у меня брезгливость и презрение. Даже то постарался из этого словаря забыть, что прежде знал. Вот какой урок на всю жизнь дал мне покойный майор Фомичев» [413, 245].

Как мы выше заметили, М. Карим вскользь вспомнил о своем ранении. Да, поэт был тяжело ранен. «На фронт, – писал он, – я попал весной сорок второго года в качестве начальника связи артдивизиона. У нас были сорокапятимиллиметровые противотанковые пушки, крупнокалиберные зенитные пулеметы. Наше место всегда было недалеко от пехотных рядов. И, не совершив особых подвигов, в августе, где-то под Мценском, при наступлении вражеских танков

я был тяжело ранен в грудь. Осколком того же снаряда наповал убило моего товарища Фомина» [393, 23]. М. Карим в 1954 году написал стихотворение «Три дня подряд»:

*...Тяжелый снег идет три дня.
Три дня подряд,
Три дня подряд.
И ноет рана у меня –
Три дня подряд,
Три дня подряд.*

*...Тяжелый снег идет три дня.
И рана ноет у меня.
А с ней осколок заодно,
Он превратился в боль давно.*

*Его сырой рудой нашли
В глубинных залежах земли.
Руду тяжелую купил
«Король», что ненависть копил,
Что в Руре мину отливал,
А на Днепре в меня стрелял.*

*Горячей кровью налитой,
Гремел рассвет. Потом затих,
И два осколка мины той
Попали в нас двоих.
Один в сержанте Фомице
(Лежит в могильной глубине),
Другой достался мне.
Двенадцать лет он жжет меня..
Тяжелый снег идет три дня [169, 73].*

Сколько писем пришло автору после публикации этого стихотворения! Родственники погибших на войне Фоминых разыскивали адрес поэта – с помощью адресного стола, телевидения и радио, редакций газет и журналов, через книжные издательства и писательские организации.

Вот один из конвертов: «Город Уфа, Мустаю Кариму». Сверху приписано: «Почтамт, очень прошу, доставьте, пожалуйста, поэту» [571].

«...Не о моем ли братике Вы упоминаете в Ваших стихотворениях? Я даже не уверена, что вы получите мое письмо, ибо не знаю адреса и шлю «на деревню дедушке». Потому так долго и не решалась

написать. Если все-таки получите и речь идет о моем братике, напишите, пожалуйста, о его последних минутах, что знаете, а если речь идет о другом, ведь эта фамилия у нас в Союзе довольно распространенная, все равно очень хочется прочитать это стихотворение полностью, если можно, пришлите мне его. Знаю, что Вы нездоровы и очень заняты, все равно не откажите в просьбе.

С приветом и уважением,
заранее благодарна –
Федосеева Валентина Герасимовна» [571].

«Уважаемая редакция, Вам пишет слушательница радио Фомина Галина Гавриловна. Слушала я передачу “В кругу семьи”. В передаче принимал участие писатель Мустай Карим. Он упомянул, что был тяжело ранен на фронте, а его друг погиб. Фамилия друга – Фомин, имя и отчество не было сказано.

Все это время после передачи не дает мне покоя мысль: не отец ли это мой, Фомин Гавриил Алексеевич, который служил в Великую Отечественную войну связистом и погиб на фронте. Не верится, что погиб, хотелось бы узнать подробнее от очевидцев. Напишите, пожалуйста, адрес Мустая Карима...» [571].

В письмах – надежда, вера в слово поэта, горе и печаль и страстное желание мира.

«...Дорогие товарищи, у меня и моей мамы большая просьба к тов. Мустаю Кариму: очень хотелось бы узнать подробности о сержанте Фомине.

Мой отец Фомин Михаил Никифорович – сибиряк, во время Великой Отечественной войны был разведчиком-сержантом, погиб в боях под Новгородом, а точнее, Подберезовский район, деревня Подберезово, в феврале 1944 года.

Очень просим сообщить нашу просьбу писателю Мустаю Кариму...» [571].

«...По телевизору Вы читали свои стихи о войне, написанные спустя 12 лет после ранения осколком мины. В них упоминаете о сержанте Фомине, погибшем от другого осколка.

Я отдаю себе ясный отчет, что моя фамилия широко распространена и что другие совпадения возможны в этой многомиллионной войне. Только мой дядя – Фомин Дмитрий Григорьевич – тоже сержант и погиб от осколка мины.

А вдруг... это был он?...» [571].

М. Карим хорошо помнил Фомина: «Владимир... Володя...

Сиротой был, вырос в приюте. Русоволосый, крепкий... Несколько месяцев жили с ним в одной землянке, солдатскую пищу ели из одного котелка... 25 августа 1942 года наша 17-я мотострелковая бригада на заре пошла в наступление. В то время я был младшим лейтенантом, начальником связи артдивизиона, под моим началом был десяток радистов, подразделение «катушников». Мы обеспечивали связь командного пункта с позициями. Вдвоем с начальником штаба дивизиона лейтенантом Фоминым только что протянули связь с орудием. Неожиданно появились вражеские танки. Наши орудия остановили их мощным огнем. Тогда немецкая артиллерия открыла огонь по нашим позициям. Возле меня взвился огненный столб. Уже ничего не видя, не слыша, я почему-то не упал, а продолжал стоять. Когда пришел в себя, увидел, что Фомина рядом со мной нет... Покачиваясь, ищу его. Вот он – лежит. Снимаю с него каску, ощупываю голову, шею, грудь. Рана не прощупывалась, крови не было. Хочу повернуть Фомина на спину, и тут меня будто обволакивает туман. Явственно слышу, как из груди моей, ниже сердца, вырывается какой-то свистящий звук. Боли не ощущаю... Ладонью плотно прикрываю рану и невольно отмечаю, что на голове нет пилотки. Вот солдатская психология! Рядом смерть гуляет, ну на что тебе вроде бы сдалась эта пилотка – и все же ощупью пытаюсь найти ее. Неожиданно появился старшина Демьянов, белорус. Он сразу понял, что Фомин убит, не мешкая накрыл его плащ-палаткой, а меня доставил в санчасть. На войне всегда так: о раненых заботятся больше, чем о себе. Друзья, товарищи забудут про любую опасность, лишь бы отвести смерть от раненого друга» [571].

Война стала вторым рождением Мустая Карима. В ауле Кляш родился просто Мустафа Каримов. Поэт Мустай Карим пришел к нам сквозь горнило военных сражений. В докладе на III съезде российских писателей Василий Федоров включил его в число поэтов «узлового поколения». Это определение, конечно, не бесспорно с точки зрения пуристов от терминологии. Но оно верно по своей историко-литературной сути. Поколение поэтов-фронтовиков – «узловое» по той исторической роли, которая выпала на его долю. «Рожденное Отечественной войной, – говорил В. Федоров, – ее тяготами, победой и взлетом народного самосознания, оно является связующим звеном двух поколений – старшего, идущего от революции, и младшего, пришедшего уже после Отечественной» [512, 170]. Естественно, художественные достоинства (и недостатки тоже) поэтов этого поколения определяются не терминами, сколь ни были бы они для нас привлекательными, а тем жизненным содержанием, которое привнесли они

в художественную «копилку» человечества, складом мышления и настроем чувств, которые формировались этим самым жизненным содержанием. А в нем, безусловно, были неповторимые особенности. Вот почему, приветствуя Мустая Карима в день его пятидесятилетия, Секретариат правления Союза писателей СССР особо подчеркнул это обстоятельство: «Вы принадлежите поколению советских поэтов, чья муза возмужала в годы смертельной схватки с фашизмом, острая публицистичность, проникновенный лиризм стали отличительными признаками Вашей поэзии. Ваш голос всегда звучит молодо и по-партийному страстно» [512, 170].

Не стоит спорить о том, насколько точно подмечены здесь «отличительные признаки» мустаевской поэзии, но что это типичные свойства ее, сформировавшиеся в военные годы, едва ли оспоримо. Башкирская поэзия вообще – в силу исторических особенностей развития – счастливо избежала тенденций элитарного искусства, всяческих разновидностей «чистого искусства», всевозможных формалистических ухищрений на грани смысла и бессмыслицы. И война закрепила этот опыт молодой литературы возрожденного народа, стократно усилив гражданскую направленность ее. К чести Мустая, он не пошел по легкому пути гимнической декларативности, предпочитая разговаривать с читателем не на языке лозунгов, а на житейском, не порвавшим связей с конкретной повседневностью.

Лишенная витийственности, сердечная, но без сентиментальности мустаевская лирика уже в эти годы обрела «отличительные признаки» среди поэзии «узлового поколения» [512, 170].

«Читая военные стихи молодого Мустая, – размышлял Г. Шафиков, – я никогда не задумываюсь над тем, из каких художественных средств они сотканы, в какие формовки был влит их словесный сплав, есть в них шлак или нет. Все это как бы остается вне сознания. Я просто ловлю некий поток чувственных ощущений автора, который вливается в меня и потому делает наперсником поэта, его доверенным лицом, которому открывают сокровенные мысли тайны» [577].

Переводя военные стихи Мустая Карима Г. Шафиков удивлялся умению М. Карима за страшными, кровавыми картинами повседневности видеть затаенную прелесть моря, отторгнутую от самой себя бесчеловечностью воюющих сторон.

Война, как говорил поэт, научила ценить слово и не говорить то слово, которое не имеет смысла [194].

Огромную ценность и большую смысловую нагрузку имело ответное письмо воинов-башкир на письмо башкирского народа

к воинам-башкирам. «В связи с этим, – писал поэт, – я не могу не вспомнить один момент из своей творческой биографии. Осенью 1943 года мы, фронтовики, получили призывное письмо башкирского народа к воинам-башкирам. Письмо меня глубоко взволновало. Я остро почувствовал, что народ от нас, воинов, ждет ответа, ответа боевого и ободряющего. Перед собой я видел лица заждавшихся матерей, суровых отцов, самоотверженных жен, полные надежд глаза детей. Они ждут моего, именно моего, солдатского и поэтического слова. Оно им нужно. Впервые тогда я по-настоящему осознал назначение поэта, его ответственность перед людьми. Мне дала силу вера в то, что мое слово дойдет до тех, кому оно нужно, ибо я не чувствовал расстояния между ними и собой. С другой стороны – боевой героизм моих земляков на фронте, от имени которых я намеревался написать ответное письмо, был достоин самой высокой славы. Они с честью оправдывали народное доверие. И я начал сочинять ответное письмо, несколько не думая о том, как примут его люди с утонченным поэтическим вкусом. Я оговариваюсь: речь не идет о качестве написанного мною. Оценивать произведение поэта – это дело читателя. Оно могло быть написано гораздо лучше. Речь идет о том, что его нельзя было не написать. И в этом была самая большая творческая ценность» [355].

Надо сказать, что личное художественное творчество всегда было драматично, конфликтно и драматургично. Первое понятно: самое трагическое событие XX века – война с фашизмом, неизбывная память о ней пронизывают все его творчество.

В архиве М. Карима хранится письмо одного из сотрудников редакции «Литературной газеты» Н. Высоцкой, где читаем: «Дорогой Мустафа Сафич! Вы что-то не позвонили, будучи в Москве. Понимаю, дел у Вас много, а ведь еще когда-то и писать надо... Как в Башкирии оценили диалог с Р. Мавлютовым? (Имеется в виду беседа М. Карима и Р. Мавлютова, опубликованная в «Литературной газете» под названием «Слова и суть» от 13 апреля 1988 года. – *И.В.*) В редакции оценки положительные, хотя я понимаю, что материал “перележался”, но видит Бог, не моя в том вина. Конечно, специально письмом не обременяйтесь, как-то ответите при случае.

А вот этому читателю, которому я уже отвечала по поводу “Помилования”, может быть ответите. Очень настойчивый этот подполковник юстиции.

С неизменным уважением и пожеланием здоровья
Наталья Высоцкая» [307].

Речь идет о подполковнике юстиции Вячеславе Михайловиче Некрасове из г. Калинина, который 3 мая 1988 года написал письмо в «Литературную газету» по поводу повести М. Карима «Помилование». Он свое несогласие с сюжетом повести выражает так: «...хоть и утверждает, что Зух – дезертир, на самом-то деле он расстрелян за пятичасовую самовольную отлучку, за что по закону могли назначить лишение свободы не более, чем на 7 лет. Какая жестокость и бессердечие!

Но в том-то и дело, что если бы такое было в действительности, то название ему однозначное – беззаконие. А в столь простом и совершенно ясном для юридической оценки случае не могло быть такой грубой и тяжкой по последствиям судебной ошибки.

Полагаю, что недопустимо писателю выдумывать подобные ужасы, показывая свою юридическую неграмотность и рассчитывая при этом на полную неосведомленность читателей в уголовном законодательстве.

Помнится, что великий русский писатель Л.Н. Толстой в описании судебных процессов консультировался у выдающегося юриста А.Ф. Кони. Судя по «Помилованию», М. Кариму консультация юриста крайне необходима.

Продолжая настаивать на своей правоте в оценке повести М. Карима «Помилование», я обращаюсь в «Литературную газету» еще раз, рассчитывая в конечном итоге получить квалифицированный ответ.

Знаю, что «повесть – жанр художественный». Но неточность неточности рознь: нельзя же в повести надевать полковому комиссару знаки различия старшего батальонного комиссара; из совершившего пятичасовую самовольную отлучку делать дезертира, «изменника Родине»; и, красочно описав картину придуманного незаконного расстрела воина, призывать людей к милосердию и гуманизму. Так можно дописаться до того, что тебе верить перестанут!

Вы считаете – можно, я утверждаю – не допустимо!

3 мая 1988 года.

Вячеслав Некрасов, подполковник юстиции в отставке, участник Великой Отечественной войны» [307].

На этом письме Мустаем Каримом сделана запись: «Сам, видимо, был жестоким. Я консультировался в военной прокуратуре СССР» [307].

Действительно, много вопросов ставит повесть «Помилование». Готовых ответов нет. И сызнова мучаемся мы вместе с героями книги. Если бы... Уже по новому кругу... Если бы розовощекий майор, долговязый лейтенант по-иному взглянули на дело... Если бы не хотел

выслужиться «блеющий» старшина, мечтающий занять место помкомвзвода... Вот сколько этих «если бы»... Но всего этого не произошло. А по здравому размышлению – скорее всего и не могло случиться, хоть и зависят порой судьбы человеческие от случайностей... Но, согласимся, думаю, с Чингизом Айтматовым: «Все, вплоть до настроения людей, призванных решить судьбу молодого солдата, – не мелочи, потому что зависят они от общей атмосферы, от сурового времени. Кажется, по этой причине и винить некого. Кроме самого Любомира Зуха. Но почему же все участники, вольные и невольные, этой истории неспокойны, винят себя? Что они переживают, чувствуют? Да то, пожалуй, что не нашли в себе силы поступить иначе. Как – иначе? Не поддаться жестокости, которой вроде требует обстановка. Не испугаться демагогии, что их самих могут обвинить в мягкотелости, в попустительстве и т.п. Тут требовался решительный выбор: быть на войне человеческим в полном смысле этого слова или ради высших интересов забыть об этом на время. Вероятно, вопрос для героев повести мог стоять и так, он-то их и мучил» [9].

Критика отметила, что «Помилование» – это новое слово, сказанное М. Каримом о войне. Не героическое в центре внимания автора, война, как таковая, вроде бы и не показана в повести. Но горькое, страшное событие рождено ею и только ею. «Война и есть “другая жизнь”». Она не считается с чувствами людей, даже самыми чистыми, самыми возвышенными. У нее нет права на милосердие. Это – непреложный факт. Это – грозная реальность. И это – страшно: сердце готово оправдать, а разум велит карать.

Нет, Мустай Карим, как трезвый суровый реалист, не выносит однозначного решения, не навязывает своего суждения. Он рассказывает и показывает как это было. Исключительный случай? И да, и нет. Художник в нем видит значительно большее, нечто всеобщее, касающееся всех и всегда. В чем, предполагаю, его личная точка зрения: несогласие с любыми условиями человеческого существования, которые возникают по тем или иным причинам, которые противостоят полному раскрытию лучших свойств человеческой природы, препятствуют людям быть воистину счастливыми» [9].

Но и не это лишь, прибавим мы. Да, война – виновник. Однако и лакмусовая бумага. Она, говорит автор, не только разводит людей по обе стороны фронта. А и выявляет человечность, совесть одних, черствость, равнодушие других. Более того, помогает «обрести сущность», как обрели ее Буренкин, Казарин... Страшно это испытание, но оно – факт, реальность...

Многие персонажи повести взяты из военной реальности. Среди них комиссар Зубков. «Ему за сорок, седой худощавый мужчина. С прошлого года воюет. Попал в окружение, прорвались с боем. Его душевная ясность написана у него на лице. 25 августа, утром, когда бой только разгорался, на подходе к батарее капитана Лекумовича меня свалил взрыв. С трудом открыл глаза. Бежавший рядом лейтенант Фомин лежит неподалеку. Оказывается, осколок мины попал мне в грудь. Полежал, оглушенный, потом немного пришел в себя. С трудом подполз к Фомину. Он без сознания. На теле ни раны, ни крови не видать. Я вдруг закашлялся кровью. Осколок чуть ниже сердца прошел и пробил легкое. Позже врачи так сказали...

Перед глазами темно. Голос Зубкова слышу: “Терпи, сынок, терпи, сейчас тебя в тыл отправим...” Голос стал неразборчивым. Но последние слова понял ясно: “Возвращайся здоровым, я буду ждать...” – “А Фомин?” – прохрипел я. Ответа не было. Или я не расслышал. Положив на какую-то телегу, меня повезли в санбат. Потом узнал, что комиссар Зубков вместе с Фомичевым погибли в одном и том же бою.

В тот день нашу часть побили крепко. За всю войну единственный человек всего один раз назвал меня “сынком”. Этот голос у меня, восьмидесятилетнего старика, и сейчас звучит в ушах. Услышанное посреди боя, это слово запало в душу на всю жизнь. В повести “Помилование” один из персонажей, комиссар Зубков, – это он и есть. Еще до того, как уйти на передовую, комиссар спас мой взвод от участия в расстреле невинного солдата, обвиненного в дезертирстве. Вроде бы отругал меня, но спас. От пожизненных душевных мук спас меня. А в повести это событие приняло совсем иной оборот. Байназарова от этой тяжелой повинности не избавляют. Он командует расстрелом “дезертира”. Логика произведения привела автора к такому выводу» [413, 245–247].

В автобиографической повести «Долгое-долгое детство» есть эпизод: 18-летний механик-водитель съездил на танке за десять километров к своей матери – близко к расположению части оказалась родная деревушка, – и его расстреляли перед строем как дезертира. «В тот день, – вспомнит писатель, – нацеленные в восемнадцатилетнего паренька автоматы расстреляли и таившиеся в каждом из нас беспечность, разгильдяйство, безответственность. Так я объяснил этот безжалостный приговор. Объяснил – не оправдал». А через полсотни страниц, совсем в другой связи, в другой тональности – будто раньше и упоминания не было, – эпизод всплывает в памяти снова: «...Весной страшного сорок второго года, накануне наступления,

произошло в нашей бригаде такое событие: по приговору трибунала перед всем строем...» – и далее знакомая уже нам история. Но тут она рассказана ради новой, не отмеченной прежде детали: «Парнишку привели с другого берега речушки. Он был бос. Конвойные, раскидывая брызги, прошли по мелководью. А босой пленник, чтобы не замочить ног, прошел через речку, прыгая с камня на камень. Хотя идти сухими ногами осталось ему всего шагов пятнадцать–двадцать. До своей могилы». Вот, оказывается, какая заноза сидела в душе писателя тридцать лет. Сидела – и осталась, потому что пройдет еще пятнадцать лет, и появится повесть «Помилование», но о ней – потом, после... А пока приходится признать: Мустай Карим не спорил со своим временем о восприятии, понимании опыта войны» [311, 147].

Как отмечает Павло Мовчак: «Да, помилование опоздало. Оно только в сказках бывает своевременным. Смерть же всегда быстра. Трагизм ситуации именно в этом. Задержавшееся помилование равнозначно запоздалому раскаянию. А каются-то всегда “потом”, после содеянного. И всегда ли легче бывает от покаяния пострадавшему, обиженному? Абсурдность ситуации вообще заключается в том, что Зух совершил свое “преступление” ради любви, то есть ради жизни. (Мы часто употребляем словосочетание “большая любовь”, “большое чувство”, будто чувство любви можно дифференцировать, а ведь мелкое, маленькое чувство – уже совсем иное, это не любовь, а блуд. Но это уже о другом).

Смерть за любовь – бессмыслица, величайшая несправедливость, готовы воскликнуть мы, обращаясь к совести, к справедливости. К чьей?! Исполнителей закона?» [335, 63].

Но шла война, которая была навязана нашему народу, государству. А у каждого государства есть своя иммунная система, которая срабатывает безотказно. И тогда справедливость на стороне исполнителей закона. Но ведь и они люди. Вот почему так мучаются, страдают. Ведь кто-то обязан придерживаться и буквы закона, исполнять его, хотя есть у них и свои нравственные законы, законы души и сердца.

В своем письме в редакцию «Литературной газеты» Нина Ильинична Лосунова из города Боброва Воронежской области о повести М. Карима «Помилование» пишет: «Главная мысль повести – милосердие. Так пусть же те, кто наделен высшей властью, где бы то не было, помнят и об этом» [395].

Однажды у М. Карима спросили: «Что вас больше всего поразило на войне?». «Знаете, – ответил он, – сейчас много пишут, что татары-монголы разорjali Русь. Наверное, что-то было, и разорjali.

Но сейчас, когда едешь по Руси, северной Руси, XII века храмы стоят, XIV века церкви стоят. А там были ужасные побоища, ужасное нашествие было. Чингисхан не конфетки раздавал, не халву. И тем не менее, храмы оставались. Вот что я думаю, по этому сужу.

Но даже они не все сжигали, как немцы сжигали наши деревни. Ну что ты жжешь эту хибарку, там же дети! Нет, торчит только одна труба. Вокруг той трубы – замерзшие дети. Я не понимаю, как это может сделать человек.

У меня даже стихи есть, как девочка стоит у обгорелого дома, как она улыбается нам, потому что мы пришли. Дом сгорел, а она улыбается, потому что мы пришли. С этой улыбкой, у сожженных домов люди хранили надежду и уверенность. Вот была война» [428, 100–101].

Советских солдат на Запад вели «великий порый и великая мечь» [428, 76]. «Проходя через руины советских городов и сел, мы, – писал М. Карим, – клялись отомстить за сожженные врагом жилища и убитых детей. Но когда настал срок, мы не могли, не хотели мстить. Не в этом была наша конечная цель. Освободителями, а не карателями пришли мы в Германию. И советский солдат бережно взял на руки плачущего ребенка из чужой страны.

Я был очевидцем удивительного события. Во время жарких уличных боев в Вене загорелось здание знаменитой Венской оперы. Тотчас же советское командование сняло несколько подразделений с огневых позиций и направило тушить пожар. Бойцы работали яростно, бесстрашно. Пожар был потушен. Сквозь пламя сорокалетней давности все еще вижу обожженные, потные лица тех молодых солдат и оплакиваю погибших в схватке с огнем.

В этом театре сегодня, наверное, звучат нежные, радостные, весенние мелодии. Едва ли кто помнит теперь о тех спасителях. Европа стала забывчивой. А жаль!» [428, 76].

За редким случаем, советский солдат не ожесточился, проявил по отношению к поверженному врагу сострадание. «Наш народ, – отмечал М. Карим, – испивший до дна чашу печали и святой мести, не позволил себе ожесточиться. История знает немало фактов – когда армия ожесточается, звереет, она неминуемо гибнет. Всю многомиллионную, многоязычную армию нашу спаяла, сроднила одна большая боевая дружба, которая очень ярко проявлялась в личной дружбе воинов разных национальностей, разных возрастов и даже разной степени мужества. Трогательная забота о раненых, оплакивание погибших, снисходительное отношение к пленным, посильная помощь

освобожденным народам, ласка к их детям – вот такие и много других добрых качеств сохранил наш солдат до последних залпов» [393, 32].

Во время поездки в ФРГ между башкирским поэтом и, как писал М. Карим, «прекрасным писателем и граждански совестливым человеком» Юзефом Редингом состоялся такой разговор:

« – Почти через тридцать лет после войны вы приехали в Германию. С каким настроением вы ехали сюда? Мне известно, вы не только носите шрамы от ран, но и осколки в своем теле. Как говоритесь, имеете личные счеты к немцам...

Ответил я не сразу...

– Если совсем откровенно, то свои личные счеты к немцу я все-таки списал; не сразу, но списал, хотя вначале мне казалось, что этого не смогу сделать никогда. Конечно, ненависть к фашизму, как личному врагу, осталась на всю жизнь: я не такой уж божий человек, чтобы все забыть и все простить. Но я не зря выстрадал свою зрелость, выстрадал ее, чтобы с годами разобраться, понять – что должно остаться только в прошлом, что принадлежит и будущему. Но главного все-таки я вам еще не сказал. Это – мои ощущения, когда ехал сюда. Страшно, но скажу. Я ехал сюда, Юзеф, словно шел через бесконечное кладбище, где похоронено двадцать миллионов моих соотечественников, погибших в минувшую войну. Их списать никто не в силах, нет ни у кого таких прав» [393, 35–36].

Все те советские люди, которые встретили тот Великий день – 9 мая 1945 года запомнили на всю жизнь. И М. Карим тоже: «Я помню его – первое утро Победы на поле затихшего боя. На Востоке полнеба было охвачено небывалым сиянием, на Западе таяли последние бледные тени и догорали последние головешки, под ногами была зеленая земля, над головой – бездонная синева.

В тот день, как рассказывали потом, в Уфе шел пушистый запоздалый снег, словно последний вздох долгой, беспокойной зимы. Люди шутя говорили тогда, что небо выбросило белое полотно в знак капитуляции перед человеческим мужеством.

Двадцатый раз встречаю послевоенное 9 Мая, оно не всегда было солнечным, но для меня День Победы остался таким, каким я его видел первый раз. И цвет Победы вошел в мое сознание. Он не красный и не белый, а зеленый. Это – цвет распутившихся листьев, взошедших хлебов, цвет начавшейся жизни» [393, 27–28].

Поэт был горд тем, что он один из миллионов, кто был причастен к Великой Победе. М. Карим не видел в этом своей особой заслуги. И это справедливо. Но из этих миллионов, не имеющих

«особой заслуги» в Победе, сложилась она – одна Победа для всех. «Но все-таки мы испытывали, – отмечал поэт, – гордость и гражданское счастье, когда в лихую годину Родина положила на наши неокрепшие плечи посильную и непосильную тяжесть. Она признала каждого из нас в отдельности годным к боям, испытаниям, подвигам. Годны были наша любовь, ненависть, отчаянная страсть и вера в Победу.

«Годен!» – это высшая оценка. Гордое ощущение способности служить своему Отечеству – бесценное идейное и нравственное достояние, которое вынесли наши люди из огненного переднего края и непокоренного тыла четырехлетней войны. Война – не только смертное и победное поле, где полегли наши сверстники и осталась наша юность. Это высота, где бралась на бескомпромиссную пробу совесть человека, его верность Отчизне, проявлялась вся его сущность. Та проба была отменной, высочайшей. Надо дорожить этим, беречь и вселять в души новых поколений. Лучше, чем наша литература и искусство, так бережно и проникновенно, как они, не сделает этого никто. Важно лишь помнить, что только безмерный ратный труд увенчался подвигом, что даже в дни горьких неудач войны не теряли присутствия духа и в душе их не мерк свет грядущей Победы» [428, 75].

М. Карим искренне говорит: «Мы хотели расти как настоящие люди и стать настоящими людьми. И мы стали. Мы хотели учиться и строить. Это исполнилось. Когда мы шли в бой против фашистов, мы хотели победить. Мы победили» [369].

К каждому по-разному пришла Одна-Единственная Победа. Она «даже в разное время приходила. Еще 28 апреля в Вене при огромном скоплении ликующего народа несколько рабочих, работая усердно, со знанием дела, низвергли в прах с высокого шпиля перед парламентом чугунного фашистского орла. Мне казалось, что по лицу суровой мраморной Афины Паллады, стоящей рядом, пробежала теплая, некаменная улыбка. На ее лицо, вероятно, упало солнце» [393, 32–33].

М. Карим и в своих художественных произведениях, и в публицистических статьях, и в беседах много размышлял об истоках Великой Победы. По мнению поэта, ее истоки, ее начало очень далеки. «В сердца людей, – отмечал он, – моего поколения вера в победу вошла вместе с первой комсомольской клятвой. Мы всегда знали, что предстоит смертельная схватка не с какой-либо отдельной страной, а с нашим классовым врагом, врагом всего человечества – германским фашизмом. Возможно, большая война с точки зрения стратегов была неожиданностью именно для этой даты, но предчувствие ее и внутренняя

готовность к ней составляли сущность нравственного бытия моих сверстников. Мы готовились к победе, только к победе. Вероятно, под влиянием легковесных кинокартин о будущей войне, бодряческих песен о грядущих ратных подвигах, с легкостью брошенных фраз тех или иных деятелей о нашем предстоящем торжественном шествии по территории противника, под влиянием всего этого победу мы иногда представляли легкой, зависящей только от нашего желания. В то же время, мне думается, желание легкой победы не успело стать нашим убеждением. В душе каждого из нас шла повседневная, подсознательная работа, формирующая в нас характер и волю бойца» [393, 28].

М. Карим обозначил очень серьезную проблему, вставшую после Победы.

Дело в том, что огромное количество вчерашних воинов, оказавшись в реалиях мирной жизни, не смогли сразу найти себя. «Это, – говорит поэт, – проблема целого поколения. Сыновья полка, 22-летние капитаны, майоры, у которых вся грудь была в орденах, вернулись с войны... в никуда. Им нечем было заняться в мирной жизни. 22-летний майор, командир батальона, бог и царь на фронте, возвратился домой и растерялся. Ни образования, ни профессии. Садиться за парту рядом с зелеными юнцами, которым наука дается гораздо легче, чем ему, ведь он все, что знал, позабыл? Нет. Для него такое невозможно. Крестьянским ребятам было немного легче, на земле они приживались быстрее, да и в деревне всегда есть работа. А вот городским...» [205].

На вопрос: «Что это – проблема потерянного поколения?», М. Карим ответил: «Я боюсь называть это так, хотя аналогия с поколением, прошедшим окопы Первой мировой, о котором писали Ремарк, Хемингуэй и другие, безусловно, напрашивается. Война, кроме победы, рождает и поколение заблудших душ. Потому что не всякий победитель находит в мирной жизни подходящее ему место. И наступает апатия, разочарование. И это тоже порождение войны. Причем, ее колесо проехало не только по 20-летним. Не могли найти себя и люди постарше – 30-летние командиры полков, например. Ведь после окончания Великой Отечественной были расформированы сотни полков. И не каждый комполка вписался в мирную жизнь...» [205].

С войны М. Карим вернулся «с двумя книгами стихов, двумя ранениями, безмерно влюбленный в землю и людей и безнадежно больной туберкулезом легких» [393, 25]. И выжил благодаря друзьям и врачу Л. Богушу.

Война стала огромным горем для всех. «Но из нее мы вышли не горем убитые или горем подавленные; наоборот, мы вышли, победив и горе, и войну. Еще мы вышли, обретая себя, утверждая себя.

С войны мы вернулись рано созревшими» [194].

На склоне лет М. Карима не стало Советского Союза, патриотом которого был и защищал его с оружием в руках.

В те годы происходила ревизия всего советского, но особенно оскорбительно для М. Карима было то, как антисоветчики освещают Великую Отечественную войну и предшествующее ей время. И тут на острие у них опять попадает Сталин. То он становится хуже Гитлера, так как подготовил Вооруженные Силы к захвату чуть ли не всей Европы, предварительно оккупировав страны Прибалтики, Западную Украину, Западную Белоруссию, Молдавию. А то вдруг оказывается совсем не готовым к войне. И именно поэтому «так просто» отдал Гитлеру половину европейской части страны.

И словно не было героической обороны Брестской крепости, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Ленинграда, да и самой Москвы. Не было героев-панфиловцев, героев-летчиков Гастелло, Талалихина, Сафонова, Покрышкина, Кожедуба, Скоморохова, моряков-подводников Лунина, Маринеско, Осипова, Щедрина, Гаджиева, Травкина, Фисановича, многих героев-артиллеристов, танкистов и пехотинцев. Словно они никогда не ходили в атаку с призывом «За Родину, за Сталина!» и не носили в нагрудных карманах записки «Если погибну в бою, считайте меня коммунистом». Словно не было истинно народного партизанского движения и его героев – Ковпака, Николая Кузнецова, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной. Не было и рядового Матросова, бросившегося на амбразуру немецкого дзота, чтобы спасти жизнь товарищей, идущих в атаку.

А Сталин к Победе, по мнению лютых антисоветчиков-антисталинистов, «не имеет никакого отношения. “Победил народ!” – заявляют они. Причем какой народ? Тот, который был в штрафных батальонах. Именно штрафники “вынужденно” побеждали, так как не могли повернуть назад. Ведь в спину им смотрели стволы автоматов дивизий НКВД. Ну а пополнение штрафных батальонов приходило из ГУЛАГа, где, по “абсолютно верному” заявлению “Врунгеля-Солженицына”, были чуть ли не сто миллионов заключенных. Да еще около ста миллионов были расстреляны», – негодует капитан I ранга, блокадник Ленинграда Ю. Михайлов [333].

Почему же велась и ведется фальсификация истории Великой Отечественной войны и в целом советского периода нашей жизни.

Не для окончательного ли, как представляется, утверждения нынешней несправедливости в нашей стране?

Имперский министр по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг, бывший подданный Российской империи, в одном из своих выступлений жаловался: «В результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационных, ни персональных условий». При этом «позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не обнаружено» [456].

В. Быков, «перевернувшийся» в конце 80-х, в 1982 году размышлял: «Отечественная война для Белоруссии поистине явилась войной всенародной, с ее первого дня и до самой победы фронт борьбы с гитлеровцами проходил по каждой околице, по каждому подворью, по сердцам и душам людей... Не было на белорусской земле самой малой деревеньки, которая бы не послала в лес хотя бы несколько своих партизан, чтобы затем содержать их, давать им прибежище в холодное время, помогать разведкой... Наш народ органически не мог вынести чужестранного господства на своей земле, немецкий фашизм не мог согласиться с малейшим неподчинением оккупированных народов. Итогом была смертельная схватка двух политических и социальных систем, двух идеологий» [456].

Весной 1942 года один из подчиненных Розенберга доносил своему шефу: «Сегодня партизанская война охватывает всю Белоруссию, почти все леса заполнены партизанами, некоторые части районов находятся в их власти. Нападению подвергаются целые города. Нападают на немецкие военные отряды и на гражданские управления, проводят митинги среди гражданского населения. Партизанская война грозит превратиться в тыловой фронт немецкой армии» [456].

«Перевертыш» А. Адамович в дилогии «Партизаны» правдиво изобразил кошмарную атмосферу в период немецкой оккупации и партизанскую борьбу в Белоруссии. В повести «Каратели» В. Быков показал трагедию белорусского поселка Борки, где за один день были уничтожены почти две тысячи ни в чем не повинных людей. «Символ безмерных испытаний белорусов – Хатынь, представляющая 136 белорусских деревень, уничтоженных в годы войны вместе с их жителями. Кровавая трагедия этого лесного поселения в 26 дворов произошла 22 марта 1943 года, когда отряд немецких карателей внезапно окружил деревню. Фашисты согнали хатынцев в сарай и подожгли

его, а тех, кто пытался спастись от огня, расстреляли из пулеметов. 149 человек, из них 76 детей, навечно остались в этой адской могиле» [456].

В. Ганичев сделал обоснованный вывод: «Белорусская Хатынь – всем нам напоминание о жертвах, в России такого – нет, а между тем в одной Смоленской области уничтожены войной и оккупантами сотни сел, свыше 530 тысяч жителей уничтожены или исчезли из этих деревень. Это ведь 19 (!) Бухенвальдов» [456].

На захваченной территории оккупанты стремились использовать для борьбы с партизанами недовольных Советской властью людей, тех, кто был репрессирован, чем-то обижен ею, в частности, в результате политики раскулачивания. В повести В. Быкова «Знак беды» выведен белорусский крестьянин Гуж, который в коллективизацию удрал от раскулачивания, а после прихода немцев в село «появился с винтовкой, чтобы пить водку да мстить людям» за прошлое. Он говорил: «Мне надо рассчитаться с некоторыми. С колхозничками! За то, что роскошествовали, когда мой батька на Соловках доходил!» Став полицаем, Гуж «вместе с немецкой командой уничтожил евреев, разграбил их имущество». Колонденок, ненавидимый всей деревней, в начале войны по мобилизации ушел в армию, «месяц спустя вернулся, говорили, что немцы отпустили его из лагеря... Надел на рукав полицейскую повязку, считался лишь с немцами и своим начальником, старшим полицейским Гужом» [456].

Были и такие, которые по малодушию посчитали, что Германия уже окончательно победила и надо как-то устраивать свою жизнь при «новом порядке». Во фронтовых записях А. Шевченко «Годы гнева» (1964) безымянный старик рассказывает о предателях, повешенных за свои злодеяния: «А два других могли бы и не висеть. Подлецами они сделались уже при немцах. Советская власть, думали, уже не вернется, приспособливались, сперва немного пакостили, а потом распоясались. Иначе быть не могло. Пошли на службу врагу – сами врагами стали» [456].

Немцы в ряде захваченных мест проводили насильственную мобилизацию в отряды для борьбы с партизанами. Они использовали для такой мобилизации экономические посулы и репрессивные угрозы. В Калининской области действовали 9 антисоветских отрядов, укомплектованных изменниками Родины. Они жгли деревни, убивали коммунистов, отправляли молодежь в Германию. Они нагоняли страх на оккупированное население, внушали людям, что никогда Советская власть уже не вернется.

Были предатели, называвшие себя «партизанами», которые занимались грабежами, поборами, истреблением населения. Они своим мародерством и гнусными издевательствами над людьми дискредитировали партизанское движение.

31 августа 1942 года руководители партизанских отрядов были приняты Верховным главнокомандующим. Об этом поведал А.Н. Сабуров в книге «Силы неисчислимы». На вопрос Сталина о силах немцев Ковпак ответил: «Немцев в наших краях (в северной части Украины. – *И.В.*) не так уж много. На охрану коммуникаций, городов, районных центров и отдельных объектов гитлеровцы чаще всего ставят своих сателлитов и полицию из местных предателей». Сталин спросил: «А правда ли, что на Украине идет массовое формирование казачьих полков? Геббельсовская пропаганда подняла такой шум по этому поводу». Ковпак сказал: «Действительно, Гитлер хотел иметь такие казачьи полки. Но никто не идет в них. Все, кто способен держать оружие, уходят в леса, несмотря на террор и репрессии. Гитлер провалился с этими формированиями, не помогли и такие матерые националистические вожаки, как Мельник и Бандера». Сабуров дополнил: «Подтверждаю, что ни с какими фактами массового формирования немцами казачьих полков мы никогда не сталкивались. Правда, в прошлом месяце столкнулись с так называемыми казаками. Во время боя к нам сразу же перебежало более сорока из них. И тут выяснилось, что в этом одном-единственном полку, который укомплектован гитлеровцами, были люди более десяти национальностей, но всем им под страхом смерти приказано было называть себя украинцами» [456].

В художественно-документальной повести участника Великой Отечественной войны И. Скаринкина «Помнить запрещено» воскрешается одна из страниц партизанского движения в Белоруссии, посвященная трагической судьбе талантливого советского командира Владимира Гиля, попавшего в немецкий плен после тяжелого ранения. Гиль, окончивший Военную академию имени Фрунзе, был начальником штаба 229-й дивизии, его бабушка – обрусевшая немка, он знал немецкий язык. Его взял на заметку В. Шелленберг, один из руководителей Главного управления имперской безопасности. Гиль изменил присяге, Родине, учился в гестаповской спецшколе, стал офицером в форме СС. Но у него тлел план создать настоящую воинскую часть, которую можно было бы использовать для того, чтобы найти путь к соединению с Родиной.

Гиля вывезли на встречу к генералу Власову и предложили стать у того помощником командующего Русской освободительной армией.

Гиль отказался сотрудничать с ним. Из повести вытекает, что это было в конце 1941 или в начале 1942 года. Но тут у автора вышла неувязка: Власов сдался в плен 11 июля 1942 года.

Весной 1942 года эсэсовцы в Сувалках стали формировать 1-й русский вооруженный отряд СС «Дружина», Гиль согласился его возглавить. В этой дружине насчитывалось полтысячи бывших советских военнопленных и больше сотни немцев-эсэсовцев. Основная обязанность этой вооруженной воинской части – охрана железной дороги на участке Быхов–Тошица. В. Гиль, получивший вторую фамилию Родионов, имел большие полномочия, мог наказывать любого из подчиненных, даже если речь шла о немцах.

Если искать причины его измены, то надо учитывать, что поначалу, возможно, были у него идейные завихрения, «в свое время он поддался дурману». Он сражался за Германию, против партизан, против Советского Союза. «По существу он, конечно, служит немцам, своим врагам. Сколько он об этом передумал, вроде не против был все переиграть. На машинах они, как каратели, мотаются по району... Но ведь они прибыли сюда только для охраны железной дороги и мостов. Хотя их иногда бросают против партизан, против мирных жителей, требуют прочесать тот или иной населенный пункт, а то и сжечь его...» [456].

Начальник штаба охранного батальона Еремеев со своим командиром полковником Рубанским убежали из бригады к партизанам, их отправили на Большую землю. Еремеев 19 августа 1943 года на вопрос: «Что вам известно о Гиль-Родионове?» – ответил: «Он был для нас человеком, которому можно было верить и на которого можно было надеяться, что он придумает способ всем нам вернуться в ряды Красной Армии... У него в части было много офицеров высокой квалификации. Он сам их подбирал в лагерях и создал специальную роту из таких офицеров. ...Вся эта рота и некоторые офицеры из других рот вдруг ушли к партизанам». И далее: «Он дал согласие “делать” из него вождя русского национального движения, чтобы спастись самому и спасти военнопленных» [456]. Из повести вытекает, что свою роль в начале его открытой борьбы с немецкими оккупантами сыграли победы наших войск. После разгрома немцев на Курской дуге бригада СС «Дружина» перешла на сторону партизан, и 16 августа 1943 года превратилась в «1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду», она отважно сражалась с фашистами. В. Гиль-Родионов, получивший за боевые заслуги орден Красной Звезды и звание полковника, погиб в бою. В конце повести подчеркнута, что Гиль – патриот, человек большой души. Жизнь его не одноцветная, последний героический

этап ее многое снимает из того несомненно позорного, что было у него в конце 1941 и до середины 1943 года.

На вопрос: «Какой главный урок Вы вынесли из войны, что мы не должны забывать никогда?», М. Карим ответил: «Никогда не должны забывать о подвиге народа, о его страданиях. Это не только снаряды, не только мины рвались. Рвались сердца людей – и на фронте, и в тылу. Вот на этих разорванных сердцах мы и победили. Это нельзя забыть, это свято.

А еще нельзя забывать, что это была Отечественная война, воистину война за Родину. Вот сейчас говорят, мол, какие дураки были солдаты, что кричали: “За Родину! За Сталина!” Сталин тогда не был личностью как таковой, это же символ был. “За Родину, за Иванова” можно было кричать. Но так, чтобы за Родину. Вот этого никогда нельзя забывать» [436].

Но забываем. Забыли некоторые наши либеральные и «демократические» деятели о подвигах миллионов советских патриотов. Имена их подвергаются остракизму.

29 ноября 1941 года героически погибла 18-летняя школьница Зоя Космодемьянская. Если вспомним 1991 год, придется констатировать, что 50-летие казни Зои прошла мимо общественного внимания, так же как и 50-летие обороны Москвы – делили Союз и власть. Тогда же в ходу были другие установки: мол, неясно зачем и за что она погибла, да и победу под Москвой одержали немцы, да и к чему вообще нам нужна была победа, когда есть вещи поважнее: немецкое пиво и колбаса. А потом не то, чтобы совесть заела, – обстоятельства стали меняться. Приближались выборы, а к избирателям с такими песнями не пойдешь – живы ветераны, поколения, помнящие войну, ее трагическое начало и победоносное завершение. Ельцинская власть начала спешно примазываться к Победе. Не знаю, кто посоветовал, – может быть, американские советники.

Но отойти от новых «подходов» оказалось непросто. Сила инерции велика. В конце 1980-х годов появились статьи, в которых авторы решили поведать «правду» о Зое Космодемьянской. Мотив один: партизанка сожгла пустую конюшню, загорелась и крестьянская изба, Зою изнасиловали 16 гитлеровцев, а в четверке партизандиверсантов оказался предатель. Но в наше ли время удивляться факту предательства? Достаточно вспомнить, как перебежали депутаты Верховного Совета РСФСР из осажденного «Белого дома» в правительственные кабинеты, сдачу Грозного, взрывы в Чечне, Москве, Волгодонске, Буденновске, поселок Первомайский, гибель роты

псковских десантников и многие другие события, которые просто не могли произойти без «посторонней помощи». Должен к тому же заметить, что все, о чем как бы впервые писал автор, уже было в нашей печати лет 30–40 тому назад. Единственная «новость» – это надругательство фашистских солдат; но, думается, 40 лет назад просто хватало такта об этом не писать, ибо еще была жива мать Зои. И характерно, что претендуя на «всю правду», автор тем не менее опустил последние слова Зои Космодемьянской, боясь, очевидно, быть заподозренным в приверженности к культуре Сталина.

Стойкость, мужество Зои Космодемьянской сделали ее символом сопротивления советского народа в Великую Отечественную войну. В этом вся правда. И не в характере нашего народа забывать о своих героях и мучениках. Зоя отдала свою жизнь не за акции, недвижимость или счета в иностранных банках. Забывать это преступно. И не в этом ли забвении лежит одна из многих причин разложения некогда «несокрушимой и легендарной». Там, где забывают павших, не берегают и живущих.

Великая Отечественная война породила не только массовый героизм воинов Красной Армии, но и города-герои. Среди них – Ленинград и Сталинград. И героями эти города сделали люди, которые их защищали: военные и гражданские. Медали «За оборону Ленинграда» и «За оборону Сталинграда» остаются одними из самых уважаемых наград; их носителям они стоили многого.

В декабре 2002 года автор одной из центральных газет задался странным, можно сказать, диковатым вопросом: чей подвиг выше – Ленинграда или Сталинграда? По авторской версии – Ленинграда, ибо осада продолжалась 900 дней и погибли в ней сотни тысяч мирных жителей. Оборона же Сталинграда длилась несколько месяцев, и гражданского населения погибло в ней несопоставимо меньше, чем ленинградцев.

Автор упомянутой выше статьи ставит Сталинградскую битву в один ряд со взятием Ростова, освобождением Орла и Курска, Харькова и Киева. Но уже современникам (в том числе руководителям антигитлеровской коалиции – Черчиллю и Рузвельту) переломный военно-стратегический характер Сталинградского сражения был очевиден. После Сталинграда германское командование утратило стратегическую инициативу. Кстати, только после Сталинграда стало возможным и деблокирование Ленинграда. В 1942-м соединение Волховского и Ленинградского фронтов не удалось, а 2-я Ударная армия попала в окружение, выйти из которого не смогла.

Подвиг Ленинграда не нуждается в принижении подвига Сталинграда, даже если есть желание кому-то потрафить. Уверен, что ленинградцам это не нужно.

В годы войны можно было увидеть множество плакатов «Отстоим город Ленина», на которых были изображены красноармеец, матрос и рабочий, но не было плаката «Отстоим город Сталина».

Дожили и до того, что в школьных учебниках появились утверждения, что решающим сражением, изменившим ход Второй мировой войны, была не Сталинградская битва, а сражение под Эль-Аламейном. Победа союзных войск в Африке имела, конечно, большое значение, но все же это был второстепенный театр войны. И Черчилль, и Рузвельт решающим сражением считали Сталинград. Такого же мнения придерживался и английский король Георг VI. Король был принципиальным человеком, английским патриотом и не в пример нам не стал бы принижать победу союзных войск, среди которых были и солдаты Его Величества. Король есть король, и надо уважать королевские оценки.

«Одни люди, – писал М. Карим в “Историческую газету”, – обращаются к ней (к исторической памяти. – *И.В.*) как к опоре в созидательной деятельности страны в атмосфере содружества и наций и племен. Другие ищут в той же памяти повод для предъявления былых обид, сведения счетов, удовлетворения запоздалых амбиций» [246].

Груз ответственности, историческую правду, по М. Кариму, «несли народу следующим поколениям люди памятливые. Вы только представьте, что бы было, если бы ответственность за исторический процесс легла на плечи людей беспамятных... От одной только мысли об этом становится не по себе. И вот потому именно памятливые будут внушать тем, кто забыл или постарался забыть об этой войне, мысль о ее величии. Вот вы называли сейчас несколько сражений, вплоть до Куликовской битвы. Да, это были тяжелые войны, и на них лилась кровь и гибли люди. Но Великая Отечественная все-таки стоит в этом ряду особняком. Она другая. Потому что это была война на жизнь. На жизнь Отечества. И вопрос стоял один – быть Отечеству или не быть» [205].

И сегодня задним числом некоторые и власть, и деньги имущие «решают стратегические задачи за полководцев, за главнокомандующего. Не так командовал... Тогда не было этого. Потому что тогда все подчинялось одной насущной задаче. Никто не думал, что там неправильно командуют...

Конечно, нехорошо, когда тебя на смерть посылают. Это, наверное, вообще неправильно человека посылать на смерть. Но на войне иначе нельзя. Надо или погибнуть, или победить», – говорил М. Карим [428, 39].

Поэта всю жизнь волновал вопрос, что больше руководит им – память или цель. «Наверное, – писал, – и то и другое вместе. О чем бы я не писал – о каком бы веке, о какой земле, о каком человеке – неизбежно обязан спросить себя: что помню, чем живу, чего хочу. Оставить без ясного ответа хоть один из этих вопросов означало бы – или ты лукавишь, или у тебя духу не хватает [393, 349].

Поэт утверждал, что память склонна сгущать или разжижать краски былого. Для подлинного искусства о всенародном героизме важна правда, выстраданная, достоверная правда, возвышающая нашего человека. К сожалению, на страницах иных книг, на экранах, на подмостках театров нет-нет да и промелькнет серое правдоподобие вместо суровой правды, обтекаемая приблизительность вместо подлинности. Да и краски иной раз сгущаются без надобности и невпопад. Конечно, на войне веселья было мало. Но каждый солдат в своем опаленном, сжатом в комок сердце носил неприкосновенный запас праздника – на случай, впрок, как носил он в своем ранце неприкосновенный запас пайка и патронов. Иначе чем же объяснить появление бессмертного Василия Теркина в разгар тяжелых сражений и продолжение его жизни до наших дней и, наверное, до далеких потомков? В этой книге про бойца все достоверно и убедительно. Она – сама душа солдата, душа народа» [428, 75–76].

Мустай Карим очень болезненно воспринимал то, как в современной России молодежь воспитывается в духе неприятия героического в Великой Отечественной войне. Об этом он размышлял так: «Что же касается молодежи, то должен вам сказать, дети, как это ни странно, гораздо меньше гордятся поступками отцов и дедов, чем делами прадедов и даже прапрадедов. Парадоксально, но факт: деяния последних они ценят больше. А еще не забывайте того, что в начале перестроечной кампании Великую Отечественную практически исключили из повестки дня. Почему-то вдруг Победу принялись раскладывать по полочкам, в события тех лет начали вносить непонятные коррективы: здесь мы воевали правильно, а вот здесь – неправильно... Именно в это время возникли вдруг на арене люди, которые со знанием, якобы, дела стали рассуждать о действиях Сталина, Рокоссовского, Жукова, ставить под сомнение талант Георгия Константиновича. Более того, они начали учить всех, как надо было воевать на самом деле...

Я всегда задавался вопросом: а все-таки кто же победил в той войне? Может быть, эти самые люди, решившие почему-то проводить сейчас ревизию Великой Отечественной?» [205].

В беседе с И. Николенко последовал вопрос журналиста: «Ваше поколение сильно отличалось от нынешних двадцатилетних?» «Да, нет, – ответил поэт, – в чем-то все поколения схожи. Но одно могу сказать определенно. Победа, выстраданная эта Победа, зародилась в наших душах в первый же день войны. Если не раньше. Конечно, раньше! Так что на начальных, самых трагических этапах войны она уже жила в людских сердцах. Наши войска попадали в окружение, бросали оружие, но не теряли веры в эту Победу. Она жила и в сердцах тех, кого брали в плен. Ведь веру пленить нельзя, невозможно.

Именно поэтому у представителей моего поколения иногда вызывает боль, досаду, а подчас и просто непонимание то, что о Великой Отечественной начинают судить дилетанты, люди, которые никакого отношения ни к войне, ни к судьбе нашего народа не имеют. Я уверен: опыт войны 1941–45 годов должен изучаться, он должен стать достоянием (даже промахи, даже поражения – все) военных специалистов. Возможно, будут другие битвы и сражения, так что пусть военная наука учитывает наши недочеты. Но это ни в коем случае не должно стать достоянием общественного сознания. В общественное сознание необходимо внедрять только то, что связано с Победой: гордость народа-победителя и освободителя, чувства достоинства и милосердия» [205].

«Глядя на усталые, – писал М. Карим, – благородные лица победителей в майские дни 1945-го, весь мир, у которого память еще кровоточила, понял, на ком и на чем будут держаться отныне его покой и надежды. Эта память не может, не должна устареть. Потеряв память о минувшем, можно лишить себя будущего» [428, 75].

М. Кариму принадлежат прекрасные строки: «Злонамеренные, безответственные властолюбцы в самое ответственное, самое критическое время возбуждают, разжигают в людях и народах разрушающую, мстящую память» [402, 551].

«Мстящей памятью» обладают наши многие деятели культуры, СМИ, историки, политики... «На днях, – говорил поэт, – смотрел одну передачу, ведущий которой поразил меня, заявив: из-за неумелого руководства нашего генералитета страна потеряла 60 миллионов человек. Разве можно так обращаться с цифрами, или этот тележурналист просто не знаком с правилами арифметики? Потерять столько нельзя было даже при желании, потому что в Советском

Союзе проживало где-то около 200 миллионов человек (включая грудных детей)! Получается, мы положили одну треть. Но надо же сохранять трезвость ума, меру какую-то знать, так сказать, ври-ври, да не завирайся» [205].

«Впрочем, – продолжил он, – что говорить о телеведущих, когда иные из моих коллег по писательскому цеху пустились вдруг в странные рассуждения: немецкие войска, дескать, нас по всем статьям превосходили, а мы им катастрофически уступали. Ну ладно. Только вот почему-то советские солдаты хорошую победу одержали, хотя и были хуже (может быть, потому, что брились не каждый день?).

Но вернемся к вопросу о молодежи. Думаю, эта повседневная пропаганда, открыто умаляющая значение Великой Отечественной войны, на сегодняшнее поколение повлияла. Поскольку то, что пишется в газетах, журналах и книгах, постоянно льется из теле- и радиозфира, особенно из теле- и радиозфира, действует подчас (и это надо признать) на неокрепшее сознание сильнее, чем живой рассказ старика, увещанного победными орденами. Мне кажется, в этой ситуации не то что юные, люди средних лет с устоявшимися представлениями о жизни, и те могут растеряться» [205].

М. Карим признался, что не может смотреть передачи Сванидзе, которые, как утверждал поэт, «позволяет себе чернить практически все. Ну как можно заявлять на многомиллионную аудиторию, что страной руководили одни бездари, породившие лишь систему, режим репрессий! Думаю, были в правительстве люди, которые все-таки и что-то понимали в вопросах государственного строительства, и что-то умели, и кое-что делали...

Да, это ужасно – 37-й год! Но почему о нем надо так настойчиво говорить именно в те дни, когда вся страна готовится к 60-летию Победы? Не радуйтесь, дескать, было и такое? А разве люди нашего поколения об этом не знают, разве не тоскуют, не плачут по невинно убиенным, понесшим незаслуженное наказание? Так стоит ли в канун юбилея бросать нам (и не только нам) в лицо горсть горя, горсть печали? Да, это было и останется с нами. Но нельзя в одно и то же время горевать и радоваться. И тому, и другому есть место в нашем сердце.

Подчас мне даже начинает казаться, что какие-то вещи (ну, например, те же телепередачи), делаются чуть ли не умышленно, во всяком случае, не случайно. Это что-то вроде ложки дегтя, которым пытаются испортить вкус красного вина Победы» [205].

Башкирский писатель крайне негативно относился к тому, как показывают войну с рекламой. И с сексом еще... Красиво, хорошо

надо. Такое зрелище показывают – это постыдно. Это очень плохо. Войну смешивать с чем угодно нельзя» [436].

Поэт в конце своей жизни говорил о войнах «неправильных», имея в виду чеченскую и афганскую войны. «...Мое поколение, – размышлял М. Карим, – испытывает жалость к незаслуженно погибшим, оно носит в себе эту боль. Да, мое поколение погибало, но ему воздано. А за что умирали эти ребята?.. Ведь ветераны локальных войн даже свои награды носят с каким-то, может быть, смущением. Нет, я ни в коей мере не умаляю их доблести, мужества, способности к самопожертвованию. Но я не могу не думать о том, что кого-то из них удостоили звания Героя России. Героя России в таких войнах?

И еще... Огромную роль имеет фактор времени. На плитах памятника жертвам локальных войн возле имен стоят даты – рождения и смерти. Молодые люди видят, что эти ушедшие в мир иной ребята – их сверстники. А значит, пусть даже подсознательно, они проецируют на данную ситуацию свою возможную гибель. И, может быть, этот парень в каком-то смысле спас меня, думают они» [205].

По М. Кариму, есть конкретная память и есть память глобальная. «Так вот, о тех погибших в Афгане и Чечне ребятах скорбит конкретная, адресная память нашей молодежи. А что касается мемориалов... Уже и тот же Матросов, и тот же Губайдуллин становятся абстрактными героями. Они суть восприятия памяти глобальной и теперь вписаны во все времена» – говорил поэт.

«Великие сыны народа, исполнив свой долг перед Отечеством вперед на века, нечаянно делают своих близких и далеких потомков своими должниками. Мы в долгу перед ними. Сознание этого возвышает дух наш и облагораживает память. Потому что быть наследником – это значит не быть иждивенцем» [393, 61]. Нам бы помнить эти слова башкирского поэта.

«Без книги нет ни искусства, ни театра, ни балета, ни эстрады, ни даже литературы»

Мустай Карим [304]

Действительно, без книги в современном мире нет ни культуры, ни воспитания и образования, ни духовности.

Эпоха М. Карима началась практически с рождения Советской власти.

С чего же пришлось начинать стране Советов в области культуры, образования, науки...

На десятки лет отставала Россия от Западной Европы и Соединенных Штатов в области культуры и образования. При чрезвычайно высоком культурном уровне тончайшего слоя интеллигенции (как дворянской, так и разночинной) число грамотных составляло всего 211 человек на 1000. По данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в 1911 году на 1000 рекрутов в Дании было 2 неграмотных, в Швейцарии – 6, во Франции – 33, в России – 617. И это понятно, ибо на 1000 человек населения в дореволюционной России в школах обучались 45 человек, в то время как в Соединенных Штатах – 220. А что же произошло за 70 лет? В 80-е годы XX века эти показатели практически сравнялись, а на 1000 человек населения СССР старше 15 лет 812 имели высшее и среднее образование [483].

В годы так называемой «перестройки», в условиях ожесточенной борьбы сторонниками «нового мышления» против всего, что было сделано за годы советской власти, громогласно и бездоказательно заявлялось, что большевики – это злейшие враги всего национального, и поэтому они под видом культурной революции стремились лишить нерусские народы своей национальной самобытности, русифицировать их, одновременно прилагая особые усилия к разрушению культуры и самосознания народа русского.

На деле в конце 20-х – начале 30-х годов XX века процесс национально-культурных реформ приобретает все более планомерный и регулируемый из центра характер. В соответствии с приказом Наркома просвещения РСФСР № 128 с 1930 года все областные и краевые отделы народного образования стали фиксировать в своих планах следующие самостоятельные направления работы: перевод сети политико-просветительных и культурных учреждений на родной язык; организация стационарных и передвижных библиотек,

клубов, домов культуры; развертывание изб-читален «из расчета одна изба на два сельских совета»; подготовка и переподготовка «избачей из национальных кадров»; радиофикация населенных пунктов и др. Подчеркивалась необходимость строго дифференцированно подходить к решению этих вопросов, максимально учитывая особенности каждой народности.

Сегодня невозможно поверить, что в послевоенные очень тяжелые годы не забывали и об эстетическом воспитании. Учитель Ю.М. Соломина, например, организовал хор. Вот отрывок из беседы Юрия Мефодьевича с обозревателем «Правды» В. Кожемяко: «Про наш хор я вам когда-то, по-моему, рассказывал. Организовал его учитель физики Роман Васильевич Мочалов (ударение в фамилии – на последнем слоге). Он воевал, комиссован был с фронта по контузии. Поселился в комнатке прямо в школе, поскольку квартиры не было. И мы слышали, как в свободное время вечерами он настойчиво учится играть на большом таком трофейном аккордеоне.

А потом возникла у него эта идея: хор! Всех ребят – школа наша была тогда мужская – вовлек и зажег энтузиазмом. Мало того, физику к нашей художественной самодеятельности подключил. Когда началась подготовка к областному самодеятельному смотру, придумал изготовить электрифицированное панно из разноцветных лампочек, и трудились над ним опять же всеми классами, всем миром. Зато какое зрелище возникло на сцене Дома офицеров, когда запели мы «Как у Волги у реки...», а за нашими спинами стали переливаться красочные огни большой картины-панорамы, изображающей восстановленный ДнепрогЭС и потоки искрящейся у плотины воды» [35].

Создатель фильмов «Холодное лето 53-го», «Михайло Ломоносов», «Николай Вавилов», «Доктор Живаго», «Живи и помни» и др., лауреат Государственной премии СССР Александр Прошкин говорит: «...в шестидесятые годы у нас поэзия собирала стадионы, ныне же ну-ка попробуйте наполнить Лужники любителями стихов. Что-то в мире изменилось» [544].

Солисты ВИА «Верасы» Ядвига Поплавская и Александр Тихонович справедливо заметили: «Люди не только нашего возраста, но и более молодые – 40-летние, 50-летние, – все те, кому посчастливилось застать советское время, познать, что такое быть вместе, с ностальгией вспоминают о стране, которой больше нет. Помню, куда бы мы ни ездили, всюду с гордостью предъявляли на границе советский паспорт.

И на нас смотрели с уважением – может, не очень любили, но уважали точно» [521].

По справедливому утверждению выдающихся артистов, «молодое поколение бывших советских республик почти не знает истории до 1991 года и, как правило, сталкивается только с негативной информацией о Советском Союзе. А ведь там было столько хорошего! Самое главное – крепкая, искренняя дружба между народами. Куда бы мы ни приезжали – в Прибалтику, Молдавию, республики Средней Азии, – попадали словно к себе домой. Тогда действительно было ощущение Союза как родного дома. Твоя квартира – это Белоруссия, а дом – весь СССР. Очень хочется верить, что когда-нибудь мы вновь придем к объединению, хотя бы через несколько поколений» [521].

Не об этом ли писал М. Карим: «Мы живем особой радостью; видим мы ее в растущей, расширяющейся связи людей разных народов. Жизнь приблизила к нам мастера-нефтяника Куйбышевской области, друга, учителя многих людей моей республики. Эти нефтерайоны соревнуются, создавая общую культуру, они сближают башкир с русскими. И можно смело сказать, что в новом нефтеносном районе, раскинувшемся между Волгой и Уралом, ощутимо складываются необычайные до сих пор новаторские судьбы людей» [342].

В своей короткой речи на банкете, посвященном закрытию декады башкирской культуры в Москве 7 июня 1955 года М. Карим особо выделил роль русского языка: «Благодаря великому русскому языку наша литература выходит на широкую всесоюзную и, естественно, через русский язык и на мировую арену. Это значит, что перед ней открываются новые высоты и новые дали. Наши произведения не просто перекладываются на русский язык, они обогреваются русской душой, русским гением.

В дни декады читатели и писатели нашей доброй гостеприимной столицы проявили живейший интерес к нашей литературе. На читательских конференциях, творческих обсуждениях о произведениях башкирских писателей говорилось как об очень важной, нужной, достойной работе. Эти деловые, творческие, дружеские встречи еще больше укрепили в нас уверенность в собственных силах. А когда чувствуешь силу, легче победить свои недостатки и слабости, которых, к сожалению, у нас пока немало» [307].

В 1960 году, выступая на заседании Верховного Совета БАССР, М. Карим сказал: «Недавно созданные в республике четыре народных театра также успешно работают, снискали уважение и симпатии зрителей. Некоторые из этих театров с немалым успехом показывали свои спектакли в столице республики – Уфе.

Из года в год расширяется телевизионная сеть. Некоторые отдаленные от Уфы районы своими силами строят ретрансляционные телевизионные установки. Большими цифрами выражается рост киноустановок и охват ими сельских зрителей. Все шире и шире применяются разнообразные формы лекционной пропаганды. Ярким показателем духовного роста жителей села является то, что в ряде районов открываются детские музыкальные школы, изостудии, создаются самодеятельные оркестры. Хорошие результаты дает двухлетний поход молодежи за культуру быта колхозного села» [493].

А в статье М. Карима «Наше счастье» есть такие строки: «Мне как депутату нередко приходится встречаться со своими избирателями. Из года в год меняется характер наших встреч и бесед. Растут духовные запросы. Если несколько лет назад больше вопросов задавалось о насущных колхозных и житейских нуждах, то сейчас, нередко просят помочь выделить колхозникам несколько легковых автомобилей или открыть в колхозе детскую музыкальную школу. Или вдруг требуют: “Прочти новые стихи!”. Я с радостью замечаю, что колхозники говорят не только о своих нуждах, но и очень интересуются, как живут рабочие, что пишут писатели, какие спектакли в Уфе идут успешно или жива ли моя мать, здорова ли семья. Когда трудового человека покидает нужда, то в его душу прочно вселяются добро и ласка к людям» [363]. Поэт был уверен в том, что, «если бы в мире не было духовных ценностей, в частности, литературы, искусства, то царил был полнейший хаос, а так есть мера нравственных понятий, есть идеалы, к которым надо стремиться» [164].

В советские годы, по мнению Мустая Карима, возросшие «духовные запросы и потребности ... народа определяются тем, что место обыденных житейских забот в умах и сердцах людей занимают теперь другие заботы, влечения и желания – это тяга к искусству, литературе, тяга к знаниям» [493]. Поэтому он считал, что вполне своевременно поставлен первым на повестке дня вопрос об улучшении культурно-бытового обслуживания сельского населения» [493].

9 февраля 1987 года в своем дневнике М. Карим с ностальгией вспоминает о прошедшей в 1950 году Днях башкирской поэзии в столице нашей Родины: «В Москве начинаются Дни башкирской поэзии. Уезжаю туда. Такие же Дни в Москве проходили в 1950 году. Участвовали Нигмати, Даян, М. Сяндюкле, С. Кулибай, А. Харисов, А. Вали, Х. Карим. М. Карим. Бикбая не помню. Самый старший был Сяндюкле – ему 46 лет, Кулибаю – 40, Нигмати – 41, Даяну – 40, Х. Кариму – 40, Харисову – 36, Вали – 42, М. Кариму – 31. С. Кудаш

поехать не захотел: «Я уже немолодой человек, за стригунками увязываться не пристало». Ему 56 было. Из певцов были Г. Хабибуллин, М. Хисматуллин, Сутягин, Бану Валеева, из танцоров – Хазина Магазова и др. В этот раз самый молодой из писателей – К. Аралбаев, ему 45 лет» [197, 175].

Не это ли живое воплощение господства общечеловеческих ценностей многонациональной культуры СССР.

Как-то произошел удивительный случай, наглядно демонстрирующий межличностные отношения советских писателей.

Однажды, у себя дома в Уфе, открыв на звонок дверь, М. Карим увидел своего собрата по перу, молодого по сравнению с ним таджикского поэта Шукрулло. Он объявился неожиданно-негаданно, без предварительного телефонного звонка. Подумав, что случилось что-то непредвиденное, М. Карим удивился, на что он просто ответил: «Мустай-агай, просто я соскучился и захел проведать Вас». Оказывается, он был в Москве по делам издания своей книги, жил в гостинице «Москва», и когда получился перерыв в работе, на субботу-воскресенье, купив билет за 30 рублей, приехал в Уфу. Чтобы хозяин дома не усомнился, Шукрулло вытащил из кармана и показал гостиничный ключ.

Далее он произнес: «Разве может сейчас любой поэт, включая меня, народного поэта Башкортостана, вот так запросто, соскучившись, купить билет и приехать в гости к своим друзьям, когда и так денег нет, а стоимость билетов витает где-то на заоблачных вершинах ваших балкарских гор?..»

Поэт и драматург М. Карим не скрывал своей гордости тем, что зрители хорошо принимают его драматические произведения. Так, профессору из итальянского города Флоренция Рикардо Пиккио и его жене Лавинии он писал: «У нас теперь зима. Но мы любим ее, она у нас настоящая. Я (Мустай) иногда катаюсь даже на лыжах. Пишу стихи, работаю над новой драмой. Недавно наш башкирский театр (на башкирском языке) показал свои спектакли в Москве в Кремлевском театре. Показана была также моя комедия «Похищение девушки». Могу похвастаться – она прошла успешно и получила лестную для меня оценку печати и театральной общественности Москвы (спектакли были обсуждены во Всесоюзном театральном обществе). Вот вам не совсем скромная информация. Эту комедию на башкирском языке так же шлю Вам» [307].

А вот письмо Петера Бауэра – корреспондента I-го телевидения ФРГ/АРД в Москве, демонстрирующее зарубежные связи поэта:

«Дорогой Мустай Карим!

Прошло уже почти 2 года, с тех пор как я вместе с нашей съемочной группой Западногерманского телевидения посетил Башкирию, где мы сделали телерепортаж о Вас и Вашей родине. Я с удовольствием вспоминаю это время. Снятый нами репортаж тогда был с интересом принят телезрителями в нашей стране. Было бы очень хорошо, если бы Вы при случае также его посмотрели. У нас здесь, в московской студии, есть видеокассета с записью этого фильма, и если Вы в ближайшее время приедете в Москву, то мы хотели бы пригласить Вас с Вашей женой и Вашей семьей к нам в студию, чтобы Вы смогли посмотреть этот фильм.

Уже почти год, как я работаю в Москве постоянным корреспондентом I-го телевидения ФРГ/АРД и был бы очень рад видеть Вас в нашей студии.

Я заказал для Вас несколько фотографий из числа тех, которые мы сделали тогда, во время поездки в Башкирию, и надеюсь, что они доставят Вам радость.

С наилучшими пожеланиями

Петер Бауэр

P.S. Прошу Вас, если это можно, переслать второй конверт с остальными фотографиями коллегам Гостелерадио в Уфе» [307].

В своей статье «Раскрылись веки неба» с гордостью делился: «Два моих товарища по перу на днях уехали в Индию. Мне приходилось бывать в Китае и Вьетнаме. Башкирские певцы и танцоры познакомили с нашим национальным искусством народы десятков зарубежных стран. Мы получаем добрые вести из-за рубежа об издании книг башкирских авторов. Великий смысл этого общения в том, что вымиравший когда-то народ вошел в семью мировых цивилизованных наций» [369].

Мустай Карим здесь ведет разговор о том, что все нации имеют свою цивилизацию. Он решительно отвергал утверждения отдельных наших «демократов» о том, что цивилизация есть только на Западе, а другие народы не имеют никакой цивилизации. Он писал: «Ни для кого не секрет, что во многих изданиях, особенно бульварного толка, в популистской литературе можно прочесть всякую ересь: то, мол, Запад далеко ушел вперед в освоении новой (пока еще совсем не ясной) цивилизации, а мы-то, россияне, далеко отстали-с, и посему нам якобы отведена роль догоняющей стороны.

Простите, но я совершенно не приемлю подобного легковесного подхода к такому фундаментальному институту человеческого

общества, как цивилизация – развивающемуся феномену, характеризующему устои общечеловеческого бытия. Я не раз говорил на эту тему и позволю себе еще раз повторить бесспорную истину: цивилизация формировалась многими тысячелетиями из многих видов деятельности, и она продолжается (и будет продолжаться!) в своем развитии. Она, то есть человеческая цивилизация, не может скоротечно меняться от реформы к реформе в какой-либо стране или даже объемно во многих странах, от проводимой политики того или иного государства, даже от социально-экономических и политических перемен в отдельных или многих странах, хотя они могут оставить свой след или внести свою определенную лепту в развитие цивилизации. Разумеется, «новая цивилизация» быстротечна. Но в общественном масштабе ничего не проявляется так просто вдруг, как манна небесная. Цивилизационное развитие общества – это и есть продукт длительного, как уже многократно говорили и писали, исторического развития многих сторон жизнедеятельности крупных человеческих сообществ» [489, 29].

За последние 30 лет слово «цивилизация» стало не просто широко употребляемым, но, можно сказать, даже модным. Смысл, правда, вкладывается в него разный. При этом одни утверждают, что благодаря Горбачеву и Ельцину мы наконец-то входим в мировую цивилизацию. Другие говорят – в европейскую. Достаточно широко бытует понятие цивилизации русской (или российской). О советской приходится слышать все-таки реже. Да и отношение к ней, как вообще к советскому периоду, диаметрально противоположное. Если, скажем, Александр Зиновьев назвал этот период вершиной российской истории, то одновременно в сознание людей начали внедрять определение советских лет как некоего провала, «черной дыры» в биографии нашей страны.

Вершина – и «черная дыра»... Какая разница в оценках! Неимоверные усилия предпринимаются нынешней властью для дискредитации советского прошлого. В своем известном двухтомнике «Советская цивилизация» Сергей Георгиевич Кара-Мурза справедливо отметил, что новый строй возникал в тяжелых родовых муках. Так вот на этих муках, на этих родовых травмах в основном и спекулируют идеологи теперешней власти, выстраивая свою оглушительную, тотальную антисоветскую пропаганду.

Молодым поколениям советское время упорно изображают как сплошную трагедию, изымая из него все, чему люди радовались и чем по праву гордились.

«Когда, – говорит Г.А. Зиновьев, – собственных успехов нет, не хочется признавать поистине великие достижения советского времени. А тут еще кризис наступает – значит, надо всячески отвлекать внимание людей.

Молодые должны знать: у нас была великая советская эпоха, великая советская социалистическая цивилизация, уникальные достоинства которой предстоит внимательно изучать и в будущем максимально использовать» [254].

Была у советской цивилизации своя гуманитарная составляющая. Культура – невероятно богатая и своеобразная! Можно было бы об этом очень много говорить, но вот лишь один пример. За время Советской власти было создано в литературе и искусстве большое количество миром признанных шедевров. А где они сейчас?

«Недавно я пересмотрел, – говорил М. Карим, – фильм Сергея Бондарчука «Война и мир». И понял: он адекватен эпохее Льва Толстого! А создано ли у нас, да и в мире, за последние двадцать лет хоть что-то подобное?»

Может быть, даже не это является для меня главным, когда я думаю о той эпохе. Самое главное – внутреннее ощущение человека. Вот это было основным достижением советской цивилизации. Человек жил без страха перед жизнью, он жил без страха перед завтрашним днем и даже, в определенном смысле, без страха перед неизбежной смертью. Потому что он знал: государство в любом случае его поддержит. Оно его выучит, даст работу, надо будет – вылетит, а если надо – и нормально похоронит.

Вот это ощущение уверенности в мире, где человек реально чувствовал себя хозяином, – самое драгоценное.

«Мальчишкой, начинающим корреспондентом я проехал верхом на лошади весь Дагестан – от нижних пастбищ у Каспийского моря до самых верхних в горах. И даже мысли у меня не возникало, что со мной нехорошее что-то может произойти, что люди какие-то не такие...

Мы тогда недооценивали, в какое время живем. Повторяли как нечто дежурное: «Человек человеку – друг, товарищ и брат!», не осознавая всей глубины и обоснованности этого в нашей стране. Нас сбивали слухами о каких-то невероятных злоупотреблениях партийно-советской «элиты», но я сейчас задумываюсь: а что в то время мог украсть секретарь обкома? Термин «украсть» употребляю потому, что ныне он стал применительно к власти расхожим, общепринятым: власть и кража – близнецы-братья», – утверждает писатель, заслуженный деятель искусств России С.Н. Есин [254].

Приведем впечатление одного иностранца о Советском Союзе и советских людях, относящиеся к концу 70-х годов: «Я немного нервничал, когда приземлился в России. Я думал, что, возможно, увижу задрипанную страну с толпой мрачных людей, мыслящих, как роботы, и агентами спецслужб, прослушивающими мою комнату. Я увидел страну ста национальностей, живущих в гармонии. Я видел только одного полицейского. Никакого оружия. Никакой преступности. Никаких проституток. И ни одного гомосексуалиста». Так свидетельствовал великий американский боксер Мохаммед Али [254].

Н. Максимчук считает, что «ностальгию по Союзу не испытывают только те, кто за годы так называемой перестройки успел наворовать и загорает на Канарах и в куршевелях, да и то вряд ли они живут спокойно. Сегодня – на Канарах, а завтра – может быть, на нарах.

Мы спокойно ложились спать и спокойно просыпались утром, зная, что завтра будет работа, 10-го числа месяца – получка, а 25-го числа – аванс. Мы не платили за школу и институт, но получали качественное образование, с которым можно было свободно найти работу за границей. Нас бесплатно лечили. В июле 2010 года умерла от рака моя двоюродная сестра. Была на пенсии, 30000 на операцию найти не могла, да и гарантий никаких не давали. Лежала несколько месяцев. За обезболивающие уколы надо было тоже платить. Вот вам и прелести изобильного капитализма» [317].

М. Карим, как мы отмечали выше, жил в Уфе с 1935 года до своей кончины. «Когда живешь в городе так долго, – говорил он, – уже как-то и не замечаешь перемен, потому что перемены случаются, можно сказать, ежедневно. Но в памяти всегда хранится какая-то деталь, какая-то ассоциация, что-то особенное.

Вот и у меня в памяти сохранилось, что Уфа была очень спокойным городом. Все ходили пешком, так что, можно сказать, это был пеший город. Даже, как диковинку, помню извозчиков. Их было очень мало, и скоро они исчезли.

Тогда можно было гулять и днем, и ночью, было безопасно, пьяных не было на улицах, никаких грабежей, разбоев (выделено мной. – И.В.).

Хотя в городе одна легенда ходила. Еще в конце двадцатых годов это случилось. Был такой артист Карамышев, он играл роль Эпкеley в спектакле башкирского драмтеатра “Карагул”. И вот он поздно возвращался домой в сторону Ущелья, так называлась его улица. К нему пристали какие-то юноши, хотели отнять часы. И они его узнали. “Ба, – говорят. – Да ведь это наш Эпкеley!” Так что его не только не

обрабили, а даже довели до дома, чтобы, значит, кто-то другой не обидел.

Это было сразу после нэпа, тогда было беспокойно. Этот нэп был похож на начало девяностых годов. Но тогда это быстро прошло. Потом было все спокойно» [437].

В институте М. Карима поселили в общежитие «на улице К. Маркса, 31. С первого курса профком давал каждый день двум студентам, независимо от успеваемости в учебе, два билета в театр. Один день в русский, другой – в башкирский. Так что каждый из нас обязательно бывал 2-3 раза в год на спектаклях. А, побывав однажды в театре, я заразился им, сам стал покупать билеты. Стоили они недорого, я с 15 лет печатался и получал даже гонорары. Городская среда меня захватила, я ощущал жизнь большого города, просто прогуливаясь по улицам. Хочу – иду в библиотеку, хочу – на базар, хочу – в театр» [36, 15].

Так начиналась жизнь почти у всех выдающихся представителей народов СССР. «Мы наследники громадного поэтического опыта, – не без гордости замечает один из великих современников башкирского поэта Кайсын Кулиев. – И нынешние тюркоязычные поэты, в частности, должны быть благодарны своим предкам, оставившим такое замечательное наследство. Из глубины времен дошли до нас голоса Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширина, которым подарили бессмертие великие тюркоязычные поэты прошлого. Нам, на каком бы языке каждый из нас ни писал, непозволительны примитивизм и убожество – мы же владеем таким наследством, имеем, как говорится, в своем распоряжении многовековой опыт больших поэтов» [298].

Бережно сохраняя национальные традиции, советская цивилизация способствовала развитию культуры, опиравшейся на ее народные истоки. За годы существования Советской власти были созданы прекрасные произведения музыки, литературы, живописи, архитектуры, театра, кинематографа, которые стали доступны всему населению страны. Творения Шолохова и Шостаковича, Маяковского и Прокофьева, Свиридова и Мухиной, Эйзенштейна и Хачатуряна, а также многих других советских классиков вошли в сокровищницу мировой культуры.

Очень важно, что была создана новая, социалистическая эстетика, неразрывно связанная с именем Горького. За последнее время немало поиздевались над методом социалистического реализма. А между тем что сделал Горький? Вот был в нашей великой русской литературе XIX века так называемый маленький человек – униженный,

оскорбленный, вызывающий сочувствие и сострадание, но активно не противостоящий мерзостям жизни и их носителям. Горький же сказал: да какой ты объект эксплуатации – ты субъект революции! Смети всех этих своих угнетателей куда подальше и правь сам!

Отсюда в значительной мере «пошла наша советская литература. Наследуя великое из прошлого, она утверждала новое, социалистическое настоящее. И посмотрите, что происходило. Советскую цивилизацию создавал советский человек. А создали у нас советского человека? Создали. Воспитали. Как это было? Читайте «Как закалялась сталь».

Павел Корчагин и сегодня остается Павлом Корчагиным. Воспитательная сила его исключительно велика. Действительно, кто вынес на себе все эти “боярки”, кто поднял нашу индустрию, коллективные хозяйства? Советский человек. Хотел бы этого кто-то или не хотел, но он был создан. Сначала в жизни, а потом в литературе. Или одновременно. И помните, комиссар Васильев в “Повести о настоящем человеке” говорит Мересьеву: “Ты должен”. – “Но у меня ног нет”, – отвечает тот. “Но ты же советский человек!”

Это именно советский человек – коллективист, патриот, способный ставить общее выше личного, готовый во имя общего даже на жертву – в невероятно трудных условиях создал и отстоял все то, благодаря чему мы и сегодня живем. Но его отбрасывают, он нынче не нужен. “Как закалялась сталь» в школе уже не изучается” [254].

У нашего известного деятеля культуры А.А. Адабашьяна спросили: Александр Артемович, были ли в вашем детстве книги, которые вас особенно впечатлили, способствовали вашему формированию?». «Вообще много, – был ответ. – Мне очень нравились сказки, с огромным удовольствием читал Чуковского, все детские стихи Михалкова, Маршака, Барто. Но особенно мне нравился Аркадий Петрович Гайдар – «Судьба барабанщика», «Голубая чашка», рассказы его» [467a].

В конце своей жизни М. Карим много размышлял о том, что нас ждет в будущем. «То, что часто, к нам, – писал он, – под видом “новой цивилизации”, во многом имеет разрушительное начало, обедняет созданное веками культурное наследие. Что имею в виду? Сюда бы я отнес: культ насилия, варварство вандализм (это уму непостижимо, когда какие-то, простите за выражение, молокососы и нелюди разрушают на кладбищах памятники), обнаженный секс, предательство и предание анафеме святая святых национальных традиций, необузданный терроризм, теневой капитал, беспредельный эгоизм и дру-

гие пороки. Это не элементы цивилизации, это ее чудовищные отходы» [489, 29].

Он проявлял свою озабоченность по поводу разрушительной роли науки в цивилизационных процессах. «Мне порой кажется, – говорил он, – что ненужная мысль стала как бы неразборчивой, а иногда не чувствует свою социальную ответственность. Она не всегда способна предвидеть и предвосхищать возможные пагубные последствия воистину великих своих открытий. Я не буду говорить о значениях и результатах термоядерных реакций. Об этом в мире широко известно.

Возьмем самый простой пример: электронные средства массовой информации, в частности телевизоры. Наряду с огромным положительным началом в жизни общества никто еще не измерил тот колоссальный ущерб, который «телеик» ныне носит истинно творческому началу в литературе, в театральном искусстве, кинематографии. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: здесь больше господствует не творчество, а просто техническое, что ли, воплощение, копирование лишь каких-то замыслов подлинных художников. Часто на экране больше крутятся экстравагантные поделки или подделки от искусства» [489].

Справедливо утверждая, что «компьютеризация – путь к духовной нищете» [304], М. Карим пишет: «Компьютер создан вроде бы как средство помощи творческому мышлению человека нового века. Идея сама по себе верна. Но опять-таки компьютер, понимаете, вытесняет личность из изначального, данного природой, мыслительного процесса. Внешне вопрос простой. Компьютер – двигатель прогресса. Это очевидно. Однако, если вдуматься, проблема здесь также неоднозначна. Это особенно опасно для детей, учащихся. Многие из детей превращаются в своего рода живого робота, способного действовать лишь в рамках определенной программы. Мыслительный процесс отходит на задний план. А что будет дальше? За пределами компьютерной схемы ребенок – неуч, безграмотное существо? Конечно, здесь не все так просто и не все однозначно. Компьютер должен помочь раскрыться таланту ребенка, должен служить инструментом познания, широкой информации, творческой деятельности учащихся, студентов. Но опасно замкнуться лишь в его рамках.

Определенная тревога есть и о месте ученого в творческом процессе, который может стать вторичным после компьютера, информационных технологий. Как на этом фоне объяснить историческое место крупнейших мыслителей всех времен?

Если мы откажемся от такой фундаментальной идеи как роль творческой личности, то скоро нам придется столкнуться с тем, что роль и значение человеческого гения значительно уменьшатся» [489, 30].

Современным любителям компьютеров следовало знать, что у компьютерных игроков реакция, как у пилотов, но физическая форма – как у 60-летних курильщиков.

К такому выводу пришли британские исследователи после серии тестов, призванных выяснить: можно ли считать компьютерные игры видом спорта. В результате ученые пришли к неутешительному выводу: годы, проведенные игроками за компьютером, могут пагубно отразиться на здоровье и фактически разрушить его.

Разрушают организм человека на клеточном уровне мобильные телефоны. Под воздействием электромагнитного излучения в клетках необратимо изменяется строение ДНК.

Как сообщала телекомпания НТВ, это результат нового исследования, которое было проведено по заказу и на средства Евросоюза. Научную работу одновременно вели сразу 12 групп ученых из семи европейских стран. Координационный центр базируется в Германии.

На исследования ушло четыре года. И вот ученые подвели некоторые итоги работы. Удалось доказать, что излучение от мобильных телефонов губительно для ДНК, где содержится генетическая информация о человеке. Поврежденные клетки мутируют.

Россияне за последние годы стали зависимыми от мобильных телефонов. Недоступность сотовой связи приводит к ухудшению настроения и неврозам, а постоянное использование мобильных телефонов без гарнитур негативно влияет на головной мозг, заявили эксперты в канун 20-летия появления сотовой связи в нашей стране.

«В психологическом смысле связь сотового телефона и человека просто колоссальна. У нас сейчас у детей телефоны, у бабушек. И получается такая интересная вещь: с одной стороны, люди стали намного более доступны друг для друга, а с другой стороны – у них становится намного меньше приватности», – говорит врач-психотерапевт Константин Ольховой [472a].

«В некоторых условиях нельзя отключать рабочие мобильники, а если в домашней ситуации отключается телефон, возникает недовольство родственников. Получается, с одной стороны, люди стали спокойнее, а с другой – тревожнее. С одной стороны, мы всегда знаем, что до человека можно дозвониться, а с другой, мы приходим в состояние ужаса, когда понимаем, что телефон забыт дома или зарядить его негде», – добавил специалист [472a].

При этом человек начинает нервничать не из-за того, что не может кому-то дозвониться, а от мысли, что с ним не смогут связаться. «Получается некий невротический компонент: люди очень сильно на этом завязаны. Я всегда рекомендую людям при отъезде в отпуск и на выходных отключать свои сотовые телефоны», – сказал эксперт [472a].

Наносят вред здоровью и SMS-переписки. По словам Ольхового, зачастую человеку намного проще написать текстовое сообщение, чем даже позвонить по телефону. И это опасно, поскольку с помощью SMS трудно передать эмоции. В результате между собеседниками возникают конфликты, отметил психотерапевт.

Кроме того, российские медики подтвердили выводы ВОЗ, которая недавно предупредила, что мобильники негативно влияют на головной мозг. «Мы провели уникальный эксперимент, пронаблюдали за реакцией организма непосредственно и объективно. И тогда же было установлено, что через 30 секунд организм объективно реагирует на воздействие электромагнитных полей сотового телефона. Абсолютно точно изменяется биоэлектрическая активность головного мозга», – рассказал сотрудник ФМБЦ им. Бурназяна Олег Григорьев [472a].

По словам радиобиолога, на уровень излучения мобильников влияют многие факторы, начиная от параметров сигнала, его интенсивности, частоты, и заканчивая предрасположенностью человека. При этом он отметил, что наибольшую опасность сотовые телефоны представляют для детей. «Потому что дети рано начинают пользоваться телефонами, соответственно, у них большой стаж, они более чувствительны. По всей видимости, при использовании сотового телефона в возрасте до десяти лет дети просто развиваются по-другому. Они не выходят на тот уровень кондиции, которая в них заложена природой. Отстают в развитии», – пояснил Григорьев [472a].

Лучшим способом борьбы с излучением является использование наушников или гарнитур, рассказал ученый. «Проводная или беспроводная, это все равно лучше, чем телефон к голове. Когда телефон около головы, то голова фактически является частью антенны, – пояснил он. – Система «телефон, антенна, голова» – это единая электродинамическая система. И для того, чтобы ее разорвать, необходимо убрать телефон не менее чем на 35 сантиметров от головы. Если убрать на полметра, то картина облучения головы будет принципиально другой» [369].

Между М. Каримом и Р. Мавлютовым состоялся в 1988 году такой диалог:

«**Рыфат Мавлютов:** Вы, «лирики» (я имею в виду талантливых и не изменивших своему таланту), создаете то, над чем не властно время. А творить вечное – счастье. Ведь мы и сегодня открываем новый смысл и новые глубины и у античных авторов, и у Шекспира, и у Пушкина. Всю жизнь постигаешь Пушкина... Говорю это не из самоуничижения – я свое дело люблю и цену ему знаю. Но куда денешься: машины, механизмы, технологии, которые создавались даже не столетие – пятьдесят, двадцать, десять лет назад, теперь кажутся неуклюжей архаикой.

Мустай Карим: Но техника нынче такую власть над временем забрала, что и его-то, само время, может уничтожить... Это, впрочем уже другое. Самое страшное не старение машин, технологий, о чем ты печалишься, а заскорузлость мышления, непонимание сложнейшего механизма человеческих взаимоотношений, связи современного человека и машины, цивилизации и природы. Мы страдаем от догматизма подходов и к технике, и к экономике, и к образованию...

Случилось мне как-то проходить обследование в одной оснащенной всяческой техникой больнице. Врачи, лаборантки, сестры почти три недели изучали меня с головы до пят, заглядывая в «глаза» машин. Но никто не догадался хоть раз взглянуть в глаза мне – больному. А ведь мои глаза, наверное, тоже о чем-то сказали бы [395]. Вспомним здесь и эти слова М. Карима: «Техника нынче такую власть над временем забрала, что и его-то, само время, может уничтожить» [395].

За последнее время многое предпринято, чтобы исказить в общественном сознании образ советской цивилизации и советского человека. «Помню, в 1968 году на одном международном мероприятии познакомился я с цейлонцем. Доктор наук, очень уважаемый человек, он говорил о помощи, которую Советский Союз оказывает его стране. Материально, заметил он, эта помощь уступает тому, что мы получаем в сумме от американцев, англичан и т.д. Но зато, добавил, какие люди к нам приезжают! Какое отпущение! Вот это мы не получаем ни от одного человека ни из какой другой страны», – говорит историк Ю.В. Емельянов [254].

Или, скажем, сейчас любят «в антисоветском духе “обыгрывать” Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, который состоялся в 1957 году. Дескать, советские люди впервые увидели заграницу без «железного занавеса». «Но не говорят о другом – о том, какое впечатление Советская страна и советский человек произвели на приехавших. А оно было огромным! С восторгом, например, говорил

мне об этих впечатлениях индонезиец уже одиннадцать лет спустя. И учил меня петь «Уральскую рябинушку», которая необыкновенно ему понравилась», – вспоминал Ю.В. Емельянов [254].

Переживая период падения культуры общества, быстрого разрушения системы среднего и высшего образования, массового отъезда за рубеж специалистов, главным образом молодых, страна превращается в очаг невежества, мракобесия, разгула первобытных инстинктов. Главной ценностью объявлено богатство. Уличные транспаранты соблазняют пить водку и курить. Безнаказанность грабежей и убийств указывает молодежи возможные легкие пути обогащения. Такой культуре, конечно, не нужны ни Герцен, ни Чернышевский, ни декабристы, ни народники, ни Ленин, ни Плеханов. «Живи в свое удовольствие! Лови момент!»

Предвидя будущее господство “победоносиковых”, понимая, что до царства справедливости еще страшно далеко, В. Маяковский, «далеко не худший поэт эпохи», пытался сам рассказать «о времени и о себе». Любые попытки посмотреть на историю со стороны неминуемо приводят к появлению «точек зрения», когда старым меряется день сегодняшний. Тут ничего не поделаешь. Но беда, если начинают судить прошедшее, а особенно войны и революции, с сегодняшних позиций, прикладывая к прошлому эталон мирного времени. Отсюда один шаг до морализирования, приобретающего к тому же лицемерный характер.

Имея в виду современных власть и деньги имущих, В.Г. Распутин писал: «Они и не могут поступать иначе. Захватили в свои руки богатейшую страну, захватили мощнейшее оружие воздействия на массы – ясно, что они будут пользоваться этим оружием до последнего часа, чтобы удержать власть. И русская культура для них, пусть даже и в дозированном виде, – это ослабление их идеологии.

На чем держится их идеология? Да ни на чем, кроме эгоизма, чистогана и ненависти к исторической России. Может ли на этом долго продержаться государство с огромными запасами культурного и духовного богатства, то есть может ли оно держаться на самоотрицании? Нет, не может... Наши либералы, быстро переродившиеся в радикалов, попали сейчас в ловушку: и без исторической России им не продержаться, и национальную Россию позволять опасно. Они бы хотели разделить ее, историческую и национальную, но это тем более невозможно» [155].

Во второй половине декабря 2011 года по каналу «Россия» прошел документальный фильм Д. Киселева «СССР. Крушение».

Размышляя об увиденном, Н. Максимчук из пос. Шерегеш Кемеровской области делится: «До крушения нас не пугали страшилками радио и телевидение. Мы с радостью слушали вести о том, что где-то ввели новый завод, кто-то снова полетел в космос. Сегодня хроника дня: где-то сгорел дом для престарелых, где-то рухнуло здание, где-то убили следователя, где-то депутата... Живем за железными дверями, боясь соседей.

Мораль опустилась ниже плинтуса. Воровство и мошенничество стали бизнесом. Воры во власти. Убийства уже никого не удивляют – это стало нормой жизни.

В 90-х новая власть нам обещала изобилие, критикуя Советскую власть за голые полки. Изобилие получили сполна. Колбаса была в 80-х по 1 руб. 40 коп., чайная, из мяса, сегодня на полках колбаса из сои и туалетной бумаги стоит 200 руб. за кг и лежит не потому, что ее стало много, а потому, что ее купить многим не на что. Заработанные копейки и те не выдают вовремя. Задержки по заработной плате по несколько месяцев тоже стали нормой жизни. В 80-х каждый рабочий мог себе позволить в отпуск отдохнуть по профсоюзной путевке, иногда совсем бесплатно. Сейчас мало кто в отпуск ездит» [317].

Великий наш писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии РФ им. Г.К. Жукова Юрий Васильевич Бондарев справедливо утверждает, что «сегодняшняя сиюминутная культура, опутанная сетью рыночных отношений, уже не имеет права встать рядом со значимостью слова в период с 40-х до конца 80-х годов минувшего века, невзирая на хитроумные попытки конформистов облагородить ее определением «русской литературы» [42].

Как это ни печально, сознание молодого человека задавлено криминальными сюжетами, назойливо текущими с экранов телевизоров, разнорасцветченными шоу низкого вкуса, болтовней антидискуссии и, конечно, неизбывной информацией об убийствах, самоубийствах, насилиях, педофилии, воровстве, самых свежих уличных и квартирных катастрофах. И складывается впечатление, что «миллионам доверчивых соотечественников читают намеренно и настойчиво бесконечный, ужасающий роман о жестоком человеческом падении, точнее – руководство для некрепких умов, развращая читателя ничтожной скудостью мысли, цинизмом геростратоподобных гробокопателей истории. Мы же, слабо сопротивляясь нашествию толпы беззастенчивых «творцов», разрушению неопределимо прекрасного, созданного в пространстве художественной мысли своей страны, будто молчаливо соглашаемся с вознесенной авангарднейшими новаторами формулиров-

кой торгашеского дня: «рыночное общество и деньги», где несокрушимое денежное засилье по-рабски забирает человека в заложники» [42].

Я.З. Месенжник – доктор технических наук, профессор, мировая величина в сфере разработки электроизоляционной и кабельной техники. Его знает весь научный мир, но предан Яков Захарович только одной стране, во благо которой он работал на Украине, в Средней Азии, в Москве. И продолжает работать после сотни опаснейших операций, когда врачи, как он шутит, «отсекали ему все лишнее».

В музее «Преодоление» имени Н.А. Островского есть стенд, посвященный Якову Месенжнику. Люди читают про него и поражаются: «Он жив? Он работает?!» Весть об этой судьбе вырвала из омутов отчаяния немало искалеченных солдат и офицеров, воевавших в Афгане и Чечне. Значит, в самой страшной ситуации человек может сказать себе: «Встань и иди!» – может победить, реализоваться... Опыт Месенжника уникален. Потому особенно дорого его мнение о Советском Союзе. Когда у него спросили: «То общество, которое мы потеряли, было идейным, а не экзистенциальным?», он ответил: «Вот именно. До 1985-го идеи превалировали. Миллионы людей слушали Бетховена, а сейчас это – удел узкой прослойки. А для миллионов – похабные СМИ, бравирующие дурным тоном. Кривое зеркало. Поверьте, это не ворчание в духе “раньше ягоды были слаще...”. Нет, интегральный позитив был выше! Я подхожу к этому строго, как ученый. Все резко упало. Во времена, когда мы смеялись шуткам Аркадия Райкина, воспитывались гении во всех областях. У моей жены родители умерли малограмотными. Но они воспитали четверых детей – и все стали специалистами высокого уровня. Оба брата прошли войну, один стал замминистра в Казахской ССР. Из семьи нищих, а получили все бесплатно. Сейчас это возможно?» [46].

На вопрос: «Вам довелось выступать на эстраде в ту эпоху, когда там царили настоящие мастера, чьи имена вошли в золотой фонд отечественной эстрады? В чем отличие прежних кумиров от нынешних, сплошь и рядом именуемых “звездами”?», народная артистка России М. Суворова ответила: «Начнем с того, что на советской эстраде вообще не существовало никаких “звезд”: были артисты для народа, пользовавшиеся у своих слушателей огромной популярностью и любовью. А понятие “звезда” пришло к нам опять-таки с Запада. Кумиров советских времен отличали духовность, душевность, ответственность, обязательное высшее музыкальное образование. Они не пели что попало, не были всеядными и держались явно скромнее,

нежели нынешние парнишки и девчонки, которые, пару раз засветившись на экране, уже мнят себя “звездами” [319].

Сегодня оказалось так, что в российском шоу-бизнесе «звезд» больше, чем на небосводе. И все оттого, что «столь высокий статус уже зарабатывается не многолетним кропотливым трудом, а деньгами и, извините за прямоту, телом: у кого ноги длиннее, грудь пышнее, тот и «небесное светило». А вообще, я очень не люблю слова «звезда», «легенда» – меня от них коробит. Кстати, образно говоря, «продукт», выдаваемый раскрученными исполнителями, то бишь «звездами», это не полноценный качественный бутерброд, а какая-то смесь искусственно выращенной икры с маслом, но без хлеба, а посему, кроме расстройства музыкального вкуса, ничего не вызывает. Невозможно, когда каждую субботу одни и те же лица, 15–20 человек, мелькают на экране. Пусть весь этот шоу-бизнес сколько угодно ругает Советскую власть, но никогда в эпоху СССР не было такого, чтобы артист, снимаясь для одного канала, одновременно практически ежедневно появлялся бы и на другом» [319].

Советская власть закончилась, начался шоу-бизнес. Нынче честные и порядочные люди на телевидении не выживают. Их или убирают, или они сами уходят: ведь человек с чистой душой в этом вареве находиться не может. Самое ужасное в шоу-бизнесе то, что как только на артисте больше уже невозможно делать деньги (упал рейтинг, человек заболел или у него возникли какие-то другие проблемы), он в одночасье становится никому не нужен.

В интервью «Правде» народная артистка России и Удмуртии, заслуженная артистка Якутии Маргарита Суворова так поделилась своими размышлениями о наболевшем: «Я тяжело заболела после того, как осознала, какая катастрофа произошла со страной: ведь развал Советского Союза – это действительно катастрофа, принесшая целый ворох и по сей день не разрешенных политических, экономических и национальных проблем, а также, к сожалению, ознаменовавшая крах нашей эстрады. Артистов словно выжгли каленым железом. Причем не только представителей моего поколения, но и тех, кто был на 10–15 лет моложе. Нас смели в одночасье, выбросили на помойку и залили гашеной известью. А ведь мы не просто занимались творчеством, вкладывая в него всю душу: советские певцы прежде всего создавали. Пусть и за гроши. В итоге мы – так называемые совки – оказались в дураках, а нынешние исполнители “песен ни о чем” живут припеваючи... Настоящая эстрада, простите за грубость, накрылась медным тазом. Теперь со сцены горланят и сипят

только про любовь, а точнее, про секс. Будто нет ни Родины, ни переживаний за нее. Патриотизм исчез, словно его и не было. Как быстро предали свою страну и те заповеди, по которым жили. Предали и продали все, в том числе и совесть, за две копейки. Звучит дико, но основная часть богатств страны принадлежит какой-то небольшой кучке олигархов, обирающих весь народ» [319].

Она же тогда предложила: «Забудьте про слово “эстрада” применительно к сегодняшней действительности. Эстрада предполагала прежде всего любовь к Родине и народу, боль за свое Отечество, патриотизм. Ничего этого не осталось! Вместо эстрады воцарился шоу-бизнес, а с ним и люди, для которых искусство – лишь еще один способ набить себе карманы. И о каком воспитании вкуса теперь можно говорить! Ни душу, ни мозги современные песни не развивают! Чему могут научить девочки со шнурочками между ягодицами?! А тексты этих, с позволения сказать, шлягеров» [319].

Много ли можно вспомнить передач, прошедших в Год культуры на канале «Культура», в которых о достижениях советской культуры говорили бы как о следствии социалистического преобразования общества? Зато сплошь и рядом авторы таких передач стараются и в разговоре о достижениях выискать какой-либо негатив, который бы компрометировал советское прошлое, лишь бы у слушателей складывалось впечатление, что эти достижения появлялись не благодаря культурной политике власти, а вопреки ей.

Но никакие недостатки того времени не могут затмить главного: именно в советское время (и в том числе при Сталине) развитие культуры было одной из важнейших задач власти.

Летом 1923 года Сталин на совещании ответственных работников республик СССР заявил: «Ты хочешь сделать передовой свою страну в смысле поднятия ее государственности – подымай грамотность населения, подымай культуру своей страны – остальное приложится» [161]. И от этой линии он не отходил никогда. На XV съезде ВКП(б), где определялись основные задачи ближайшего этапа строительства социализма, Сталин подчеркнул, что одна из наиболее важных задач партии: «Усилить борьбу за культурный подъем рабочего класса и трудящегося крестьянства» [161]. И, как всегда у Сталина, это было не просто декларацией, а руководством к действию.

В 2014 году телевизионный канал «Культура» отметил юбилей ушедшего из жизни народного артиста СССР Донатаса Баниониса. Жаль, что тогда актер не напомнил о том, о чем говорил три десятилетия назад: «Рождение литовского театра не случайно совпадает

с провозглашением Советской власти в 1918 году. Советская республика за несколько месяцев своего существования сумела позаботиться о «создании первого театра» [161]. За последующие 20 лет в буржуазной Литве был создан лишь один театр, а через 20 лет после образования Литовской ССР их уже насчитывалось 11. Лучшие литовские театры (как и лучшие музыкальные коллективы, и лучшие фильмы) получили признание и в Советском Союзе, и за рубежом. «В маленькой Литве, – говорил тогда Донатас Юозович, – ныне создаются художественные ценности большого масштаба, значение которых выходит за рамки одной нации, одной республики, вливается в процесс мировых достижений» [161].

Спорить не приходится, значительная часть произведений советской художественной культуры сталинских лет посвящена революции, строительству социализма, формированию нового человека. Но дает ли это основание для утверждения, будто «лютовавшая идеологическая цензура» подавляла волю художников, заставляла их обращаться к таким темам? Скульптор Лев Кербель уже в постсоветские годы свидетельствовал. «Социальный заказ того времени совпал с потребностью моей души». Такое состояние души явственно ощущается и в письме режиссера Сергея Эйзенштейна французскому киноведущему Леону Муссинаку, в котором он делился впечатлениями от поездки по Украине и Северному Кавказу: «Своими глазами я увидел, что такое строительство социализма... Я проезжал по местам, где три года назад не было ничего, кроме бескрайних равнин, а теперь там воздвигаются громадные фабрики. Еще не покрывшись крышами, заводы начинают работать – это потрясающе! Величественное будущее!» [161]. А разве не было естественным писать о строительстве социализма, скажем, Владимиру Сосюре или Ивану Ле, если они с оружием в руках сражались за новый строй? И разве Ярослав Галан в своих произведениях советского периода писал не о том же, о чем он писал до того, как Западная Украина была присоединена к СССР?

Возвращаясь к словам М. Суворовой о девочках «со шнурочками между ягодицами», заметим, что есть свобода для пошлости и телевизионной грязи, есть свобода продавать наркотики, воровать, убивать, скрывать от людей правду. Нам не хватает «жесткой государственной политики, и если уж мы так любим американскую демократию, то почему бы не следовать их демократическим нормам, которые, в частности, предусматривают смертную казнь. Отмена в России высшей меры наказания есть право на вседозволенность. Такого черного разгула наша страна не знала никогда» [11].

Еще лет двести назад слова «пошлый», «пошлость» относились к прошлому, к тому, что пришло из старины и само по себе имеет вполне симпатичный смысл, с оттенком, правда, наскучившего, надоевшего. Но уже В.И. Даль аттестует пошлость как неприличие, грубость, низость, подлость. Однако по-прежнему в положении пережитка прошлого, обреченного на исчезновение. И вот теперь, воспользовавшись образовавшейся в культуре и нравах пустотой, пошлость из заднего положения переметнулась в переднее и во всем своем распухом безобразия явилась с той стороны, где будущее. И претендует не на скромную роль в жизни, а на полное господство. И не без успеха: ей поклоняются и короли, и президенты, и банкиры, и секретарши, и господа, и слуги [155].

В передаче Первого канала «Давай поженимся» от 23 января 2012 года одна из «невест» по имени Нита призналась, что занималась сексом прямо на могиле.

А ведь эту передачу смотрят дети и какой им урок преподнесли телевизионщики? Она, эта передача, выдается в эфир в записи и у ведущих передач была возможность удалить непристойное признание «невесты». Но это не случилось! Значит пропаганда пошлости – это политика нашего телевидения?!

Вот в Арабских Эмиратах двое британцев осуждены за поцелуй в ресторане. По словам 38-летней местной жительницы, она сама, а также ее дети видели, что молодые влюбленные целовались в губы. В результате молодой человек и девушка 25 и 24 лет были признаны виновными не только в откровенном проявлении чувств, но и в распитии алкоголя в общественном месте. Они были осуждены на 6 месяцев лишения свободы и к штрафу в 300 долларов каждый [168].

Нынешние молодые люди, как правило, «не отличаются, а уж непечатные выражения звучат в любой компании независимо от того, есть ли в ней девушки. Да они и сами не отстают. Начинается такое безобразие с младых ногтей. Смачно ругаются безусые школьники, наглядевшись на более старших пацанов во дворе, в подъезде, а взрослые проходят мимо, разве что друг с другом перекинутся: «Ну и молодежь пошла!» А с молодежью бывает достаточно похорошему поговорить» [213].

Идет колоссальное наступление поп-культуры. Наступление, которое нивелировало многое. Это не только наши проблемы, это проблемы всего мира. Во времена Лапина (председателя Гостелерадио СССР. – **И.В.**), который по сей день считается мракобесом, симфонические концерты по телевидению были нормальным явлением. А сегодня

на федеральных каналах классическую музыку вы не услышите, это напрочь исключено. С одной стороны, телевидение стало как бы ближе к народу, к его потребностям, вкусам. А с другой – это игра чрезвычайно опасная. У нас семьдесят лет не было на экране насилия, кровавых разборок, лагерных барачков с уголовниками – теперь же в щедром изобилии. Но если смерть становится предметом шоу-бизнеса, то она перестает быть смертью, перестает пугать, люди к ней привыкают, а привыкнув, черствеют, теряют способность к сочувствию. Это душевное очерствение имеет опаснейшие последствия – то, что стало нормой на экране, постепенно становится нормой в жизни...

Культура в широком понимании ныне, на мой взгляд, не существует», – утверждает А.Прошкин [544].

За последнее время все шире распространяется по театральным подмосткам эпатаж путем скандала? Например, в Большом театре героиню «Руслана и Людмилы» Глинки показывают в борделе, а в Новосибирском театре оперы и балета, ставя вагнеровского «Тангейзера», привели в бордель уже и Христа.

«Раньше подобное и в голову не могло прийти. А теперь «под видом творческой свободы – пожалуйста, что угодно. Есть закон о защите памятников истории и культуры, но пьесы Гоголя или Чехова, Шекспира или Оскара Уайльда под него не попадают. Так же как инсценировки по прозе Бальзака, Достоевского или Льва Толстого. В результате надругательство над классическими произведениями приняло уже характер эпидемии» [35].

Как справедливо утверждает Ю. Бондарев, «лжеискусство массовой культуры, этот греховный брак непотребного удовольствия и сомнительного дурного развлечения, нашло рынок сбыта в кино, телевидении и так называемых шоу, развращая обывателя, особенно молодого человека, как бы освобождая его от моральных истин человеческих взаимоотношений. Зрителя унижают и оглушают соблазнами сладко-ложных снов, расхристанной свободы сексуальных сюжетов, в которых все позволено – и садизм, и мазохизм, и «однополое соитие», и все другие варианты и вариации порнографического секса» [41].

Ю. Бондарев признается, что был более чем удивлен, когда увидел на Западе и за океаном фильм о войне во Вьетнаме как веселый приключенческий сюжет, а фильм об убийстве президента Кеннеди как развлекательный детектив, фильм же о Че Геваре как эротические похождения знаменитого кубинского революционера. Кроме того, не сходит с экрана несметное количество кинокартин, где сма-

куются подробности убийств, изнасилования и непристойности самых низменных инстинктов, оскорбляющие, втаптывающие в грязь мужчину и женщину. «Все это, – продолжает маститый писатель, – навело меня на мысль, пугающую, трагическую: да, начала наступать деградация в естественных человеческих чувствах.

Не раз в интервью и на встречах с иностранными журналистами я высказывал мнение о подобных кинематографических изделиях, о том, что такое низменное искусство рассчитано на дремучего обывателя вместе с вывихнутой интеллигенцией, а мне спокойно ответили: “У нас свобода”.

Вдвойне стало скверно на душе, когда российское телевидение, без стеснения повторяя западно-американское бесстыдство, ответило мне той же фразой: “У нас свобода”. Уже более чем ясно, что телевидение и кино, расстегнутые на все пуговицы сверху донизу, и часть прессы по некоему умышленному совету разлагателей молодых душ вожделеют захватить закоулки сознания, подавить, извратить, опорочить через придуманные уродства самое нежное сокровенное чувство» [41].

Укрываясь за словесной ширмой обещаний, «либеральные демократы» с усмешкой перевели путевые стрелки и вогнали в тупик Россию, оголенную до неприличия реформами и прочими новшествами. “Кому поем печаль мою” о разрушениях в сельском хозяйстве, промышленности, Вооруженных Силах, культуре?

Невозможно забыть, что Ельцин, вознесенный в государственной кресло наивной доверчивостью так называемого электората, принес стране позор слабоумия и нелепость стыдopodobного царствования с возлюбленной бутылкой в цепких руках» [41].

Будучи президентом РАО Н.Д. Никандров с болью в душе речь вел о, как он пишет, «примитивных песнях»: «Думаю, многие согласятся, что символом таковых является знаменитая “Зайка” в исполнении Ф. Киркорова, идущая на-ура во многих молодежных аудиториях. Вспомнить ее важно для нашей темы. Ф. Киркоров, несомненно, не обижен талантом. Как говорится, “все при нем” – и хороший голос, которым не могут похвастаться большинство “попсовых” и рок-певцов, и сценическая внешность. Поэтому “Зайка” выбрана не по неумению или бесталанности, а вполне сознательно, с пониманием, что низкопробность легко потребляется. Но эта песенка более или менее безобидна, разве что портит художественный вкус. Другие песни “полезны” для развенчания ценностей. Например, люди старшего поколения помнят “Песню московских студентов”, где есть

такие слова: “У московских студентов горячая кровь...”. Теперь поется иначе: “У московских студентов горячая плоть... у них патлы до плеч, нетипична их речь...” и т.д. Но ведь совершенно понятно, что это – явление того же порядка, как изменение слов песни “Артиллеристы, Сталин дал приказ...” на “Артиллеристы, точен был приказ” и тому подобные изменения. Они отражали изменение политико-идеологических ориентиров. “Горячая плоть” тоже отражает смену идеологических, а косвенно – и политических ориентиров» [441, 99–100].

Ярким отражением глубины чувств советских людей стала советская песня, которая создавалась лучшими композиторами страны и исполнялась ее лучшими певцами. Весь мир аплодировал музыкантам, вокальным и балетным ансамблям, которые демонстрировали в разных странах мира творения советской культуры.

Мустай Карим неоднократно отмечал таких корифеев отечественной песни, как Лидия Русланова, Иван Козловский, Сергей Лемешев, Татьяна Петрова, Ольга Воронец, Евгений Нестеренко, Борис Штоколов, Людмила Зыкина, Леонид Сметанников, Магафур Хисматуллин... Их блистательное искусство доводило буквально до слез умиления нас и наших родителей. Ни один праздничный концерт в залах Кремля или Большом колонном зале Дома союзов не проходил без представителей этой замечательной плеяды певцов. Их голоса постоянно звучали по радио, а потом и с телевизионных экранов. Однако многие из перечисленных знаменитостей уже ушли в мир иной, а те, кто жив – в силу понятных причин давно не видны на сценах.

Народная артистка СССР Элина Быстрицкая подчеркивает роль искусства, например, в Победе. «Нелегко, – говорит она, – далась нам Победа, а роль в этом советских песен, советского кино, советской идеологии исключительно велика. Участие культуры в целом и тех незабываемых концертных бригад в достижении Победы невозможно переоценить. Вот мне и хочется, выходя к сегодняшним зрителям и слушателям, передать им хоть частичку великой силы, которую несет такое искусство. Поистине бессмертное!» [44].

Кто же пришел им на смену? Думаю, многие и не вспомнят. Как-то поблекли и тоже исчезли Людмила Рюмина и Екатерина Шаврина. Впрочем, их вообще вряд ли можно поставить в один ряд с перечисленными выше. Надежду Кадышеву и Надежду Бабкину отнести к исполнительницам русских народных песен можно лишь с очень большими оговорками. Особенно это касается последней с ее при-

верженностью к современным стилизациям, которые делают родные мелодии почему-то очень похожими на попсу. Время от времени включают в свой репертуар народное творчество такие замечательные певцы, как Иосиф Кобзон и Дмитрий Хворостовский, однако это все же не их основная специализация.

Думается, большинство читателей согласятся с констатацией очень печального факта: должной замены ушедшим мэтрам этого жанра сейчас попросту нет. Такая же грустная картина и с хоровыми коллективами. Как-то потерялись знаменитые Государственный академический народный хор имени Пятницкого, Государственный академический Сибирский русский народный хор, Волжский народный хор. По крайней мере, несколько десятилетий назад о них слышно было несравненно больше. Имеются в виду гастрольи, участие в тех же праздничных концертах, просто передачах по телевидению. В лучшем случае можно иногда услышать Кубанский народный хор.

17 марта 2010 года в рамках «Правительственного часа» в Госдуме выступал министр культуры Александр Авдеев. Он справедливо уделил много внимания вопросу доступности культурных благ гражданам России. По оценке министра, обеспеченность населения музеями должна быть больше на 80%, парками – на 76%, театрами – на 60%, библиотеками – на 20%. Коснулся министр и проблемы чрезвычайно плохой сохранности объектов культурного наследия. Однако при этом он довольно странно кивнул на некие культурные потери 20–30-х годов прошлого века. Хотя хорошо известно, что Советское правительство занялось вопросом создания музеев буквально с первых месяцев своего существования. В первые годы Советской власти количество музеев и памятников культуры в стране выросло в сотни раз. Теперь же они, напротив, рассыпаются в прах [448].

Поистине в бедственном положении находятся и работники учреждений культуры. «Их заработная плата составляет 8000–8500 рублей в месяц. Хотя у нас много и куда более “скромных” фактов. Например, месячная зарплата работников библиотек в городе Фролово Волгоградской области – 2700 рублей, еще меньше – 2600 рублей в месяц – получают их коллеги из рабочего поселка Богородское Кировской области. Да и в Москве сотрудники знаменитой Ленинки – в числе самых низкооплачиваемых», – сказал тогда министр [448].

Можно констатировать, что в стране конструктивная политика в сфере культуры отсутствует. Вместо этого закрепляется тенденция на передачу объектов культурного наследия в частную собственность.

А все потуги правительства в этой области в лучшем случае позволяют создать для нашей культуры парадную вывеску в виде собранных в столицах показательных объектов. Между гражданами страны уже пролегла тень социокультурного разрыва, который носит абсолютно классовый характер. А разрушение единого культурного пространства создает прямую угрозу и территориальной целостности страны.

В связи со сказанным вспоминается вывод члена-корреспондента РАО, доктора педагогических наук Е. Ямбурга, который писал: «Искушенные люди знают, что дьявол обычно протягивает две руки. Применительно к поставленному вопросу это выглядит так: не хочешь в полной мере вкусить прелести глобализма с его пошлой космополитической цивилизацией, принимай фундаментализм, но тогда будь готов к откату в средневековье. И наоборот, опасаясь рецидивов мракобесия – смиришься с секс-шопами и культом наслаждения. Но в том-то и дело, что и тот и другой дар – от лукавого. Это если кратко. По такой замкнутой окружности можно бегать бесконечно» [595].

«Ощущение резервации, – признался в 2000 году выдающийся писатель В.Г. Распутин, – куда загнана русская культура (выделено мной. – *И.В.*), остается. Скромно и незаметно отпраздновали столетие Леонида Леонова и столетие Андрея Платонова. Последнего “демократия” 80-х годов эксплуатировала нещадно, но замазать его национальное нутро не смогла и теперь в почестях отказала. А Леонов для духовной родни Грацианского всегда был чужим, его даже на время нельзя было присвоить. Отсюда и вполне объяснимое отношение.

Но знаете, я не вижу в этом трагедии. Несправедливость – да, бессовестная подмена значимости литературных имен – да, жесточайшая цензура в отношении к “своим” и “чужим” – да; но Леонова, эту глыбу, эту высоту русской словесности, Приставкиным или Аксеновым все равно не закрыть. Можно пулять ими по Мастеру, но ему от этого ничего не сделается, а легковесные снаряды пострадают. И пусть Окуджаве открывают хоть десять музеев, но если нет музея Леонову или Платонову, все окуджавские музеи недействительны и нравственно несостоятельны. Литература (а тут речь надо вести и обо всем искусстве!) – не тайга, где звери, захватывая чужую территорию, метят ее, ну, скажем мягко, своим духом. В литературе величие назначается по таланту и по сделанному не для так называемой элиты, а для народа» [155].

Как утверждает Я. Поплавская, главный порок нынешней массовой культуры, повсеместно заполонившей эфир, – вседозволенность как раз и проистекает из недостатка или полного отсутствия цензу-

ры, в частности, в современном музыкальном пространстве» [106].

Было время, когда тогдашний министр культуры М. Швыдкой по пятому каналу каждую неделю в течение почти года проводил интервью. Кстати, почти все передачи М. Швыдкого имели необоснованную оптимистическую концовку: все у нас, дескать, хорошо, и не о чем беспокоиться. Эдакий аккорд бодрости был выдан и в заключенные беседы с композитором А.В. Чайковским:

«М.Ш. Кризис музыки существует?

А.Ч. Он и есть и нет... Скоро у нас будет фантастическая музыкальная жизнь – свои Рахманиновы, Моцарты, Чайковские.

М.Ш. Я готов подписаться под этими словами. Все не так-то уж плохо, как нам хочется думать» [107].

Ну, то, что у нас уже наступила фантастическая музыкальная жизнь, – это точно. Такого беснования на сцене и в зале, думается, не было даже у пещерных жителей. А Чайковских «у нас уже два: А. и Б. Чайковские. А вот откуда появится целый рой Рахманиновых и других гениальных композиторов, неясно. Ведь нынешняя маскультура потеряла главный компонент музыки – мелодию, которая, по определению М.И. Глинки, – “душа музыки”. Из страны поющей мы превратились в страну слушающую. Попробуйте попросить школьника что-нибудь напеть. Большинство не сможет. Зато наушники с бьющими по ушам оглушающими ритмами – почти у каждого. А какова была роль песни на протяжении всей истории нашей Родины, и говорить нечего» [107].

Хулители советского прошлого из всех сил насаждают мнение о том, будто злейшими врагами артистов в СССР являлись цензура и худсоветы, якобы активно мешавшие любому творчеству, сужая рамки таланта. Послушать иных знаменитостей, так их едва ли не под дулом пистолета заставляли исполнять патриотические песни, принуждали одеваться по-монашески и не делать лишних телодвижений на сцене. Теперь же, когда никаких запретов фактически не существует, наблюдается полное, до вульгарности и разнузданности, раскрепощение артистов на сцене: нынешние через одного безголодые «звезды» поют, а точнее, шепчут и подвывают о чем угодно (главным образом о сексе), выходят к зрителям едва ли не в чем мать родила, щеголяя «художественным» беспорядком на голове и обилием макияжа на лице. Про примитивный репертуар выросших как грибы после дождя «золотых голосов России» и говорить не приходится. В связи с этим на вопрос: «Стоит ли вернуть хоть какое-то подобие цензуры на эстраду?», солист ВИА «Лейся, песня!»

А. Филаткин ответил так: «На мой взгляд, сейчас на телевидении все же появились люди, которые, скажем так, следят за порядком. Лет 10–15 назад дела обстояли гораздо хуже: на сцене царила полная вседозволенность. А насчет того, что в советские времена кого-то там “душили”, «наступали сапогом на горло»... то я лично с подобным не сталкивался. Бывало, по несколько раз заставляли сдавать концертные программы, возвращали их на доработку, но это шло только на пользу. Случались и придирки к внешнему виду: если у какого-нибудь артиста волосы, например, лезли на воротник, его заставляли стричься» [1].

Дизайнер и сценограф, режиссер и писатель, актер и художник А. Адабашьян на вопрос: «Сейчас много споров о цензуре. Как вы думаете, нужна ли она?», ответил: «Конечно. И она существует, что бы там ни говорили. Раньше – политическая, сейчас – денежная, которая куда страшнее политической. И тот, кто заказывает работу и платит за нее деньги, ясно объясняет, что он хочет. Цензура неизбежна. Не может быть такого, чтобы тебе давали деньги и говорили: “Делай что хочешь”. Наивные мечты! Разве что в живописи, пожалуйста, пиши что хочешь» [467а].

«В нашу эпоху, эпоху худсоветов, – утверждает певец А. Тиханович, – определяющих направление творчества того или иного музыканта, для того, чтобы тебя узнали, услышали, дали оценку как профессионалу и открыли дорогу на эстраду, нужно было обязательно пройти через определенные ступени – республиканские, а затем всесоюзные конкурсы. (В 1974 году ВИА «Верасы» стал лауреатом пятого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. – *И.В.*) Когда же ты получал общесоюзное признание, тебе открывались все двери, на тебя начинала работать музыкальная индустрия СССР. Цензура на радио и ТВ была на высочайшем уровне. Современная же музыкальная “редактура” оставляет желать лучшего. Сейчас сферой телерадиовещания заправляют люди, у которых наличие хоть какого-то гуманитарного образования вызывает большие сомнения. А раньше человек, работающий на радио или телевидении, должен был обязательно иметь не просто гуманитарное, а высшее музыкальное образование. Хочу подчеркнуть: цензура в советские времена была исключительно творческой. Я бы даже назвал ее цензурой сердца и души» [521].

На вопрос журналистки Елены Морозовой: «Вы хотите сказать, что благодаря цензуре на эстраду попадали самые лучшие и наиболее достойные произведения, ставшие впоследствии песенной клас-

сикой и навсегда оставшиеся в истории не только советской, но и мировой музыки?», А.Тиханович ответил: «Совершенно верно. В советское время на Центральное телевидение попадали только настоящие артисты, подлинные профессионалы. Нам посчастливилось оказаться в их числе. Большой творческой удачей можно назвать и неоднократное участие в передаче «Песня года» [521].

Из великого множества песен на этот итоговый музыкальный концерт-отчет отбиралось 25, максимум 30 произведений. Но это были самые лучшие песни, их знала вся страна. А главное, они выдержали проверку временем: это шлягеры, которые живут в народе, поются и перепеваются до сих пор.

Выдающийся деятель культуры Даниил Гранин в беседе с В. Выжутовичем заметил, что очень многое было при советской власти хорошее: «Например, социальная защита человека, например, культура и искусство. Мы сейчас что поем? Советские песни. Что с удовольствием смотрим? Советское кино. Что с наслаждением перечитываем? Советские стихи, советскую прозу в их лучших образцах. Многие из того, что было, возвращается в нашу жизнь. Как ни странно, **советская действительность – при цензуре и прочих невзгодах – создала громадный пласт искусства, которое мы теперь начинаем по-новому понимать и по достоинству оценивать** (выделено мной. – *И.В.*). Сегодня при отсутствии цензуры мы имеем возможность работать в искусстве гораздо более свободно, чем раньше. Да, результат пока не очень впечатляет» [173а].

Именно наличие жесткого отбора на худсоветах не давало пропускать на эстраду посредственным исполнителям, не позволяло запускать в эфир песни с примитивными мелодиями и вульгарными текстами. Теперь же, когда все решают деньги, на сцене дрыгаются полуодетые артисты, которых и певцами-то зачастую можно назвать с большой натяжкой из-за полного отсутствия вокальных данных. Ну а уж то, чем они потчуют аудиторию, вообще ни в какие ворота не лезет: низкопробные, а порой и непристойные до похабщины стихи, мелодии из трех нот. Не случайно Маргарита Суворова заметила, что лично ей цензура никогда не мешала и делала на сцене все, что угодно: и пела, и танцевала, и на голове стояла. «А худсоветы, – добавила она, – действительно ограждали от проникновения на сцену непотребщины. Раньше артисту никогда бы не позволили предстать перед публикой, если бы от него дурно пахло – в духовном плане. Конечно, перегибы случались, но в итоге все-таки торжествовали искусство и здравый смысл» [319].

«Уже долго наблюдаю этот феномен: частное сознание. Оно субгубо утилитарно. Оно – плоское, целиком ориентированное на деньги. И для выколачивания прибылей готово играть на самых низменных инстинктах», – говорит народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Э.А. Рязанов [494].

Он, противник всего советского, считает: «Наш капитализм... какой-то уродливый. То, что я вижу вокруг, принципиально чуждо культуре. Культура массовая, дешевая, захлестнувшая наше кино и ТВ, – возможно, такому капитализму к лицу. Но если говорить о настоящей культуре, то наш капитализм не выказал никаких признаков интереса к ней.

Теперь о традициях. Социалистические идеи плюс верившие в них люди дали миру советский кинематограф. Эти идеи развивались не только на воспевании советского строя, как сейчас утверждают, но и на критике «социализма с нечеловеческим лицом». Так рождалось кино, главный признак которого – оно живое! В этих идеях многое совпадало с общечеловеческими, с христианскими ценностями, хотя и называлось иначе.

В эти идеи верило огромное количество умных и талантливых людей – как можно отбрасывать их опыт! Тем более что в нем много здравого. Межнациональные отношения были значительно лучше, чем теперь. Заботы о детях было больше. Заботы о здоровье людей, о культуре. Даже тот социализм, что был у нас, по многим позициям, превосходит наш хромой, но безудержно хищный капитализм. В СССР никогда не было проблемы денег для кино» [494].

А ведь в постсоветский период именно он был с теми, кто поносил советское время и социализм, прокладывая дорогу капитализму в нашей стране и всемерно способствуя его утверждению. Достаточно вспомнить подбострастный телехолоуж, сотворенный Эльдаром Александровичем перед президентскими выборами 1996-го – на ельцинской кухне, с поеданием котлеток от Наины Иосифовны.

В ответ на реплику обозревателя «Российской газеты» В. Кичина: «Оппоненты вам напоминают, как государство вмешивалось в творческий процесс, как давило на художников, как требовало поправок...» Э. Рязанов заметил: «Уж кто-кто, а я все это испытал на себе. Но современные продюсеры заняты ровно тем же, только часто их требования бывают еще нелепее и глупее. На их совести тот уровень, на который опустилось наше кино, потерявшее не только свои традиции, но и зрителя.

...На самом деле зрителей разворачивают. Я с отчаянием смотрю на то, как из нашего кино уходят такие понятия, как художественный образ, идея, сочувствие, милосердие, одухотворенность. А испарившись из кино, они уходят и из сознания людей. Режиссеры старшего поколения – Глеб Панфилов, Петр Тодоровский, да и я тоже – чувствуют себя отодвинутыми от кинопроцесса. Не нужны наши знания, опыт. И зрители теперь судят о кинематографе по чудовищным сериалам, напоминающим плохую художественную самодеятельность.

...Но я еще раз хочу подчеркнуть: существуют священные чувства по отношению к прошлому. Они позволяют нам ощущать себя его наследниками, хранителями национального культурного достояния. Ведь страну объединяют не только единство площади проживания и язык. Ее объединяет культура, скрепляющая прошлое с настоящим. Отдавать эти всенародные чувства на поругание для того, чтобы богатели бизнесмены, – это значит лишить страну будущего» [494].

И еще. Будто-бы в систему государственной машины России включена РПЦ, и религия будто бы вошла в нашу жизнь. А моральный уровень общества падает больше некуда! И нравственный облик рыночного общества, несмотря на показную набожность и огромное количество культовых сооружений и религиозных праздников, не идет ни в какое сравнение с моральным уровнем советского общества, внутренним духовным миром советского человека. Это происходит потому, что религия «проводит одну работу по духовному и нравственному воспитанию людей, а государство сванидзе и гусинских, яковлевых и филатовых со всей мощью своего телевидения, радио, прессы (один «Плейбой» или «Пентхауз» чего стоят) проводит прямо противоположную работу, разлагая, зомбируя людей. С одной стороны, государственная машина, которая перемалывает души людей, отравляя их, с другой – скромное пастырское напутствие, которое часто теряется на пути к людям, заглушаемое вакханалией сатанизма» [243].

По мнению М. Карима, одним из самых могучих и действенных средств, оберегающих людей от разобщения и отчуждения является художественная литература. «Книга, – пишет он, – и театр, как ничто другое, способны помочь человеку проникнуть в чужую судьбу, разделив или отвергнув ее, извлечь нравственный урок, воспитать в себе чувство ответственности за других, найти себе опору. Не каждый умеющий читать – прилежный читатель, не каждый зрячий – внимательный зритель. Но само присутствие в жизни общества искусства

слова, гармонии звуков и красок постоянно рушит духовные пещеры, чтобы люди по ним не разбрелись» [380, 480]. О значении книги М. Карим говорил в стихотворении, которое сегодня мало кому известно:

*Ты книгу распахнул, читатель мой, –
Души своей ворота распахни.
Герои дум моих перед тобой –
Пусть в сердце прямоком шагнут они.
Не виден свет зажмуренным глазам,
Нет места дружбе в сжатом кулаке.
Я награжден, коль ты открыт стихам
И от строки торопишься строке [374].*

А вот Дмитрий Быков назвал литературу нашей национальной религией [173].

«Именно литература сделала из меня, обычного советского ребенка, русского человека, **я благодарен советской власти за то, что из школьной программы не убрали Достоевского** (выделено мной. – *И.В.*). Именно благодаря русской литературе наш народ духовно сохранился несмотря на страшные потрясения XX века», – говорил в 2015 году исполняющий обязанности ректора Литературного института писатель Алексей Варламов [495].

Выступая на одном из заседаний Верховного Совета республики М. Карим говорил о книжной торговле в те далекие годы: «Как рассказывают пожилые люди, в дореволюционное время у нас были книгоноши, ходившие со своим товаром из аула в аул. Одного такого торговца спросили: “Как твоя торговля, дает ли доход?” Тот ответил: “На рубль торгуем, на два харчуем, мало-мало польза есть”. (Оживление в зале). Быть может, учреждения культуры и харчуют на 5 рублей, но приносимую ими народу пользу не выразишь никакими цифрами» [342].

Далее он затронул проблемы с книжной торговлей на селе: «Книжная торговля на селе все еще остается далеко не удовлетворительной. Система респотребсоюза, несмотря на известное решение партии, недостаточно усердно занимается налаживанием книжной торговли. Прежде всего, отсутствует культура торговли. В большинстве сельских магазинов миролюбивая и гуманная книга пока соседствует с “воинствующей” водкой. Такое соседство духовной и “телесной” пищи в данном случае является противоестественным.

Настала пора подумать об открытии специальных книжных магазинов в крупных селах и центрах колхозов и совхозов, а в бригадах – книжных киосков. Опять могут сказать: не оправдается! Но нужно

поставить дело так, чтобы оно оправдало себя. Прежде всего, необходимо готовить культурных торговцев книгами на специальных курсах, а также организовать группы продавцов книг в кооперативных техникумах» [342].

Об обеспечении народа книгами был озабочен не только башкирский писатель, но и власти страны. Приведем два удивительных примера на этот счет. За первые 40 лет Советской власти – с 1918 по 1958 год, произведения А.П. Чехова в СССР выпускались 1191 раз тиражом 54,6 миллиона экземпляров на 73 языках.

Избранные произведения писателя переиздавались 105 раз. Особый интерес представляют издания отдельных произведений Чехова. На 12 языках 29 раз выходил в свет «Вишневый сад», на 18 языках 35 раз – «Человек в футляре», 60 раз переиздавался рассказ «Ванька», 126 раз – запомнившаяся всем еще с детства «Каштанка».

Знаменательны и цифры чеховских изданий за рубежом. На выставке Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в 1960 году было представлено 300 произведений писателя, переведенных на 28 языков зарубежных стран [228, 219].

Последняя «культурная акция “тоталитарного режима” – трехтомник Пушкина, изданный одиннадцатимиллионным тиражом, общей стоимостью за три тома в 9 рублей. Такого отношения ни одному поэту в мире за всю историю человечества, за всю историю его культуры испытать не довелось» [169, 167].

Накануне Пленума Оргкомитета Союза писателей РСФСР, который прошел в 1958 году в Уфе, вышла статья М. Карима «Наши ожидания», где мы находим эти строки: «Еще не прибывшие в Уфу наши гости – русские советские писатели и представители литератур автономных республик Российской Федерации – уже имеют десятки приглашений на заводы и предприятия, в высшие учебные заведения и школы» [367].

При одной из трех состоявшихся встреч М. Каримом в 1998 году с племянником балкарского поэта Кайсына Кулиева Каншаубием Мизиевым башкирский поэт заметил: «Я бывал в Турции и не видел каких-нибудь шикарных по архитектуре зданий, если не считать остатки античных цивилизаций. Я, как мог, пытался объяснить и изложить свою точку зрения, а он продолжал сокрушаться по поводу развала Союза, прекращения общения с другими республиками, ставшими новыми странами, с которыми раньше нас связывали узы дружбы и братских отношений, сопровождавшиеся обменом делегаций, декадами культуры» [324, 94].

По поводу этих форумов М. Карим говорил: «Я много раз возглавлял подобные делегации и хорошо знаю, как мы скрупулезно готовились к таким мероприятиям: если говорить о работе литературной части декад, мы готовили планы совещаний по взаимообогащению наших литератур, организовывали работу литературных секций, где обязательно присутствовала, например, молодежная секция, устраивали поэтические вечера, концерты и т.д. И уже потом, когда узнавали друг друга ближе или радовались встречам со старыми друзьями, устраивали банкеты и их продолжение уже в гостинице отдельными сложившимися коллективами» [324, 95].

М. Карим с удовлетворением отвечал еще сравнительно недавно, что башкиры с победой Великого Октября «приобщились к большой науке и мировой литературе. Они читают Данте и Пушкина, Гете и Тагора, Гюго и Лу Синя. Смотрят спектакли по произведениям мировой классики, слушают и музыку Бетховена, Верди, Чайковского. К этому они в известной мере пришли через свое национальное искусство. Но не в полной мере, ибо приобщение к искусству идет не только через родной язык. И потому на смену довольства своим, только потому, что оно свое, пришла потребность, чтобы в произведениях своего национального искусства ставились проблемы не только национальные, но и проблемы интернациональные, проблемы века. Он знает много, наш национальный читатель» [393, 280].

Великой темой для писателей страны стала Великая Отечественная война. Она «оказалась музой, ведь советское искусство обогатилось новым жанром – военным. Но, конечно, никакого парадокса тут нет. Не война как таковая, не убийства стали источником вдохновения. Но состояние, переживаемое народом, определенная гамма чувств и сосредоточенность на одном предмете» [226].

Живопись, кинематограф, скульптура, музыка, театр, литература – каждое из искусств говорило своим языком только о войне, и это было понятно. Но вот война закончилась, а тема оказалась не исчерпанной. Военная поэзия и военная проза, думается, всем хорошо известны. Уже и в наше время много пишут стихов о войне, появляются очерки-рассказы о воевавших дедах и прадедах. Но и в советское время к военной теме обращались не только ветераны. Ведь и стихи В.С. Высоцкого, и повесть В.Г. Распутина «Живи и помни» написаны спустя десятилетия после Победы не бывавшими на фронте и не знавшими окопной войны авторами.

Сегодня, как и в послевоенный период, литература о войне – это память, это исследование, это восхищение лучшими человеческими,

проявлениями и, неприятие худших, это, наконец, лирика. Другими словами, это просто литература. Но в годы сопротивления поэзия, проза, публицистика стали настоящим оружием, задачей которого было поддержать боевой дух, помочь перенести ратные тяготы, внушить пушую ненависть к врагу и не позволить советскому человеку отчаяться. Не только публицистика, рассказавшая, например, о подвигах Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Александра Матросова, служила поставленной цели. В поэзии, прозе появлялись героические образы. Уже в 1942 году вышли из печати первые главы «Василия Теркина» А.Т. Твардовского. «Редкой книгой» назвал «Книгу про бойца» И.А. Бунин. В те же годы работает над романом «Они сражались за Родину» М.А. Шолохов. В 1943 году в газете «Правда» была опубликована статья А.А. Фадеева «Бессмертие». Речь в статье шла о казненных фашистами в Краснодаре молодогвардейцах, тела которых были извлечены из шурфа шахты № 5 после освобождения города советскими войсками. Через несколько лет вышел роман «Молодая гвардия».

И все-таки невозможно не удивиться, как много стихов появилось во время войны! Во фронтовых окопах, в годном тылу... Стихи звучали по радио, их публиковали центральные и фронтовые газеты, стихи переписывались бойцами и заучивались наизусть... В этой тяге к поэтическому слову проявились и любовь к жизни, и сопротивление врагу, так и не смогшему уничтожить главное в народе, не сумевшему расчеловечить его. Нам нужны стихи, а значит нам нужно все то, что мы любили до войны, а главное – мы и сами те же.

Вот ответ тем, кто считает поэзию ерундой и пустым занятием. Поэт И.А. Белоусов в своих воспоминаниях об ушедшей Москве рассказывает, как ребенком читал портным из мастерской отца стихи Н.А. Некрасова, с каким удовольствием и вниманием эти простые люди внимали поэтическому слову, как быстро запоминали многие места из некрасовских поэм. С таким же вниманием и удовольствием читали, запоминали и пели на фронте «Землянку», «Жди меня», «Соловьев», «На солнечной поляночке». И так же, как Некрасов, рассказывая о жизни простого народа, находил отклик в народной душе, военные поэты были понятны и близки солдату. Понятны и близки были стихи о Родине, о любви и верности, о скорой победе, о солдатском братстве и солдатских чувствах. И не просто близки, но и нужны были стихи солдату, уставшему, наверное, от близости смерти, от нелегких буден и кочевой жизни.

Но война закончилась, и вместе с Победой советскому народу достался огромный культурный пласт – литература о войне.

«Мы были молоды, – пишет Ю. Бондарев, – здоровы, хорошо отшлифованные войной, когда, казалось, все фронтовое закончилось навсегда, но вместе с этим нас еще не отпускали из железных лап, даже веселили четырехлетняя опасность и незабытая верность товарищества.

Всем нам мнилось: мы стали хозяевами жизни, “царица атак и полей” – пехота и “боги войны” – артиллеристы, сжигавшие прямой наводкой немецкие танки на долгом пути от Сталинграда до Зееловских высот. Мы, милостиво сохраненные судьбой, отделавшиеся ранениями, которые в двадцать лет не мешали нам ощущать везение, свое бессмертие, обещавшие целую жизнь впереди» [41].

Победители вернулись в сорок пятом и сорок шестом – в годы, ошеломляющие, переломные в солдатской судьбе. И вновь началась огромная жизнь с новыми препятствиями, везением и несчастьями, почти равными для нас, познавших сподна и неудачи отступлений, и неумную радость всемирной победы.

С тех дней прожита целая вечность, пережито много судеб, дорогих и печальных, добрых знакомств и разочарований, главное же было узнавание недостижимого величия искусства. Биография М. Карима неразделима с биографией данного ему судьбой литературного времени, то есть написанные книги.

В начале 2015 года состоялось официальное открытие Года литературы в Москве, и телеканал «Культура» показал, как это происходило. На подобных церемониях каждый штрих является знаковым. И если в данном случае началось все выступлением президента страны, сразу стало понятно, что роль литературы тем самым хотят поднять на высокий государственный уровень. Но как?

В. Путин подчеркнул особую миссию литературы в сплочении и нравственном воспитании людей. С улыбкой оговорился о нынешней тяге некоторых писателей и других деятелей культуры к «неформальной лексике», заметив, что она, может, и имеет право на существование, но – «не в рамках закона».

И вот тут вспомнилось, что произносит это глава государства со сцены, на которой та самая «неформальная лексика», а попросту говоря – матерщина, раздается, можно сказать, во весь голос. Где? Да в театре, который выступавший назвал МХАТом [285].

«Нередко мне представлялось, – размышляет ветеран Великой Отечественной войны Ю. Бондарев, – что я наткнулся на абзацы желчной неграмотности, оскорбительные для читателя, ценящего слово, порой закрывал книгу, когда текст переходит в непристойный

крик и смех, словно в публичном доме. Когда эпизоды нашей военной биографии перевернуты и переиначены так базарно, что мнится: рой мстительно жалющих за нашу Победу насекомых облепливает грязно-липкими комками страницы книг, которым становится тяжело дышать.

В такой обстановке привольно чувствует себя кривая тень изуродованной истории и с глупой наглостью затуманивается мировая слава нашей Победы.

В годы перестроечных и постперестроечных «сальто-морталей» наносились и наносятся раны русскому языку, искажается мыслительная мощь этого незаменимого властителя общения. В нем покоящая крепость и защита нашего духовного существования, добрые, естественные правила во взаимоотношениях людей. Да, родной русский язык не предаст нас, но и он нуждается в защите от вульгарных, порочных новаций либерального модерна и моды.

Постперестроечная словесность, изобретенная регулировщиками корыстно сочиненной «справды», никак не совпадает с действительными обстоятельствами прожитого и пережитого народом, поэтому натиск несовершеннолетнего сочинительства следует принимать как безрассудство, не теряя все-таки ни на минуту веры, что зыбкая эпоха литературного нездоровья исчезнет, как знобящий ледяной дождь в мае» [42].

Главным произведением, способным формировать «мировоззрение, скрепляющее нацию», 32% участников опроса портала Superjob.ru сочли «Войну и мир» Льва Толстого. «Наша классика восхитительна, и она вечна!..» – объясняют свой выбор россияне.

Опрос проводился в 170 населенных пунктах, в котором участвовали 1000 респондентов.

Мистический роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» считают обязательным 19% респондентов. По их мнению, эта книга способна воспитать доброту, порядочность, честность и многие другие положительные качества.

Немного отстают от Булгакова Федор Достоевский и его «Преступление и наказание» (16%). Далее в рейтинге – «Евгений Онегин» Александра Пушкина. Замыкает пятерку «Тихий Дон» Михаила Шолохова – эпопею о судьбах донского казачества на сломе эпох назвали обязательной к прочтению 5% респондентов.

Меньше всего голосов (по 1%) получила советская классика («Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Поднятая целина» М. Шолохова) [215].

По мнению М. Карима, советская литературная классика – это прежде всего М. Шолохов. Теперь уже меньше говорят о плагиате Шолохова, но направляют свои усилия на доказательство того, что «Тихий Дон» – это антисоветское произведение, а его автор – анти-советский писатель. Между тем, если бы у нас была нормальная, здоровая школа, рядом с «Тихим Доном» всегда можно было бы держать такой убедительный документ-инструмент – телеграмму, которую в первый день войны великий советский писатель направил наркому обороны: «Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу вас принять в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени. В любой момент по вашему призыву готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, до последней капли крови защищать социалистическую Родину, великое дело Ленина-Сталина. Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов» [254]. И тут же, получив согласие, ушел на фронт. Вот вам штрих, из подобных которому складывается образ советской культуры.

На примере гениального М. Шолохова и его «Тихого Дона» Ю. Бондарев размышляет о революции и культуре так: «...в романе, насыщенном людскими страстями, взлетами и падениями судеб, трагедийной и самоотверженной любовью и ненавистью, утверждает, что революция не предаёт человека, не берет в выгодные должники, что искусство не противоречит революции, а революция не противоречит искусству. На грешной земле, где мы живем, этот постулат в нашем сложном нынешнем бытии не полностью абсолютен. Каждый из нас кому-то за что-то должен и перед кем-то за что-то виноват. Иногда без боли в душе не можем вспомнить: кому, за что и перед кем. Быть может, в крайний час с угрызением совести и исповедальной радостью мы вспомним на строгом суде, когда предстанут перед вечностью все нравственные долги наши. Всегда ли мы думаем, что единственная жизнь подарена нам без допусков плюс-минус, а поэтому без иронии надобно быть верным материнской колыбели и нашей многотрудной профессии, ее долгу и памяти ради сохранения правды времени?» [42].

Не важно, считает З. Прилепин, «будут ли впредь читать Фадеева, Федина, Симонова, Николая Островского, драматурга Афиногенова и поэта Сельвинского, – лучше бы читали, это крайне познавательно, тем более что Шолохова, Валентина Катаева, Алексея Толстого, Леонида Леонова – все равно будут. А важно то, что времена советские, нравы и склоки той литературы в любом случае заворачивают» [484].

«СССР – наш древний Рим», – замечательно точно сформулировал Эдуард Лимонов. Поэтому наши либеральные разоблачители так

сладострастно и неумолимо бегут туда в очередной раз разоблачать разнообразные отношения по линии «Сталин и писатели», «деспотия и драматургия», «поэт и Отечественная война» – но на деле лишь подчеркивают великую неординарность эпохи.

«Шестидесятничество» было, конечно, несколько поуже, и страсти не те, и взятые высоты пониже. Как ни крути, а из «Андрея и Зои» (Вознесенский и Богуславская) или «Жени и Беллы» (Евтушенко и Ахмадулина), или кого угодно, не выбьешь той искры, которая запросто выбивается, едва речь заходит про военкора Симонова и актрису Серову, – как он посвятил ей «Жди меня», а Сталин дал эти стихи в «Правде», а Симонов проснулся всенародно любимым, а Серова ушла к Рокоссовскому, а Хрущев сослал наглого Симонова после войны корреспондентом в Ташкент... вот это страсти!» [484].

Вчитываясь в теперешний литературный хаос, испытываешь серое неудобство человека, окруженного наростом мещанской массовой культуры – в шоу телевидения, в стосерийном бесцветном кинематографе и, как это ни прискорбно, в литературе, театре, абстрагированном до мрачного недоумения, до трусов на классических героях, переставших стесняться пошлости, кричащего нехудожества.

По утверждению Ю. Бондарева, «литературные герои Шекспира произносят слово “любовь” 2259 раз, а слово “ненависть” – 229. Нет ли здесь какой нравственной глубинной охраны, ежели слова имеют духовно-материальную силу? В искусстве два плеча – добро и зло. Нас почасту раздражают несовершенное, жесткое бытие, незначимые поступки – и вдруг с радостью надежды поражает ярчайшая вспышка доброты, чистоты, самоотверженности» [42].

Действительно, прав М. Карим, когда пишет: «...литература создается не только гениями или выдающимися писателями, но она должна создаваться людьми, призванными к творчеству, создаваться творцами. Если литература становится только способом добывания хлеба насущного – это нечестно. Да, это наша работа, наша жизнь, наше ремесло, но это еще и ТВОРЧЕСТВО» [402, 567].

Но о творчестве современных писателей М. Кариму судить было трудно, так как сегодняшняя российская литература для него была малодоступна. «Сужу, – говорил он, – главным образом по телевидению. Смотрю канал “Культура”. На днях порадовался: стихи Пушкина на прекрасном русском языке читал американский юрист. Он перевел сочинения Пушкина и издал их. Другой американец замечательно исполнял на русском языке популярные песни, в том числе и сочинения Булата Окуджавы. Хорошо исполнял. Боже мой, говорю

я, до чего мы дожили: Пушкина нам читает американец! Свои забывают о нем.

При этом по тому же телевидению иронически говорят о Максиме Горьком. “Пролетарский”, мол, писатель, не более того... Боже мой! Опять восклицаю я, Горького еще до революции в 19 веке признали одним из великих писателей мира, его считали классиком! В то же время говорят, что, оказывается, мы живем в эпоху живого классика Жванецкого. Что после этого нам делать? Это же бред. А с каким пренебрежением говорит передача “Культурная революция” об отечественных достижениях, о культурном наследии! По этому поводу я не ворчу, не ропщу, а болею. Сильно болею» [36, 18].

А вот наша молодежь «не утомлена чтением в прямом смысле слова, то есть не изнурена им. Она утомлена в том смысле, в каком лягушонок в сказке про Дюймовочку оправдывал свой отказ от работы: он-де, даже не работая, уже устал от работы. Вот и молодежь в массе своей, не читая, уже утомилась чтением. Иным даже полстранички прочесть – задача огромной трудности. У них быстро появляется испарина на лбу от умственного напряжения, а через страницу-две и наступает это самое – утомление. Почему так? Долгий разговор, но несомненно, что и Никита Михалков своим “киноискусством” притомил ребят... Статистика же, по данным министра культуры А. Авдеева, такая: мальчики в 5 раз, а девочки в 4 раза сегодня меньше читают, чем 20 лет назад» [43].

Совсем недавно книга была неотъемлемой частью духовного роста советской молодежи. Сегодня нормально вслед за поп-телезвездой Д. Нагиевым утверждать: «У меня телевизор на первом месте, а чтение – на 17-м».

Зачем читать? Кто из так называемых современных успешных людей стали таковыми благодаря книге. Разве не заявил бывший министр культуры М. Швыдкой, сделав открытие, что образование вредит современному человеку. Так что скоро мы будем, как в том повествовании М. Горького, говорить своим детям (ученикам): «Вовка, не дочитывай книгу до конца – спишишь!» [43].

Когда «человек смотрит по ТВ кино, когда ему мыслить? Ведь и сюжет фильма нужно удерживать в памяти, и внимать тому, что делается на соседних каналах, и следить за рекламным материалом о еде, кариеесе, денежных вкладах и всяческих прокладках, работе кишечника и прочих органов. До мышления ли тут?

Опять же наушники мыслить мешают. Они сегодня просто-таки имманентный атрибут экипировки молодого человека. Без них никуда.

Он и дома в наушниках, и на улице, и в транспорте. Спрашивается, что ему государство, общество, какая-то там модернизация, люди, что рядом, природа, погода и т.п., когда нужно внимать тому, что уже слышал десятки и сотни раз? (Слушают-то молодые вовсе не последние известия!)» [43].

Впрочем, можно мыслить во время учебы. Но разве это надо в условиях ЕГЭ? Тут зубрить надо, репетитора надо, чужие мозги то есть. Так что ЕГЭ – это тоже блокировка мышления.

А нынешняя свобода слова и творчества, о которой трубят на всех углах кремлевские пропагандисты, – явление призрачное, к тому же строго дозируется в каждом конкретном случае. Олигархическая власть сегодня владеет мощнейшим идеологическим аппаратом, который не только полностью исключает свободу самовыражения, но и вторгается в повседневную жизнь человека, отравляет и подчиняет его сознание, подавляет волю и здравомыслие.

А писатель, по мнению М. Карима, «часть общественного организма». Он, пишет поэт, «его самая активная, чуткая клетка. И коль природа дала ему возможность рассказать о самочувствии этого организма, он обязан говорить до конца и искренне. Только хватит писателя одергивать, почему увидел то, а не это, почему грустишь, когда надо веселиться? Насилие рождает фальшь, неискренность отталкивает читателя. Писатель может писать хорошо лишь о том, что реально видит» [395].

Современные деятели литературы и искусства видят же совсем плохо или живут в зазеркалье.

В наше время, ничего серьезного не сотворив, так легко и просто выскочить в «великие» и «гениальные», так нетрудно стать «гордостью нации». Все эти лжезвезды сериями производятся в родильных домах телевидения и нацеленной в указанном направлении прессы.

Немало людей больны, к огорчению, сонной болезнью – энтропией, то есть предметы и вещи, окружающие обывателя, – не материальные слепки культуры, а они, вещи (и собственность миллионера и нищего), прикрывают его духовную пустоту, леность мысли неповоротливых господ интеллектуалов. Для них предельная эстетическая объективность выражается субъективной формулой: «Мне не нравится, значит, это плохо». И редко побеждает эту умственную укороченность иная формула: «Мне не нравится, но это хорошо».

«Любая тема, – утверждал М. Карим, – даже большие социальные проблемы, если к ним прикасается рука ремесленника и конъюнктурщика, сразу становятся никчемными, порой пошлыми. Не страшен

быт, страшна бытовщина с ее страстишками вместо страстей, с ее обывательским брюзжанием и щекотливой пикантностью» [376].

Серьезный художник, был уверен М. Карим, должен быть неожидан для многих, познавая чужую радость и чужую трагедию, открывая искренностью заслонки души и личный мир самого себя. Добровольное рабство в искусстве наступает тогда, когда нет воли произнести раздражающее утвердительное «да» или резко отрицающее «нет».

Он не принимал происходящую ломку всего и вся, когда вместе с тем, что действительно себя изжило, на свалку истории бездумно или злонамеренно выносилось то, без чего жизнь представлялась невозможной, и прежде всего попирались наши национальные традиции, коллективистская мораль. Думается, именно поэтому в большинстве публицистических и художественных произведений М. Карим как бы останавливался у черты, которую некоторые горячие головы, соблазненные «демократией», перескакивали безоглядно.

«Смотрел, – пишет З. Прилепин, – недавно фильм “Статус свободен” с Лизой Боярской и Дániлой Козловским в главных ролях, время действия – современность, но и там вдруг мелькнула эта тема, когда Ира, девушка, играющая резидента “Камеди Клуб”, пошутила о своей жизни: “Скучная, как советская библиотека”» [485].

А что эти люди знают о «советских библиотеках»?

Что они помнят о том, как их открывали по всей, вопиюще неграмотной, стране – когда на целые огромные деревни, а то и городки не было ни одной библиотеки вообще?

Когда люди потом – обычные крестьяне и рабочие – стояли в очереди за книжкой Распутина, или братьев Стругацких, или Шукшина, или братьев Вайнеров?

«Я детство, – вспоминает З. Прилепин, – свое провел в “скучной советской библиотеке” – и это было отличное детство. Я все волшебные книжки помню, которые приходили к нам в деревню: “Электроник” с белой обложкой, пухлый, коричневый том из трех романов о Штирлице Юлиана Семенова – чудо невозможное, собрание стихов и публицистики Есенина в одном томе, удивительные раритеты – издания Марины Цветаевой.

Сейчас в моей деревне нет библиотеки вообще. Теперь там не скучно, как прежде. На месте этого здания растут веселые лопухи [299].

«Перестройка», «реформы», «оптимизация»... Сколько еще придумают горе-руководители наши, чтобы оправдать свою несостоятельность. Любимое слово нынешних властей – «оптимизация».

А народ вкладывает в это слово другой смысл – «ликвидация», «уничтожение».

Цель «оптимизаторов» «проста и незатейлива: снизить нагрузку на федеральный и региональный бюджеты за счет сокращения числа “иждивенцев бюджета”. А по ходу этой нехитрой операции еще и попытаться “срубить бабла” на попутных операциях – на реализации объектов недвижимости ликвидируемых бюджетных организаций, на ремонте и закупке нового оборудования для тех учреждений, которые решено пока оставить в живых» [171].

Чиновники от культуры, например, увлеклись закупками дорогостоящих библиомобилей и библиобусов, пользы от которых – тоже чуть. Если в 2013 году такой специализированный автотранспорт имели 130 библиотек, то в 2014-м – уже 150. Так, в Самарской области для передвижной библиотеки еще в 2008 году был приобретен двухэтажный автобус за 6 (!) млн рублей. Но из-за своих больших размеров он может проехать далеко не во все населенные пункты, для обслуживания которых и был закуплен. За весь 2014 год сие чудо библиотехники выехало из гаража всего 68 раз, побывав лишь в 17 населенных пунктах. А 27 сел так и не достигло, вот и остались они не обеспеченными библиотечными услугами. «Дорогостоящий транспорт простаивает, а население не получает должного обслуживания», – резюмировал аудитор Счетной палаты РФ Александр Филипенко [171].

«Библиомобиль» – всего лишь эпизод впечатляющей своими масштабами «оптимизации» культурных учреждений. Ведь в истории «оптимизаций» культуры и не такое бывало. Как известно, в 273 году уже нашей эры римский император Аврелиан до основания разрушил и сжег самую знаменитую легендарную Александрийскую библиотеку при взятии города с целью подавить бунт царицы Зенобии. Часть чудом уцелевших книг он тогда вывез к себе в Константинополь. А спустя 1660 лет еще один «оптимизатор» – известный деятель «культуры третьего рейха» рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Пауль Йозеф Геббельс в целях «оптимизации» библиотечных фондов Германии использовал костры из «неправильных» книг.

Наши «оптимизаторы» до таких высот еще не поднялись, но тоже могут кое-чем похвастать. Так, в течение 2014 года им удалось добиться сокращения количества учреждений культуры в России на 2080, или на 7,3%. В том числе они закрыли библиотек – 342, ликвидировали организаций культурно-досугового типа – 1130. Больше

всего «оптимизаторы» ударили по учреждениям культуры на селе [171].

Так, социальные нормативы предусматривают организацию в муниципальном районе от двух до пяти выездных культбригад для населенных пунктов, где нет учреждений культуры. По данным СП РФ, из 23 районов Крайнего Севера (и приравненных к ним) только в шести было организовано 13 культ-бригад. «В результате оптимизации их количество сократилось до восьми. То есть для жителей отдаленных районов доступ к услугам культуры ограничен», – сообщил Александр Филипенко [171].

В Год литературы в Воркуте сократили библиотеки в рамках оптимизации расходов бюджета. Директор Национальной библиотеки Ольга Мифтахова направила обращение министру культуры региона Анастасии Прокудиной с просьбой о сохранении библиотек и библиотечного обслуживания Воркуты. В последние годы в процессе оптимизации библиотеки города уже потеряли около 650 кв.м полезной площади. Более того, до руководителя Централизованной библиотечной системы Воркуты дошла информация о ликвидации детской библиотеки-филиала № 2 и библиотеки-филиала № 11, а также о слиянии детской библиотеки-филиала № 3 со взрослой библиотекой-филиалом № 13. «Это противоречит принятым нормативам», – считает О. Мифтахова [457].

В Красноармейском районе Самарской области в 2013 году произошел случай, который можно сравнить с событиями 30-х годов в фашистской Германии, когда там в костры швыряли книги. Рассказывает А. Карасев: «Мне позвонили жители села Красноармейское и говорят: мальчишки предлагают купить у них книги по 15 рублей за штуку. Человек, который звонил, поинтересовался, а книжки, мол, не ворованные? “Нет, дяденька, – говорят, – нашли мы их”».

А когда посмотрел, что это были за книги, стало не до смеха. Оказалось, что пацаны подобрали эти книги рядом с мусорными контейнерами, около районного Дома культуры. Семь упаковок издания “Книга Памяти”, посвященного 50-летию Великой Отечественной войны, и множество разрозненных томов, другая литература в идеальном состоянии: военные мемуары, литература по истории Гражданской войны. Некоторые книги – с библиотечными штампами» [486б].

Одна из заявленных задач «оптимизации» – повышение заработной платы сотрудников учреждений культуры – также успешно провалена. Ведь средства, вырученные в результате реструктуризации региональной инфраструктуры, составили в фонде заработной

платы лишь 0,5%. Целевой же показатель соотношения средней заработной платы работников учреждений культуры к средней по региону не достигнут в 16 регионах. «Достижение показателя по остальным 67 регионам произошло в основном за счет перевыполнения государственными учреждениями, в муниципальных он остается низким», – отметил А. Филипенко. По его словам, в целом в Москве заработная плата работников сферы культуры сравнялась со средней по региону, однако в муниципальных учреждениях данный показатель составляет всего 37% [171].

Упомянутому выше Паулю Йозефу Геббельсу ошибочно приписывают выражение: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет». На самом деле ее произносит герой пьесы «Шлагетер» немецкого поэта, драматурга и национал-социалиста Ганса Йоста. На премьере постановки в Берлине в 1933 году самолично присутствовал рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Геббельс, который был весьма начитанным человеком и в юности увлекался многими писателями, чьи книги в зрелом возрасте приказал сжигать. Автор же пьесы после прихода Гитлера к власти сменил запрещенного писателя-гуманиста Генриха Манна на посту президента Академии немецкой культуры, а также возглавил Прусский государственный театр. Правда, в 1949 году он был признан причастным к преступлениям нацизма и приговорен к тюремному заключению с конфискацией имущества.

Российским либерал-«оптимизаторам» пока далеко до столь колоритных фигур, как Аврелиан, Геббельс и Йост, и до их впечатляющих карьерных взлетов. Однако некоторые вполне приближаются к их канувшим в Лету коллегам по «администрированию культуры». Так, на днях главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов на государственном телеканале «Россия К» («Культура») заявил о том, что принято решение о переносе части книгохранилища Ленинской библиотеки на пока еще не заселенную профессорами и студентами территорию Новой Москвы. Таким образом огромный пласт культурно-исторического и научного достояния России будет успешно выведен из повседневного обихода на долгие годы, если не навсегда [171].

Блогеры переположили москвичей снимками с грудami книг, которые вывозят на грузовике. Под петицией с требованием не закрывать Культурный центр Александра Твардовского на Кутузовском проспекте подписались уже более 800 москвичей. Накануне блогеры сообщили, что центр вместе с его 113-летней библиотекой

расформируют. Причем вместе с краеведческим музеем района Дорогомилowo, работавшим здесь же. В доказательство – несколько фотографий. Перетянутые веревками стопки книг хаотично забрасываются в кузов грузовика, а носящие их грузчики стыдливо прячутся от камер. «В России Год литературы, – сокрушаются в блогах. – А ведь летом исполняется 105 лет со дня рождения автора легендарного солдата Теркина!» [241].

Во Владикавказе закрыли одну из старейших общедоступных библиотек. Руководство предприятия, в чьем ведении находится библиотека, считает ее работу неэффективной. Библиотеке – без малого девяносто. «Это вообще, я считаю, преступление – закрыть библиотеку, когда у нас много учащейся молодежи», – сказала преподаватель английского языка Лейла Кургосова.

«Книга – это то, что нас связывает с прошлыми эпохами, с прошлыми поколениями. Закрывать этот храм, закрывать библиотеку – это начало конца культуры», – убежден поэт Музафер Дзасохов.

Сами библиотекари обеспокоены судьбой книг – их более 50 тысяч [241].

В 2015 году «толстые» литературные журналы лишились основы своего существования – денег на подписку для провинциальных библиотек.

«Политика нашего министерства культуры более чем странная, – говорит соредатор журнала “Звезда” Андрей Арьев. – Предполагается, что все будут читать журналы в электронном виде, а за бумажными версиями никто бегать не будет. Все это полный бред: после того как библиотекам не дали денег на покупку периодики, тиражи всех журналов упали вдвое. Таким образом, этот вид культуры, который особенно устойчив был в России, исчезнет. Россия славилась своими журналами, через которые прошла вся великая русская литература, включая романы Толстого и Достоевского» [241].

Однажды М. Карим обратил мое внимание на статью В. Тетерятникова [534]. Речь там шла о понесенных Советским Союзом утрате культурных ценностей, которые потеряла наша страна с 1939 по 1996 год. Данный список составлен В. Тетерятниковым по публикациям в российской прессе.

1939. Библиотека АН СССР приступила к комплектованию библиотек для Западной Украины и Западной Белоруссии.

1939. Московский государственный университет послал в подарок Львовскому университету библиотеку новейшей литературы, учебники, учебные пособия.

1939. Ленинградский университет послал Львовскому университету свои «Ученые записки» и другие работы, вышедшие за последние годы.

1941. Комитет по делам искусства при СНК СССР направил в Ригу для Музея советского искусства ряд произведений выдающихся русских мастеров и работы советских художников.

1943. Постановление ЦК ВКП(б) о создании книжного фонда (четыре миллиона книг) для восстановления библиотек, разрушенных в период оккупации в союзных республиках.

1943. При Наркомпросе РСФСР создается Государственный фонд литературы для восстановления библиотек, разрушенных фашистами в союзных республиках.

1944. Свердловский филиал Госфонда литературы собрал книги для библиотек и парткабинетов районов, освобожденных от фашистских оккупантов в союзных республиках.

1944. Научная библиотека Саратовского государственного университета приступила к комплектованию библиотеки для Харьковского пединститута.

1944. Русские помогают комплектовать библиотеки Эстонии, разграбленные гитлеровцами. Государственная библиотека им. Салтыкова-Щедрина и Ленинградский университет передали для Эстонской республиканской библиотеки 35 тысяч экземпляров научной литературы и учебников. 20 тысяч книг было закуплено в магазинах Москвы и Ленинграда. Всего к этому времени в Эстонию из России поступило уже свыше 100 тысяч книг.

1944. Московская консерватория выделяет из своих нотных фондов 8 тысяч комплектов нот для Таллинской консерватории и музыкальных школ Эстонии.

1944. В Мордовской АССР собрано 11163 книги для библиотек Гомельской области, пострадавших от фашистского нашествия.

1945. Москвичи собрали и прислали в Латвию 300 библиотечек для школ. Ленинградцы прислали в Латвию 25 тысяч книг.

1945. В Иркутске собрано 107,5 тысячи книг, скомплектована 21 библиотека для районных центров Белоруссии и Украины.

1946. В Белграде (Югославия) состоялась торжественная передача книг – дар Московской исторической библиотеки Белградскому университету.

1946. Передача польскому народу «в знак вечной дружбы между СССР и Польшей» ценностей Львовского книгохранилища «Оссолинеум» и «Рацлавицкой панорамы», картин выдающихся художников,

музейных экспонатов, ценных рукописей и других художественных и исторических памятников. Выдача противоречит истории этой коллекции, которая никогда не была в Варшаве, но с 1827 года находилась во Львове.

1946. Помощь Ленинграда в восстановлении книжных фондов Государственной исторической библиотеки УССР, разграбленной фашистами.

1954. В Стокгольме состоялась торжественная передача Королевской библиотеке Швеции советской художественной и научно-политической литературы, книг по истории, культуре и искусству.

1955. Решение Советского правительства о вывозе в ГДР Дрезденской галереи.

1955. Вместе с Дрезденской галереей по ошибке выдали и рисунки из «Коллекции Кенигса – Гитлера», которые немцы впоследствии передали в Голландию.

1955. Выдача в Польшу вещей польского происхождения.

1956. Выдача в Польшу произведений искусства, включая картину «Страшный суд» Г. Мемлинка.

1956. В Германию выдана «Готская библиотека» – 320000 книг. В Германию был вывезен и единственный экземпляр самой первой печатной русской азбуки. В результате в России ныне нет издания первой национальной азбуки. Вопреки соглашению о том, что возвращаемые в Германию ценные книги должны быть скопированы, никаких копий не было сделано, ибо в России «техника подкачала», а германцы, получив книги, тут же «забыли» об обязательстве копирования.

1956. Возврат в Румынию вещей, что хранились еще со времен Первой мировой войны в Оружейной палате.

1957. Совет Министров СССР принял решение передать правительству Чехословакии документальные материалы из чехословацких архивов, находящихся на хранении в государственных архивах СССР.

1957. ГДР официально потребовала от СССР возврата всех остальных культурных трофеев, взятых Советской Армией в Германии в 1945 году.

1957. Совет Министров СССР принял решение передать правительству Румынии архивные материалы, находящиеся на хранении в государственных архивах СССР.

1957. С. Житомирская, зав. отделом рукописей Библиотеки им. Ленина, стала инициатором возвращения Германии нескольких десятков тысяч древних рукописей.

1957. Передача ГДР из Государственной библиотеки им. Ленина более 15 тысяч ценных рукописей и архивных материалов. Среди материалов: архивы Александра и Вильгельма Гумбольдтов, поэта Шамиссо и др.

1957. Передача представителю Польской Народной Республики из Государственной библиотеки им. Ленина рукописных материалов и архивных фондов, «спасенных советскими войсками в годы Великой Отечественной войны». Среди выданного – рукописи XIV–XX веков, находившиеся в Варшавской национальной библиотеке.

1957. Подписывается акт о передаче правительству Польши документальных материалов Гданьского и Познанского архивов, находящихся на хранении в государственных архивах СССР.

1958. Передача архивных материалов правительству Румынии.

1958. Совет Министров СССР принял решение передать правительству Болгарии архивные материалы, хранящиеся в государственных архивах СССР и имеющие определенное значение для изучения истории Болгарии за период с 1905 по 1949 год.

1958–1959. Второй грандиозный вывоз трофейных культурных ценностей в Германию: 300 вагонов, 1569176 предметов.

1959. ГДР передаются немецкие архивные материалы, хранившиеся в МИД СССР после Великой Отечественной войны. Документы ряда государственных учреждений Германии и личные архивы политических и военных деятелей Германии начиная с XII века.

1967. Зам. министра культуры В. Попов выдал германскому зам. министра Х. Брауху 4 картины и 3 рисунка (Л. Кранах) как «недавно найденные в СССР из коллекции Дрезденской галереи».

1970-е. Из «Особого архива» была изъята по указанию свыше и исчезла бесследно огромная трофейная коллекция европейских масонских знаков и символов, бывшая частью французских материалов.

1972. В Венгрию передано 20 картин, включая картины М. Мункаши.

1975. Этнографическая коллекция, когда-то находившаяся в г. Гамбурге, вывезена из СССР и подарена г. Лейпциг.

1977. Директор ИНИОН РАН академик В. Виноградов предложил вернуть в Германию оставшуюся часть Готской библиотеки.

1986. Московская милиция передала в посольство ГДР в Москве картину школы Рубенса. Мотивы неизвестны.

1989. В. Балдин, директор Московского музея архитектуры, посетив Бремен, сообщил немцам, что в хранилищах его музея находятся

и ему хотелось бы вернуть в Германию 362 рисунка старых мастеров и две картины Дюрера и Гойи.

1989. С. Ямщиков написал письмо в ЦК КПСС с просьбой «решить судьбу венгерской коллекции» (читай – вернуть в Венгрию).

1989. Началось расследование служебного преступления директора «Особого архива» Прокопенко, «тайно продававшего за границу архивные данные».

1990. Директор архива Прокопенко сознался, что самовольно «решил подтолкнуть французов» в требованиях выдачи им французских архивов из России.

1990. В ответ на письмо В. Балдина с просьбой о разрешении вернуть в Германию «Балдинское собрание рисунков» президент Б. Ельцин написал: «Вернуть было бы правильно и политически выгодно».

1990. В Германию был выдан Берлинский архив фонограмм Планткамера – 16000 документов.

1990. В Германию вывезены из России фонды Прусской и Саксонской библиотек.

1990. В российско-германский Договор о добрососедстве внесен «пункт 1б» о взаимном возврате незаконно перемещенных ценностей, ставший единственной основой всех германских претензий к России. Так сами россияне дали в руки германцев оружие против российских интересов.

1991. Академик Д. Лихачев заявил, что трофейные ценности «должны быть возвращены, устроив предварительную выставку, как это было с Дрезденской галереей». Академик считал, что сначала Россия должна вернуть все иностранцам, а только потом пытаться требовать у них возврата чего-либо в Россию.

1991. Член-корреспондент РАН Г. Вздорнов печатно призвал «ускорить и без всяких предварительных условий отдать находящиеся в СССР коллекции других стран».

1991. Доцент МГУ А. Расторгуев объявил, что удержание Россией трофеев есть «объявление наших солдат продолжателями дела нацистов, а себя – правопреемниками гитлеровской Германии». Этот публицист ввел термин «военнопленное искусство».

1991. Директор «Особого архива» Прокопенко публично предлагает передать французам трофейные архивы. В том числе и материалы, касающиеся русской истории, например дело Шляпникова, дело сына Троцкого и так далее.

1991. Из Ленинградского фонда музыкальных рукописей выдана в Гамбург Нотная коллекция.

1991. Директор ИНИОН Российской академии наук, академик В. Виноградов обещал Германии, что выдаст им остатки Готской библиотеки, 5815 древних книг, стоимостью «многие миллионы долларов», если немцы оплатят перевозку.

1991. В. Балдин, директор Московского музея архитектуры, «будучи абсолютно уверенным в том, что может распоряжаться» коллекцией музея, предпринял попытку подарить гравюры Бремену в обмен на право именоваться «почетным гражданином» города Бремена».

1991. С. Ямщиков обнародовал, что по собственной воле «встретился в неофициальной обстановке с представителями министерских кругов Германии» и предложил им создать российско-германскую группу ученых по взаимному возврату ценностей.

1991. Ректор МГУ Логунов уведомил германское правительство специальным письмом о своей готовности передать в дар Германии Библию Гуттенберга.

1991. Некоторые германские букинистические торговцы стали частным образом спускать в России немецкие трофейные книги из государственных библиотек и контрабандой переправлять их в Германию.

1992. Организована Госкомиссия по реституции, и первой темой первого заседания стали условия передачи Бременской коллекции. Министр культуры тем самым нарушил распоряжение правительства, согласно которому главной, первой задачей Госкомиссии должно стать составление списка российских потерь для предъявления иностранцам.

1992. Госкомиссия внесла в правительство предложение о выдаче Германии архивных материалов «личного фонда канцлера И. Вирта».

1992. Некие лица ночью вскрыли московское музейное хранилище и вынули две ценные картины. Их президент Б. Ельцин отвез в Венгрию в подарок.

1992. Министр культуры Е. Сидоров, выступая по голландскому телевидению, обещал выдать Голландии коллекцию Кенигса ценою в полмиллиарда долларов.

1992. Чиновники российского МИД предложили канцлеру Колю принять в качестве подарка «Библию Гуттенберга» (стоимостью 25 миллионов долларов).

1992. Президент Б. Ельцин сказал канцлеру Г. Колю: «Библия Гуттенберга» – конечно, отдадим».

1992. Президент Б. Ельцин обещал выдать Белоруссии памятники белорусской культуры из дореволюционных коллекций русских музеев.

1993. Директор ИНИОН РАН В. Виноградов предложил немцам выбрать те книги, что им понравятся из 400000 трофейного фонда

Библиотеки Российской академии наук. Часть книг немцы желали вывезти в Германию, а часть передать в «места компактного расселения немецкого населения в России».

1993. Член-корреспондент РАН Г. Вздорнов опять печатно требует вывезти из России «ценности третьих стран. Что же, – вопрошает он, – мешает сделать это уже сегодня?»

1993. Министр культуры РФ Е. Сидоров заявил, что он «не считает (трофейные. – **В.Т.**) ценности собственностью России и не рассматривает их как компенсацию за нанесенный немецкой агрессией ущерб».

1993. По мнению зав. отделом античного искусства Музея им. Пушкина Л. Акимовой, Золото Шлимана надо вернуть в Германию.

1993. Германский министр культуры Р. Момин сообщил прессе, что российская правительственная делегация обещала скоро вернуть Германии «Золото Шлимана», «Библию Гуттенберга», остатки Готской библиотеки и 200 тысяч томов Дрезденской земельной библиотеки.

1993. Начальник отдела реституции Министерства культуры В. Кулишев печатно негодует по поводу того, что если мы в Госкомиссии решим что-то выдать за границу, то таможня остановит, ибо российское законодательство запрещает вывоз из страны «собственности Российского государства».

1993. Россияне С. Ямщиков, А. Расторгуев, Ф. Поленов через голову российского правительства сами организовали вместе с немцами так называемую «Бременскую группу». И лично втроем договорились с германцами, что вернут им всю «Балдинскую группу» рисунков ценою в десятки миллионов долларов. Выдача даже была назначена на лето 1993 г.

1993. Россияне К. Акинша и Г. Козлов уговорили российского владельца передать в германское посольство в Москве 101 рисунок старых мастеров ценою во многие миллионы долларов. Россияне-посредники получили должности и зарплату в германском учреждении.

1993. Министр культуры Е. Сидоров заявил, что хочет передать судьбу русских трофеев на решение «международного арбитража».

1993. Министр культуры РФ Е. Сидоров, улыбаясь перед телекамерами, вручил германскому министру Кинкелю пять старопечатных книг. Министр культуры и зам.министра М. Швыдкой заявили, что эти книги «не представляют особой ценности для российской духовной жизни», что эта передача – «не реституция, а жест доброй воли».

1993. Министр культуры РФ Е. Сидоров и директор Эрмитажа М. Пиотровский подписали соглашение с наследниками германской

семьи Герстенберга, что Россия вернет картину Дега «Площадь Конкорда» и многие другие трофейные картины, хранящиеся в Эрмитаже. Это соглашение было заключено при посредничестве аукционной фирмы «Сотби», которая тут же оценила картину в 100 миллионов долларов.

1993. Госкомиссия по реституции согласилась с предложением Росархива о возвращении архивных фондов голландского происхождения.

1993. Госкомиссия поручила Росархиву подготовить проект о выдаче немецких архивов в Германию.

1993. По случаю визита в Париж министра иностранных дел А. Козырева состоялась торжественная процедура передачи французам архивных материалов. Газеты писали: «Тот факт, что российский министр приехал не с пустыми руками, расценен французскими «кремленологами» как «символ сближения между нашими странами».

1993. Госкомиссия по реституции рекомендует правительству выдать Германии Готскую библиотеку.

1993. Госкомиссия по реституции соглашается с предложением Эрмитажа о возвращении Австрийской национальной библиотеке коллекции египетских папирусов.

1993. Библиотека иностранной литературы в Москве совместно с Министерством культуры выдала 657 книг в университетскую библиотеку Амстердама.

1993. Зам. министра культуры М. Швыдкой печатно заявляет, что «коллекция Кенигса вообще принадлежит Голландии... Так вправду ли и на каких основаниях мы можем продолжать задерживать эти произведения?»

1993. Глава российской делегации на переговорах с голландцами, член Госкомиссии по реституции М. Богуславский написал заключение о том, что Россия не имеет права удерживать у себя коллекцию Кенигса.

1994. Президент Б. Ельцин дарит президенту Южной Кореи Ким Ен Саму подлинные архивные материалы, касающиеся корейской войны.

1994. Член Госкомиссии по реституции сказала журналисту, что «за приличествующее вознаграждение готова сообщить о местонахождении немецких коллекций, разбросанных по советским музеям». И просила журналиста стать посредником для переговоров-контракта с немцами.

1994. Госкомиссия принимает решение о возвращении Балдинской коллекции рисунков старых мастеров в Германию.

1994. Госкомиссия предлагает подготовить правовое заключение о передаче Голландии коллекции Кенигса.

1994. Госкомиссия соглашается с предложением Росархива о выдаче архивов Княжества Лихтенштейн.

1994. Директор Смоленской библиотеки показала немецкой делегации трофейные книги и сказала: «Заберите. Это ваше».

1994. Российская пресса публикует: «В середине мая Президент России Б. Ельцин отправляется с официальным визитом в Германию. На стол Ельцину должен лечь список сокровищ, которые он мог бы преподнести Германии, как уже было в Венгрии». «Чиновники от культуры готовят «царский подарок» Германии. Дело осталось за пломбированным вагоном».

1994. Министр культуры Е. Сидоров публикует: «Раскрою ужасную тайну: книги действительно упакованы и готовы к отправке в Германию, правда, не в пломбированном вагоне, а в самолете, который бесплатно предоставляет германская сторона».

1994. По распоряжению министра иностранных дел А. Козырева во Францию было вывезено 20 тонн, 6,5 миллиона километров архивных материалов. Французские архивы были открыты для российских ученых только на пять дней перед выдачей.

1994. Обнаружилось, что, передавая Франции архивы, директор Росархива «несколько перестарался», выдал больше, чем просили.

1994. Зам.министра культуры М. Швыдкой заявил прессе: «Почему бы нам не передать Голландии коллекцию Кенигса – как жест доброй воли?»

1995. Е. Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы, предложила, чтобы директора каждой библиотеки сами могли решать вопрос о возврате книг в Германию. Она заявила, что сразу же отправит в Германию 12000 книг.

1995. На международной конференции в Нью-Йорке «Военная добыча» М. Богуславский, юридический эксперт Министерства культуры РФ и член Госкомиссии по реституции, заявил, что он не считает, что Россия имеет права на культурные ценности, вывезенные из Германии в 1945 г. (М. Богуславский получил в Германии высокооплачиваемую работу).

1995. На международной конференции в Нью-Йорке доцент МГУ А. Расторгуев заявил, что советские солдаты грабили Германию больше, чем солдаты других союзных войск.

1995. На международной конференции в Нью-Йорке российские журналисты К. Акинша и Г. Козлов заявили, что «только две страны

заранее планировали грабить культурные ценности – Россия и Германия».

1995. Пресса сообщает, что германская семья Шарф обратилась в суд с требованием выдачи ей картин из Эрмитажа, и, по мнению прессы, «этот шаг согласован с Эрмитажем».

1995. Директор Эрмитажа М. Пиотровский предложил, чтобы трофейные ценности не были объявлены российской собственностью, но экспонировались в российских музеях как «не принадлежащие российским музеям».

1995. Ректор Государственного историко-архивного института Е. Старостин заявил: «Я говорил французам присылать грузовики и вывозить из России свои архивы скорее, пока не поздно было. Чересчур быстро все у нас меняется...».

1995. Министр культуры РФ Е. Сидоров заявил журналистам: «Я по-прежнему убежден, что нужно вернуть коллекцию Балдина в Бремен... Отдал бы и оставшуюся часть Готской библиотеки».

1995. Начальник отдела реституции Министерства культуры В.Кулишев тайком от российской общественности заявил голландским журналистам, что считает справедливым голландское требование возврата коллекции Кенигса.

1995. Министр иностранных дел А. Козырев объявил, что «проблема Кенигса приоритетна в отношениях между Голландией и Россией».

1995. Два рисунка из коллекции Кенигса были переданы в голландское посольство в Москве, которое вывезло их из России, не поставив в известность российские власти.

1995. По словам российской прессы, «активность чиновников за выдачу трофеев за границу вдохновляется указом президента об организации фонда «Россия», при котором планируется аукционный дом... Будем продавать «трофеи»? Это тем более удобно, что статуса у «трофеев» нет, а находятся они в руках государства. Фонд состоит сплошь из государственных лиц... Жаль, если эти печальные прогнозы оправдаются».

1995. Министр культуры РФ Е. Сидоров заявил: «У «Золота Шлимана» не может быть «хозяина»... речь идет прежде всего о предметах культуры, а уж потом о праве собственности на них».

1995. В. Тетерятников, исследовав проблему, опубликовал «Заключение о российских правах на коллекцию Кенигса», где доказал юридическое и моральное право России на обладание коллекцией.

1995. Министерство культуры РФ подало в суд на газету «Правда» и на В. Тетерятникова за то, что своими публикациями

автор «систематически порочит честь, достоинство и деловую репутацию Министерства культуры и зам.министра М.Швыдкого».

1996. Заместитель министра культуры М.Швыдкой печатно заявил, что мотивом поведения чиновников Министерства культуры РФ в вопросе о реституции является «желание разрушить миф о России как об «империи зла».

1996. Савеловский межмуниципальный суд частично удовлетворил иск Министерства культуры и зам.министра М. Швыдкого к редакции газеты «Правда» и В. Тетерятникову.

1996. Зам. министра культуры М. Швыдкой печатно заявил, что в Великую Отечественную войну россияне воевали «вовсе не для пополнения музейных коллекций» (читай – должны отдать трофеи).

1996. По телевидению показан фильм «По праву победителей» (автор сценария М. Швыдкой), в котором прямо и косвенно звучит призыв отказаться от завоеванных трофеев [534].

Когда в 1958 году начался второй массовый вывоз ценностей в ГДР, трое советских музейщиков выступили с первым и единственным протестом. Адресуясь к министру культуры Н. Михайлову, видные ученые Б. Виппер, А. Губер, В. Левинсон-Лессинг предлагали не вывозить в Германию ничего до тех пор, пока Германия не вернет хоть что-то из награбленного немцами во время войны. Многие предвидели, что после неизбежного объединения Германии в будущем у России не останется никакого залога, чтобы побудить германцев возвращать России награбленное. И оказались провидцами.

Из России вывезено 95% трофейных культурных ценностей без всякой компенсации.

В настоящее время вновь вспыхнула «проблема трофеев». И вновь начали не иностранцы, а свои российские интеллигенты, «либералы-космополиты», науськивающие иностранцев «нажать» на Россию.

Ежегодно 27 августа отмечается День российского кино. Напомним, изначально это был День советского кино, учрежденный в честь знаменательного события: 27 августа 1919 года В.И. Ленин подписал декрет о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению. Речь шла в первую очередь о национализации частных киностудий, переходе их под управление Советского государства, причем определение ведомства которому непосредственно вверялось это ответственное дело, говорило само за себя: не какой-нибудь комиссариат, а именно – просвещения!

День подписания ленинского декрета принято было считать официальной датой ликвидации российской капиталистической и начала советской социалистической кинопромышленности. Вот это мы и отмечали многие годы, радуясь выдающимся достижениям отечественного кино, славившим советских кинематографистов на весь мир [283].

Народная артистка СССР Инна Макарова вспомнила, что 2016 год был объявлен Годом кино и заметила эту условность. «Считаю, – продолжила она, – что таковым должен быть каждый год, то есть чтобы ежегодно снимались и являлись зрителям замечательные, поднимающие дух картины. Собственно, так у нас в стране и было – без Года кино» [315].

Элина Быстрицкая не скрывает свое негативное отношение к состоянию современного кинематографа: «Главное мое огорчение состоит в том, что утрачивается и многими уже совсем утрачен способ кропотливой, обстоятельной работы над произведениями киноискусства. Раньше было время, чтобы режиссеру подробно и глубоко разобрать с актерами тонкости каждой роли, а отсюда и желаемый результат. Теперь же хватают все кое-как, с поверхности, и такое не трогает душу зрителей» [44].

Она делает удивительно точное определение содержания сегодняшнего кино: «Большинство так называемых сериалов, которые зрителям навязывают с телеэкрана, я считаю ликбезом для бандитов. Даже тот, кто не знал ранее, как стать бандитом, смотря это изо дня в день, научится» [44]. С ней бы согласился и М. Карим, который говорил: «Одной из причин жестокости, культа убийств и насилия я считаю внедрение американского кино, которое завоевало весь мир. Более полувека с появлением боевиков переламываются неокрепшие юные души» [488].

И. Макарова высказалась и по поводу так называемого сериала «Молодая гвардия», который вышел в 2015 году и был показан на Первом канале телевидения к 70-летию Победы: «Ужас! Я с герасимовской «Молодой гвардией» объездила весь мир. Моя юная героиня Люба Шевцова, как и другие молодогвардейцы, стала идеалом для советских людей на многие годы. А какими мы увидели их в этом сериале? Мягко говоря, непривлекательными, а можно сказать и резче – отталкивающими.

Я приезжала в донбасский Краснодон и встречалась с родителями Любы Шевцовой. Жила в их семье. Мать и отец Любы при встрече со мной заплакали. Мне запомнились рассказы родителей об их

единственной дочери. Она была чистой девочкой, художницей и рукодельницей, убежденной комсомолкой.

Страшно представить, что испытали бы родители Любы, посмотрев этот сериал, где их дочь раздевается перед фашистами. Нет, Люба не была продажной, Люба Шевцова никогда такой не была!» [315].

Известный кинорежиссер, народный артист России Марлен Хуциев надеется, что «когда-нибудь современное российское кино дотянется до уровня кино советского, “доперестроечного”. Того кино, которое искренне любил зритель, которое было для него постоянным спутником жизни. Оно было разнообразно по жанрам: серьезные фильмы, комедии, музыкальные картины, но главное – не оставляло человека равнодушным. И какие замечательные актеры, радующие нас до сих пор! А сейчас все как-то нивелировалось» [567].

Такие фильмы, как советские, М. Хуциев считает сегодня создать нельзя, потому что «ситуация не та. Минимальная заинтересованность государства, чтобы расцветали такие таланты и создавались такого уровня работы. Хотя говорятся правильные слова о необходимости и важности кино. Однако ни “Золотого тельца”, ни “Служили два товарища”, ни других произведений, равных любимым мною, в кино теперь не создается» [567].

«Я такой древний человек (ему в 2016 году исполнилось 50 лет. – *И.В.*), что помню очереди в кинотеатрах, – пишет кинорежиссер, дважды лауреат Госпремии РФ (за фильмы «Звезда» и «Легенда № 17») Николай Лебедев. – Да не просто очереди, а настоящие столпотворения. Я помню время, когда кино было у нас неотъемлемой частью человеческой жизни, а не просто редким развлечением, когда раз в год... на праздник... или по особому случаю... или поддавшись остервенелой рекламе...

Я тоскую по тому времени. Мне кажется, мы все потеряли многое, отказавшись от кинематографа. А мы от него отказались, чего уж говорить. Потому что фильм, просмотренный на маленьком экранчике компьютера, или фильм на телевидении, нашпигованный рекламой так, что не угонять, то ли ты кино смотришь с рекламными вставками, то ли рекламу с обрывками фильма, – это совсем не то, что фильм, на который приходишь с семьей в кинотеатр, а вокруг море людей, и уже через десять-пятнадцать минут после того, как в переполненном зале гаснет свет, вы начинаете дышать в унисон, реагировать в унисон, и от образов на белой простыне экрана рождается стократно усиленная эмоция. Незабываемое ощущение!..

Так вот, я тоскую по времени, когда кино было – КИНО. **Когда любой фильм мог найти своего зрителя, и количество зрителей исчислялось не тысячами, а десятками миллионов. Такое было!»** (выделено мной. – *И.В.*) [305].

Действительно, в СССР была могучая кинотеатральная сеть, были огромные возможности для показа фильмов на большом экране. Почему бы не обратиться к собственному опыту, чтобы вернуть кинопоказ не только в большие города (в больших городах, слава богу, кинозалы открываются, их достаточно), но и в маленькие поселки и деревни, коих в нашей стране – тысячи и тысячи.

И еще один важный момент: большинство произведений о строительстве социализма было ориентировано на утверждение гуманистических, подлинно человеческих ценностей бытия. При этом советская художественная культура сталинского времени отнюдь не ограничивалась современной тематикой. Все более значительное место занимали произведения, которые должны были вселить в людей гордость за великие достижения нашей державы прошлых веков, за персонажей истории, которым удавалось добиваться выдающихся свершений. Со второй половины 1930-х годов и до 1953-го были поставлены фильмы «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Кутузов», дилогия «Адмирал Ушаков», целая серия фильмов об ученых, композиторах, художниках, писателях; были опубликованы роман «Петр Первый» А.Н. Толстого, сборник сказок Бажова «Малахитовая шкатулка», книги Вересаева о Пушкине и Гоголе, первая книга трилогии Яна «Нашествие монголов», роман «Россия молодая» Ю. Германа... Среди произведений украинской культуры тех лет были поэма «Ярослав Мудрый» Ивана Кочерги, роман Александра Корнейчука «Богдан Хмельницкий» и фильм Игоря Савченко по нему, роман «Наливайко» Ивана Ле, поэма «Даниил Галицкий» Микола Бажана.

Кое-кто из «демократов» пытается представить эту тенденцию в художественной культуре того времени чуть ли не как своего рода протест мастеров культуры против «директив наглеющей сталищины». Полноте. Разве можно было, например, вопреки «директивам», сделать в условиях госфинансирования фильмов историческую тему одной из ведущих в кино. Или сделать 1937 год Всесоюзным годом Пушкина? Или давать Сталинские премии авторам произведений на историческую тему (в частности, ею были отмечены фильмы «Петр Первый» Петрова, «Александр Невский» Эйзенштейна, поэма «Даниил Галицкий»). Нет, это была линия партии. Напомню, кстати,

что именно партийное руководство провозгласило творчество отечественных мастеров-классиков столбовой дорогой советской культуры [161].

У нас «миллионы кинозрителей, позабывших о том, что они – зрители. Почему бы не напомнить им об этом, распахнув двери пусть небольших, но уютных кинозалов, в которые хотелось бы приходить вновь и вновь, чтобы посмотреть новый, а может, и старый, десятилетиями любимый фильм» [305].

Н. Лебедев предлагает обратить внимание государства на опыт других стран, которые «умудряются даже в условиях жесточайшей международной конкуренции сохранять самобытность собственного кинематографа!.. Есть пример Франции, есть пример Финляндии. Есть пример европейского сотрудничества в области кино. Есть США, где, чтобы защитить собственный кинематограф, ввели неукоснительное правило: любые иностранные фильмы (вернее сказать, иноязычные) должны показываться на большом экране на языке оригинала – с субтитрами, никакого дубляжа. Правило очень простое, я бы даже сказал, прозрачное, однако оно защищает американский кинорынок от неограниченной экспансии “чужого” кино» [305].

Создатели современных фильмов не ограничиваются лишь в одном – в создании клеветнических передач и фильмов, густо замешенных на антисоветизме и антикоммунизме, безнаказанно поливающих грязью отечественную историю и великие свершения прошлого. Откровенно скажу: меня в связи с этим не особенно возмущает даже то, что сейчас доля голливудских фильмов на российских экранах доходит до 70 процентов. В американских картинах нередко обнаруживается больше добра и человечности, чем в теперешних российских боевиках и сериалах про «братву», «ментов», «крутых» бизнесменов и их любовниц.

Завершая разговор о современном российском кинематографе, хочется сказать вот о чем: золотая коллекция советского кино, исторически хорошо откомментированная, должна сегодня стать учебником для молодежи.

Советская власть огромное внимание уделяла творческим союзам. Их деятельность очень хорошо обеспечивалась бюджетом, они имели разветвленные связи с зарубежными деятелями культуры и искусства. М. Карим об этом сказал так: «Велика была роль наших творческих союзов в становлении писательского содружества в стране, укреплении связей с читателем. На их счету много других добрых дел. Очень много. Со временем все это, к сожалению, обрело некото-

рый оттенок парадности. А теперь ни парада, ни оттенка нет. Не разрушать, а возродить надо лучший опыт, лучшие традиции. Нынче задним числом упрекают, что на такие писательские мероприятия уходили народные деньги. Замечу, уже пять лет не совершаются ни торжественных выездов, ни тихих творческих встреч. При этом я не берусь утверждать, что освобожденный от тех тяжелых расходов народ сегодня сыт, пьян и нос у него в табаке» [410].

М. Карим справедливо говорил, что литература живет своими законами. «Нельзя, – утверждал он 5 декабря 1990 года, – профессиональные объединения писателей расчленять по образцу еще не установившихся государственных структур в стране. Появилось много плавучих островов. Искусство не может жить островками, тогда она совсем зачахнет. Это от лукавого, когда говорят, что для свободных художников не обязателен объединяющий их союз. Он не нужен, видимо, тем немногим литераторам, которые ни в чем не нуждаются. Всем остальным он необходим в масштабе всей страны, как защита и опора. Я убежденно ратую за сохранение и укрепление союзов писателей. Видимо, следует пересмотреть их структуры, аппарат, обширные штаты, словом – следует обновить. Но не так обновить, чтоб от него остались потом одни рожки да ножки.

Впрочем, первоначально старый тоже был не так уж плох» [410].

Культурная политика была выстроена Советской властью буквально с первых дней после Октябрьской революции. Уже на третий день оглашено Обращение к гражданам России «О народном просвещении», где неотложной целью новой власти заявлялось «в кратчайший срок добиться всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного бесплатного обучения». Намечалось также создание массовых учебных заведений для подготовки учительских кадров, улучшение материального положения народных учителей.

И тут же один за другим последовал целый ряд декретов и постановлений, названия которых говорят сами за себя: «О государственном издательстве»; «О ликвидации безграмотности»; «О правилах приема в высшие учебные заведения»; «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства»; «Об охране научных ценностей»; «Об охране библиотек и книгохранилищ»; «О централизации библиотечного дела»; «Об организации кинодела»; «Об ассигновании 12520000 рублей для выдачи единовременных пособий народным учителям»; «Об организации рабочих факультетов при университетах»;

«Об обеспечении культурно-просветительских учреждений помещениями»; «Об усилении клубной работы»; «Об избах-читальнях» и др.

Культурно-организаторская и воспитательная работа государства становилась одной из важнейших. Такой она была закреплена и в Конституции РСФСР 1918 года. Тогда же, впервые в мировой конституционной практике, государству вменялось в обязанность обеспечить трудящимся действительный доступ к знаниям, «предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [496].

Интервенция «цивилизованных» стран и развязанная Гражданская война затормозили этот процесс, но остановить его было уже невозможно. Короткая мирная передышка успела показать трудящимся первые великие плоды просвещения, пробудить в них небывалую тягу к знаниям и культуре. Поколение, рожденное революцией, вступало в сороковые грамотным, духовно и политически зрелым. Именно это поколение в годы Великой Отечественной отважно защищало не только Родину, Россию, но и свою, Советскую власть [496].

В январе 1931 года Наркомпрос выдвигает требование форсировать подготовку национальных кадров, с тем чтобы в 1931–1932 годах «покрыть полностью потребность националов» [177].

И хотя выполнить его не удалось ни в отведенный срок, ни в более отдаленное время, работа развернулась поистине гигантская. В автономиях стали срочно, «в пожарном порядке» открывать новые и расширять действующие высшие и средние специальные учебные заведения.

Параллельно создавалась система национальных научно-исследовательских учреждений. В соответствии с постановлением Наркомпроса (май, 1931 года) открылось 14 НИИ (пять – на Северном Кавказе, два – в Поволжье и семь – в автономиях). Дополнительно развертывалась сеть национальных секций при ряде институтов РСФСР. В Москве начинают действовать Национальный НИИ педагогики и Государственный НИИ национальной культуры. Целый ряд учебных заведений для нацменьшинств функционировал на территориях, не входящих в автономии. Так, в Свердловске открыл свои двери областной институт нацменьшинств, во Владивостоке – педагогический и учительский институты для корейцев, в Краснодаре – Украинский аграрно-педагогический институт и Греческий педтехникум, в г. Рудня Нижегородской области – Белорусский педтехникум и т.п.

Часть российских вузов готовила национальные кадры на специальных факультетах и отделениях. Например, Ленинградскому

историко-лингвистическому институту поручили обучать «работников по музейному делу, редакторов-издателей художественной, учебной и политической литературы, историков литературы, антирелигиозников и ответственных переводчиков для работы в специальных, в краевых и районных музеях, ...в национальных редакциях и издательствах, в библиотеках» [178]. При Горном и Строительном институтах г. Свердловска открылись отделения рабфаков для тюркских народностей, при Пермских рабфаках – для угро-финских. В Тобольске был создан так называемый Туземный рабфак. Подготовку кадров для малых народностей Севера сосредоточили в отдельном учебном заведении – «комплексном техникуме с несколькими отделениями».

В крупных городах России открылся ряд учреждений для различных национальностей. Например, в Ленинграде по инициативе украинской общины начал ставить спектакли театр «Жовтень», в Москве функционировали татарский и еврейский театры, центральный еврейский рабочий клуб, якутский «национальный уголок» и др. Правительство РСФСР взяло их под свой постоянный контроль, обеспечило финансирование, возложив при этом на них обязанность «передвижного культурного обслуживания лиц своей национальности на всей территории республики».

Культурно-просветительскую работу вели и другие центральные учреждения. В частности, Центральный дом художественного воспитания детей. Московский театр юного зрителя, Центральный театр кукол неоднократно выезжали с выставками и гастрольями в Республику немцев Поволжья, в Казахстан, Узбекистан, на Днепрострой, Криворогстрой, в другие регионы. Их деятельность способствовала открытию в ряде автономий подобных учреждений на языке коренной нации.

Из бюджета РСФСР не только дотировались национальные учреждения культуры, но и оплачивались некоторые именные стипендии студентам других союзных республик. Так, в 1932 году были установлены десять стипендий имени Н.А. Скрышника (тогда наркома просвещения Украины) для студентов-украинцев Москвы, Ленинграда, Воронежа и Владивостока.

Особого внимания заслуживает деятельность Наркомата просвещения по сохранению имеющихся и выявлению следов утраченных памятников литературы и искусства. С этой целью была создана специальная Комиссия под председательством В.Д. Бонч-Бруевича. Ей были выделены немалые валютные средства для покрытия расходов, а куратором комиссии стал нарком просвещения А.С. Бубнов [180].

Были установлены нормы приема представителей нацменьшинств в высшие учебные заведения республики. Вузам и втузам Урала предписывалось набирать не менее 10% студентов – выходцев из малых народов от общего контингента учащихся. Показательно, что ограничивался лишь нижний предел – «принимать не менее», зато постоянно увеличивались квоты для представителей той или иной национальности. Одновременно лимитировался прием в вузы по социальным признакам, что явно не пошло на пользу делу. Например, принятые в начале 30-х годов решения о подготовке в педвузах и техникумах специалистов из числа наемных сельхозрабочих не были выполнены из-за «низкого процента грамотных среди батраков и батрачек» [181].

Когда мы ведем речь об образовании и культуре в современной России, мы не можем обойтись без обращения к Ленину. Ведь в России многое из его теоретического наследия вновь стало востребовано практикой. Взять, к примеру, ленинский тезис о двух культурах – буржуазной и пролетарской – в любой национальной культуре. По этому поводу А. Житнухин говорит: «Вспоминается один серьезный урок, который преподнесли мне в середине семидесятых годов... студенты Сорбонны. Дело было в Париже, куда я приехал в составе молодежной делегации. На дискуссии, где присутствовали студенты этого университета, имел я неосторожность похвалить произведения одной французской писательницы, которая тогда была в моде у советских читателей. Реакция привела меня в замешательство: «Видно, вы там, в СССР, хорошо живете, если сопереживаете с героями таких книг – с буржуями, которые от нечего делать с жиру бесятся. Подавляющая часть французской молодежи – из другой среды, и заботы у нее совсем иные: где взять деньги на учебу, где потом найти работу, как заработать на квартиру, на что содержать семью. Копаться в себе, уставившись в дождевую лужу, нам некогда...» [223].

Первый раз, как признается А. Житнухин, ему, выпускнику исторического факультета, так доходчиво, на живом примере объяснили то, что, по сути, относилось к азам марксизма. Одно оправдание: не было у нас в стране тогда многих из проблем, что волновали западную молодежь. И была эта молодежь, еще не остывшая после волнений конца шестидесятых годов, более радикально настроена к проявлениям социальной несправедливости. Однако сейчас нам не следует забывать, что бунтарские настроения западной молодежи привели и к серьезным негативным последствиям: нашли тогда правящие классы те клапаны, через которые удалось «выпустить пар», разря-

дить напряженную социальную атмосферу. В частности, умелой рукой культивировались в молодежной среде откровенно уродливые явления так называемой контркультуры. Поэтому нет ничего странного в том, что с задержкой на 25–30 лет они были «на ура» восприняты в накаленной до предела России. В их числе – и демонстративное пренебрежение нормами общественной морали, и отголоски «сексуальной революции», и псевдорадикальные молодежные «движения»...

Проводя подобную «молодежную политику», правящие классы России пока добиваются нужных им результатов. Молодежь, за редким исключением, отказалась от борьбы за свои коренные интересы, смирилась с вопиющим неравенством в распределении не только материальных, но и духовных благ. А это очень удобно для тех, кто навязывает новому поколению западные стандарты в образовании, воспитании, поведении. В среде современных «интеллектуалов» не случайно в наши дни популярен тезис: для того, чтобы крестьянину «крутить хвосты коровам» или горожанину – баранку такси, вовсе не обязательно учиться в школе одиннадцать лет и читать Толстого с Пушкиным. Презрительное отношение буржуазных слоев к людям труда – ключ к разгадке, почему так настойчиво проталкивается в школах отупляющий учеников ЕГЭ, а в жизнь вузов внедряется «болонская система», которая закрепит социальное неравенство в доступе к качественному высшему образованию. Теперь вот добавляется еще и так называемый закон об автономных учреждениях...

Подзабыли мы о том, что говорил Ленин: в условиях буржуазного строя не может быть равенства в области образования. Буржуазия, заявляющая о том, что школа якобы находится вне политики, «сама во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных... слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности» [223].

Ведь при социализме в развитии образования и культуры нам не было равных. Мы накопили тогда колоссальный опыт приобщения населения к подлинным культурным ценностям, независимо от социального положения людей и от того, где они проживали – в городе или сельской местности. Сейчас большинство наших уцелевших деревень выглядит так, словно по ним Мамай прошел. Но многие из них еще хранят память о советском времени.

У сельского жителя всегда было три храма культуры – школа, библиотека, клуб, выполнявшие роль «трех китов», на которые

опиралась вся система образования и просвещения в сельской местности. Это важнейшее дело в дореволюционное время тщетно пытались сдвинуть с мертвой точки отдельные русские просветители, хотя порой и добивались они ощутимых результатов. Взять хотя бы деятельность замечательного издателя Ф.Ф. Павленкова, выпускавшего в свет народные библиотеки – Пушкинскую, Гоголевскую, Лермонтовскую, Сказочную, основавшего в 1890 году серию «Жизнь замечательных людей». Он прекрасно понимал, чего недостает людям в глубинке: после его смерти на завещанные им средства в российских губерниях были открыты две тысячи бесплатных публичных библиотек-читален.

Благородные деяния одиночек, безусловно, давали всходы и приносили свои плоды. Но они не могли решить главную проблему – вывести из темноты и забитости основную массу населения России. Дореволюционная российская действительность – это 80% неграмотного населения.

Как решала эту проблему Советская власть? Обратимся к статистике: за 1933–1938 годы в СССР было построено 20 с половиной тысяч школ. При этом 80% их – свыше 16 тысяч – приходилось на сельскую местность. Коренным образом изменился облик крестьянина. Мало что осталось в нем от прежнего забитого мужика. Уже перед войной Советский Союз превратился в страну сплошной грамотности.

А что же принесли с собой «перестройка» и последовавший за ней развал великой державы? За последние 25 лет в стране ликвидировано 40 с лишним тысяч школ, 2 миллиона детей и подростков не умеют читать и писать и нигде не учатся!

Катастрофическое положение, отражающее духовную деградацию общества, сложилось вокруг книги, которая в свое время вывела советского человека к вершинам знаний, помогла ему освоить богатства мировой цивилизации. Страна перестала читать, и не следует относить это к «мировой тенденции», на которую ссылается министр культуры. Это – результат последовательной дебилизации населения, в которую внесло свой заметный вклад новое поколение представителей «творческих» кругов, призванных сеять в человеческих душах разумное, доброе, вечное.

Ф. Павленков издавал в полуграмотной России биографические книги тиражами 30 тысяч экземпляров, и каждая из них находила своего читателя. А тираж нынешней серии «ЖЗЛ», которую продолжает выпускать издательство «Молодая гвардия», – в основном 3 ты-

сачи, изредка 5 тысяч экземпляров, что в 30–40 раз ниже, чем в семидесятые–восемидесятые годы советского времени. При этом раньше большая часть тиражей закупалась государством для публичных библиотек. В сельских библиотеках подобные книги, наряду с произведениями русской, советской и мировой классики, всегда зачитывались до дыр. Донельзя изношенные, они и сейчас еще заполняют стеллажи многих сохранившихся «очагов культуры», чьи книжные фонды теперь или совсем не пополняются, или пополняются исключительно низкопробным чтивом.

Да, участники сельских драмкружков не слишком, наверное, разбирались в тонкостях сценического искусства. Но они великолепно знали и понимали русскую и советскую драматургию, произведения Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского, Чехова, Горького.

И еще один важный момент. От людей, выросших и работавших в советское время, я ни разу в жизни не слышал жалоб на «идеологический прессинг», о котором так настойчиво твердят уже многие годы недруги советской власти. Люди чувствовали себя людьми, причем людьми свободными. Существовал между ними совершенно иной тип отношений, нежели сегодня, было у них и совершенно иное отношение к Родине. Их поступки определяли чувство долга и ответственности перед своей страной, вплоть до готовности к самопожертвованию, принципы взаимопомощи, бескорыстной дружбы, нестяжательства. Идеологию, воспринятую широкими массами, уместнее сравнить не с прессом, а со щитом, заслонявшим молодежь от духовного растрепания, ограждавшим общество от пропаганды насилия и всевозможных пороков, от мутного потока отходов западной культуры, от попыток разрушить жизненные ориентиры людей, поменять в них местами добро и зло [223].

Не на словах, а в реальности классика становилась достоянием миллионов. И если на первых порах в целях большей доступности приходилось иногда идти на некоторое понижение верхнего уровня, то затем он все время неуклонно повышался. Допустим, первые программы советских школ, безусловно, уступали гимназическим. Но они-то были для миллионов, а гимназии – для сотен учащихся. Шли годы, и верхний гимназический уровень был достигнут – разумеется, с учетом изменившихся условий и требований XX века.

Сегодня многие задним числом изумляются: как же это мы позволили уничтожить столько хорошего?

Обратим внимание на тот же всеобуч. У нас было ведь не только бесплатное, всеобщее, но и обязательное среднее образование.

Значит, тут элементы «насилия»? И вот начались атаки – так сказать, с глубоко нравственных позиций. Вскрыли вдруг страшное преступление: учителя натягивают школьникам «тройки»! Помните, во время «перестройки» какой крик поднялся? «Приучают детей ко лжи, приучают к халяве!» Теперь этих «страшных преступлений» нет – и мы получаем миллионы неучей.

Обратим внимание, советскую цивилизацию разрушали, начав во всем сравнивать ее с идеалом. И когда в чем-то это сравнение не выдерживалось, когда выяснялось, что и на Солнце есть пятна, приговор был один: отменить, уничтожить. При этом использовался старый полемический прием: указать на недостаток, не определяя уровень его распространенности. И это действовало!

Это, кстати, всюю используется до сих пор. Скажете о бездомных в нынешней России, а вам ответят: и в СССР были бездомные. То, что тогда это были единицы, а сейчас миллионы, опускается. Или вот на телеэкране кто-то говорит о распространившейся матерщине. На что Млечин реагирует с улыбкой, со смехом: «Так что же, вы мне станете рассказывать, что в советское время этого не было?» Да было, конечно. Но здесь нужно говорить о масштабах, а они отличаются разительно...

В октябре 1917 года В.И. Ленин писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [315].

Конституционно-демократическая партия (кадеты) и одна из руководителей партии социалистов-революционеров (эсеров), «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешковская (1844–1934), и видный меньшевик, министр Временного правительства Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) имели в те годы значительное влияние на умы российской интеллигенции. Против их предрассудка о возможности управления государством только богатыми и выступил Ленин, вполне определенно сказавший, что да, не способны чернорабочие и кухарки управлять государством, не спо-

собны, и все тут. А вот учить этому надо всех трудящихся, всю бедноту. В конечном итоге позиция Ленина победила, кухарки не стали управлять государством, но их дети, обученные этому нелегкому делу, взялись за него [315].

По утверждению Л. Причурина, в 40–70-е годы XX века руководство СССР «примерно на три четверти состояло из “чумазых”, из детей крестьян и рабочих. Да и остальные были не графскими или княжескими отпрысками, а просто способными людьми. Один был даже сыном сапожника, другой – шахтера, а один происходил из семьи кулака. И ничего, управлялись. И объединенную Гитлером Европу разгромили, и разрушенную страну восстановили, и Юрия Гагарина отправили в космос. И ошибок наделали немало» [315].

А то, что в 2016 году по первой программе телевидения говорили, будто В.И. Ленин утверждал: «Любая кухарка может управлять государством», и при советской власти мы это твердо знали, так нас учили. Кто это говорит? «Остепененный» и, возможно, даже образованный человек, и, несомненно, знакомый с работой Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?»

Или солгал, или память подвела. Можно не любить Ленина и не соглашаться с ним. Более того, быть антибольшевиком и через десятки лет. Сегодня вполне безопасно и даже модно, но зачем приписывать Ленину то, чего он никогда не говорил?

А вот нижеприведенный случай действительно имел место.

Александр III, когда узнал о том, что крестьянка Ананьина, привлеченная к суду по одному революционному делу, говорила, что она мечтала отдать своего сына в гимназию, с негодованием написал: «Это-то ужасно! Мужик, а тоже лезет в гимназию!» [486].

Когда тобольский губернатор не без прискорбья довел в своем докладе до монаршего сведения, что в губернии мало грамотных, царь написал на полях: «И слава богу!»

Он хорошо понимал, что «простые люди» лишь до той минуты являются надежной опорой престола, покуда они в темноте.

Поэтому он так распался, когда обнаруживал, что, невзирая ни на какие приказы, дети дворников, судомоек и прачек так и «лезут» за наукой в гимназию [486].

В 1949 году М. Карим рассказывает о том, как тянулись к знаниям простые крестьяне и рабочие: «Из Мраковых, откуда в царские времена обнищавшие крестьяне уходили в города за черствым куском хлеба, теперь идут люди не на сезонные тяготы, а на советские

промышленные предприятия, да и сами эти предприятия – в том числе нефтяные промысла – вырастают на землях колхозов. Вчерашние хозяева колхозных земель сегодня становятся хозяевами промыслов и заводов, чтобы завтра, обучившись в городе, вернуться на свои предприятия техниками, инженерами. Так изо дня в день растет наша национальная техническая интеллигенция» [342].

Далее он с гордостью отмечает: «Каждое утро более полумиллиона детей, маленьких башкир и русских, татар, чувашей и украинцев, положив в ранец с книгами свой завтрак, идут в пять тысяч двести школ. Семь институтов открыты перед юношами республики» [342].

По справедливому замечанию известного диссидента А.А. Зиновьева, революция 1917 года расчистила все препятствия на пути образования. «Новое общество, – пишет он, – потребовало многих миллионов людей, образованных не только в смысле начального образования, необходимого для массы рабочих и мелких служащих, но и в смысле среднего и высшего образования, необходимого для стремительно растущего слоя механиков, инженеров, врачей, учителей, ученых и т.д. **начался буквально ураганный процесс роста образованности общества** (выделено мной. – *И.В.*). Он встал на свои собственные ноги, приобрел способность самоусиления и сам стал одним из основных источников прогресса. В истории человечества не было ничего подобного, что можно было бы сравнить с этим. **страна превратилась не только в сплошную стройку, но и в сплошную школу, техникум, училище, институт, университет. и основой этого урагана образования стала средняя школа**» (выделено мной. – *И.В.*) [234, 79–80].

У А.А. Зиновьева с детства было представление о том, что в мире есть «нечто чистое, светлое, святое. Сначала воплощением этих представлений был некий религиозный Храм. Но религия была смертельно ранена. Храм был разрушен. А потребность в таком Храме осталась. **И такой храм для меня нашелся сам собой: школа**» (выделено мной. – *И.В.*) [234, 80].

Школа А.А. Зиновьева была обычной для тех лет. «Не могу сказать, – размышляет далее Александр Александрович, – что такими были все школы. Но таких было много, настолько много, что их выпускниками покрывалась большая часть потребностей высшего и специального среднего образования. Кроме того, моя школа во многих отношениях была характерным явлением сталинской эпохи, гораздо более характерным, чем репрессии и ГУЛАГ» [234, 80].

Очень убедительно А.А. Зиновьев рассказывает школьную жизнь в ранней Советской России: «Мои школьные годы были голодными. Минимум продуктов питания можно было получить только по карточкам. В школе дети из самых бедных семей получали бесплатный завтрак, а прочие могли кое-что покупать по сниженным ценам в буфете. Для меня эти школьные завтраки были весьма серьезным подкреплением. Были они, конечно, убогими. Но в дополнение к тому, что мне удавалось съесть дома, они сохранили мне жизнь. В школе мне также выдавали иногда ордера на одежду и обувь – особые бумажки с печатями, по которым я мог очень дешево купить рубашку, ботинки или брюки в особых магазинах. Несколько раз мне выдавали рубашки и обувь бесплатно. В школе постоянно организовывали всякого рода экскурсии – в зоопарк, в ботанический сад, в планетарий, в многочисленные музеи. Был драматический кружок, кружок рисования, музыки, танцев, рукоделия. Были спортивные кружки – гимнастики, плавания, лыж, шашек и шахмат» [234, 80].

О тех изменениях, которые испытала советская школа после войны, А.А. Зиновьев вспоминает так: «Среднее и даже высшее образование утратило характер исключительности. Колоссально возросло число школ. Окончание школы перестало быть гарантией поступления в институт» [234, 91].

Образование – та самая сфера, где результаты любых системных изменений сказываются не сразу, даже не через год или два, через десятилетия. В шестьдесят первом году прошлого века, после полета Гагарина, американцы очень озадачились состоянием своего образования. Возникла крылатая фраза: «У русских спутник, у нас капутник». Появилась книга, ставшая бестселлером: «Что знает Иван, чего не знает Джонни». Была принята программа реформирования математического и естественно-научного образования. Как отмечают исследователи, через пятнадцать лет увеличилось число поступающих на факультеты, связанные с точными науками, произошел приток молодых сил в научные лаборатории, возросло число патентов, получаемых студентами и молодыми специалистами. После крушения Советского Союза «демократы» объявили деполитизацию школы, которая превратилась в разрушение существующей системы воспитательной работы. Школу законодательно освободили от этой функции. Через двадцать лет социологи фиксируют потери ценностных ориентаций у подростков, отсутствие морально-нравственных табу, рост правонарушений и увеличение тяжких преступлений.

Наша система образования в кризисе. Еще в более тяжелом, чем оказались американцы в 50-е годы XX века.

Вот статья Н. Козловой [454]. В ней в целом отвергается все культурное строительство в СССР, советский тип образования и в общем тип советского образованного человека. Автор проводит, как он выражается, «культурно-антропологический анализ». Исходный тезис такой: «В 20-е годы культурный уровень общества в целом существенно понизился».

Статья переполнена злобой – к чему? К тем, кого советская власть ввела в круг универсальной культуры: «Ветер революции вымел на поверхность исторической жизни множество людей, живших в мире связей личного типа, характерных для традиционных доиндустриальных обществ. Это – люди безъязыкие, молчаливые “от дурусти и угнетения”... О какой науке они мечтали – сказать трудно». Далее следует издевательский анекдот, мол, «страна мечтателей, страна героев». То ли дело на Западе, где все делалось правильно.

И опять верные наблюдения вперемешку со злобой: «В результате оказалась освобожденной архетипическая фантазия низов, которая выплеснулась из цивилизационных рамок и “разлилась” по поверхности общества... Открылись десятки университетов, появились новые тысячи научных работников. Организация образования для тех слоев, которые ранее были отчуждены от культуры, стала способом достижения всеобщего равенства... Новых, “красных” студентов отличал удивительно низкий уровень грамотности, результатом же стала деградация университетов...»

Подобную же селекцию производит и «демократ» С. Аверинцев: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но... единицы» [435].

За всем этим – ностальгия по мифической царской России с высоким культурным сообществом: «Вхождение в это сообщество требовало длительного систематического труда. Кроме того, существовал и действовал закон о *кухаркиных детях*».

Философский пафос этого антисоветизма заключается в отрицании народной культуры в пользу культуры сословной, культуры для какого-то привилегированного меньшинства. Об этом различии двух видов искусства писал Георгий Свиридов в своих «Записках» в 1979 году: «1) Народное – которое способно восприниматься нацией целиком и само адресовано народу/нации как целому.

2) Сословное искусство – адресуемое наднациональной элите, своего рода “сливкам общества” или, как их называл А. Блок, “подонкам общества”...» [257, 281].

Статья Н. Козловой примечательна тем, что в ней самым наглядным образом предстает раскол, который произошел в нашем народе. Мы как будто говорим на двух разных языках. Кажется дикой сама идея, будто ликвидация неграмотности почти сотни миллионов человек совместима с формулой «общее снижение культурного уровня». Дело в том, что Козловой интересно лишь то, что происходит в тонком слое элиты, а 85% населения, крестьяне, для нее как будто вообще не существуют. Как не существуют и миллионы жителей Азии.

Но поговорим сначала о русских. В середине 20-х годов резко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX века составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила на 12 лет. Это было достигнуто интенсивной культурно-просветительской работой. Врач и демограф С.А. Новосельский писал в 1916 г.: «Высокая детская смертность у православного, т.е. преимущественно русского, населения состоит, помимо общеизвестных причин, в связи с деревенскими обычаями крайне рано, едва ли не с первых дней жизни ребенка давать ему кроме материнского молока жеваный хлеб, кашу и т.п. Сравнительно низкая смертность магометан, живущих в общем в весьма антисанитарных условиях, зависит от обязательного грудного вскармливания детей в связи с религиозными предписаниями по этому поводу Корана» [449]. Заметим, что у мусульман в 1897 году детская смертность составляла 166 на 1 тыс. [257, 282].

Так что определимся, считать ли отказ русских крестьян от привычки давать новорожденному ребенку жеваный хлеб, от чего умирали треть младенцев, положительным явлением культуры – или это к культуре отношения не имеет? Считать ли явлением культуры ликвидацию в 20-е годы массового детского («бытового») сифилиса, вызванного элементарным незнанием правил гигиены? Для Козловой это – ничто. А для нас – именно то, что выражается суконной формулой «общее повышение культурного уровня». И оно могло быть достигнуто именно благодаря советскому строю, ибо в царской России слишком большая часть чиновников думала именно так, как философ-демократ Козлова.

Козлова с плохо скрытым злорадством говорит о низком уровне грамотности «красных» студентов. Допустим, низкий, не хочется спорить. Но разве он у них был ниже, чем у массы их старших братьев

пять-шесть лет назад, когда эти братья и мечтать не могли об университете? Ведь ясно, что благодаря рабфакам уровень грамотности и культуры у существенной части молодежи резко вырос. Почему же злорадство, почему это ставится в вину советскому строю? Хотелось бы мне проникнуть в душу таких людей и понять, почему явное улучшение жизни немалой части народа вызывает такую неприязнь. Фрейда бы на них напустить, покопаться в их подсознании.

Видимо, не знает Козлова, что «красные» студенты, в ходе учебы и работы очень быстро повышали свой «уровень грамотности», и из их среды вышли блестящие интеллигенты, в том числе гуманитарии. Начиная с некоторого порогового уровня знания главным фактором становятся природные способности и желание человека – при благоприятных социальных условиях. Это – обычное дело, все мы это наблюдали в вузах. Или даже такой тривиальной вещи не заметила Козлова в свои студенческие годы?

Но попробуем встать на элитарную точку зрения, с которой смотрит Козлова. Не будем о хлебной жамке и сифилисе. Что произошло с культурой в «высоком» смысле слова? Тут, грубо говоря, философ говорит неправду. В 20-е годы произошел взрыв, протуберанец культурной деятельности высокого накала. Видимо, философ не считает науку частью культуры, поэтому о становлении советской науки не будем, хотя во многих отношениях это было замечательное явление. Но как можно говорить о падении уровня, например, литературы! Это просто немыслимо. Окинем взором свои книжные полки, посмотрите на даты. Маяковский и Пастернак, Есенин и Заболоцкий, Клюев и Васильев, Мандельштам и Ахматова – и так далее. В каком смысле можно сказать, что их стихи 20-х годов – низкого уровня? А ведь так безапелляционно заявляют, что люди просто не осмеливаются не поверить. О театре и кино говорить нечего – советские мастера были участниками ведущей мировой бригады, никто в этом не сомневался. Тогда же начинался расцвет нашей музыки. Откуда взялись Прокофьев, Шостакович, композиторы-песенники? Из 20-х годов. Или нас будут уверять, что в СССР всегда был низок уровень музыкальной культуры?

Считается, что по сравнению с другими видами высокой культуры тогда отстала живопись. Может, и отстала, но ведь никак не низок был ее уровень. У меня дядя был довольно известный художник, я интересовался книгами по искусству того времени. Общее мнение таково, что 20-е годы были очень важным и интересным периодом. Кстати, развитие всех видов искусства в немалой степени было под-

креплено тем прозаическим обстоятельством, что на них вследствие появления массы «красных» студентов возник массовый спрос. Например, искусствоведы отмечают, что небывалый наплыв в 20-е годы XX века посетителей в картинные галереи побудил правительство выделить довольно большие деньги на поддержку художников. Рынок не рынок, а общественная потребность – дело великое!

Конечно, революция – это катастрофа, в том числе для культуры. Кто-то погиб, кто-то эмигрировал, у кого-то опустились руки. Но надо же судить по главному признаку – вызвали ли действия главных сил революции разрыв непрерывности в развитии культуры или нет! Соединить старую культуру с революционной молодежью – дело очень непростое. И бесспорно, что в русской революции это удалось сделать в огромной степени. Это надо оценить и над этим задуматься. Посмотрим, что творится сегодня, как легко и бездумно ломается то, что строили наши отцы. Не только впадает в ничтожество миллионы честных людей, но и разрушаются великие культурные ценности.

В советской культуре произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде, – культуру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты типом культуры. Это – именно то, о чем мечтали русские просветители, наши духовные наставники. Сегодня впервые в политической верхушке взят курс на разделение народа на классы по культурному признаку. Как раз в 20-е годы, когда обсуждалась школьная и культурная политика, началось это небывалое дело – снятие классовых различий через освоение единого мира символов и единого языка. Тот, кто жил на Западе, знает, что там об этом и помыслить невозможно.

Пример – М.М. Пришвин, писатель и острый наблюдатель своего времени. На дух не терпел коммунистов и советскую власть, в своих дневниках не скрывал этого – но всегда при этом оговаривался, что никакая другая власть не вытащила бы Россию из ямы. 26 сентября 1921 году записал в дневник очередной крик души: «Часто приходит в голову, что почему я не приемлю эту власть, ведь я вполне допускаю, что она, такая и никакая другая, сдвинет Русь со своей мертвой точки, я понимаю ее как необходимость. Да, это все так, но все-таки я не приемлю». А позже добавил: «Чувствую, однако, что философия моя как-то краешком и очень неудачно прицепляется к моему личному раздражению...». Такую позицию можно уважать – человек покопался в себе и предупреждает, что его нелюбовь есть плод душевных мук, а не ума. А сейчас у нас в академических журналах, со всем

авторитетом якобы научного знания, вбрасывают в общество совершенно иррациональные утверждения – и хоть бы малейшая оговорка. Может, у них это не плод ни ума, ни души? Актеры на сдельной оплате?

Но это, конечно, неважно – антисоветская интеллигенция, независимо от личной внутренней мотивации каждого приняла вполне определенную философскую антропологию, представление о сущности человека и его правах. В этой философии «низшие чины» человечества как бы вообще не существуют. Во всяком случае, их самые простые, фундаментальные жизненные потребности ставятся несравненно ниже права элиты на духовный комфорт – а уж о пище или жилье элиты и речи нет. Ах, нас заставили жить в коммунальных квартирах [257, 284–285].

О таких представителях современной российской интеллигенции говорил М. Карим: «Сейчас, когда говорят об интеллигенции, невольно задумываешься: о каком интеллигенте идет речь? Ведь все мы – пишушие, играющие на сценах или снимающие фильмы – относили себя к творческой интеллигенции. Но действительно ли это так? И вот сейчас выяснилось, что в прошедшие годы мы создали немало неинтеллигентных интеллигентов, утративших былые традиции духовности, нравственности, не говоря уже о внешних признаках хорошего воспитания. И возникшие “силовые приемы” (впрочем, они ведутся не только в литературе, но и в театральном искусстве, балете и т.д.), эти вздорные споры, противостояния и показывают, “кто есть кто”. Тем дорожке ценятся люди, представляющие не на словах, а на деле подлинную советскую интеллигенцию – русскую, башкирскую, грузинскую и т.д.» [398].

На вопрос: «Что еще остро задевает и беспокоит вас в сегодняшней жизни?», Ю.М. Соломин ответил: «Положение в образовании. Недопустимое, нетерпимое! Уже много лет я твержу об этом. Потому что мне это представляется исключительно важным. Но вот я-то твержу, некоторые очень уважаемые мною люди – тоже, а положение не меняется» [35].

И суть этих изменений в худшую сторону выдающийся наш деятель культуры определил так: «Названное реформой образования привело не к лучшему, а к худшему. Это вообще удивительная странность: почти все (если не все!) реформы, проводившиеся с 90-х годов, обернулись именно таким образом. Но зачем их тогда проводить? В принципе я не против реформ, какие-то необходимые изменения в разных сферах со временем сама жизнь диктует. Однако недаром я обратился в “Правде” к “реформаторам”: “Если вознамерились

что-то изменять, то улучшайте, а не ухудшайте!» К сожалению, не очень меня услышали» [35].

По итогам контрольных работ, проведенных в начале 2017 года во вторых классах 30 тыс. школ, выяснилось, что почти все дети хорошо ответили на тестовые задания. Однако 70% из них не смогли выполнить более творческое задание: составить предложения из слов, которые им предложили [216].

«Неумение составить предложение – показатель несформированности навыка письма и письменной речи. Фактически плохое владение родным языком. Это неудивительно, так как исследования нашего института показывают, что к началу обучения в школе от 40 до 60% детей имеют несформированную речь – бедный (очень бедный) словарный запас, неумение грамматически правильно строить предложение, неумение задавать вопросы и отвечать на них. Пересказывая события, мультфильмы, сказки, дети используют не развернутые предложения, а отдельные слова и междометия. Разумеется, в стандарте выделены задачи развития и устной, и письменной речи, но то, как это реализуется, дает тот результат, который мы имеем», – говорит профессор М.М. Безруких в беседе с О. Греховой [216]. А на следующий вопрос журналиста. «Можно ли эти проблемы объяснить особенностями целого поколения? Неспособностью этих детей сосредоточиться? Дефицитом родительского внимания? Постоянной погруженностью в гаджеты?», Марьяна Михайловна ответила: «Точно это не проблема поколения, то есть детей. Это проблема образования. Той системы, которая плохо учитывает возрастные особенности формирования сложнейших базовых навыков – письма и чтения. Форсирование темпа обучения, недостаточный учет индивидуальных особенностей развития детей, а сегодня в связи с инклюзией ситуация становится еще сложнее, общая интенсификация учебного процесса становятся препятствием для эффективного формирования навыков письма и чтения. О чем говорить, если детей не учат читать «про себя», их учат, от них требуют артикулированного чтения вслух, а потом они как-то должны научиться читать «про себя», но артикуляция и проговаривание сохраняются, что тормозит увеличение скорости чтения. А объем растет. Что касается погруженности в гаджеты, то это не причина несформированности навыка письма и чтения. Это скорее фактор отвлечения внимания, но мы могли бы использовать интерес к гаджетам. Больше того, я убеждена, что нужно срочно – промедление здесь недопустимо – разработать технологию обучения письму с использованием клавиатуры.

Мы должны быть готовы к тому, что не будет необходимости писать ручкой» [216].

Народный артист СССР, профессор, член-корреспондент Российской академии образования Ю. Соломин признался: «...прямотаки кричу, что непосредственно сталкиваюсь с результатами «реформы», которой подверглась наша отечественная школа, признанная в советское время лучшей в мире. С тех пор, как эта «реформа» началась, год от года абитуриенты, приходящие к нам, все хуже и хуже знают литературу, все хуже знают русский язык. Есть среди них и способные, но – нет кругозора, мозги не работают, речь скатывается к сленгу...

И мне понятно: неразумное сокращение часов на преподавание литературы и русского языка, отмена экзаменов по этим предметам, отмена сочинений и введение ужасающего ЕГЭ, то есть все, против чего я рьяно выступал, делает свое черное дело» [36].

Теперь творческая работа народа резко снизилась. Это заметно во всем. Надо вздуматься: раньше новое техническое решение буквально подхватывали семинары, конференции, выставки, печать – вся государственная система, только давайте решения! Теперь автору изобретения надо потратить изрядное количество энергии и денег для его проталкивания к реализации. И деньги немалые. Получается порочный круг. Парадокс: стране нужен прогресс: все новые и новые технические решения, без которых она не может существовать, а рождение нового глушится в своем зачатке, в самой системе, созданной руководителями этого ведомства, правительством страны.

А как обстоят дела в этом направлении в ведущих капстранах, в цифрах?

Прежде всего, сошлемся на мнения специалистов, например доктора экономических наук Н.И. Иванову (завсектором Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук). Она пишет: «Системные преобразования 90-х в России привели к глубокому кризису науки и инновационной деятельности. Из прямых сопоставлений деятельности стран США и России следует, что разрыв с США представляется особенно драматичным. Например, внутренние затраты на НИР США в 1999 году составили: 243,5 млрд долларов, в расчете на душу 892 доллара США. У России – 70 долларов США. Другими словами, США вкладывают в научно-исследовательские работы в 24 раза больше, чем Россия, Япония – примерно в 10 раз, Германия – в среднем почти в 5 раз. Глобальной тенденцией расходов на научно-технические разработки стало их

наращивание. Лидером этих процессов являлась Швеция, где наукоемкость на уровне 3,7% (2001 г.), в Японии – 3,0. Современные индексы GCI показывают, что Россия попадает в группу стран с низким уровнем развития. По всем составляющим технологий – 60 место» [560].

В последние 30 лет обобщающий показатель уровня цивилизованности различных стран в специальных докладах Программы развития Организации Объединенных Наций получил название индекса человеческого развития (ИЧР), или индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Согласно расчетам Центра изучения человеческого капитала при Федеральном институте развития образования Минобрнауки России, во второй половине 1980-х годов по рейтингу человеческого развития СССР входил бы в десятку мировых лидеров. В постсоветский период этот показатель и у России, и у Молдовы резко снизился. В 1992 г. Россия получила в рейтинге 34-е место, а Молдова – 75-е. Согласно докладу, построенному на данных за 2008 год, Россия оказалась уже на 65-м месте, а Молдова – на 99-м [514]. Разрушение советской цивилизации ни для кого даром не прошло. Вместо обещанной передовой Европы бывшие республики СССР получили в лучшем случае латиноамериканский, а чаще – афроазиатский вариант.

В области образования интеллектуальная катастрофа отразилась, в частности, в результатах двух опросов, выполненных по методике Евросоюза. Опрос 2007 года показал, что 28% граждан согласны с утверждением, что Солнце – это спутник Земли; в 2011 году этот показатель составил уже 32%! Каждый год на 1% увеличивается число людей, для которых Коперника не существовало [514]. И не случайно тогдашний министр образования и науки Андрей Фурсенко в рейтинге популярности членов российского правительства регулярно занимал последние места – ниже «нежно любимого» российским населением министра финансов.

Доктор экономических наук Н.И. Иванова пишет об инновационной апатии в России. Выводы: масштабы и значение инновационной экономики в России пока несопоставимы с ее размерами в США, Европе, Японии... Коэффициент изобретательской активности россиян по числу патентов на 10 тыс. человек составил в 1998 г. 1,13, что значительно ниже, чем в странах-лидерах. Например, в Японии он составил 28,3; Корея – 10,9; Германии – 5,8; США – 4,9 и т.д. Коэффициент распространения – отношение поданных заявок за рубежом по сравнению с США несоизмерим!

Сегодняшним молодым людям очень полезно услышать Ю.М. Соломина, который говорил о том, что в СССР «воспитывала вся атмосфера жизни. Вот мы бегали, играли в войну – и это было воспитание. Смотрели взахлеб патриотические фильмы, спектакли, слышали по радио прекрасные песни.

Ну и, конечно, школа. Я уже не раз в беседах с вами вспоминал родную свою читинскую школу № 5, однако и сейчас не могу не сказать о ней, хотя вряд ли она для своего времени была какой-то особенной. Я начал учиться в 1943 году, а до сих пор помню всех своих учителей» [35].

Учителей своих помнил и М. Карим. Будучи учителем по образованию, он прекрасно ориентировался в проблемах учительского труда. Учиться поэт пошел в 1937 году. «В те годы, – вспоминал он, – учитель отличался своей опрятной одеждой и красивым обликом. Это означает, что нищая тогда советская власть оплачивала труд учителя так, чтобы он мог достойно жить и чувствовать себя педагогом» [162, 28].

О том же А.А. Зиновьев, живший в одной эпохе с Мустаем Каримом: «Уровень преподавания в школе был чрезвычайно высоким. Я думаю, что к концу тридцатых годов советская школа в той ее части, в какую входила наша школа, достигла кульминационного пункта. Школьный учитель еще оставался по традиции одной из самых почетных фигур общества. Учителя были высококвалифицированными и энтузиастами своего предмета. И нравственный их уровень был очень высоким: они служили образцом для молодежи» [234, 80].

М. Карим был прав, когда он неоднократно подчеркивал, что в СССР был культ учителя. Могут об этом говорить и те, кому сегодня за 60–70 лет.

Но с горечью поэт отмечал, что со временем учительский труд потерял свою привлекательность [402, 468]. «Тут, – размышлял М. Карим, – конечно, были социальные, нравственные, житейские причины. Много причин. Были и есть огромные просчеты государства, приведшие это сословие в разряд убогих, ибо высокие ступени общества облепили казенные чиновники, златоустные политики и, разумеется, банкоматы. Так называемые средства массовой информации ничтожно мало делали и делают для поддержания и поднятия престижа этого самого благородного легиона» [402, 468]. Известно размышления поэта о том, что мы, если молодежь «в чем-то упрекаем: в черствости, бездушии, пассивности – это значит, мы их недостаточно учили, не доглядели. Значит, и сами немало в этом повинны» [326, 43].

До войны, по собственному признанию поэта, он не знал учителя, который содержал бы скот. «В этом есть маленькая закавыка, – писал М. Карим. – Учитель говорит: «Шамсулла, почему ты плохо учишься?». «Но и что, вот Вы, будучи учителем, занимаетесь навозом, а я и без учебы могу чистить навоз. Чтобы убирать за коровой мне знания не нужны», – отвечает ученик. А сегодняшний учитель без домашней живности прожить не может. Поэтому-то учителя измельчали. Их унизили» [162, 29]. Не это ли является следствием того, о чем М. Карим размышлял: «...когда ученик знает столько же, сколько и учитель, то положение учителя становится довольно-таки сложным» [393, 280]. И в связи с этим поэт делает следующий вывод: «Если кому-то надо платить достойную зарплату, то это учителям и врачам. Учитель – это даже не образ жизни, это диагноз. Для меня профессия эта – настоящий подвиг! Надо каждый день ходить на работу. Представь себе: он ... нет, чаще она – кстати, почему “она”? Потому что более терпелива. Так вот, каждый день она приходит в класс, созерцает не слишком-то смысленные физиономии, объясняет из года в год одно и то же. А потом возвращается домой и исправляет в тетрадях все те же ошибки. С ума сойти можно!» [515]. Вместе с тем поэт говорил, что часть, не все учительство, «как-то опустилось ниже самой себя в смысле кастового достоинства, стала более подверженной веянию обывательщины. Это – печальное явление. Но в то же время, ради справедливости, отмечу, что эта же прослойка нашего общества – учительство – за годы хаоса в целом оказалась более стойкой в отстаивании своих нравственных установок и чести профессии. Это тоже неоспоримо» [402, 468].

Поэт отмечал, что в последние годы изменились взаимоотношения учителей с родителями. «В те, – писал он, – простые времена за плохую учебу и дурное поведение своих детей стыдились, чувствовали себя виноватыми родителями. Нередко просили у учителей прощения. Это я знаю, ибо в нашем роду было много учителей. Теперь, сказывают, в большинстве случаев родитель приходит с обвинением к учителю за свое нерадивое избалованное чадо, требуя лучшей оценки. В таких случаях, будь я учителем, сказал бы: «Ты своей рукой положил его в колыбель, за руку повел его в детсад, за руку привел в школу. Материал твой. Давай, поделим вину хоть пополам»» [245].

Пожалуй, первыми получают удар по всей жизни и своему призванию учителя – теперь исполнители «преподавательских услуг». В годы наибольшей наполняемости школ учащимися эти услуги

оказывали около 1800 тысяч учителей, в 2011 году, например, их немногим было больше 1 миллиона. Почти 800 тысяч преподавателей потеряли работу – такую уважаемую в народе и так не ценимую нынешней властью, многих из них видим на барахолке, зарабатывавших на жизнь любым способом, не требующим таланта педагога [470].

М. Карим однажды заметил, что во все времена у всех народов была дедушкина-бабушкина академия, которая передавала нравственные ценности от поколений к поколениям [588]. Эта академия в настоящее время «почти распалась» [588]. Между тем это была великая школа жизни, через которую прошел сам Мустай Карим и передал детям.

Дочь поэта Альфия Мустаевна вспоминает: «Нас с братом Ильгизом никто специально не воспитывал. Впрочем, один случай помню, когда мне “попало”. Мы были детьми, поехали ночью на лошади в Кляшево. Тьма кромешная, а мы довольные, еще подсолнухов по пути надрали. Папа нас с добычей сурово встретил, сказал: “Это же воровство! Люди сажали, старались, а вы...” Я так расстроилась, не поняла тогда, что пошутил. Ну какой там убыток – пара подсолнухов?!» [12].

В семье поэта дети выросли самостоятельными и никто их не ограничивал. «Родители, – говорит Альфия Мустаевна, – всегда были заняты, нас никогда не опекали. Время все-таки было другое. Я жила как хотела. Одна по городу гуляла, будучи первоклассницей. Ильгиз вообще уехал поступать в мореходное училище, не закончив десятый класс. На нас не давили, неусыпное око за нами не следило.

Мы видели, как живут родители, и в своих семьях отношения старались строить так же. Отец всегда говорил, что есть птицы певчие, есть – ловчие. Все три внука – Айгуль, Булат и Нияз – из певчих. На них нельзя кричать или наказывать, можно объяснить или договориться» [12].

В 2011 году Европейская комиссия – высший орган исполнительной власти Евросоюза – созвала группу экспертов, которая занималась «улучшением навыков чтения и письма у граждан, поскольку миллионы жителей Старого Света, как выяснилось, не умеют читать и писать.

В ходе одного из проведенных исследований удалось установить, что в странах ЕС каждый пятый 15-летний подросток испытывает трудности с чтением и письмом, а треть взрослого населения умеет читать и писать лишь на уровне начальной школы. Только в Италии проживают 6–7 миллионов человек, которые вообще неграмотны, причем большинство из них – пожилые люди.

Между тем проблема эта касается не только Европы. Так, в Соединенных Штатах Америки 32 миллиона взрослых граждан (по данным федерального Бюро переписи населения США, по состоянию на январь 2009 года численность населения страны составляла 305,7 миллиона человек) не умеют читать и писать, из-за чего испытывают трудности при устройстве на работу. При этом многие убеждены, что Бетховен – это собака, Микеланджело – компьютерный вирус, а такой страны, как Чехословакия, никогда не было на карте мира. Не на этот ли пример ориентированы российские власти с их ЕГЭ и новыми стандартами образования?

Американская общественная организация «Пролитераси» обратилась к конгрессу США с призывом включить в пакет мер по поддержке экономики страны финансирование программ повышения грамотности взрослого населения [5].

Здесь мы должны отметить вот что. Мировая наука непрерывно оплодотворяется разумом России. Именно мы дали миру отношения, в которых, помимо денег, страсти потребления, инстинктов размножения и барыша, существуют и что-то значат: любовь к человеку, душа, готовность жертвовать собой ради справедливости, поклонение разуму.

Сохранилась стенограмма рассуждений Гитлера 4 апреля 1942 года, и вот что читаем в ней: «Для нас было бы вредно, если бы русские, украинцы, киргизы и т.д. умели читать и писать. Школы, правда, нужно им дать, и они обязаны будут за них платить (как сейчас! – **И.В.**), если будут ими пользоваться. Но самое большее, чему следует обучить в этих школах, это правила личного движения. Обучение географии должно быть сведено к тому, что столица Рейха называется Берлин, арифметику и так далее не нужно вовсе. В наших интересах, чтобы в каждой деревне была своя секта. Даже если таким образом в тех или иных домах возникнет колдовство, мы будем это только приветствовать» [254].

До чего похоже нынешнее нашествие колдовства и прочего мракобесия в нашей стране на те планы и мечты Гитлера!

А.А. Зиновьев подчеркивал, что в советской школе особенно хорошо преподавали математику и литературу. «И очень многие ученики стали одержимы ими, – продолжает он. – Я был в их числе. Литература, наряду с математикой, считалась у нас основным предметом. Помимо произведений, положенных по программе, учителя заставляли нас читать массу дополнительных книг. Да нас и заставлять не надо было: чтение было основным элементом культурного

и вообще свободного времяпровождения. Мы читали постоянно и в огромном количестве.

Значительную часть нашей духовной жизни составляла дореволюционная русская литература. Мы основательно изучали, конечно, произведения советских писателей. Причем мы не просто читали их. Мы вели бесконечные разговоры на темы их произведений и о достоинствах этих произведений. Это было, возможно, потому, что мы прочитывали все их произведения. Такого внимательного и жадного до чтения массового читателя, какой появился в России в тридцатые годы, история литературы, наверно, еще не знала» [234, 80–81].

Интересен вывод Александра Александровича: «Хотя мы основательно изучали русскую литературу и историю, мы не становились националистами. Нам всячески прививалось интернационалистское самосознание. И на многих из нас (в моем окружении – на большинство) более сильное влияние фактически оказывала западноевропейская культура и история. Это было продолжение традиции, возникшей еще в прошлые века, очень сильно развившейся в 19 веке и достигшей высочайшего уровня именно в послереволюционные годы. Причем читали эти сокровища мировой литературы люди всех слоев, возрастов и уровней образования. И не только художественную литературу, но и исторические книги, научно-популярные, книги о культуре, социально-политические. Одним словом, многие из нас выросли с самосознанием людей западных, с величайшим уважением к западной цивилизации. Подчеркиваю, с уважением, а не с тем холуйским низкопоклонством, которое стало формироваться позднее и по другим каналам. Это низкопоклонство потом затмило наше уважение, сохранявшее достоинство и гордость людей советских» [234, 81].

Подняли голову, расплодился люди, паразитирующие на авторитете точных наук и никогда не умирающей тяге к «окультурным наукам». Гороскоп стал частью джентльменского набора для серьезных изданий. Объявления о приворотах, снятии и наведении порчи, предсказаниях судьбы, чудесных исцелениях, мгновенных обучениях языкам, музыке и менеджменту, воинственные в своей антинаучности, стали столь же частыми и откровенными, как соседствующие с ними предложения досуга, массажа и саун, не прикрытые даже фиговым листком благопристойности.

Когда-то Александр Васильевич Суворов, не только великий полководец, но и блестящий военный педагог, сказал: «Тяжело в учении, легко в бою». Эти слова относятся не только к военной службе.

Учиться должно быть радостно, но радость эта состоит прежде всего в преодолении трудностей. По отношению к математике скажем, что легкой математики вообще не бывает, если что-то очень уж легко, то это не математика (об обыкновенных людях, а не о гениях). Но почему математика? Разве бывают легкими успехи в балете? В искусстве вообще? В спорте? В творчестве? Конечно, нет – всюду труд, тяжелый труд овладения навыками, тяжелый труд познания! Ребенок улыбнулся, наконец-то поняв доказательство трудной теоремы? Он испытал радость победы, одолев задачу, которая еще вчера не решалась? Школа должна обеспечивать эту радость, только тогда в ней интересно учиться. А без интереса, без увлечения процессом познания само познание невозможно!

Разговоры о перегрузках связаны вовсе не с перегруженностью программ. Можно отлично рассказать о разбитом под Полтавой Карле XII, понятия не имея об одиннадцати предыдущих Карлах. Можно с блеском прочитать «Старик Державин нас заметил...», почти ничего не зная о Гаврииле Романовиче. Но попробуйте в восьмом классе решить квадратное уравнение, не зная материал шестого класса об уравнениях линейных. Ребенок тогда болел, пропустил урок, пробел так и остался, у него перегрузка. Кто виноват? Скорее всего, нарушение принципа систематичности и последовательности обучения, но никак не никуда не годная советская школа.

Призыв начать сокращение программ, облегчить учебу, учить только тому, что детям понадобится, крайне опасен для будущего нашей страны. Оно, наше будущее, в глубоких и содержательных программах, в подготовке настоящих педагогов, в организации трудной и радостной учебы для всех, прежде всего для кухаркиных детей.

Любой учитель (независимо, историк он или нет) в какой-то степени занимается преподаванием истории и соответственно формированием мировоззрения ребенка. Потому что значительная часть материала, который он преподает, относится к истории человеческой мысли: закон Ома, теорема Пифагора, таблица Менделеева – все пропитано историей. Литература – это вообще история человека в вечности. География представляет человека в пространстве, а история – во времени. В самой истории лежит важнейший побудительный мотив – познать самого себя, увидеть в ней родное до боли, знакомое каждому ребенку, и тогда состоится его встреча с историей.

Дискуссии и споры не должны вестись на страницах школьных учебников, историки-профессионалы должны договориться между собой о базисных исторических ценностях. У нас должны быть единые

цели исторического образования, а вот средства их достижения могут быть различными. Должны быть незыблемые ценности, такие как в Америке (например, государственный флаг и гимн). Там на эти ценности никто не смеет посягнуть. Что касается учебников, то дело не в числе, а в качестве. Впрочем, один стабильный учебник мы имели – краткий курс ВКП(б). Ложь, что в 60–70-е годы все учились по единому учебнику. Было несколько линий, а экспериментальных – десятки. В высшей школе по истории СССР советского периода было 5–6 учебников на выбор.

И еще. На протяжении почти целого школьного поколения постсоветского периода продолжался рост числа учащихся. По всей стране их численность достигала 21,7 миллиона в 1997 году, и в 2010-м сели за парты лишь 13,2 миллиона детей. Россия на этот год потеряла 8,5 миллиона своих будущих творцов и защитников – эта катастрофическая убыль сегодня очень заметна в опустевших классах уцелевших школ, а завтра она заявит о себе зияющими дырами в рабочем и ратном строю, запустением многих веками обжитых просторов нашей Родины [470].

Капитализм в самой вызывающей форме утвердил классовое неравенство, внес раскол в детство. Не только созданием платных школ для детей захватчиков общенародной собственности, но и нищетой большинства семей ограбленных трудящихся и их детей. Хотя и в уменьшенном виде, это отражается официальной статистикой. В малоимущих семьях числится около 2,5 миллиона детей в возрасте до 6 лет и до 7 миллионов в возрасте от 7 до 15 лет [470]. А вплоть до окончания средней школы сколько? 16–17-летние старшеклассники из нищих семей – как они чувствуют себя в 10–11-м классах, перед своими одноклассниками, девушками и юношами? Могут ли они считать свое детство счастливым?

Можно ли считать утешением, что нищие все больше остаются бездетными? В 2009 году 65,4% малоимущих домашних хозяйств остались без детей, а еще 22,5% имели лишь одного ребенка. Вот разгадка вымирания и неминуемого исчезновения великого народа под игом обманно навалившегося на него капитализма [470].

Программа «Постскриптум» 30 января 2010 года сообщила, что в России от алкоголя умирают ежегодно 400 тысяч человек.

А сиротство – обделенное счастьем детство? В 1990 году при почти вдвое большей, чем теперь, численности детей из них меньше 50 тысяч были сиротами – чаще всего остались без отца-матери. А при насаждении капитализма даже официально признаны как

«оставшиеся без попечения родителей» почти втрое больше детей. Вернулось военное лихолетье?

Да, идет особая война против нашего народа. Ее самое кричащее проявление в школе – «употребление психоактивных веществ». Немало несчастных детей преступники «сажают на иглу», и они уже до 14 лет попадают на учет как наркоманы, а количество таких старшеклассников уже в президентство Путина перевалило за 2 тысячи в год.

Советская школа – это была новая школа, к 1 сентября в 1990 году их было построено на 515 тысяч учащихся, в 2009-м – только на 77 тысяч, теперь советскую годовую норму выполняют за 7 лет [470].

Сегодня ежегодно тысячами закрываются школы. А ведь даже в годы Великой Отечественной войны открывались школы. Так, Пятер-Арслановская средняя школа Стерлибашевского района была открыта в 1943 году. В том году учителя целый год добровольно работали бесплатно, чтобы только заработала школа. В настоящее время это среднее учебное заведение перешло на 5-летку.

Люди научились доставать из глубин Земли ценнейшие минералы, уголь, нефть, а отдавать природе – свои отходы. Их миллионы тонн! А человек – называется разумное существо! – не особенно-то и заботится о том, что с ними делать. Все некогда! И все это результат гонки, все это результат жажды лидерства на Земле. Это свойственно сути движения капитала и ненасытных желаний быть властелинами мира. Это – капитализм!

Надежды, что капиталистический мир бескорыстно протянет нам руку помощи, нет! «Помощь» только под проценты! Другого не дано. Попытки увидеть человеческое лицо капиталистов тщетны. Не будут они восстанавливать наши заводы, КБ, НИИ, нашу морально-нравственную культуру, наше общество, которое начало формироваться в совсем не далеком прошлом.

«Все поэты всегда так или иначе спорят с действительностью»

Мустай Карим [444]

Если времена своей молодости М. Карим выразил словами:

*...Родилось наше время в огне и в дыму,
В жарких битвах и пламенных песнях...
В эту ночь родился в неприметном дому
Нашей славной эпохи ровесник [305, 275],*

то в последние годы своей жизни поэта обуревали уже другие мысли: «Нынче времена другие. Хорошее забывают, дурное по шепотке выковыривают и на все лады склоняют → теперь это в обычай вошло, жизненным правилом стало» [409, 12–13].

Сказанное поэтом стало правилом с началом так называемой «перестройки» и составной ее части – гласностью.

Гласность представлялась неким средством улучшения деловой жизни народа. В какой-то степени это так и должно быть. Но возможности гласности явно были переоценены, а понятие о ней существенно извращено. Гласность только тогда может быть надежным инструментом информации и улучшения формирования общественного мнения, когда она имеет своей целью улучшение условий жизни людей, выполняет известный завет – сеет разумное, доброе, вечное. Что же и как сеем мы в нашей гласности?

Посеяли в народе чувство стыда к своей истории. Можно совершенно уверенно утверждать, что если взять вековую историю любой страны и препарировать ее, выбрать одно плохое, мир содрогнется от такой кучи грязи! Достаточно сослаться на Соединенные Штаты Америки. Сколько войн возникло за 70–80 лет по вине этого государства, какой неистовый разгул бутлегерства, мафии и преступления нефтяных и иных баронов демонстрирует нам эта страна. А кровь скольких невинно убиенных в ней, в том числе беспомощных индейцев и негров, взывает к отмщению. Такое же положение в Германии, в Испании, в других странах...

Или вспомнить, что воспринимаемая ныне как гуманнейшая конфессия христианская церковь сжигала тысячи людей на кострах инквизиции, топила младенцев, под ее флагом во Франции убивали гугенотов, огромное количество людей было уничтожено крестнос-

цами, еще больше погибло в многочисленных крестовых походах... В средние века это была обычная, распространенная система взглядов. А мы высокомерно и нагло осуждаем своих предков, свою историю. А разве можно ее ревизовать? Но наша гласность делает это без зазрения совести, выставляя, с явной целью привить комплекс неполноценности населению, самые неприглядные моменты, раскрашивая их самыми отвратительными красками, а нередко и искажая для большей отвратительности.

А ведь в нашей стране ситуация была особенно острой и сложной. Первая в мире страна с новым общественным укладом. С самого начала ее пытались любым способом уничтожить. Но это не удавалось. По крайней мере до настоящего времени, когда ее делают все более беспомощной и нежизнеспособной. За это же лишены достоинства и заслуг перед народом, перед страной все наши старики и те, кто ушел в вечность. Пытаются даже вывалить в грязи и те миллионы людей, которые погибли в годы Отечественной войны. Уже появились люди, которые стыдятся участия в ней. Только вдумаемся – защита Родины в те годы стал делом постыдной! Зато бесстыдно и гласно требуют реванша националисты и убийцы – бандеровцы и иные реваншисты. Это ли не позор для нашей гласности.

Любое общество сильно, когда у него есть общие цели существования. Эти цели были и у нас. Была и вера в лучшее будущее. И нет никаких обоснований для их ниспровержения. Социалистические идеалы не опровергнуты, они только оплеваны. А это совсем не одно и то же... Но массы населения дезориентированы, лишены веры во что бы то ни было. Любая дезориентация – это преступление перед людьми. Утверждение же денег приматом веры грозит разложением обществу. Не может существовать и нормально жить общество, идеалом которого стали деньги.

Однажды пришлось читать, как корреспондент газеты разгромил учителя, который позволил себе не согласиться с его мнением по одной из школьных проблем. Как только он не позорил бедного преподавателя. Да разве это позволительно – публиковать в газете такие вещи, когда знаешь, что твоему противнику в печать не пробиться. Самое подлое, что может быть, это избивать противника, который не может ответить. В нашей гласности это происходило часто, делалось зло, бесчестно и безнаказанно. Средства информации считали, что они все знают лучше всех и могут судить обо всем в последней инстанции. А поскольку возвращаются в них одни и те же люди, обоснованно утверждать, что создана особая, весьма опасная кастовая

монополия информации, по существу информационная мафия. Это страшнее бандитизма и рэкетирства [509].

«Что касается независимости газеты («Исторической газеты». – *И.В.*) от государственных структур, то у меня иное мнение. Не лучше ли будет, если ее станет опекать государство», – писал М. Карим в редакции вновь организованной газеты [246]. Это, осмелюсь утверждать, ошибочное мнение поэта: в те 90-е годы прошлого столетия от опеки ельцинской власти нельзя было надеяться на объективность.

К этому можно добавить, что все утверждения о независимости наших средств информации – явная ложь. Все наши газеты, за редким исключением, телевидение, радио сейчас стараются главным образом заработать деньги – вот они и те, кто ими обладает, и являлись хозяевами такой гласности. Рабочий не может оплатить статью. Миллионер может оплатить газету или ее часть, дать рекламу и щедро ее оплатить. Может дать бумагу, рыночная цена которой исчисляется многими тысячами. Быстро и с повышенным тиражом раскупят газету, наполненную сексом, «жареными» фактами, – вот и вся цена независимости: чем издания «жестче», тем выгоднее.

А разве не наша извращенная гласность стала стимулом национализма, сведения счетов, пропаганды низких пороков, раздувания самых разнообразных скандалов и истерии. Десятками лет мы жили и не думали, что с нами рядом живут армяне, евреи, греки, турки... какая разница – лишь бы люди были хорошие. Теперь мы все оказались разобщены. Откуда-то национализм возник. Это ведь только какой-нибудь недоумок может считать, что все это случайность, это прямое следствие нашего великого завоевания – гласности, в ее самом непотребном и неразумном виде, когда анархия выдается за демократию, ограбление за законность. Дополнением к этому является безнаказанность преступников, которую выдают за гуманность [509].

В своем письме критику из Ленинграда В.А. Шошину Мустай Карим с грустью констатировал: «Хочу я сказать, что восстанавливая справедливость по отношению тех, кто был в опале, пострадал, даже поплатился жизнью, непременно это мы делаем, унижая, упрекая, обвиняя других, у которых не было подобных трагедий. За то, что ты, воюя, не попал в плен (хотя ранен не единожды), работая в литературе, гонениям не подвергался (других тоже не подвергал), живя среди людей, был активен, – за все это на тебя иной раз смотрят с подозрением. Почему в плен не попал, почему преследованиям не подвергался, почему был активен в общественной жизни? Более того, за

твои боевые награды, за всякие знаки, чем отмечено твое творчество, тебя уже начинают стыдить. Тот, кто ничем не отмечен, считает себя человеком высшего сорта (дескать, он не пачкал себя знаками отличия). Самое интересное то, что эти же люди дерутся, чтобы стать членами комитета местного профсоюза.

Все эти грустные мысли приходят, когда то там, то тут услышишь огульное охаивание умерших наших писателей. (Я не говорю о жестоких литераторах прошлого, которые именем партии и народа сознательно и злонамеренно расправлялись со своими товарищами по перу).

Вот уже добираются и до Тихонова. Этот благороднейший человек, истинный русский интеллигент изнутри согрел наше многоязыкое писательское братство. Мало ли какие недомолвки при жизни были между Фадеевым и Шолоховым, между Шолоховым и Симоновым и т.д. За это их теперь судить что ли? Тогда нужно посылать повестки Л. Толстому и И. Тургеневу для окончательного выяснения их взаимоотношений, чтобы вынести суровый приговор» [307].

Вспомним 1985 год – как все это началось и что тревожило страну? Речь шла о замедлении темпов роста национального благосостояния, о принятии срочных мер по регулированию хозяйственного механизма в стране для восстановления этих темпов. Цель при этом провозглашалась одна – повышение благосостояния всего народа, а не наращивание богатства жуликов, спекулянтов, казнокрадов, теневиков, так как только они имеют капитал, который можно умножать и наращивать. Никто даже не заикался о возрождении капитализма и углублении в стране имущественного неравенства, о расслоении граждан по признакам владения собственностью. И потому стало возможным начать преобразования в стране – все население было уверено, что они производятся на благо прежде всего трудового народа, то есть каждого гражданина страны. А если бы «апостолы перестройки» сразу объявили населению страны, что будет реставрироваться капитализм, создаваться и пестоваться безграничное частное предпринимательство, – мандата на это не получил бы никто. И если сегодня нас уверяют, что именно это и предусматривалось с самого начала, то это настоящий обман. «Перестройка» свернула со своего первоначального направления, отбросила свои ведущие цели и идеологию с того момента, когда сделала поворот от народа к предпринимателям, от граждан к толстосумам, от всего населения к избранным нуворишам. Сделано это прямой подменой причин и следствий.

Целью и причиной «перестройки», возникновения ее идеи в начале было благо всего народа. Следствием этого, средством достижения указанных целей признавались рынок, приватизация, гласность. Так было. Сейчас о благе народа забыли. Все вращающиеся в верхних эшелонах власти «мудрецы» провозглашают целью (именно целью, а не средством) нынешних преобразований рыночную экономику и приватизацию. Разница с первоначальной позицией огромная и принципиальная – это диаметрально противоположные отношения к людям [509].

М. Карим неоднократно говорил и писал о том, что, когда была объявлена «перестройка», он растерялся. «Я, – писал он, – знал до этого куда шел, у меня были свои принципы, свои надежды, и вдруг мне сказали: “Ты неправильно идешь! Иди в никуда...” Вернувшись после перестроенного съезда, выступая перед большой аудиторией в Уфе, я сказал, что перестраиваться не буду. Я честно жил и работал для литературы и мне нечего менять. Пускай подлецы и казнокрады перестраиваются. Они и перестроились. Точнее, как всегда, они пристроились. Потрясения всегда выдаются неистовыми и нетерпеливыми людьми. Потом терпеливые и созидательные умы все приводят обратно в гармонию. Никто не думал в эти годы о последствиях. Мысль должна быть свободной, а поступок – обдуманым. Мы выпустили на свободу зверинец. Мы сами унизили себя. Несколько лет назад нас признавали великой страной. Сегодня принимают за убогих» [402, 585].

*Я вижу: Солнце топчется на месте,
И вхолостую кружится Земля.
Нет века, года, дня... С безверьем вместе
Безвременье сегодня у руля [400, 12].*

Эти пронзительные строки Мустая Карима в полной мере передают его внутреннее состояние в те годы.

«Иные, – сказал однажды мне писатель, – ищут выхода из всякого тупика через разрушение, низвержение, осквернение». Эта же мысль была высказана им еще раньше, на VII съезде писателей РСФСР: «Теперь мало кто говорит по существу. Принято больше толковать о процедуре, регламенте, альтернативе... И я, наверное, не исключение. Кстати, об альтернативе. На вопрос: «Что такое альтернатива?» – один простак ответил: «Это значит – ни вашим, ни нашим». А ведь, если подумать, нет альтернативной сути вещей. Она

одна. Надобно ее постигать. Сейчас это – прежде всего – вопрос выживания искусства, вопрос духовного, нравственного выживания людей. Как можно скорее надобно остановить процесс самопожирания духа, который более роковой, чем смута и мор, что нам настойчиво пророчат. Смута и мор авось минуют. Умерщвленный дух не воскреснет» [307].

М. Карим в те смутные времена имел полное право утверждать, что людей ведут в основном отрицательные эмоции. «Я могу, – писал он, – говорить сегодня красивые слова тургеневским языком, мне скажут: “идиот”! Отрицательные эмоции находят сторонников. Созидательные личности сегодня больше молчат. В смутное время всплывают низменные страсти и чувства: неудовлетворенная жажда власти, неутоленная месть, несведенные счета в плане человеческого общения и в плане отношения гражданина и государства. На празднике все стараются быть лучше: красивее, наряднее, общительнее. И нормальное течение жизни тоже праздник. Жить на свете – праздник! Но когда это течение нарушается, уходит праздник. Над нами сегодня не властвуют умы. Было время, когда сознанием людей владели гении, духовный облик общества определяли властители дум. Если мы забудем вечную категорию Властитель дум, нами будет управлять Обыватель» [402, 583].

На вопрос: «Что вы думаете о переменах последних лет? Куда идет страна? Ельцин дал большие полномочия регионам, младореформаторы сулили бум в экономике, но пока богатые богатеют, бедные беднеют...», М. Карим ответил: «Что я пережил за первые 5–6 лет перестройки – страшно говорить. Если человек в ладах со временем, в котором живет, это время в него вселяется обязательно. Так я начал чувствовать, что из меня вытекает время, как кровь из жил.

Пугать себя и других не буду. Когда пришел к власти Горбачев, я сказал: беда, беда пришла! Я знал этого человека. Многие находились в эйфории, в том числе и мой сын. Сейчас мне тяжело об этом говорить» [36, 17].

17 апреля 1998 года в своем письме Гао Ману М. Карим писал: «Смуту и хаос последнего десятилетия я пережил очень тяжело... Главная беда, брат мой, в том, что мое время осталось позади, я перешагнул рубеж и растерялся. Перепутались ценности, на поверхность вышла воинствующая посредственность в сфере творчества, а в сфере экономики – нечистоплотный делец» [548].

Известный наш поэт Евгений Евтушенко, много лет проживший в Америке, был разочарован тем, что происходило в России после

разрушения СССР. В интервью саудовской газете «Аш-Шарк аль-Аусат» раскритиковал развал Советского Союза и тогдашнюю ситуацию в России. Разрушение СССР, говорил он, результат скоропалительного решения, принятого главным образом из личных соображений.

«Я приветствую демократию, которая многие годы была мечтой моего народа, – сказал далее Евтушенко. – Однако я не приемлю демократию, не ведущую к экономическому процветанию. Может ли народ употреблять демократию в пищу вместо хлеба? Могут ли люди в зимнюю стужу отапливать демократией свои дома? Что людям пользы от такой демократии? Они получили свободу слова? Но что от нее толку, если людям нечего сказать?» [29].

Е. Евтушенко почти до последних своих дней читал лекции по русской поэзии XX века в университете штата Оклахома, участвовал в семинарах и литературных вечерах. «Во всех своих беседах с американцами, – говорил он, – я стараюсь убедить их не смотреть на Россию с точки зрения ее “макдональдизации” – скорости распространения ресторанов “Макдональдс”» [29].

М. Карим как-то написал по поводу российской «демократии»: «В переменах последних лет неужели ничего хорошего не видишь? – спрашиваю сам себя. – Все, что ты говоришь, не ново и каждому известно. Что толку от этого сетования? Толку мало. Но язык всегда вертится вокруг большого зуба, если боль не утихает. Конечно, что-то вижу. Кому-то незаслуженно хорошо, редко кому – хорошо по справедливости. Лично хорошо. По отдельности хорошо, но Родине всей – нехорошо. В разоренной стране счастливым быть невозможно. Конечно, вижу, пробуждается национальное достоинство... Появились признаки свободы волеизъявления. Это – благо. В то же время получило свободу всякое слово. Но это свободное слово порою, мне кажется, схоже с усердием ветра, вертящего жернова ветряной мельницы, в насыпи, которой пусто – ни пшеницы, ни ржи. Вот это сильно огорчает» [402, 440].

М. Карим был уверен, что «в современной России именем демократии разрушают города, вмешиваются в дела других стран. Слово одно – «демократия», цели – противоположные» [489, 31].

После разрушения СССР состоялся так называемый «ликвидационный» съезд Союза писателей СССР. О той атмосфере, которая царил там, оставил свои воспоминания А.П. Филиппов. «Съезд, – он пишет, – кошунственно названный “ликвидационным”, проходил тускло, блекло. Хорохорились на трибуне только “цепные псы перестройки” типа Коротича.

Мустафа Сафич – пасмурный и грустный – выступить отказался. Я подошел к нему посоветоваться.

– Мустафа Сафич, – говорю ему, – в свое время мне пришлось побывать, да и Вам тоже, во многих странах. Вы заметили, что, допустим, во Вьетнаме или Йемене, разделенных на две противоборствующих системы, тем не менее Союзы писателей были едиными. Так вот, не предложить ли эту идею – оставить Союз писателей СССР неделимым и единым? Может быть, Вам стоило бы выступить с таким предложением?

Корифей российской литературы, мудрый Мустай печально посмотрел на меня, тихо произнес:

– Ты думаешь, в Кремле дураки? Все это – обдуманый удар вражеских сил: сначала уничтожили партию коммунистов, затем – великое государство и сейчас добивают единственных защитников правды и народа.

Мне стало не по себе. Я нервничал, поэтому сказал Мустаю:

– Вы – мой свидетель, я не буду участником позорища! Ухожу...

И на его глазах разорвал в клочья мандат делегата пресловутого ликвидационного съезда.

Ко мне присоединился наш башкирский писатель Рамазан Уметбаев. Мы ушли» [548].

В своем письме от 28 сентября 1990 года китайскому писателю Тай Цуню М. Карим подчеркнул безответственность людей «перестроечного» периода: «Дорогой мой брат Тай Цунь! Ты, наверное, меня уже потерял. Долго молчал. Прежде всего скажу, что очень долго шло ко мне твое письмо. Потом я занялся поиском фотографий с изображениями исполнителей ролей в “Прометее”. Писал в разные театры, ответа ни от кого не получил. Они, конечно, где-то есть. У нас, к сожалению, такая обстановка сейчас, что люди перестали быть обязательными и отзывчивыми. Какое-то время безразличия» [307].

Как неоднократно говорил поэт, на протяжении всей истории мира люди искали общество на основе братства, равенства, свободы, справедливости и порой достигали своей цели (Парижская коммуна, образование СССР), но черные силы почему-то в итоге брали верх. Как ни долго стояла наша Советская власть, которую теперь преподносят как самую страшную и жестокую, тем не менее нашлись предательские, губительные силы, и справедливый строй страны Советов рухнул, не успев вызреть и зацвести как справедливое сообщество, не успев избавиться от своих пороков, которые, увы, тоже

были. Неужели это закон человеческого, экономического, политического устройства? Глядя на погрязших в распутстве представителей элиты, на телешабаши разных мастей, я, отмечал поэт, глубоко сомневаюсь в положительном, справедливом пути нашего дальнейшего развития.

В годы «реформ» М. Карим признавался неоднократно, что как-то растерялся. А на вопрос: «А в чем причина растерянности?», поэт ответил: «Ну как-то... не мое время... Время поменялось. Я жил в том времени, в той атмосфере литературной, творческой. Там были несколько другие отношения, другие нормы поведения» [437].

На вопрос: «Мустафа Сафич – человек своей эпохи, эпохи социализма. Изменились его идеалы на рубеже веков?», Альфия Мустаевна ответила: «Не изменились. Тем не менее он был объективен и понимал, что ход времени не остановить. Брюзжания, ворчания не было, хотя тревожило его тогда многое. Во многих вещах он разочаровывался, в перестроечные годы опасался массовых беспорядков, гонений на “левых”. Это у нас, у молодых, на заре перестройки была эйфория, а он интуитивно предвидел многие проблемы, с которыми нам суждено было столкнуться в будущем. Сейчас многие говорят: “Если бы был жив Мустай Карим, у нас в Башкирии многое сложилось бы по-другому”. В чем-то они и правы, для тогдашних людей при высоких должностях он был сдерживающим фактором. Отец с болью наблюдал, как в обществе сбивались нравственные ориентиры, тосковал по прежним временам, когда отношения между людьми были более сердечными. Его расстраивала уродливая демократия, которая сменила пору застоя. Повторял, что от капитализма мы взяли далеко не самое лучшее. Но при этом не был скептиком и умел радоваться. Хотя всегда говорил: “Я больше всего боюсь впасть в старческий оптимизм”» [47].

5 декабря 1990 года на VII съезде Союза писателей РСФСР М. Карим так выразил свое понимание демократии: «...мы писатели – “певцы любви, сеятели добра и наставники народов” – все больше и больше углубляемся в демократизированную многостороннюю вражду. Демократия, как мы вскоре убедились, она, оказывается, хороша для разумных существ. Когда ею владеют неразумные, тогда она опасна и разрушительна. У нас в ауле уже пастухи жалуются, что настолько пошла вглубь демократия, то бишь анархия, что стадные коровы, пораженные всеобщим людским психозом, явно перестали слушаться их, вызываясь своевольничают. Это и объяснимо. Ибо суть природы едина» [410].

Как известно, Р. Рейган объявил СССР «империей зла». Дело Президента США с конца 80-х высоко несут наши доморощенные антисоветчики и либералы всех мастей. По этому поводу М. Карим писал: «Историю нельзя писать в сослагательном плане. Что было, то было. Было и хорошее, и плохое. А так с кондачка развенчивать, охаивать все, предавать забвению добрые дела наших предков – нельзя, это нелепо, по меньшей мере с позиции исторической справедливости.

У истории надо учиться, у такой, какая она была. А ведь против “империи зла” были использованы все методы – и правда, и ложь. Но фактом является то, что все было направлено в нашей стране и за рубежом на то, чтобы развалить поистине великую державу СССР.

Так сильно себя дискредитировало слово “демократия”, оно превратилось в некую ширму для достижения агрессивных, политических целей некоторых западных стран, уничтожения неугодных элементов, захвата богатых сырьевых регионов» [329, 32].

Заслуженный артист РСФСР Ю. В. Назаров говорит: «Что бы я сегодня не видел, в сегодняшнем, визуальном, что ли, искусстве: на экране кино и телевидения, да и журналы, газеты, радио... Пьесы, фильмы, выступления... Психологические, критические, комедийные, трагедийные, трагикомические, сатирические, юмористические, – в общем, что бы ни видел про нашу прошедшую жизнь, нет мне в ней места! Ни мне, ни всему кругу моих общений, соприкосновений с людьми. Вот “Весна на Заречной улице” – это про мою жизнь, хотя я сроду на юге не жил и с металлургией не соприкасался, а фильм – про мою жизнь. В деталях, в подробностях. И “Дом, в котором я живу”, и “Прощайте, голуби!”, и “Простая история”, и “Дело было в Пенькове”, и... и...» [432].

Юрий Владимирович считает, что все сегодняшнее – не про него. «Не про мою жизнь, – продолжает он. – А ведь была она, жизнь! И был круг общения. Друзья, близкие и знакомые мои, деда-землемера, бабки-врача, родителей-теплотехников... 54 года живу в стране. Не обособленно, не изолированно, с кем только не общался, где только не был – от Мукачева до Анадыря и бухты Провидения, от Земли Франца-Иосифа до Таджикистана и Туркмении... Ну ничему этому на наших экранах нет места! Ни кусочка, ни хвостика! Где я жил? С кем общался? Не знаю. Ну все, все, что я вижу сегодня, меня отторгает, не принимает. Все как-то быстро и враз все поняли, перестроились. Что же это я, один такой, дурак дураком, ничего не могу понять и никак не перестраиваюсь? Да нет, спрашиваю друзей, и у них на душе то же самое» [432].

По утверждению Ю.В. Назарова, «...отрицание, обливание помоями, “уничтожение” России (с большевиками, революцией и всем-всем тем, что составляет нашу новейшую историю) – это же отрицание и уничтожение, стирание в грязь и пыль САМОГО СЕБЯ. Если ты рожден Россией, и если то, что мы имеем – гнусь, мерзость, стало быть, это дело рук ТВОИХ предков. Понимаешь: не каких-то неизвестных “некоторых”, а лично твоих. Которые все это либо совершили, либо допустили, либо стояли в стороне, а в конечном счете все равно допустили. Не кто-то, а твои личные предки, от которых ты произошел. Стало быть, кто же ты сам? Ну кто ты рожденный такой мерзостью?» [432]. Отрицаем, забывая, не желая ни понять, ни признать, что все эти происки и эксперименты вершил и проводил не кто иной, как МЫ ЖЕ! Отрицатели сегодня с наслаждением и злорадством обвиняют в жестокости большевиков, стоявших у власти. Но вот факты. Одного из ярчайших теоретиков и практиков террора Б. Савинкова официальное советское законодательство помиловало в 1924 году на суде. Погиб он в 1925 году во внутренней тюрьме на Лубянке, и до сих пор не выяснено, убийство это или самоубийство. Врангелевского вешателя Слащева (прототипа Хлудова в булгаковском «Беге») Советская власть помиловала и предоставила кафедру в высшем военном заведении. А застрелил его прямо на лекции один из слушателей, оказавшийся сыном одного из повешенных Слащевым когда-то...

«Теперь стало много ревизоров» [402, 587]. Этими словами М. Карима можно охарактеризовать все то, что происходит в постсоветской России. И спорить с ревизорами вроде бы и бесполезно: они словно невменяемы. И М. Карим признавался, что и спорить бесполезно. «Все за народ, – писал он, – за демократию – не придерешься. И слева, и справа те, кто ратуют, вроде бы, за процветание человека. Я не нахожу тех, с кем должен дискутировать. А писателю это просто необходимо. Спорить с историей, с мирозданием. Наконец, – чтобы доказать, обрести пусть самую малую истину. Но спор не означает еще отрицания. Во все времена у всякой власти имелась какая-то оппозиция. Только свергать строй стремились далеко не все. Иначе думающие люди нужны были как стимул для развития мысли, для продвижения вперед. Недаром древнейшие ханы, как правило, держали у трона поэтов, которые не только воспевали их достижения, но говорили и не услаждающие слух вещи – ту правду, которую, кроме них, никто не мог сказать. Такую позицию – не свергать, а помогать, созидать, а не разрушать, – и должен, по-моему, занимать творец по отношению к властям.

Спорить же сегодня не хочу не потому, что сказать нечего. Просто сложилась ситуация, когда делать это бесполезно. Многие сейчас отстаивают не собственное мнение, а отсутствие мнения как такового. Как это ни парадоксально звучит, но наступило время отсутствия мнения. Я не говорю о политике – на то она и политика, чтобы преследовать какие-то свои интересы. А вот люди-то должны уметь различать в ней: где ложь, а где правда. Вот это, мне кажется, важно. Потому что сегодня нередко ложь выдается за правду. А правда молчит.

Сейчас очень неопределенное время. У беды должен проглядываться конец. А света в тоннеле, который нам давно обещали, не видно. Самое опасное в том, что мы можем привыкнуть так жить» [401].

Во время войны, на фронте, М. Карим стал коммунистом, а ныне коммунистическую идеологию и символику где-то уже запретили, а где-то готовы запретить, и один за другим сносят памятники советской эпохи.

Действительно, теперь «где-то» на Украине, в Прибалтике и так далее. Но начиналось-то все у нас во время горбачевской «перестройки» предательской «пятой колонной», о которой не может офицер Красной Армии М. Карим говорить спокойно, ибо видит в ней – не без оснований! – ударную силу врагов нашей Родины. Это она утверждала в массовом сознании, что Сталин хуже Гитлера, а советский социализм хуже гитлеризма. Значит, и не было никакой Великой Победы. А уж всяческие «подробности», вроде многократно увеличенных наших воинских потерь, чтобы доказать «преступное» неумение советского руководства и командования вести войну, стали прямо-таки обиходными.

Смею предположить, что процентов на восемьдесят теперешняя деятельность тянет ко дну, развращает и начальников, и подчиненных, обедняет страну и народ, создает атмосферу всеобщего надувательства и беззакония. Не будем уж задевать «грехи» толстовских времен, с которыми совесть не должна соглашаться, вроде производства табака и водки... Теперь много чего появилось новенького и необычайно приткого. Так много, что не знаешь, с чего и начать. Ну, вот, к примеру, всякие посреднические фирмы, опутывающие липкой сетью в несколько рядов весь путь от производителя к потребителю и паразитирующие на этих махинациях... А сколько их у нас поразвелось – всяких липовых контор, подставных фирм, банков-миражей, якобы гуманитарных фондов, обществ!.. Одно перечисление способно вогнать в грех, а ведь все они действуют, дурят нас, ощипывают страну, как жертвенную курицу! Миллионы самых крепких

молодых людей с утверждением криминального порядка ушли в охранную службу, чтобы защищать этот порядок. А десятки миллионов, вынужденных заниматься «купи-продай» – делом, которое в нашем народе никогда не пользовалось уважением! А «демократические» выборы на всех уровнях, вбирающие в свою орбиту опять же миллионы готовых перегрызть друг другу горло!.. И так далее, и так далее, и еще много раз «и так далее»... Огромное это «чертовое колесо», обдирая своими гигантскими лопастями Россию от начала и до конца, крутится безостановочно со все нарастающим аппетитом.

Теперь наш мужик вынужден кормить не трех генералов, а три сотни, как не больше, дармоедов. Когда бы погнать хоть половину дармоедов, а мужику вместо водки дать работу, это и была бы, я думаю, самая надежная «концепция» спасения России. Если же все оставить как есть, замирая в испуге и благоговении перед могущественным словом «рынок», всякая другая «концепция» неминуемо превратится в форму еще одного дармоедства и паразитирования [155].

Существует в РФ некая категория людей, для которых слово «советское» равносильно слову «плохое». Доказательств не надо, если советское, то подлежит отмене, как говорят, по определению. За 1917 годом сразу последовал 1993-й, а кто с этим не согласен, тот совок.

Чем был советский период российской истории? «Черной дырой», национальной катастрофой, историческим тупиком? Так говорят многие, да, пожалуй, большинство общественных деятелей, публицистов, писателей и прочих приближенных к власти. И почти все представители либеральной интеллигенции.

А кинорежиссер и генеральный директор «Мосфильма», народный артист России Карен Шахназаров семьдесят лет Советской власти считает вершиной российской истории. Он так прямо и сказал в беседе с Виктором Кожемяко, заголовком которой стали его слова: «В советском обществе была великая идея» [481]. И Ленин у Шахназарова «жесткий лидер, но, безусловно, выдающийся, великий – один из величайших в мировой истории... Его наследие и сегодня нам может пригодиться. Очень многое из того, что он писал, сегодня чрезвычайно актуально...» [481].

Грустные они, эти строки М. Карима:

*Мы в черноте погрязли... И едва ли
Нас в будущем сумеют обелить...
О, только бы наследники не стали
На нас – бывлых – свои грехи валить [400, 13].*

«Мы в черноте погрязли...» А ведь клеветают и учат как нужно было жить и как поступать как раз те самые, о которых писал М. Карим:

Иные

*По воле, а порой и против воли,
Себя в злодействе низком запятнав,
В предательстве увязнувши по горло,
Раскаивались так же перед всеми,
Себя стараясь выдать за святых [386, 501].*

Здесь уместно напомнить слова нашего земляка: «Внезапно недуг или иное потрясение порою мгновенно лишают человека памяти, отлучив его от прошлого» [402, 438].

В беседе с обозревателем газеты «Правда» В. Кожемяко народный артист России и Украины Владимир Бортко заметил: «Чередой идут сериалы о Советской власти. И в них нас убеждают, что, оказывается, это сплошь были мелкие людишки, занимавшиеся только какими-то интригами, какой-то мышинной возней. Невероятно далеко от того, что на самом деле было в жизни!

Когда-то Маяковский написал: “Я – поэт. Этим и интересен”. Маршал Жуков интересен тем, что он – маршал Жуков. Что он под Москвой что-то делал в 1941-м и в Берлине что-то незаурядное свершил в 1945-м. Этим он интересен, а не тем, сколько у него было жен или любовниц. Кстати, Сталин его ругал и понизил в должности не за любовницу, а за то, что в поведении он оказался недостоин сам себя...

Плевать в наше прошлое и его великих деятелей недопустимо! Именно поэтому я хочу снять фильм об Иосифе Виссарионовиче Сталине как о Верховном Главнокомандующем, вожде нашего народа, который за тридцать лет поднял страну от сохи до атомной бомбы. Так отозвался о нем исторический враг нашей страны Уинстон Черчилль, которого дураком назвать нельзя и которому в данном случае, я думаю, верить можно» [479].

В конце 80-х – начале 90-х годов нашу страну, наш народ постигла безмерная беда, настоящая катастрофа. Из-за предательства значительной части буржуазно переродившейся партийно-хозяйственной номенклатуры произошел переворот и гибельная смена общественного строя. На возможность такого перерождения еще в свое время обратил внимание большой друг Советского Союза выдающийся французский писатель Ромен Роллан. В своем «Московском дневнике» о поездке в СССР в июне-июле 1935 года он пророчески

писал: «...Для привилегированной партии опасность такого рода почти неизбежна – как только ее господство покажется гарантированным и угроза со стороны врага не будет столь очевидна. Но даже если допустить, что установится строгая моральная дисциплина, требуемая руководством, приведет ли это к тому, что партия перестанет отличаться от остальной части населения? Напротив, предполагаю, что она будет отличаться все больше. Ведь партия обрела право высшего эшелона власти. И незаметно для нее самой может сформироваться особая коммунистическая аристократия...» [18].

Так оно, собственно, и произошло. Номенклатура оторвалась от рядовых партийцев. Злую шутку с ней сыграла и постоянно растущая обеспеченность. Партийные массы, лишенные твердого руководства, оказались дезориентированными. В целом все советские люди были застигнуты перестроечными событиями врасплох. Наступило настоящее помрачение умов. Мало кто понимал, что в действительности происходит. Сбивали с толку широковещательные лозунги вроде «Больше демократии – больше социализма». А под их прикрытием фактически осуществлялся перехват власти. Не на высоте оказалась и значительная часть интеллигенции. Она уже давно бросала завистливые взоры в сторону жирующих слоев Запада. В полной мере проявились ее мелкобуржуазная психология, жажда обрести как можно больше всяческих благ и удобств [18].

Получившие добротное образование в годы Советской власти, многие интеллигенты отплатили ей в итоге черной неблагодарностью. Без особых угрызений совести они жадной толпой ринулись в услужение буржуазному компрадорскому режиму. В полной мере «проявилась их мировоззренческая неустойчивость. Произошел своеобразный заворот мозгов в реакционную сторону. И сегодня они в свое оправдание соревнуются в деле грубых искажений и извращений отечественной истории. На режим работает целая когорта изощренных фальсификаторов. Здесь и группа продажных политологов во главе с Карагановым и Федотовым, лжеисторики, директора институтов Сахаров и Сатановский, новоиспеченный министр Мединский, непонятно за какие заслуги получивший в свое распоряжение российскую культуру, бывший мэр столицы Г. Попов злые антисталинисты М. Солонин, Б. Соков, режиссер А. Прошкин, телелгуны Сванидзе, Познер, Млечин, Соловьев, А. Пивоваров. К этой разношерстной гоп-компании примыкает и философствующий перерожденец А. Ципко – один из явных претендентов на новый «философский пароход» [18].

Вся эта компания лжецов высокомерно, но весьма легкомысленно отнеслась к предупреждениям известного немецкого писателя Томаса Манна, определившего, что «антикоммунизм – это величайшая глупость XX века». Можно было бы добавить, что это еще и величайшая подлость XXI века, ибо идея коммунизма есть сама социальная справедливость в наивысшем научном ее выражении и практическом воплощении в будущем. Антикоммунизм делает людей политически слепыми.

Советский народ, к великому сожалению, оказался неподготовленным к коллективному отпору внутреннему врагу, к его коварному и подлому удару в спину. «Подлый удар нанесен, и это привело к утрате многих достижений и завоеваний, за которые заплачено неисчислимыми человеческими жертвами. Одна Великая Отечественная война чего стоила! Огромная наша моральная вина перед славными защитниками. Не уберегли, что ими было для нас отвоевано. Парализованными оказались и народная армия, народная милиция и Комитет государственной безопасности», – пишет А. Анучкин-Тимофеев [18]. С горечью приходится признавать, что главную задачу по защите социалистического Отечества на сей раз не выполнили. Не проявили в ответственной исторической момент волю к решительным действиям.

Политиканам-перерожденцам удалось навязать простодушным и легковверным советским людям под барабанную трескотню о «социализме с человеческим лицом» криминальный, ублюдочный, маргинальный капитализм, отравить сознание в условиях разгула гласности буржуазным либерализмом, общечеловеческими лжеценностями, поколебать советский коллективизм и товарищество, привить собственническую, индивидуалистическую мораль. Людей бросили в спекулятивный рынок, в затхлый, тлетворный мир чистогана и наживы. Чтобы увести молодежь от политики, усиленно стали разлагать ее убогим маскультом, разнузданным шоу-бизнесом вперемежку с отвязным экранным сексом; стали подкармливать эрзац-фастфудом и бизнес-ланчем в многочисленных «макдоналдсах» и бистро.

Россиянам вдалбливают мифы о классовом мире и социальном партнерстве, приучают к слову «господин» – скоро зазвучит и «барин», убеждают смириться с грабительской приватизацией, сверхсостояниями, приобретенными преступным путем.

Кое-кто, однако, скажет, что кому-то все эти так называемые рыночные реформы пошли на пользу. Да, пошли. Изменникам-партократам, спекулянтам-теневикам, чиновникам-взяточникам,

интеллигентам-космополитам... Себя вся эта публика называет элитой (из грязи – в князи), а всех остальных – электоратом, а то и «быдлом» [18].

Если посмотреть глазами буржуазного интеллигента на жизнь советского народа начала 30-х годов, то увидишь только безмерный труд, полуголодное существование, нищету.

Не хватает продуктов питания и одежды. На стройках рабочие живут в палатках и временных бараках. Продукты питания и многие товары распределяются по карточкам. Как писал американский студент Дон Скотт, побывавший в СССР в 1932 году, «большинство русских детей едят только черный хлеб и носят один-единственный костюм до тех пор, пока он не распадется на части» [466].

И – удивительное дело! – жизнь для этих людей не была ни казармой, ни каторгой, ни «черной дырой».

«Люди, – писал Д. Скотт, – терпеливо переносили невероятные трудности... и многие делали это по своей воле, охотно, с безграничным энтузиазмом» [466].

И не только строители Магнитки, где работал тот американец. На многих других стройках – тоже. И на заводах, фабриках. И с таким же энтузиазмом трудились ученые и инженеры – к примеру, создатели ракетной техники.

В 1932 году в Москве была создана Группа по изучению ракетного движения (ГИРД), которую шутники прозвали Группой инженеров, работающих даром.

Да, как и вся страна, они работали не за деньги, не за пайки и привилегии.

А за что? Ради чего люди делали эту титаническую работу?

Советский Союз находился тогда в окружении враждебных ему стран. На западе – это Польша, не скрывавшая своих намерений по расширению границ «от моря до моря» и претензий на всю Украину, а с 1933 года – фашистская Германия.

На востоке – это Япония. «Старый враг, упорно, неутомимо добивавшийся господства на Азиатском континенте, не оставлял своих захватнических замыслов относительно Советского Приморья. Этот цветущий край разжигал его аппетиты. Императорская клика и военщина готовили удар против Советского Союза, надеясь на помощь с Запада... Они знали мощь Советской страны, закованной в броню новейших достижений науки и техники...» [6].

Вот эта цель – успеть заковать страну в «броню новейших достижений науки и техники» – и двигала людей в их работе, от рядо-

вого строителя Магнитогорского металлургического комбината до создателя ракетной техники С.П. Королёва.

И все-таки даже не это самое главное. Первая и вторая пятилетки были не просто временем модернизации страны (как Петровские реформы) с целью преодоления отставания от Запада и обеспечения ее независимости.

Карен Шахназаров отмечает, что колоссальная заслуга Советской власти – это массовое образование: «Именно массовое образование и слом сословных перегородок, которые очень мешали, дали стране такой мощный подъем... Пришло огромное количество людей, у которых не было этой возможности» [466].

Не будь Октябрьской революции, кем бы был, например, соратник Королёва – Генеральный конструктор академик Михаил Кузьмич Янгель, родившийся в крохотной сибирской деревушке Зыряново. После окончания ФЗУ он стал рабочим, ткачом на фабрике. Присмотрев способного парня, комсомол направил его на учебу в Московский авиационный институт. Затем – работа в авиационной промышленности, и в 1954 году М.К. Янгель по поручению ЦК Коммунистической партии возглавил ставшее легендарным Конструкторское бюро.

А разве не интересно, в какой же «черной дыре», по мнению нашей либеральной интеллигенции, оказалась шестиклассница из Оренбурга Муся Герасимова?

Перед войной очень много в стране делалось для развития ракетного и авиамоделлизма. Во всех уголках страны юные авиаконструкторы, вне зависимости от достатка родителей, строили модели. И вот весна 1936 года принесла настоящую сенсацию: ракетная модель Муси Герасимовой из Оренбурга поставила мировой рекорд!

Да, у первого советского поколения была великая идея. «Она, великая идея, была в советском обществе. В этом его отличие от нашего современного общества. Можно сколько угодно говорить, что идея эта утопическая, неосуществимая, но она была. Это была идея переустройства страны и мира по законам справедливости. И она зажгала миллионы людей у нас и миллиарды на всей планете», – говорит К. Шахназаров [466].

Во время лекции в марте 2013 года перед депутатами Госдумы России известный государственный и политический деятель Сергей Степашин на вопрос главы комитета ГД по конституционному законодательству В. Плигина «Не кажется ли вам, что сейчас происходит излишняя героизация сталинского периода?», ответил: «Батя мне

говорит: «Ты при Сталине не жил, ты его не трогай, сделайте лучше – тогда и вопросов не будет!» [506].

Так, какие же достижения постсоветской России, чтобы иметь моральное право бросать камень в советскую историю?

Ю. Бондарев однажды заметил: «Добро – это солнечное качество нашего существования, рожденное здравомыслием, подчиненное сознанию. Зло – чаще всего производное энергии, поэтому бывает более активно и наступательно, как агрессор против обороняющегося добра.

Сила человеческого духа в соединении с мужеством воздвигает перед злом цитадель, своего рода военный Сталинград, где происходит борьба не на жизнь, а на смерть и где в конце концов с немалыми потерями побеждает жизнь. Абстрактный разум в этой борьбе – лишь цепь на ногах» [41].

Все то, что вызывает сейчас мучительное содрогание в душе «при виде всего, что совершается дома», напоминает плот в мировой реке, на который погружена Россия, наша мать будущих детей ее. И этот плот несет неуклонное течение зло ликующих сил, западных и не западных, несет к гигантскому водопаду, а внизу уже видны с высоты чудовищные, как пики, торчащие камни, угрожающие гибелью тем, кто на плоту, тем, кто недостроил храм социалистической цивилизации.

В доказательство сказанного приведем итоги правления нынешней власти по состоянию на 1 января 2011 года, озвученные ООН [478].

1-е место в мире по добыче и экспорту природного газа (35% мировой добычи)	97-е место в мире по доходам на душу населения
1-е место в мире по добыче нефти и 2-е по ее экспорту	1-е место в мире по темпам роста числа долларовых миллиардеров и 2-е по количеству долларовых миллиардеров (после США)
1-е место в мире по величине природных ресурсов	67-е место в мире по уровню жизни и 71-е в мире по уровню развития человеческого потенциала
1-е место в мире по запасам и физическому объему экспорта алмазов и 2-е место по их добыче	175-е место в мире по уровню физической безопасности и 2-е в мире по числу убийств на душу населения (после Колумбии)
3-е место в мире по размерам государственных золотовалютных резервов	72-е место в мире по рейтингу расходов государства на гражданина

1-е место в мире по разведанным запасам железных руд (28% мировых запасов)	62-е место в мире по уровню технологического развития (между Коста-Рикой и Пакистаном)
2-е место в мире по разведанным запасам платины и 1-е по ее экспорту	159-е место в мире по уровню политических прав и свобод и 2-е в мире по уровню бюрократии
1-е место в мире по разведанным запасам серебра	127-е место в мире по показателям здоровья населения
2-е место в мире по разведанным запасам золота	111-е место в мире по средней продолжительности жизни, 134-е по продолжительности жизни мужчин
1-е место по экспорту стали и 3-е по экспорту металлопродукта	1-е место в мире по абсолютной величине убыли населения
1-е место в мире по разведанным запасам каменного угля (23% мировых запасов углей)	1-е место в мире по количеству самоубийств среди пожилых людей, а также среди детей и подростков
1-е место в мире по запасам лесных ресурсов (23% мировых запасов леса)	1-е место в мире по психическим заболеваниям
1-е место в мире по запасам питьевой воды и 2-е по объему пресной воды	1-е место в мире по числу разводов и рожденных вне брака детей
1-е место в мире по запасам осетровых, крабов, минтая в 200-мильной экономической зоне, 2-е и 3-е в мире по запасам трески, лососевых, сельдевых рыб	1-е место в мире по числу абортот и числу детей, брошенных родителями
1-е место в мире по протяженности электрифицированных железных дорог	1-е место в мире по числу умерших от алкоголизма и табакокурения
1-е место в мире по разведанным запасам олова, цинка, титана, ниобия	1-е место в мире по потреблению спирта и спиртосодержащей продукции
1-е место в мире по запасам поваренной соли и 2-е по запасам калийной соли	1-е место в мире по продажам крепкого алкоголя, по потреблению табака и 3-е по производству табачных изделий

3-е место в мире по разведанным запасам меди и свинца	2-е место в мире по распространению поддельных лекарств
1-е место в мире по импорту автомобилей	1-е место в мире по смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы
1-е место в мире по экспорту азотных удобрений, 2-е и 3-е по экспорту фосфорных и калийных удобрений	1-е место в мире по потреблению героина (21% мирового производства)
1-е место в мире по запасам торфа (47% мировых запасов торфа)	1-е место в мире по количеству авиакатастроф (в 13 раз больше среднемирового уровня)

К концу советского периода минимальная заработная плата в стране была на 40% выше прожиточного минимума. В 2011 году зарплата составляла в России 4330 рублей при прожиточном минимуме около 5700 рублей, т.е. примерно на 30% меньше. Для сравнения: расходы на одну бездомную собаку в московском приюте установлены на уровне 5340 рублей в месяц, т.е. на 1000 рублей больше «минималки». И при этом экологи жалуются на бедственное положение бездомных собак. Кстати, «левый» венесуэльский президент Уго Чавес установил в своей стране минимальную заработную плату в долларовом исчислении в три раза выше, чем в России!

Другие катастрофы по последствиям еще тяжелее.

Например, Россия опровергла представления, согласно которым в одной стране не могут сочетаться массовый алкоголизм и массовая наркомания. При потреблении в год на душу населения от 14 до 18 литров абсолютного алкоголя в РФ насчитывается, по официальным данным, около 5 млн 100 тыс. людей, потребляющих наркотики.

Прежде наша общая страна входила в число мировых лидеров по ориентации на постматериальные ценности, справедливо считалась коллективистической, общинной, соборной и т.п. Теперь же, по данным социологов, 55% молодых людей признались, что во имя успеха готовы переступить общепринятые моральные нормы, что называется, все десять заповедей [514].

Великий патриот России митрополит Санк-Петербургский и Ладожский Иоанн писал: «С горечью, с болью в сердце читаю и слышу сообщения о том, что русские люди вместо того, чтобы подняться на угнетателей, стреляются, вешаются, бросаются под поезда,

взрывают себя. А Западу это и надо, Западу и его прихвостням в нашей стране. Чем меньше нас будет, тем лучше для них. Как же русские люди не понимают этого!» [243].

Е.М.Шипицына, ветеран космической области, кандидат технических наук, свою статью начинает с очень интересного случая. Она пишет: «Бабушка, а ты знаешь, что сейчас появилась новая болезнь – СПИД?» – спрашивали мои дочки 10 и 12 лет в начале 80-х у своей сибирской бабушки. «Конечно, знаю, у нас Сашка этой болезнью болеет. Как приезжает на каникулы из училища, так спит и спит» [581].

Действительно, тогда о СПИДе в СССР знали немногие, преимущественно те, которым это было положено по работе. Первыми умершими от СПИДа были выезжавшие в заграничные командировки, особенно в Африку, откуда и поползла к нам эта нечисть. Сын Нельсона Манделы, первого чернокожего президента ЮАР, умер от СПИДа, и Мандела всю свою жизнь после этого поднимает человечество на борьбу с этой болезнью. Но, как видим, безуспешно: в ЮАР уже 5 млн больных, а всего в мире в начале XXI века было 42 млн инфицированных и 22 млн из них – в Африке.

Выдающийся артист балета Рудольф Нуреев, выходец из Башкортостана и проклятый своей матерью, умер от СПИДа, оставив все свое состояние на стороне, не оказав никакой материальной помощи своим родным. Те, кто сегодня имя этого человека носят, как флаг, позабыли этот постыдный шаг артиста, предавшего в свое время Родину!

В 80-х годах в СССР умерли от СПИДа единицы. К 1995 году в России ВИЧ-инфицированных было 1090 человек, к 2002-му – 224049, а умерли уже 3200 человек. Первые передачи о СПИДе по российскому ТВ появились в конце 90-х, и помнится, как женщина из Индии очень смело заявляла, что в их стране СПИДа не будет никогда, так как там устойчивые религиозные и нравственные традиции. А между тем мать Тереза уже открывала в Калькутте дома для больных СПИДом. И заявление «в Индии не может быть СПИДа» было воспринято в мире примерно так же, как утверждение одной из наших общественных деятельниц о том, что в Советском Союзе нет секса. А миру, вместо того чтобы смеяться, следовало бы задуматься: рождаемость в Советском Союзе была гораздо выше, чем в других странах, в которых якобы «секс был», хотя через каждые 20 лет после 1941 года мы попадали в «демографическую яму» в связи с потерей военного поколения. В Советском Союзе не было разрешенной порнографии, не было в таком масштабе, как сейчас, проституции

и педофилии, не было СПИДа, не было так называемых гражданских и гостевых браков, боялись заявлять о себе «голубые». Все это осуждалось в обществе, что свидетельствовало не об отсталости и «железном занавесе», а о высоком моральном облике советского человека. Этот «облик морале» воспитывался со школьных лет [581].

В числе важнейших антикризисных мер, необходимых для спасения отечественного производства, 66% опрошенных директоров предприятий называют ограничение роста тарифов. Мы регулярно слышим призывы президента снизить тарифы на энергоносители и на услуги ЖКХ. Но к кому эти призывы обращены, непонятно. Похоже, они носят лишь риторический характер. Президент на словах демонстрирует свою заботу, прекрасно понимая, что на деле ничего не изменится.

Результаты опросов показывают, что среди социальных проблем граждане России на первое место ставят рост тарифов ЖКХ. 29 мая 2013 года были опубликованы данные Росстата об их росте за последние 12 лет. На газ тарифы выросли в 10 раз, на горячее и холодное водоснабжение – в 14–16 раз, на электроэнергию – в 7,5 раза, на услуги ЖКХ – в 13–15 раз.

«Черным понедельником» назвали некоторые средства массовой информации 1 июля 2013 года. Поводом для этого стало все то же повышение коммунальных тарифов, причем не на 6%, как требовал президент, а гораздо больше. По данным Общественной палаты, наблюдаются резкие колебания роста тарифов в разных регионах. В среднем по России электроэнергия подорожала на 12–15%. Тарифы ЖКХ в Ямало-Ненецком АО с 1 июля поднялись на 47%, в Чувашии – на 41,3%, в Приморском крае – на 35%, в Ульяновской области – на 30,4%. А в Мурманской области тарифы дорожают минимум на 200%.

Этих цифр достаточно, чтобы назвать блефом все разговоры о росте реальных доходов населения. Достаточно их и для того, чтобы опровергнуть утверждения о преимуществах экономики, построенной на принципах частной собственности и «свободного рынка». В конечном счете уже одни только эти цифры – убедительный аргумент в пользу отставки правительства.

21 июня 2013 года на Петербургском международном экономическом форуме президент заявил: «Очевидно, что тарифы больше не могут расти такими же темпами, как прежде. Рост регулируемых тарифов инфраструктурных монополий будет ограничен и не должен быть выше фактической инфляции прошлого года». Но уже через не-

делю после этого заявления обнародованы были новые тарифы, которые выросли гораздо больше, чем обещал президент. И это еще одно неопровержимое доказательство того, что правительство необходимо менять. Оно игнорирует обещания, выполнение которых гарантирует гражданам президент. Оно не выполняет и президентские указы, касающиеся, модернизации экономики, создания новых рабочих мест для высококвалифицированных специалистов, решения социальных проблем, обновления военно-промышленного комплекса.

Повышение тарифов – основной фактор роста инфляции и увеличения затрат промышленных, сельскохозяйственных, строительных предприятий. Об их прямом влиянии на инфляцию власть старается умалчивать, а официальная статистика стремится любыми способами ретушировать истинные инфляционные показатели. Но даже согласно официальным данным Росстата, стоимость скудной продовольственной корзины выросла для россиян за первое полугодие более чем на 10%. Это и есть показатель инфляции для большинства граждан России, которым зарплаты и пенсий едва хватает на скудное питание и оплату коммунальных услуг.

В 2010 году примерно 40% граждан жили в жилье хрущевской эпохи, 80% граждан имели от 5 до 17 тысяч рублей дохода в месяц.

В начале XXI столетия ВЦИОМ обнародовал данные, которые заставляют серьезно задуматься. Как показывают опросы, 57% россиян обеспокоены были отсутствием эффективных шагов в экономике. Большинство населения испытывает сомнение относительно завтрашнего благополучия. Более половины опрошенных предполагают, что ситуация в стране будет ухудшаться. Люди боятся роста цен и снижения уровня жизни, в частности в результате реформы ЖКХ. Опросы показали, что лишь 7% россиян удалось «использовать новые возможности, чтобы добиться большего»; 14% наших сограждан кое-как «приспособились» за 10 лет к новой жизни; 27% «смирившись» с тем, что пришлось отказаться от ранее привычного образа жизни, и, чтобы выжить, должны ограничивать себя в большом и малом; а 28% ответили: «Приходится «вертеться», хвататься за любую возможность заработать».

Между тем уже за первое полугодие 2001 года был превышен 12%-ный уровень инфляции, прогнозировавшийся правительством на весь 2001 год. В годовом исчислении инфляция составила 18,6%. Это значит, во-первых, что не оправдались заверения министра экономического развития Г. Грефа, согласно которым инфляция не перешагнет планку в 18%. А во-вторых, «важен и такой

факт: правительство не справилось с одной из ключевых задач своей не только экономической, но и социальной политики. Раз цены растут в полтора раза быстрее, чем оно обещало, то под вопросом и такие широко разрекламированные социальные достижения, как, например, рост доходов пенсионеров на 20%».

«В советское время была идея, цель, что мы строим справедливое общество, которая вдохновляла людей и подтверждалась реальными социальными благами: бесплатное образование и медицина, минимальные цены на продукты питания. Квартплата, транспортные расходы и расходы на отдых не съедали, как ныне, львиную долю зарплаты трудящихся. Главное – сейчас нет ни идеологии, ни цели, даже каких-либо ориентиров, в каком направлении движется государство, и напрочь сметены все моральные нормы и границы. И страна может оказаться на задворках истории и прогресса» [506].

За 70 с лишним лет сменились три поколения производителей общенародной собственности, и все существующее ныне богатство создано всенародным трудом. Теперь тем, кто создал эту собственность, предлагалось ее и покупать. Разве не абсурд и не грабеж то, что каждый из нас будет выкупать заработанное им самим, его отцом и дедом. Никакого выкупа здесь быть не может. Это наша собственность, а ее выкупают лишь в том случае, если она конфискована за долги или уголовные преступления.

Кто из уважающих себя людей может позволить оболванить человека до такой степени, чтобы заставить гражданина страны выкупить собственное жилье. Строительные организации страны содержались и оплачивались нашим трудом, и за годы существования государства каждый из нас многократно оплатил свое жилье. Ведь тогда можно обязать каждого выкупить у самого себя свою мебель, одежду, обувь и все остальное, приобретенное за жизнь. Конечно, есть люди, которые вместо честного труда занимались воровством, мошенничеством, подпольным бизнесом, туеядством, не внося в народное благосостояние своего труда. Но ведь их, как и жуликов и спекулянтов-миллионеров, можно выявить. Вот они-то должны выкупить все. И более того, все, несправедливо нажитое ими, должно быть возвращено людям [509].

Любое преобразование должно иметь хотя бы минимальную обоснованность. В нашей «приватизации» нужно тщательно разбираться, уж больно зыбкие у нее обоснования. В течение более 70 лет существования СССР накоплено огромное национальное богатство, принадлежащее государству. Но государство это состоит из всех нас,

его граждан, вместе взятых. Любой капитал формируется только за счет прибавочной стоимости, то есть отчуждаемого труда. Другого источника его формирования и накопления нет. По крайней мере, у трех поколений советских граждан, у нас, наших отцов и дедов, отчуждалась значительная доля труда, и из нее формировалось национальное богатство. Само собой подразумевается, что эта доля труда гражданам не оплачивалась [509].

Лидерами в гонке магнатов РФ являются долларовые миллиардеры Алишер Усманов, Михаил Фридман, Леонид Михельсон, Виктор Вексельберг, Вагит Алекперов, Андрей Мельниченко...

В каждом номере «Форбс» на последней странице присутствует цитатник, составленный из высказываний великих и совсем не великих мыслителей. На этот раз в компании с Аристотелем, Гаем Юлием Цезарем, Львом Толстым оказались и наши современники. Один из главных соавторов дефолта 1998 года, бывший премьер-министр Сергей Кириенко не стал скрывать сокровенное: «Люблю деньги, но предельно профессионально» [498]. Владимир Потанин, постоянно входящий в лидирующую группу супербогачей, постарался напустить побольше тумана: «Бизнесмен сам не может ответить на вопрос, что ему выгодно. Государство его должно как бы направить» [498].

«Заслуженный» олигарх – ну просто сама скромность. А на деле он-то и «направлял государство». Став в августе 1996 года первым заместителем председателя правительства РФ, Потанин жестко контролировал процесс «закрепления результатов» залоговых аукционов, в ходе которых люди, определенные ельцинской командой в «эффективные собственники», получили за бесценку предприятия, являвшиеся флагманами отечественной индустрии. Через несколько месяцев, когда поводов для беспокойства за судьбу новых владельцев не осталось, Потанин покинул российский «Белый дом» и вернулся в бизнес. Именно тогда он и его компаньон Михаил Прохоров прибрали к рукам Норильский горно-металлургический комбинат, ставший для них настоящим золотым дном.

В том, кто в России реальный хозяин, легко было разобраться, наблюдая за развитием сюжета одного из политических детективов 2012 года. Во время президентской избирательной кампании Владимир Путин, видимо желая произвести впечатление на электорат, заявил: те, кто сделал свое состояние во время залоговых аукционов, должны бы выплатить разовый взнос в госбюджет. Однако вскоре олигархи указали «лидеру нации», где заканчиваются его полномочия. И он предпочел не возвращаться к этой теме.

Для тех, кто занимается родословной большого бизнеса, своеобразным навигатором может послужить статья Елизаветы Осетинской. Рассказывая о трагической судьбе Пола Хлебникова, которого застрелили в Москве спустя три месяца после публикации им в 2004 году в русском «Форбс» первой российской «золотой сотни», она не примеривает на себя роль следователя. Всего лишь напоминает, что еще в 1996-м в американском «Форбс» появилась статья Пола «Крестный отец Кремля?», где в качестве центрального персонажа фигурировал покойный ныне Березовский. Именно он, по мнению Хлебникова, в ту пору олицетворял собой российскую олигархию, откровенно грабившую страну.

«Я не собираюсь сводить счеты между нашим журналом, его первым главным редактором и Березовским, – пишет Осетинская. – Но я убеждена: мы должны помнить, что многие российские бизнесмены, люди, находящиеся на госслужбе и в большой политике, вышли из тех самых 1990-х. Их нельзя просто так затереть и забыть, приставив к ним клише «лихих». Надо помнить обо всем: и о связях бизнеса с криминалом, и о продажности политиков, и о грязных играх во время приватизации... «Скелеты в шкафу», о которых не принято вспоминать, найдутся более чем у половины из 200 богатейших бизнесменов России» [498].

Нынешним обитателям Кремля остается только бесконечно повторять, перефразируя афоризм, приписываемый Сталину: других олигархов у нас нет. И благодарить их за службу Отечеству во время торжественного вручения им государственных наград.

В 2013 году было продано сырья более чем на 16 триллионов долларов. Из них попали в казну только 6 триллионов. А 10 триллионов – это дань, которую мы заплатили олигархам и их покровителям. Американцы всполошились: у них в стране картина похожа на Великую депрессию. 1% американцев владеют третью национального богатства. А у нас 1% владеет 75% всех национальных богатств России! 110 семей в нашей стране владеют третью богатства страны [480].

Кто из нас, россиян, не пользуется услугами Сбербанка? Кстати, является государственным финансовым учреждением. Так вот, больше всего «пострадали» от кризиса 2008 года члены правления этого банка: им срезали плату. Они с тех пор получают 3400000 (три миллиона четыреста тысяч) рублей в месяц. Каждый из членов правления! [37].

Не случайно же М. Карим сказал: «Великую Французскую революцию придумали не Марат, не Робеспьер. Ее совершил 1 миллион

нищих, которых имела тогда Франция. Это очень простая истина. Нищета готовит почву для революции. Я этого боюсь. Мы к этому близки. Богатые входят в раж в наживах, умножая при этом нищих. Подумали бы об этом» [36, 17].

Куда же еще идут наши деньги. Как известно, Д. Медведев, как президент страны, запомнился тремя деяниями.

Во-первых, во внешней политике. Дал поручение воздержаться при голосовании в СБ ООН по Ливии и тем самым открыл дорогу на уничтожение страны и ее лидера М. Каддафи.

Во-вторых, уменьшил часовые пояса России с 12 до 8. Правда, после его ухода они были практически восстановлены.

В-третьих, милицию переименовал в полицию.

И от последнего деяния Д. Медведева страна понесла огромные издержки. На новые удостоверения, нагрудные знаки, вывески, печати, штампы, бланки, нашивки и все остальное, что потребовалось заменить после переименования милиции в полицию, было потрачено 1 млрд 125 млн рублей. Об этом сообщил заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Александр Хинштейн.

«Значит, каждая буква – 562 миллиона рублей», – отметил Хинштейн. Ранее в своем микроблоге Хинштейн написал, что во время чтения отчета по тратам бюджета на реформу МВД «от многого бросает в дрожь» [480].

Слова «милиция» и «полиция» звучат очень похоже, но они из разных языков: первое – из латинского, второе – из немецкого. Когда главе Российского государства Д. Медведеву задали вопрос: стоит ли тратить многие миллионы бюджета на замену одного слова другим, он ответил, что просто хочет избавиться от «советской символики».

Однако милиция была создана вовсе не Совнаркомом, а Временным правительством сразу после Февральской революции. Более того, существовала она и при царском самодержавии! Милиционерами назывались охранители правопорядка, служащие при земствах. Об этом знает каждый, прочитавший повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат».

Конечно, даже глава большого государства может и не знать этих фактов. Но неужели среди его советников не нашлось ни одного образованного человека? [313а].

И тогда же, при президентстве Д. Медведева была отремонтирована Кремлевская столовая аж на 1,5 миллиарда рублей.

На отделочные работы в VIP-помещениях потратили 148 миллионов рублей, а на люстры и бра – 16,6 миллиона рублей. Технологическое оборудование и мебель обошлись бюджету в 598 миллионов рублей. На систему безопасности – 21,6 миллиона рублей. Современный ремонт провели даже в подвальных этажах [433].

Пользователь интернета ALECS пишет: «...все плохое, что было и при вас (при коммунистах. – *И.В.*), оно так с нами и осталось, только прибавилось и выросло многократно. И даже ваш престарелый «наш дорогой Леонид Ильич» мне теперь милее, чем бодрячок Дмитрий Анатольевич, потому что первый воевал, поднимал целину и строил города, заводы и БАМ, а второй съел гамбургер и получил на шару ай-фон. Еще у него есть все пластинки группы «Deep Purple». Вот, собственно, и все, что он сделал в своей жизни, – и почему он правит русским народом, я, хоть убей, не понимаю» [9а].

Еще об одной «заслуге» Д. Медведева перед страной нельзя не упомянуть.

В 2009–2010 годах по всем каналам СМИ нам то и дело сообщали, как президент Медведев с особым подобострастием поспешил передать полякам несколько томов документов по катынскому делу, позиционируя это свое поведение с честностью в политике. Ну какая же это честность, если долгие годы от своего народа, молодежи умышленно утаивалась другая летопись в документах и фактах – трудового подвига советских людей, начиная с первых советских пятилеток?! Об этом подвиге можно было бы написать тысячи томов документов, и они были бы намного весомее тех, отправленных за рубеж. И пролили бы свет правды в истории гораздо больше, чем бесконечные сюжеты телестрапани о «черных воронках» и ГУЛАГах [227].

О разрушительных последствиях проводимой политики свидетельствует безудержный вывод капитала из страны. На это в каждом своем заключении по бюджетной политике указывает Счетная палата. А бывший глава Центробанка Сергей Игнатьев, покидая свой пост в июне 2012 года, признал, что «чистый отток капитала из России остается очень мощным и тенденции к его снижению не видно». **Только в первом полугодии 2013 года из страны выведено 38,1 млрд долларов. В рублях это более 1,2 триллиона – еще более внушительная сумма, чем та, которой, как прогнозирует министр финансов, недосчитается из-за снижения доходов федеральный бюджет.** И это без учета тех средств, которые переводят из России миллионы гастарбайтеров, захвативших трудовой рынок на-

шей страны. За один лишь 2012 год мигранты вывели из Российской Федерации 18 млрд долларов.

Министерство финансов помалкивает о выводе капитала, достигшем уже запредельных масштабов. За период с 2008 по 2013 год из страны официально выведено не менее 500 млрд долларов [579]. Эта сумма превышает годовой федеральный бюджет России. И несложно представить, какие инвестиционные возможности получила бы отечественная экономика, если бы правительство приняло меры по ограничению оттока финансовых ресурсов за рубеж.

Процесс вывода капитала сопровождается одновременным ростом консолидированного внешнего долга России, достигшего 700 млрд долларов. При этом международные золотовалютные резервы страны, согласно данным Центробанка, едва превышают 500 млрд долларов. Эти цифры говорят о том, что дефолт становится для России реальностью [579].

По всей вероятности, именно за эти заслуги Д. Медведев получил 27 мая 2009 года в здании Синода читательский билет № 1 в Президентской библиотеке имени Ельцина, которая обошлась федеральному бюджету в 9 млрд рублей [467]. А вот пенсионерка из г. Железногорска Красноярского края Г.И. Гришина в 2017 году прислала в газету «Советская Россия» письмо, в котором излагает свои мотивы, почему она вернула Д.А. Медведеву 5 тыс. рублей. «Нарушив закон, – пишет Галина Ивановна, – об индексации пенсий, правительство с февраля 2016 г. ежемесячно у меня отбирает по 1801 руб., до конца года недодав мне 19810 руб. И всю оставшуюся мою жизнь ежемесячно правительство продолжит воровать эти 1801 руб., да еще увеличенное на процент новой индексации пенсии. Поэтому эти пять тысяч никак не покрывают эти потери, и притом они не войдут в пенсионную базу для дальнейших индексаций.

Депутат Государственной думы от фракции КПрФ О.Смолин вносил поправку в закон: единовременно выплатить всем пенсионерам не 5000 руб., а полную сумму потерь. Его предложение поддержали все фракции, кроме 344 единороссов, в т.ч. депутата от Красноярска Пимашкова П.И. А ведь могли они восстановить справедливость, выплатить в полном объеме. Но «Единая Россия» выполняет указания Д.А. Медведева и В.В. Путина, не считаясь с интересами народа.

Правительство единороссов, мягко говоря, ну очень не любит пенсионеров. Понятно. Ведь если не тратить бюджет на выплату разных пенсий и их индексаций, сколько бы еще олимпиад и чемпионатов можно было бы провести.

Поэтому, получив эти 5000 руб., я решила их вернуть на имя председателя правительства РФ Д.А. Медведева как подачку по адресу: 103274, г. Москва, Краснопресненская набережная, дом № 2, электронной почтой. На следующий день эти 5000 руб. были возвращены в мой адрес по причине: ОТКАЗА АДРЕСАТА» [202].

Как только началась так называемая революция 1990-х, которая по отношению к Октябрю 1917-го представляла собой контрреволюцию, наша бывшая общая страна и ее составляющие пережили серию множественных катастроф, в т.ч. экономическую, технологическую, финансовую, социальную, демографическую, интеллектуальную, нравственную и геополитическую.

«Реформы» России за 1991–2011 годы привели к 1040 авариям авиатранспорта, в которых погибло 13 тысяч человек [541].

«В 2011 г. на территории России было зарегистрировано 156 техногенных аварий и катастроф. Количество погибших (668 человек) увеличилось на 60% по сравнению с 2010 годом (418 человек). При техногенных ЧС пострадали 962 человека, что на 35% выше, чем в 2010 году (715 человек)», – сообщил журналистам глава центра «Антистихия» МЧС РФ Владислав Болов [516].

Такое повторяется практически из года в год.

Верный своим установкам: «...подлинный поэт начинается лишь тогда, когда чужое счастье и чужое горе навсегда вселяются в его душу» [402, 504], М. Карим искренне тревожился тем, что происходит в современной России с молодежью.

В беседе с И. Николенко с болью в сердце заметил: «... наша вера в послезавтрашний день пошатнулась. Вернее, она – есть, но ее пытаются пошатнуть! Это касается и молодежи: если бы была твердая вера в послезавтрашний день – они бы не жаловались» [444].

Народная артистка РФ М. Суворова придумала термин «железобетонное поколение». «...Я так нынешних молодых людей называю. Они какие-то бессердечные, лишенные человечности. У них вместо сердца не пламенный мотор, а гранитный камушек в груди», – объяснила знаменитая певица [319].

Система денежных отношений захватила в свои щупальца все стороны нашей многообразной жизни, поглотив с головой родителей: богатых – жадным желанием наживать еще и еще, бедных – постоянным беспокойством о выживании, средний класс – потугами, как бы попасть в число первых и не скатиться в ряды вторых. Дети из разряда самого привилегированного сословия «страны Советов» выпали на обочину взрослой жизни, став, увы, во многом для учителей,

тоже не избежавших всеобщей погони за «золотым тельцом» в условиях скудной государственной заботы о них, своеобразным источником дополнительного заработка в виде репетиторства в собственном классе и почти открытого «заказа» подарков по завершении учебного года. Также и творчества во всем наблюдается куда меньше – зачем, если тот же выпускной всегда можно провести в ресторане, а утренник малышкой заменить сладким чаепитием в детском кафе, где девочки блеснут роскошными платьями барби-принцесс, а досуг организуют нанятые за деньги затейники? Подростки тусуются по подъездам, в открытую курят, пока еще тайно балуются наркотиками, забыв после уроков, что можно остаться в школе, где раньше их привлекала так называемая внеклассная работа: разные кружки, спортивные секции, факультативы, детские театры. Часто безо всякой оплаты занятия в них прежде проводили родители, учителя. Делалось это просто из любви к детям, из желания вырастить их полезными для общества или просто занять хорошим делом [212].

Вчитаемся в эти строки Народного поэта Башкортостана Р. Бикбаева: «За последние двадцать лет выросло совершенно новое поколение граждан России. Им кажется, что жизнь всегда была такой, какой они видят ее сегодня: большинству чужд дух коллективизма, вдохновенный и самоотверженный труд, целомудрие и верность высоким идеалам, искренние и доверительные взаимоотношения людей, прочные нравственные принципы. Словам о том, что раньше все было иначе, они не очень-то и верят. И трудно обвинять в этом нынешнюю молодежь: так ее воспитали годы смуты, эпоха безвременья и временщиков» [33].

Разве по вине современных молодых произошли в стране исторические катаклизмы, когда в результате «перестроек» и «приватизации», приведших к экономической стагнации и дефолтам, десятки миллионов россиян «оказались за чертой бедности, когда накопленное несколькими поколениями наших граждан огромное богатство могущественной страны оказалось в грязных руках кучки олигархов? Из-за предательства высших руководителей распалась сверхдержава, из-за антинародных действий правительства сбережения миллионов людей в одно мгновение превратились в пепел, а честные труженики оказались у разбитого корыта» [33].

Об этих драматичных, трагических явлениях в судьбе народа в минувшие почти тридцать лет с болью и гневом сказано и написано много горьких и справедливых слов – это уже аксиомы. Но боль не затихает, раны не заживают, а социальное расслоение в российском обществе продолжает усиливаться.

В народе говорят, что «бедность – не порок». «Пусть не порок, но беда, – и совсем не случайна близость этих слов. Бедность же все-народная, нарастающая в масштабах огромной страны, может привести к катастрофическим последствиям» [33].

А сколько миллионов россиян живет за чертой бедности – не только экономической, но и духовной! Духовная нищета намного опаснее материального обнищания людей. Особенно тревожно, что процессы духовного оскудения происходят в основном среди нашей молодежи. Основы такого нравственного падения под влиянием дурного примера старших, под отравляющим воздействием многих передач и публикаций СМИ закладываются в дошкольные и школьные годы. Правда, при восстановлении справедливого отношения к человеку труда, при соблюдении Конституции, законов и правовых норм проблемы материального обеспечения, создания соответствующих условий для жизни постепенно могут быть преодолены и решены, и в этом направлении намечаются определенные успехи. Но восполнить духовные потери, вернуть нравственные ценности намного сложнее.

В современной системе российского образования ведутся неустанные поиски. Однако многое из этих начинаний не дает ожидаемых результатов, а, наоборот, еще более усугубляет негативные тенденции, создает новые проблемы в школах, ссузах, вузах. Почему же так происходит?

«Одну из главных причин колоссальных потерь и поражений России в ее стремлении модернизировать систему образования я вижу в слепом подражании западным образцам и нормативам, многие из которых уже самими зарубежными педагогами признаны негодными и даже вредными. Любой эксперимент, любые действия в образовательном пространстве должны быть основаны на отечественных традициях обучения и воспитания, исходить из социальных потребностей нашего народа, учитывать сложную специфику всего российского общества и отдельных его регионов», – утверждает Р. Бикбаев [33].

Многие задаются вопросом: не слишком ли много в системе образования все новых и новых инструкций, директив и стандартов? Должен же быть прочный фундамент, сохранение традиций, преемственность в развитии, здоровый консерватизм.

Учителя зачастую лишены возможности для самообразования, самосовершенствования. Педагогов обложили нормативами, на них обрушивается поток бумаг, обязательное заполнение которых является одним из критериев оценки работы учителя. Такие формальности из года в год растут, отнимая очень много времени. В таких усло-

виях даже самым талантливым педагогам трудно внедрить свои новаторские открытия, развивать новые методы. Все меньше ярких личностей, деятельность которых стала бы выдающимся явлением в современной системе образования, зато все больше ученых со званиями и степенями докторов и академиков, руководителей высшего ранга, чьи бессмысленные «нововведения» вызывают не только у педагогов, но и у всех, кому безразличны воспитание и обучение подрастающего поколения, крайнее негодование.

Какую волну возмущения вызвал подготовленный в свое время Министерством образования и науки проект федеральных стандартов для старшей школы! Обязательными в этом стандарте значатся только три дисциплины – ОБЖ, физкультура и «Россия в мире». Кроме того, каждый ученик должен подготовить индивидуальный исследовательский проект.

Безусловно, юный гражданин со школьных лет должен гордиться своей родиной, знать место и значение своей страны в мире. Но если все дисциплины, кроме названных выше трех, являются необязательными, как же учащиеся старших классов, не изучив на необходимом уровне историю, могут знать прошлое и настоящее страны, определить ее роль в мире, в развитии человечества?

Как утверждает Ю. Власов, олимпийский чемпион и многократный чемпион мира Европы и СССР, россиянин «не без умысла “преображают” в население, в Иванов, не помнящих родства, в людей, которые “за свои грехи и прочие качества и людьми-то не должны и не смеют именоваться” (так внушают нам). Наш удел в лучшем случае – это балалайки, надрывный романс и “казачок” с “барыней”. Вот такой они стремятся видеть и иметь Россию. Россию ресторанной пошлости и расхлябанности, пьяно-блатного угара и безразличия к себе» [167, 137].

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн вспоминал, как одна женщина в Ростове на митинге кричала в лицо представителю президента: «Что же вы делаете! наших детей губит, уродует ваше телевидение!» И знаете, что он ей ответил? «Зато они никогда не будут коммунистами». Пусть будут рабами, уродами, лишь бы они не были коммунистами – вот кредо ельцинской власти.

Даже мультфильмы стали жестокими и безобразными. Детская психика уродуется сценами насилия, постельными сценами, пропагандой смерти и ужасов, пропагандой разрушения. «Мы отнимем ваших детей, а вы подохнете сами!» – говорят западные идеологи. У детей отнята Родина. Им навязывается другая страна – Америка,

которую они должны считать своей родиной, живя по американским меркам. Самое страшное, что они никогда не будут русскими после такой массивной обработки сознания западными помоями. Другой народ должен заселить нашу землю по замыслу заокеанских стратегов мирового господства» [243].

В справедливости этих слов великого патриота России приведем данные Детского фонда ООН ЮНИСЕФ и Независимого института социальной политики.

- В Российской Федерации сейчас проживает около 26 млн детей, т.е. на 7,5 млн меньше, чем в 2000 г.

- Около 18% семей с детьми являются бедными по двум из трех критериев бедности (реальный доход, лишения, субъективная оценка), уровень бедности среди детей составляет 29,5%.

- Каждая седьмая полная семья с одним ребенком в 2009 г. не смогла преодолеть черту бедности.

- В самом уязвимом положении с точки зрения бедности находятся дети в возрасте 1–2 лет и дети из многодетных семей.

- Около 28% семей с детьми до 14 лет испытывают один из видов семейного неблагополучия.

- Реформы детских и материнских пособий 2007 г. оказали слабый эффект на уровень жизни семей с детьми, за исключением узких целевых групп (с детьми до полутора лет).

- Семьи с детьми не стали приоритетной целевой группой антикризисной программы Правительства РФ, стартовавшей в 2009 г.

- Распространенность механизма лишения (а не ограничения) родительских прав создает риски социальной исключенности детей.

- Число детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в интернатных учреждениях, составляет более 140000, и за последние 10 лет это число практически не снижалось. Для таких детей крайне высок риск социальной дезадаптации и противоправного поведения.

- Уровень младенческой смертности в Российской Федерации в 3,5 раза выше, чем в странах ЕС.

- Уровень самоубийств среди подростков в четыре раза выше, чем в странах ЕС.

- Показатели смертности подростков практически не снижаются. Среди причин смерти подростков 75% приходится на внешние причины – травмы и отравления.

- На протяжении последних 20 лет наблюдается рост заболеваемости детей по всем классам болезней. Среди детей в трудных жиз-

ненных ситуациях и детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, всего 4% могут считаться здоровыми.

- Пораженность детей и подростков инфекциями, передающимися половым путем, гораздо выше, чем в среднем среди населения. Наиболее высока заболеваемость среди девочек-подростков 15–17 лет.

- Россия переживает самую масштабную ВИЧ-эпидемию в Европе. Наиболее высок риск заражения ВИЧ-инфекцией в возрастной группе 15–29 лет.

- За период 2000–2009 гг. число детей в возрасте до 14 лет, состоящих на учете в связи с алкоголизмом, выросло в 1,6 раза, число подростков 14–18 лет – в 1,5 раза.

- По данным ВОЗ, Россия находится на четвертом месте в мире по распространенности табакокурения среди подростков (курильщиками являются более 30% мальчиков, и 17% девочек в возрасте 15–18 лет).

- За период 2000–2010 гг. число очережников на зачисление в дошкольные образовательные учреждения выросло в семь раз и составило 1,9 млн детей.

- В 2009 г. 38 тыс. детей 7–15 лет оказались не вовлеченными в образовательные процессы. Основная причина – состояние здоровья.

- Дети и подростки в России не защищены от ненадлежащего информационного контента.

- Инклюзивное образование, хотя и становится все более востребованным, по-прежнему остается малораспространенной практикой: всего 2% общеобразовательных школ сегодня приспособлены для обучения детей с инвалидностью [517].

В 2015 году, например, следователями СКР было расследовано почти девятнадцать с половиной тысяч преступлений, совершенных в отношении детей, в том числе 1645 изнасилований и свыше 5300 фактов насильственных действий сексуального характера. В суды было направлено почти десять с половиной тысяч уголовных дел, что на 25% больше, чем в 2014 году. Такие цифры на расширенной коллегии ведомства привел председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин [508].

В том же году от рук преступников погибли 2062 ребенка. Особую тревогу, по его словам, вызывает то, что каждый шестой ребенок становится объектом преступного посягательства со стороны близких ему лиц. В 2015 году от насильственных преступлений пострадало почти 12 тысяч детей, 1900 из них стали жертвами семейного круга [508].

Как здесь не вспомнить слова М. Карима: «Я в детстве не был унижен, мое детство не было унижено» [36, 18].

Огромное значение для сохранения и укрепления здоровья человека имеет физкультура. Подчеркнем – именно физкультура, а не спорт, нацеленный, если иметь в виду современный спорт, на получение возможно более высоких результатов практически любой ценой. Разумеется, пустым в этой связи будет разговор о том, что спорт вообще не нужен. Нужен, нужен по многим причинам, из которых напомним лишь одну именно потому, что она чаще всего забывается. Сто лет назад человек, сыгравший выдающуюся роль в возобновлении олимпийских игр, – Пьер де Кубертен мудро заметил: для того, чтобы десять человек стали заниматься физкультурой, один из них должен заниматься спортом. В те годы тяжелейшие и вредные для здоровья перегрузки в спорте еще практически не были известны, но физкультура и спорт вполне четко различались и тогда. Действительно, как многих побудили заниматься физкультурой зрелищные виды спорта и атлетизм в его различных проявлениях! Но как ею заниматься сейчас? Сейчас, когда тренеры не возьмут ребенка, который по внешним проявлениям явно не будет украшением его команды? Сейчас, когда многие стадионы страны превращены в рынки для продажи заморских товаров? [441, 42].

Тот позор, который произошел со сборной РФ на чемпионате мира в Бразилии в 2014 году, касается каждого россиянина, переживающего за свою страну.

Нам тогда досталась группа с самыми слабыми соперниками. Это дало нам надежду... А в итоге наши футболисты не смогли выиграть ни у кого.

Общий бюджет клубов Российской премьер-лиги, откуда берем игроков в сборную, – около 2 миллиардов долларов. В Премьер-лиге выступают 16 команд. В каждой из них, согласно так называемому лимиту легионеров, на поле может выходить до семи игроков-иностранцев, и всего по четыре наших спортсмена. Что происходит дальше? Наши клубы мгновенно воспользовались этой возможностью. На играх «Спартак» на поле выходят четыре, от силы пять российских игроков и шесть-семь иностранцев. В других клубах ситуация практически не отличается. Получается: в 16 командах Премьер-лиги постоянную практику на поле имеют 70 футболистов с российскими паспортами, из которых должны выбрать сборную 23 человек, 23 из 70, т.е. каждого третьего.

В РФ тогда было 70 российских футболистов, играющих на уровне Российской премьер-лиги. **Больше миллиарда долларов в год российские клубы тратят на зарплату иностранным легионерам.**

Объяснение такое: эти огромные деньги вкладываются для того, чтобы великие иностранцы чему-то научили наших игроков. На деле получается, **что зарубежные спортсмены играют сами с собой и увозят гонорары в сумме десятков миллионов долларов в свои страны.**

Почти все клубы у нас убыточные и содержатся госкорпорациями. Получается, что нашими государственными деньгами финансируется футбол за рубежом. Почему не используется опыт частного футбольного клуба «Краснодар», который финансируется владельцем торговой сети «Магнит»? Частный «Магнит», который торгует продуктами, воспитывает футболистов для страны, а самая мощная корпорация мира Газпром покупает за бешеные деньги легионеров.

Давайте вспомним сборную СССР. Чем она отличалась от российской сборной? Сборная СССР была сборной богатырей, а российская сборная – сборная карликов. Киевское «Динамо» и сборная СССР под руководством великого тренера Валерия Лобановского нагоняли ужас на футбольные арены: рослые, быстрые, физически крепкие футболисты сначала изматывали соперника, а затем вырывали победу.

Мы играли на принципах спортивного превосходства. Опыт нашего тренера В. Лобановского был признан передовым, на нем учились многие европейские тренеры.

А что тогда? Посмотрим на нашу сборную: все как на подбор мелкорослые игроки. Средние габариты стартового состава России – 179 сантиметров рост, 74 килограмма вес. Южная Корея обошла нас, у них средний рост футболистов 184 сантиметра, вес 77 килограммов. Дожили: корейцы крупнее нас. Когда корейцы обходят нас в росте, это по меньшей мере удивляет.

У игроков Германии, на которую мы рассчитывали выйти в 1/8 финала, показатели такие: рост 186 сантиметров, вес 78. Разница ощутимая. Может, потому и не могут наши маленькие футболисты бегать быстрее крупных соперников. Возникает вопрос: где же наша селекция? Где наши Ильи Муромцы и Алеши Поповичи?

Депутат О. Пахомов с трибуны Госдумы рассказал одну примечательную историю. «В прошлом (в 2013. – **И.В.**) году, – сказал он, – в мою депутатскую приемную обратилась мама 13-летнего парня. Ее сын с пяти лет занимается футболом, только им и живет. Демонстрировал успехи. Его первый тренер сказал: парень талантливый, ему нужно развиваться, езжайте в спортинтернат. Когда туда приехали, выяснилось, что просто так туда не поступают. Нужно заплатить **1 миллион рублей.** «Это еще немного, – сказали маме, – ведь ваш

сын будет получать миллионы евро. Возьмите кредит, проинвестируйте в сына, а он вам вернет с процентами, так сейчас многие делают». Дельцы закрыли двери перед мамой и ее талантливым сыном. **Вот это и есть то, что называется национальным предательством, предательством спортивных интересов страны!»** [174].

В Германии государство выделяет очень серьезные средства. А самое главное – в стране разработана и реализуется программа массового футбола. Германия поделена на регионы, за каждым закреплен куратор, который организует работу юношеских школ и занимается тренерскими кадрами. Там понимают: не будет массового футбола на качественном уровне – не появятся классные молодые игроки, не из кого будет выбирать.

В России слабо развит массовый футбол. Нам нужно создать и реализовывать национальный проект «Футбол». Бездарная игра нашей команды в Бразилии в очередной раз нам доказывает: надо вкладывать деньги в развитие детско-юношеского футбола, вернуть во все населенные пункты российский турнир «Кожаный мяч», чтобы пацаны соревновались на уровне улиц, микрорайонов, сельских районов, городов, областей. Пора вкладывать деньги в детских и юношеских тренеров, создавать им условия для работы, отбора лучших из лучших. Хватит вместо наступательного футбола демонстрировать нам вальяжное хождение по полю мелких шпендииков. Россия вправе видеть физически крепкую рослую футбольную команду, способную обыгрывать самые мощные в мире команды.

Но у бывшего тренера нашей сборной Фабио Капелло были другие планы. Он прямым текстом заявлял: «Надо натурализовать хороших игроков, искать дарования за границей, давать им российские паспорта, так многие делают...» Неужели в нашей великой стране с выдающимися спортивными традициями не найдется своих футбольных дарований, которые будут сражаться не как наемники, за деньги, а как патриоты – за честь Родины?

Кстати, Фабио – был самый высокооплачиваемый тренер в мире. За позорный проигрыш российской сборной он получил 800 миллионов рублей.

Удивительно, как можно было до окончания чемпионата потребовать продления контракта? Контракты обычно пересматриваются после чемпионатов. А Фабио забронировал себе еще на четыре года работу, за которую получил 1,5 миллиарда рублей [174].

М. Карим однажды заметил, что он не слишком огорчается, когда наши спортсмены проигрывают: значит, слабые были.

А иногда они бывают кощунственными. Иначе как объяснить тот факт, который произошел в конце февраля 2017 года в Архангельске. Здесь местный хоккейный клуб с мячом «Родник» провел матч с командой «Байкал – Энергия». Было забито 20 мячей и все в... собственные ворота. Больше всех в свои ворота забил нападающий местной команды Олег Пивоваров – целых 11! Какие могут уроки вынести нынешние школьники из этого безобразного примера?

По справедливому замечанию Е.М. Шипициной, атеизм, которую церковь пытается вменить в вину падение нравов, не имеет к этому никакого отношения. Нынешнее предание атеизма анафеме не приводит к улучшению нравственности, скорее наоборот – это факт, не требующий доказательств. Об этом свидетельствует безжалостная статистика (чего стоит только нынешнее первое место России по абортам в мире). Навязываемая ныне религиозность бессильна перед пошлостью и развратом, льющимися бурным и мутным потоком со страниц СМИ, из Интернета, с подмостков беснующейся эстрады, со страниц бульварного низкопробного чтива, с экранов выродившегося кинематографа. И все это без какого-либо противостояния со стороны государства и общества» [581].

«Из окна моей комнаты, – пишет А.А. Зиновьев в книге «Русская трагедия», – открывается панорама города. Она сверкает бесчисленными позолоченными куполами церквей. Когда начиналась советская эпоха, первым делом строили школы, больницы, заводы. Постсоветская эпоха началась с буйства церковников. Десятки миллионов обманутых и отчаявшихся людей устремились в церкви, ища там утешения. **А на самом деле устремились в бездну мракобесия, деградации, отказа от какой бы то ни было социальной активности – в бездну рабской покорности** (выделено мной. – *И.В.*). Наряду с церквями, повсюду высятся здания банков и частных фирм самой современной западнообразной архитектуры, – храмы нового божества российского общества и нового его властителя, имя которому Деньги. Советское общество затратило огромные усилия на то, чтобы оградить нас, россиян, от этого идола западного мира. Все пошло прахом. Новый Бог потеснил не только идеалы коммунизма, но и реанимируемого Христа.

Я эту панораму ненавижу и к окну стараюсь вообще не подходить. А то появляется сильное искушение покончить с постсоветской мерзостью самым простым и доступным способом – выброситься из окна. И пусть тут творится все что угодно. Пусть тогда идут столетия и тысячелетия. Пусть вымирают одни народы и нарождаются другие.

Все равно это чужой и чуждый для меня мир. Моего мира больше нет. И он никогда не возродится вновь. Мертвые не воскресают. Но что-то еще удерживает меня от такого последнего шага в Вечное Ничто. Значит, я еще не испил до дна чашу страдания, положенную мне по праву русского человека» [236, 14–15].

Мы часто слышим слова: «народ испортился», «народ распустился», «народ почерствел». По этому поводу М. Карим писал: «То горькое обвинение, вернее, самообвинение: “народ испортился” – заставляет печалиться вот о чем. Дело, пожалуй, не только в том, что среди народа стало так много испорченного, распустившегося, праздного, черствого люда, по которому можно судить обо всем народе. Беда в другом: порча задела хороших людей – порча безразличия, порча благодушия, порча трусливого невмешательства. Ослабла в нашем душевном инструменте главная струна – струна государственной ответственности и гражданской непримиримости» [393, 359].

Самое страшное, что принесло разрушение СССР, – это «русский крест», так называют график, на котором зловеще пересекаются линии падающей рождаемости и рвущейся вверх смертности.

Авторитет института брака упал в России ниже некуда. Процветает тот самый животный секс, которого в СССР действительно не было и который теперь стал всего лишь способом получения физиологического удовольствия. А ведь еще Блез Паскаль говорил: «Кто входит в дом счастья через дверь удовольствий, тот обыкновенно выходит через дверь страданий».

«Человек рождается для счастья», – говорил другой великий француз Мишель Монтень. Но счастье и жизнь в удовольствиях – совершенно разные понятия. Для счастья человеку не нужны золотые яхты и унитазаы, лазурные берега, 13-комнатная квартира в Молочном переулке, бриллианты в ушах, во рту и на пупке [581].

Бывший посол РФ в Норвегии, депутат Госдумы Юлий Александрович Квицинский был уверен, что в нынешнем своем состоянии «Россия бесконечно долго пребывать не может. СССР был развален в нарушение Конституции и всех действовавших тогда законов. Постановления “беловежской тройки” – ничтожны. Юридически Советский Союз не прекратил своего существования. Он лишь сжался в результате беловежского преступления до нынешних границ России. Она морально и политически обязана оставаться открытой для присоединения всех тех своих частей, которые решили бы возобновить союз и единство с нами в той или иной форме. Разумеется, мирным путем и в соответствии с международным правом» [272]. Здесь

говорит ностальгия. И ностальгические помыслы великого нашего артиста Ю. Назарова подвинули написать эти строки: «Не хочу видеть золотого блеска на воругах, не хочу пялить глаза на “вольво” и “мерседесы”... Дайте мою Родину! Какую уж там, хорошую или плохую, но мою! Родину, как и мать, не выбирают. Тем более, не отрицают. Видеть – да. Все ошибки, недостатки, просчеты, промахи, но не отрицать! Да и как же без любви-то? К ней, к матери, к Родине, к истории своей? Без любви, без понимания, с одним отрицанием вы же сами себя уродуете, ископьяете» [432].

«Я теперь, – писал М. Карим, – имею некоторый житейский опыт и могу смотреть на жизнь, на страну, на дела людей и исторические свершения вблизи и издали без предвзятого восторга и наносного скептицизма. Издали вижу я величие моей социалистической страны, особенно тогда, когда бываю в разлуке с ней. В какой бы стране я ни был, имя моей державы всегда шло впереди и вело меня. Когда смотрю вблизи, я вижу каждый новый узор на моей земле, драгоценные плоды вдохновения и труда моих соотечественников и, думая о них, радуюсь не шумной и мимолетной радостью, а испытываю чувство прочного, отстоявшегося счастья. А частые трудности и неполадки – детище нашей собственной расхлябанности и суеты – или малейшее неуважение к нравственным и идейным принципам социалистического общежития со стороны иных людей причиняют мне беспокойство и боль. Это, видимо, естественно. Пусть нас, стихотворцев, никогда не покидает святое беспокойство за дела наших сограждан» [393].

И это «святое беспокойство», если можно так сказать, заставляло поэта особенно остро говорить о положении дел в стране в 90-е годы и в начале нулевых.

Все, что говорил и писал М. Карим в постсоветские времена согласуется с его убеждением о том, что «писатель – часть общественного организма. Наверное, его самая активная, чуткая клетка. И коль природа дала ему возможность рассказать о самочувствии этого организма, он обязан говорить до конца и искренне» [395]. Он также был убежден в том, сто «писатель должен хвалить свой народ, а если надо, то и критиковать» [416]. Эту же мысль он повторил в своей статье «На пороге третьего тысячелетия»: «Писатель призван говорить народу правду – сладкую и горькую – не только ему самому, но и о нем самом, если есть любовь к нему и боль. Что касается обязанностей – наверное, они обоюдны – поэта и народа. Вот два вершинных примера. Древняя Греция, породившая легендарного Гомера,

потом останется перед ним в долгу на тысячелетия вперед. Ибо ту Грецию без Гомера современное сознание уже не воспринимает. Россией выстраданный Пушкин стал провидцем и первой любовью нашего общего Отечества. А ведь когда-то разгневанный Сергей Львович яростно обрушился на сына за то, что тот своим неугождением самодержавию опозорил, осрамил их благородный род. Мыслимы ли теперь благородство и слава России без Пушкина? Поэт и народ. На их взаимности, видимо, и зиждется духовный прогресс» [402, 480].

А по поводу места самого М. Карима в истории и его роли народный поэт Башкортостана А.П. Филиппов написал: «До сих пор болит мое сердце, что нет рядом Мустая. Он понимал нашу боль о Родине и сам болел тем же» [548].

«Хозяин времени – человек.

И они всегда похожи друг на друга – Время и Человек»

Мустай Карим [382]

Вместо заключения

Мустай Карим в своих нижеприведенных словах словно писал о себе: «Когда писатель и художник, музыкант или артист публично начинает убеждать людей, что у него обыкновенная биография, как у всех, что он сам во всем принадлежит своему поколению, у меня возникает протест. Вздор это! Он должен говорить: “У меня биография необыкновенная. Она только моя. Я много думал, сомневался, страдал, дерзал”. Биография творящего человека не может быть обыкновенной, и он сам не может так просто прилипнуть к своему поколению. Он – не кукурузное зерно в початке. Он – личность. Биография его – путь к постижению сути добра и сути зла. Этот путь каждый прокладывает сам» [402, 532].

Да, М. Карим свою судьбу прокладывал сам и путь, по которому он шел, вывел его на вершины мировой культуры.

Как-то собственный корреспондент «Известий» Г. Кудряшов в поезде, идущем на Восток, оказался в купе вдвоем с военным врачом, полковником, который был родом из Башкирии. Когда врач узнал, что он оказался в вагоне с земляком, то живо спросил: «Как там Мустай Карим?»

«Такой вопрос, – пишет Г. Кудряшов, – я слышал часто и в Сибири, и на Волге, и на Кавказе, и в северных краях, где мне приходилось бывать. Встречался я со многими иностранцами: “Башкирия? О, Мустай Карим”».

На этот раз, в купе вагона, я стал перечислять последние книги Мустаея. Мой попутчик нетерпеливо прервал:

– Простите, но я их уже читал. Я читаю все, что издано Мустаем на башкирском и русском языках. Вы знакомы с ним? Расскажите мне о нем.

Рассказать о Мустае... О нем можно говорить часами. В одном из своих ранних стихотворений поэт сказал: «Я думы сердца в песню перелью!». И это стало его клятвой на всю жизнь» [293].

Дорого стоят слова народного поэта Калмыкии: «Мустай Карим был великий поэт, писатель, побыв наедине с которым, ты потом

ощущал себя мальчишкой, карманы которого добрый дядя наполнил сказочными сладостями. Он мог утешить, он мог убедить, и, наконец, одарить крыльями» [214, 71].

Как-то башкирский поэт Назар Наджми говорил полушутя, полусерьезно: «Трудно быть поэтом в литературе, в которой творит Мустай Карим». Да, действительно, трудно, и я бы добавил – почетно. Ибо творчество Мустая Карима стало мерилom зрелости не только башкирской, но и всей многонациональной советской поэзии. Его имя стоит в одном ряду с именами ныне здравствующих виднейших советских поэтов разных народов, таких как Ярослав Смеляков и Михаил Дудин, Эдуардас Межелайтис и Мирзо Турсун-Заде, Расул Гамзатов и Кайсын Кулиев, Ираклий Абашидзе и Давид Кугультинов, Сибгат Хаким и Хасан Туфан. Счастливо сбылась юношеская мечта поэта, который в одном из ранних стихотворений писал о своем будущем месте в вечно живой, бурлящей большой реке советской поэзии: «Если Асевы разольются, как Волга, я Демой в их поток вольюсь...» Ныне раздумчивая и глубинная, спокойно-мудрая и подчас бурно-стремительная поэзия Мустая Карима давно уже влилась заметным неповторимым потоком в неугомную, прекрасную реку поэзии нашей страны.

Поэзия Мустая Карима традиционна в высоком, лучшем смысле этого слова. Ее питают могучие истоки многовековой устной поэзии родного народа, дошедшей до наших дней многотысячными строками героического эпоса, чудесных легенд и волшебных сказок, недосыгаемыми образцами протяжных задушевных песен. Поэт полными пригоршнями черпает из этого родника песенной мудрости. В то же время поэзия Мустая Карима и поистине новаторская по своей сути. В духовную сокровищницу родного народа он вносит много неповторимого, своего, рожденного светлой судьбой Советской Башкирии, в которой ежедневно растет и крепнет новое, невиданное до сих пор» [490, 149–150].

Имея в виду повесть М. Карима «Долгое-долгое детство» Р. Амиров особо подчеркивает: «Продолжив традицию исследования духовных истоков человека и его самоочищения перед временем, М. Карим обогатил их чувствами и мыслями человека двадцатого века. Раскрывающийся во все более возрастающей сложности мир ставит перед автобиографическим героем, как и перед каждым человеком второй половины двадцатого века, главные вопросы о смысле, назначении жизни. Наполняя его ум знанием, жизненным опытом, этот мир не освобождает от суда совести, от поисков ответа на новые вопросы. Вот почему, думается, так отзывчива на боль в людской судьбе, на тра-

гическое напряжение духа во имя счастья эта повесть, со всей открытостью ведущая разговор о самых трудных, порой кажущихся безысходными минутах в жизни человека, от которых несет дыханием трагедии. Но эта трагедия очищающая и возвышающая. И чем больше вчитываешься в судьбы персонажей повести, тем страстнее проникаешься верой в человека. Поэтому она предстает перед читателем как произведение о победе добра, человеческого духа над злом» [16, 502].

М. Карим утверждал, что советскому поэту дано было большое право полным голосом творить от имени народа. В своих стихах, выражая мысли и чувства людей, он вполне законно пишет: «я – хлебороб», «я – часовой», «я – каменщик», «я – сталевар». И никто в этом не сомневается и не обличает поэта во лжи, если он правдиво и художественно выражает душевное состояние тех, от имени кого он выступает.

Никто не упрекнет его в том, что он не водит трактор, не стоит на посту у границы, не возводит дома и не варит сталь, а пишет стихи. Но от поэта требуется другое: он должен и обязан любить людей, от имени которых он поднимает голос поэта. Для того, чтобы любить и людей, и их дела, нужно их знать, знать глубоко. По-настоящему – вслепую не любят» [355].

После кончины М. Карима лауреат Государственной премии РФ, народный поэт Татарстана Ренат Харис поделился: «Я бросил горсточку осенней земли в залитую солнцем могилу своего литературного учителя и, шагая по самой печальной из дорог, уводившей нас все дальше и дальше от нового жилища крупнейшего поэта России и всего тюркского мира, я стал вспоминать его произведения. И сразу, как это не раз уже бывало, очутился... не в этом, не в нашем веке, а каком-то другом, сжатом, плотном, как ядро атома, как метафора поэта, где нет ничего случайного, ничего второстепенного, только самое главное – как для Земли, так и для человека с его родиной, судьбой, любовью, ненавистью, честью, с его надеждами на будущее, разочарованиями, смехом и плачем, солнечной радостью и труднопреодолимой тоской» [214, 71].

Он же далее пишет: «Интеллигентнейшая проза, глубокофилософичная драматургия, многогранная, порой саблеострая, но всегда искренняя публицистика, профессорски основательная литературная критика и, наконец, блистательная поэзия! Там каждое слово защищает в человеке Человека, каждая строка борется с несправедливостью, ложью, унижением личности.

Он сам – гармоничный и вечно живой мир творчества, в котором продолжает делаться добро для многих поколений и в отсутствии самого творца» [214, 71].

М. Карим утверждал, что «есть поэты, имя которых называют первыми в той или иной национальной поэзии, есть поэты, имена которых называют первыми в нации. Это – доля тех, кто более полно, правдиво, смело выражает душу своего народа, его чаяния, надежды, печали, кто свободен от мелкой лести народу, шумной клятвы любви к нему и опекунской позы. Поэзия истинного поэта – это мысли вслух его соотечественников – от полководца, выигравшего сражения, до юноши, отвергнутого возлюбленной, от седого мудреца до уличного балагура» [393, 150–151].

Так может говорить любой из нас о самом М. Кариме. И это будет справедливо!

Мустаю Кариму было гораздо больше, чем нам, кто был моложе его на целое поколение, осмысливать расстрел законно избранного парламента, торжество олигархов, падение нравов, ублюдочность новой журналистики, развал деревни, кровь в Чечне...

О чем он думал в последний свой миг? О путях истины? Судьбе крестьянина? О предательстве Горбачева? Этого теперь никто не узнает. Важнее другое. Писатель выдержал испытание временем. Он был беспощадным исследователем общественных нравов, вдумчивым философом, мудрым политиком. У него были не только почитатели, но и завистники, недоброжелатели. Были люди, конъюнктурно прислонившиеся к его таланту. Сам он конъюнтурщиком никогда не был. Поддавшись искушению «перестройкой», М. Карим нашел в себе мужество вернуться на круги своя.

Выдающийся советский поэт К. Кулиев свое отношение к башкирскому поэту выразил так: «...Мустай Карим прежде всего дорог нам тем, что он очень талантлив, дорог естественностью своей самобытной поэзии, ее большой человеческой добротой. Я имею в виду ту доброту, которая рождает героев. Ею движимо все прекрасное на земле, через нее печется хлеб, слагается колыбельная песня и совершаются подвиги. Мы знаем, что она помогла советским людям сокрушить фашизм» [296, 4].

М. Карим, безусловно, был человеком поступка, затрагивал острые темы, «пахал» основательно, глубоко, поднимаясь до философских обобщений и выводов. Впрочем, как и всякий талант, был подвержен сомнениям.

Правда М. Карима – это его талант, неоплаченный долг и подарок родной земли и родного народа. Колыбель его произведений – Башкортостан, Урал, Отечественная война, созидательный труд. Должно быть, школа войны явила ему как писателя, и всю жизнь его

сопровождала мысль о том, что его Отечество – неизведанная страна несгибаемого духа. Секрет его творчества приоткрывается в поиске общей истины, а именно: общей справедливости и общечеловеческой морали, в столкновении с причесанной в модном салоне неправдивой правдой. Литературе противопоказана разгоряченная тщеславность фанатов вычислить квадратуру круга [41].

В «Литературной газете» 20 февраля 1976 года вышла статья М. Карима «Мосты» [382], в которой поэт размышляет о Человеке и Времени. «...Не только мы, – пишет он, – идем сквозь время, но и время идет сквозь нас. Как ветер, проходя сквозь лес, взбудораживает листья, продувает тропинки, так и время идет сквозь наш дух, наше сознание, взвихряет наши мечты... Хозяин времени – человек. И они всегда похожи друг на друга – Время и Человек. Потому и говорят люди: “Наше время, мое время...” И наоборот – говоря о достойных сыновьях и дочерях мира, скажут: “Человек эпохи”. И это – высшая оценка. И на высоком мосту с гордостью видишь, что мы живем в такой стране, где Время и Человек – вровень друг с другом. И они шагают в ногу, увлекают друг друга вперед.

Какие годы шли... Какие годы придут...» [382].

«Гляжу я на сегодняшний мир и думаю так: я пришел в этот мир в свое время», – размышлял поэт [87].

«Нелегкая, но счастливая выпала судьба ему (М. Кариму. – **И.В.**). На долю поэта пришлись и коллективизация, и Великая Отечественная война – “от звонка до звонка...” И все крутые повороты в истории России и родного края, предстающего на карте огромной страны “с березовый листок величиной, запечатлено в его творчестве”, – отмечают составители литературного альманаха “Быть на земле Поэтом”» [45, 3].

Мустай Карим был выше всех своих наград, ОН БЫЛ ЯВЛЕНИЕМ ВРЕМЕНИ, ЯВЛЕНИЕМ ЭПОХИ. И эпоха выдвинула поэта миллионов его современников на великие свершения.

Литература*

-
1. А песня все льется и льется // Правда. 2014. № 47.
 2. **Абакумова А.** Правда и ложь о войне // Истоки. 2011. № 25.
 3. **Абузаров С.** Свет Кляшевской школы // Башкортостан. 2004. 20 октября.
 4. **Абуков М., Халимбеков Х.** «Ай тутулган гече» // Ленин Ёлу. 1966. 30 апреля.
 5. **Аверченко Т.** Граматешки маловато // Правда. 2011. № 33.
 6. **Адамов Г.** Тайна двух океанов. М., 1939.
 7. **Азнагулов Р.** Лунный Мустай. Солнечное творчество // Ватандаш. 2013. № 10.
 8. **Азнагулов Ю.** Как жить нам без тебя?! // Башкортостан. 2005. 20 октября.
 9. **Айтматов Ч.** Боль, рожденная войной // Литературная Россия. 1986. 7 ноября.
 - 9а. **ALECS.** Письмо к советским коммунистам // Советская Россия. 2010. 16 сентября.
 10. **Алексеева С.** Культ должности // Советская Россия. 1994. 5 мая.
 11. **Алексютина С.** «Илья Глазунов: Не путайте искусство с хулиганством» // Учительская газета. 2013. № 13.
 12. **Альфия Каримова:** «Я с детства знала, что отец – человек уникальный» // Республика Башкортостан. 2012. 22 сентября.
 13. **Амиров Р.** Мосты Мудрости и человечности // Литературное обозрение. 1977. № 4.
 14. **Амиров Р., Смирнов Вит.** Времени своему // Урал. 1979. № 10.
 15. **Амиров Р.** Живая связь времен (О прозе Мустая Карима) // Волга. 1982. № 12.
 16. **Амиров Р.К.** Похожий на свои творения // Литература в школе. 1989. № 6.
 17. **Анучкин-Тимофеев А.** Глумление над историей // Советская Россия. 2012. 5 мая.
 18. **Анучкин-Тимофеев А.** Великий Октябрь: 95 минус 21 // Советская Россия. 2012. 7 ноября.
 19. **Афанасьев П.** Бессмертные всегда рядом // Истоки. 2013. № 21.
 20. **Афанасьева О.** Поэзия Мустая Карима // Советский Сахалин. 1972. 3 декабря.
 21. **Ахияров К.Ш., Якупов К.А.** Мустай Карим – поэт, педагог, патриот. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2008.

* В авторской редакции

22. **Ахияров К.** Мустай Карим: поэт, педагог, патриот // Истоки. 2009. № 41.
23. **Алюпов М.** И умер, как писал в своих стихах: «На состязаниях от разрыва сердца» // Республика Башкортостан. 2005. 24 сентября.
24. **Бабичева Т.** Два берега бытия // Ватандаш. 2014. № 10.
25. **Байков Э.** Учреждена медаль Мустая Карима // Истоки. 2009. № 45.
26. **Баранов В.** Жизнь отвергает тайну (О поэмах Мустая Карима) // Быть на земле человеком. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968.
27. **Белов М.** Приговор российским прохиндеям // Патриот. 2012. № 8.
28. **Белоусова Л.** Десятиклассник // Ленинец. 1958. 22 июля.
29. **Беляков В.** Евгений Евтушенко: «Демократией сыт не будешь» // Правда. 1993. 11 июня.
30. **Бикбаев Р.** Голос народа // Вечерняя Уфа. 1999. 20 октября.
31. **Бикбаев Р.** Школа Мустая Карима // Валеев И.И. Педагогика Мустая Карима. Уфа: Китап, 2002. С. 5–12.
32. **Бикбаев Р.** «В дороге ноги, в песнях думы...» // Бельские просторы. 2009. №10.
33. **Бикбаев Р.** Светлый образ народа // Истоки. 2011. № 35.
34. **Бикбаев Р.** «В дороге ноги, в песнях думы...» // Ватандаш. 2014. №10.
35. Бизнес и культура несовместимы // Правда. 2015. № 59.
36. Благо, что есть свой характер. С народным поэтом Башкортостана Мустаем Каримом беседует Галина Ишмухаметова // Уфа. 2004. № 6.
37. **Бобров А.** Февраль реальный и завиральный // Советская Россия. 2009. 28 февраля.
38. **Бобров А.** Истаял Год культуры, объявлен Год литературы // Отечественные записки. 2014. № 24.
39. **Богданова Н.** Запах горя // Учительская газета. 2012. № 12.
40. **Бодалев А.А.** О качествах личности великих и выдающихся людей как ориентире для воспитания молодежи // Мир образования – образование в мире. 2004. № 1.
41. **Бондарев Ю.** Секреты поиска истины // Правда. 2010. № 121.
42. **Бондарев Ю.** Ледяной дождь в мае // Правда. 2014. № 25.
43. **Бондаренко И., Борздова О.** Утомленные чтением // Советская Россия. 2010. 8 июля.
44. **Быстрицкая Э.** У «денежных мешков» – свобода, а у творцов искусства – удавка // Правда. 2016. № 7.
45. Быть на земле Поэтом: Творческие работы школьников Республики Башкортостан. Литературный альманах. Уфа: БИРО, 1999.
46. Быть человеком советским – великая честь // Правда. 2012. № 134.
47. «...В нем жила внутренняя свобода» // Истоки. 2012. № 49.
48. **Валеев И.И.** Башкирская этнопедагогическая культура и Мустай Карим. Уфа: Издательство БГАУ, 2002.
49. **Валеев И.И.** Педагогика Мустая Карима. Уфа: Китап, 2002.

50. **Валеев И.И.** Педагогика Мустая Карима. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Вступ. статья Р. Бикбаева. Уфа: Китап, 2003.
51. **Валеев И.И.** Национальное и общечеловеческое: историко-педагогический аспект. Уфа: Гилем, 2003.
52. **Валеев И.И.** Башкирская этнопедагогическая культура и Мустай Карим // Агидель. 2003. № 1.
53. **Валеев И.И.** Личность Мустая Карима как педагогический феномен // Учитель Башкортостана. 2003. № 5.
54. **Валеев И.И.** Мустай Карим на войне, о войне и о патриотизме // Ватандаш. 2003. № 5.
55. **Валеев И.И., Валеева С.Г.** Главная идея педагогической культуры башкирского народа и Мустай Карим // Современный мир: экономика, история, образование, культура: Сборник научных трудов. Ч.1. Уфа: Гилем, 2003.
56. **Валеев И.И.** Мустай Карим о патриотизме и патриотическом воспитании // Мир образования – образование в мире. 2003. № 4.
57. **Валеев И.И.** Мустай Карим о традициях межнациональных отношений в Башкортостане // Материалы региональной научной конференции «Культурное наследие народов Башкортостана», посвященной памяти Д.Ж. Валеева (Уфа, 18 апреля 2003 года). Уфа: РИО БашГУ, 2003.
58. **Валеев И.И.** Мустай Карим: воин, поэт, гражданин. М.: Герои Отечества, 2004.
59. **Валеев И.И.** Образ Салавата Юлаева в творчестве Мустая Карима // Ватандаш. 2004. № 6.
60. **Валеев И.И.** «Мой дух – необузданный конь» // Сельские узоры. 2004. № 5.
61. **Валеев И.И.** Мустай Карим о проблемах межнациональных отношений в башкирской этнопедагогической культуре // Ватандаш. 2004. № 10.
62. **Валеев И.И.** Уроки патриотизма Мустая Карима // Военные знания. 2004. № 10.
63. **Валеев И.И.** Исторический аспект творчества Мустая Карима // Ядкяр. 2004. № 4.
64. **Валеев И.И.** Патриотизм и гражданственность в творчестве Мустая Карима // Истоки. 2004. № 7.
65. **Валеев И.И.** Творчество Мустая Карима: исторический аспект // Истоки. 2004. № 35.
66. **Валеев И.И.** Творчество Мустая Карима: исторический аспект // Истоки. 2004. № 36.
67. **Валеев И.И.** Творчество Мустая Карима: исторический аспект // Истоки. 2004. № 37.
68. **Валеев И.И.** Мустай Карим – общественный и государственный деятель // Истоки. 2004. № 42.
69. **Валеев И.И.** «Я не с боку подхожу к проблемам страны» // Республика Башкортостан. 2004. 19 октября.

70. **Валеев И.И.** Мустай Карим о традициях межнациональных отношений в Башкортостане // Материалы научно-практической конференции «Просветительство в Башкортостане: традиции, современность, перспективы». Уфа: Общество «Знание» РБ, 2004.

71. **Валеев И.И.** Мустай Карим о межнациональных отношениях в Башкортостане // Материалы республиканской научной конференции (21–22 мая 2004 г.) «Сотрудничество и дружба народов Башкортостана: история, современное состояние, перспективы». Уфа: Издательство ООО «Здоровохранение Башкортостана», 2004.

72. **Валеев И.И.** Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Мустая Карима. Уфа: Китап, 2005.

73. **Валеев И.И.** «Мой дух – необузданный конь». Образ коня в творчестве Мустая Карима // Истоки. 2005. № 33.

74. **Валеев И.И.** «Мой дух – необузданный конь». Образ коня в творчестве Мустая Карима // Истоки. 2005. № 34.

75. **Валеев И.И.** Кажется, свет белый потух, красота земная ушла... // Истоки. 2005. № 39.

76. **Валеев И.И., Чупова Т.Н., Харрасова Р.Х.** Мустай Карим о патриотизме и патриотическом воспитании // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч.2. Уфа: Издательство БашГАУ, 2005.

77. **Валеев И.И.** Мустай Карим о семейной педагогике // Известия Академии педагогических и социальных наук. 2006. Выпуск 10.

78. **Валеев И.И.** Педагогическое наследие Мустая Карима // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 1.

79. **Валеев И.И., Харрасова Р.Х.** Мустай Карим о семейной педагогике // Ядкяр. 2006. № 3.

80. **Валеев И.И.** Размышления о великой жизни // Истоки. 2006. № 35.

81. **Валеев И.И.** Размышления о великой жизни // Истоки. 2006. № 39.

82. **Валеев И.И.** Размышления о великой жизни // Истоки. 2006. № 40.

83. **Валеев И.И.** Размышления о великой жизни // Истоки. 2006. № 41.

84. **Валеев И.И.** Мустай Карим – выдающийся педагог Востока // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 2. Тезисы докладов V Всероссийского съезда востоковедов 26–27 сентября 2006 года. Уфа: Вилли Окслер, 2006.

85. **Валеев И.И., Шамсутдинова Ю.И., Уланова И.А.** Мустай Карим: «Мой Бог – совесть» // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-методической конференции, 13 декабря 2006. Уфа: Уфимск. гос. академия экономики и сервиса, 2006.

86. **Валеев И.И.** Мустай Карим – явление мировой культуры: В 2 т. Т. 1. Уфа: Гилем, 2007.

87. **Валеев И.И.** Мустай Карим – явление мировой культуры: В 2 т. Т. 2. Уфа: Гилем, 2007.
88. **Валеев И.И.** Религия в мировоззрении и творчестве Мустая Карима. Уфа: УГАЭС, 2007.
89. **Валеев И.И.** Добро и зло в творчестве Мустая Карима // Истоки. 2007. № 37.
90. **Валеев И.И.** Мустай Карим: твердость убеждений // Истоки. 2007. № 49.
91. **Валеев И.И.** Философия в творчестве Мустая Карима // Агидель. 2007. № 10.
92. **Валеев И.И.** Философия в творчестве Мустая Карима // Агидель. 2007. № 11.
93. **Валеев И.И.** Природа в творчестве Мустая Карима // Табигат. 2007. № 12.
94. **Валеев И.И., Харрасова Р.Х.** Мустай Карим о семейной педагогике // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч. 3. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007.
95. **Валеев И.И.** Достояние нации // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-методической конференции, 11 декабря 2007 г. Ч. 3. Уфа: Уфимск. гос. академ. экономики и сервиса, 2007.
96. **Валеев И.И., Валеева С.Г.** Мустай Карим о традициях коллективной организации башкирского быта // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-методической конференции, 11 декабря 2007 г. Ч. 3. Уфа: Уфимск. гос. академ. экономики и сервиса, 2007.
97. **Валеев И.И.** Нравственные уроки Мустая Карима. Уфа: Китап, 2008.
98. **Валеев И.И.** Мустай Карим и башкирский быт // Истоки. 2008. № 2.
99. **Валеев И.И.** Счастьем не бросаются // Истоки. 2008. № 7.
100. **Валеев И.И.** Мустай Карим о чувстве долга // Истоки. 2008. № 11.
101. **Валеев И.И.** Мустай Карим о семейной педагогике // Истоки. 2008. № 36.
102. **Валеев И.И.** Верю в любовь // Вечерняя Уфа. 2008. 17 сентября.
103. **Валеев И.И.** Мосты поэта // Истоки. 2008. № 40.
104. **Валеев И.И.** Мосты поэта // Истоки. 2008. № 41.
105. **Валеев И.И., Валеева С.Г. В.А. Сухомлинский и Мустай Карим об учительстве // Выдающийся педагог XX столетия В.А. Сухомлинский и современная школа: материалы II-й международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.А. Сухомлинского. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008.**
106. **Валеев И.И.** Мустай Карим о межпоколенческих отношениях // Известия Академии педагогических и социальных наук. 2008. Вып. XII. Ч. I.

107. **Валеев И.И.** Народность творчества Мустая Карима // Агидель. 2008. № 9.

108. **Валеев И.И.** Мустай Карим как педагог Востока // Общество и образование: актуальные проблемы современности: сборник научных трудов. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

109. **Валеев И.И.** Образ Салавата Юлаева в творчестве Мустая Карима // Общество и образование: актуальные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

110. **Валеев И.И.** «Гостеприимство башкир... переходило всякие границы» // Общество и образование: актуальные проблемы современности: сборник научных трудов. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

111. **Валеев И.И.** Проблемы человеческой индивидуальности в творчестве Мустая Карима // Общество и образование: актуальные проблемы современности: Сборник научных трудов. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

112. **Валеев И.И.** Современность: кризис воспитания // Общество и образование: актуальные проблемы современности: Сборник научных трудов. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

113. **Валеев И.И., Шамсутдинова Ю.И.** Мустай Карим о воспитании в семье // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч. 4. Уфа: Изд-во УГАЭС, 2008.

114. **Валеев И.И.** Башкирский народный герой Салават Юлаев в творчестве Мустая Карима // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч. 4. Уфа: Изд-во УГАЭС, 2008.

115. **Валеев И.И.** Педагогические миниатюры Мустая Карима. Уфа: Гилем, 2009.

116. **Валеев И.И.** Мустай Карим о религии. М.: Наука, 2009.

117. **Валеев И.И.** Мосты Мустая Карима // Общество и образование: современные проблемы и пути их решения: сборник научных трудов. Ч. 3. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.

118. **Валеев И.И.** Мосты Мустая Карима // Общество и образование: современные проблемы и пути их решения: сборник научных трудов. Ч. 4. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.

119. **Валеев И.И.** Краски природы в творчестве Мустая Карима // Агидель. 2009. № 11.

120. **Валеев И.И.** Государственная и общественная деятельность Мустая Карима // Ватандаш. 2009. № 8.

121. **Валеев И.И., Николаева С.В.** Мосты Мустая Карима // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч. 5. Уфа: Изд-во УГАЭС, 2009.

122. **Валеев И.И.** Достояние нации // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч. 5. Уфа: Изд-во УГАЭС, 2009.

123. **Валеев И.И.** Педагогическое наследие Мустая Карима // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч.5. Уфа: Изд-во УГАЭС, 2009.

124. **Валеев И.И., Осипова Г.М.** Мустай Карим о творческом содружестве // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч.5. Уфа: Изд-во УГАЭС, 2009.

125. **Валеев И.И., Веклова О.Ф., Осипова Г.М., Лопатин А.Р.** Мустай Карим и проблемы религиозной духовности // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч.6. Уфа: УГАЭС, 2010.

126. **Валеев И.И., Дегтярев А.Н., Солодилова Н.З.** Проблемы человеческой индивидуальности в творчестве Мустая Карима // Современный мир: экономика, история, образование, культура: сборник научных трудов. Ч.6. Уфа: УГАЭС, 2010.

127. **Валеев И.И.** Мустай Карим о традициях коллективной организации башкирского быта // Общество и образование: современные проблемы и пути их решения: сборник научных трудов. Ч.3. Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А.Некрасова, 2009.

128. **Валеев И.И.** Достояние нации // Истоки. 2009. № 3.

129. **Валеев И.И.** Мустай Карим – певец природы // Истоки. 2009. № 13.

130. **Валеев И.И.** Мустай Карим и Расул Гамзатов // Истоки. 2009. № 24.

131. **Валеев И.И.** Судьбы поэтов подобны судьбе рек... // Истоки. 2009. № 27.

132. **Валеев И.И.** Жить, творить... // Истоки. 2009. № 29.

133. **Валеев И.И.** Встречи поэтов // Истоки. 2009. № 32.

134. **Валеев И.И.** Духовное родство поэтов // Истоки. 2009. № 34.

135. **Валеев И.И.** Мустай Карим и Константин Симонов // Истоки. 2009. № 36.

136. **Валеев И.И.** Поэт и власть // Истоки. 2009. № 37.

137. **Валеев И.И.** Духовное родство поэтов // Истоки. 2009. № 39.

138. **Валеев И.И.** Большая дружба // Истоки. 2009. № 41.

139. **Валеев И.И.** На смерть поэта // Истоки. 2009. № 42.

140. **Валеев И.И.** Школа жизни Мустая Карима // Истоки. 2009. № 49.

141. **Валеев И.И., Веклова О.Ф., Осипова Г.М., Узбекова А.З.** Проблемы воспитания в семье в творчестве Мустая Карима // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы инновационного развития: сборник научных статей Международной научно-методической Интернет-конференции, посвященной 40-летию УГАЭС, 30 ноября 2010 г. Уфа, 2010.

142. **Валеев И.И.** Достояние нации, или когда нам недостает Мустая // Ватандаш. 2010. № 10.

143. **Валеев И.И.** Мустай Карим и Сергей Михалков // Седьмые Всероссийские Яковлевские чтения: сборник научных статей. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011.

144. **Валеев И.И., Николаева С.В.** Великая любовь Мустая Карима // Современный мир: экономика, история, образование, культура. Ч. 7. Уфа: УГАЭС, 2011.
145. **Валеев И.И., Валеева С.Г.** Мустай Карим и Александр Твардовский // Современный мир: экономика, история, образование, культура. Ч. 7. Уфа: УГАЭС, 2011.
146. **Валеев И.И.** Мустай Карим о традициях коллективной организации башкирского быта // Ватандаш. 2011. № 9.
147. **Валеев И.И., Осипова Г.М., Уланова И.А.** Мустай Карим и Расул Гамзатов // Современный мир: экономика, история, образование, культура. Ч.7. Уфа: УГАЭС, 2011.
148. **Валеев И.И.** Гуманизм Мустая Карима: В 2 т. Т.1. Уфа: ООО НМЦ «Педагогическая книга», 2013.
149. **Валеев И.И.** Гуманизм Мустая Карима: В 2 т. Т.2. Уфа: ООО НМЦ «Педагогическая книга», 2013.
150. **Валеев И.И.** Великий гуманист // Ватандаш. 2013. № 10.
151. **Валеев И.И.** Государственная и общественная деятельность Мустая Карима // Агидель. 2014. № 10.
152. **Валеев И.И.** Мир детей в творчестве Мустая Карима // Проблемы востоковедения. 2015. № 1.
153. **Валеев И.И.** Гражданственность поэзии Мустая Карима // Русский язык как учебный предмет и средство овладения основами наук в национальной школе и вузе: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора Г.А. Анисимова, 5 декабря 2014 г. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2015.
154. **Валеев И.И., Валеева С.Г.** Наш Мустай Карим // Ватандаш. 2016. № 1.
155. **Валентина Распутин.** «Захватили в свои руки богатейшую страну» // Правда. 2016. № 26.
156. **Валитов И.** Талант поэта, писателя и драматурга // Знамя коммунизма. 1989. 19 октября.
157. **Валитов И.** Талант поэта, писателя и драматурга // Стерлитамакский рабочий. 1989. 20 октября.
158. **Валитов О.** Мустай Карим: грани истории // Истоки. 2007. № 38.
159. **Валитов О.** Мустай Карим: уроки истории. 2007. № 40.
160. **Валитов О.** Мы – потомки тех, кто брал Рейхстаг // Ватандаш. 2015. № 5.
161. **Василенко В.** Советская культура работала на социализм // Правда. 2014. № 135.
162. **Ватандаш.** 2003. № 11.
163. **Вахитов Р.** Страсти по революции // Советская Россия. 2004. 13 ноября.
164. Вечерняя Уфа. 1984. 24 апреля.

165. Великие личности рождаются в народе. Выступление Президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова на торжественном вечере, посвященном 85-летию Мустая Карима // Республика Башкортостан. 2004. 23 октября.
166. **Вилинбахов Г.** Родословная российского герба // Родина. 1993. № 1.
167. **Власов Ю.** Кто правит бал... М.: Кедр, 1993.
168. В ОАЭ британцы осуждены за поцелуй в ресторане // Советская Россия. 2010. 6 апреля.
169. **Волков Г.Н.** Последняя дорога Льва Толстого // Мир образования – образование в мире. 2003. № 4.
170. **Волкогинов Д.** Психологическая война. М., 1984.
171. **Воронцов А.** Пистолет у виска культуры // Правда. 2015. № 54.
172. «Воспитание души». Из цикла «Мировая художественная литература». Часть 4. Мустай Карим. Уфа: РИО РУМНЦ МО РБ, 2004.
173. **Выжутович В.** Дмитрий Быков. Русская литература – наша национальная религия // Учительская газета. 2011. № 34.
- 173а. **Выжутович В.** Даниил Гранин: Нравственный климат в нашей стране невыносим // Учительская газета. 2012. № 35.
174. Выступление депутата Госдумы О.Пахолкова («Справедливая Россия») на заседании Госдумы // Советская Россия. 2014. 3 июля.
175. Выступление Мустая Карима на совместном торжественном заседании Башкирского обкома КПСС, Верховного Совета БАССР, Уфимского горкома КПСС и Уфимского городского Совета народных депутатов, посвященном 60-летию СССР // Советская Башкирия. 1982. 17 декабря.
176. Выступление Народного поэта Башкортостана Мустая Карима на Объединенном пленуме правлений творческих союзов и организаций в апреле 1986 года, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне // Ватандаш. 2015. № 5.
177. ГА РФ. Ф.2306. Оп.69. Д.2111. Л.46.
178. ГА РФ. Ф.2306. Оп.69. Д.2128. Л.94.
179. ГА РФ. Ф.2306. Оп.69. Д.2120. Л.45.
180. ГА РФ. Ф.2306. Оп.69. Д.2136. Л.29.
181. ГА РФ. Ф.2306. Оп.69. Д.2113. Л.3.
182. **Габидуллина Ф., Фаткуллин Ф.** Пусть удивленных не будет // Кызыл тан. 2003. 5 декабря.
183. **Габидуллина Ф.** Твоя улыбка – само стихотворение, грусть – сама поэзия // Кызыл тан. 2004. 23 октября.
184. **Гайсина А.А.** Внучка называет меня Оло инэй // Вечерняя Уфа. 2004. 21 октября.
185. **Гали М.** Рубеж, идущий через сердце // Вечерняя Уфа. 1994. 29 сентября.
186. **Гамзатов Р.** Признание в любви // Литературная газета. 1977. 9 марта.

187. **Гамзатов Р.** Мустай Карим // За коммунистический труд. 1989. 27 мая.
188. **Ганиева Т.** Оставлю вам солнце без шрама и трещины... // Республика Башкортостан. 2009. 19 сентября.
189. **Гаража С.** Двойная мораль, двойное дно // Правда. 1993. 18 августа.
190. **Гареев Р.** Мустай Карим и Закир Вафин // Ватандаш. 2009. № 10.
191. **Гареева Г.Н.** Великий гуманист Мустай Карим // Проблемы востоковедения. 2015. № 1.
192. **Гатауллин Р.** Встречи поэта с рабочими – само по себе незабываемое событие // Кызыл тан. 1994. 20 октября.
193. **Гафуров М.** И нам повезло // Путь Ленина. 1989. 19 октября.
194. **Гафуров М.** Чувства добрые он лирой пробуждал... // Истоки. 2005. № 42.
195. **Гафуров М.** Человек, похожий на себя // Истоки. 2005. № 44.
196. **Гафуров М.** Уфу украсил памятник Мустаю Кариму // Правда. 2013. №144.
197. Год без Мустая. Уфа: «Инеш», 2006.
198. **Горбенко Г.** Фанера над Парижем // Голос народа. 2002. 31 января.
199. **Горельников Г.** Мустаю посвящается // Истоки. 2004. № 42.
200. **Горина И.** Вспоминая поэта // Истоки. 2009. № 41.
201. **Горцев С.** Неудобный гений // Советская Россия. 2010. 13 ноября.
202. **Гришина Г.И.** Унизительная подачка // Советская Россия. 2017. 2 марта.
203. **Дагуров В.** Бильярд – дело тонкое // Бельские просторы. 2009. № 10.
204. **Денисов В.** Воспоминания... // Истоки. 2005. № 39.
205. День после беды. Интервью с Народным поэтом Башкортостана Мустаем Каримом // Вечерняя Уфа. 2005. 7 мая.
206. **Деревянкo В., Чайка И.** Приносите пользу людям // Учительская газета. 2012. № 44.
207. **Дёpp Г.** Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957.
208. **Докучаева А.** «Когда в горы один я уйду...» // Вечерняя Уфа. 2004. 19 февраля.
209. **Докучаева А.** Учитесь делать из себя людей // Республика Башкортостан. 2004. 20 октября.
210. **Докучаева А.** Сердце Мустая // Республика Башкортостан. 2005. 20 октября.
211. **Докучаева А.** «Не приходит вдохновение без труда». Поэт был одинаково приветлив и с дворником, и с президентом // Республика Башкортостан. 2009. 28 апреля.
212. **Докучаева А.** От школьного порога зависит в жизни много // Республика Башкортостан. 2011. 25 августа.
213. **Докучаева А.** Уличное воспитание // Республика Башкортостан. 2012. 27 марта.
214. «Долгая жизнь и короткая старость» // Уфа. 2005. № 11.

215. **Донатович С.** Россияне голосуют за классику // Учительская газета. 2012. № 4–5.
216. **Грехова О.** Марьяна Безруких: «Мы сами формируем «потерянное поколение» // Учительская газета. 2017. № 7.
217. **Дудин М.** Поэзия – воздух жизни // Вечерняя Уфа. 1972. 20 ноября.
218. **Евдищенко Г.** «В заре весенней вижу я сейчас мою Уфу...» // Истоки. 2009. № 27.
219. **Емельянов Ю.** Превращение черного в белое и наоборот // Правда. 2011. № 66.
220. **Емельянов Ю.** Ложь и правда о коллективизации // Правда. 2012. № 121.
221. **Емельянов Ю.** Черно-белый излом // Улики. 2016. № 2.
222. **Есенин С.А.** Избранное. М.: Худож. лит., 1985.
223. **Житнухин А.** Для «элиты» или для народа? // Правда. 2010. № 75.
224. **Зайнетдинов Р.** Светлый и ответственный образ // Башкортостан. 2004. 20 октября.
225. **Залеская Л.И.** О романтическом течении в советской литературе. М.: Наука, 1973.
226. **Замлелова С.** Музы сражались за Родину // Советская Россия. 2015. 7 мая.
227. **Засимова А.** Что на яркой стороне? // Советская Россия. 2010. 3 июля.
228. **Земляной Б., Чевокина Ю.** В мире занимательных фактов. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1985.
229. **Зигандаров Г.** Поэтический рассказ о далеком и близком // Советская Башкирия. 1957. 23 марта.
230. **Зиганшин С.Ш.** Новая книга о Мустае Кариме // Ядкяр. 2005. № 1.
231. **Зиганшин К.** Мудрец из Кляшева // Республика Башкортостан. 2006. 21 сентября.
232. **Зиновьев А.А.** Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.
233. **Зиновьев А.А.** Смута. М.: Кельвори, 1995.
234. **Зиновьев А.А.** Русский эксперимент. М.: Наш дом, 1995.
235. **Зиновьев А.А.** Сталин – нашей юности полет. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2002.
236. **Зиновьев А.А.** Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2002.
237. **Зубанич Ф.** Цветы на камне // Радуга. 1981. № 6.
238. **Зырянов В.** Восхождение к вечности. Концепция человека в творчестве Ю. Марцинкявичюса, М. Карима, Ч. Айтматова // Театр. 1983. № 3.
239. **Зюганов Г.А.** Советская цивилизация – воспоминание о будущем // Советская Россия. 2012. 25 октября.
240. **Иванов Л.** Где детства милый дом // Республика Башкортостан. 2006. 21 сентября.

241. Идет Мамай полем культуры // Советская Россия. 2015. 14 марта.
242. **Ильгамов М.А.** О моем духовном лидере // Кафедра. 2004. № 12.
243. **Иоанн.** Русь Православная // Советская Россия. 1997. 17 июля.
244. **Исмагилов З.** Человек, которого я люблю // Советская Башкирия. 1972. 19 ноября.
245. Истоки. 2000. № 17.
246. **Историческая** газета. 1996. № 1.
247. **Исхаков Р.** Есть ли в душе праздник? // Башкортостан. 1994. 18 октября.
248. **Ишбулатова Р.** «Я не случайный гость земли родной» // Истоки. 2009. № 25.
249. **Ишкинина Г.** «Музыка древнее слова». О роли музыки в жизни и творчестве Мустая Карима // Ватандаш. 2016. № 12.
250. **Ишимбаева Г.** Прометей Мустая Карима в контексте античной традиции // Бельские просторы. 2011. № 10.
251. **Ишмухаметова Г.** Улыбка Мустая // Уфа. 2004. № 10.
252. **Ишмухаметова Г.** Мустай – наш Пушкин, или как оседлать стропитового коня // Истоки. 2004. № 42.
253. **Кадырова А.** «Я – Мустай Карим» // Ватаным Татарстан. 2004. 23 июля.
254. Каковы же опыт и уроки советской цивилизации? // Правда. 2012. № 103.
255. Какое сердце биться перестало... // Вечерняя Уфа. 2005. 23 сентября.
256. **Каманин В.** Поездка в Дюртюли // Литературная газета. 1961. 12 декабря.
257. **Кара-Мурза С.Г.** Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2002.
258. **Кара-Мурза С.** Сатанинские штампы антисоветчиков // Правда. 2004. № 15.
259. **Каримов А.** Дружба длиною в 70 лет // Кызыл тан. 2005. 1 ноября.
260. **Каримов И.** Преферанс. Бильярд. Рыбалка... // Бельские просторы. 2009. № 10.
261. **Каримов И.** Оттуда, из детства... // Бельские просторы. 2009. № 10.
262. **Каримов И., Николенко И.** «Какая нынче осень – загляденье» // Республика Башкортостан. 2010. 20 октября.
263. **Капкаева И.** Мустафа по имени Ильнур // Вечерняя Уфа. 2004. 20 октября.
264. **Капкаева И.** «Тяжелый снег идет три дня...» // Вечерняя Уфа. 2005. 24 сентября.
265. **Капкаева И.** «По звездам я прокладываю путь...» // Вечерняя Уфа. 2005. 2 ноября.
266. Кафедра. 2004. 28 сентября.

267. **Кацерик Г.** Живое стило Мустая // Истоки. 2004. № 42.
268. **Кацерик Г.** Шаровая молния души // Ватандаш. 2004. № 11.
269. **Кацерик Г.** «Я люблю смотреть на солнечный закат» // Истоки. 2005. № 39.
270. **Кацерик Г.** В наше время // Истоки. 2013. № 11.
271. **Кашапова Э.** «Аулчане моей души» // Советская Башкирия. 1994. 20 октября.
272. **Квицинский Ю.** Маятник с именем СССР // Советская Россия. 2007. 7 декабря.
273. **Кильмухаметов Т.** С Мустаем и без него... // Ватандаш. 2006. № 9.
274. **Кильмухаметов Т.А.** Образ Салавата Юлаева в творчестве Мустая Карима // Проблемы востоковедения. 2015. № 1.
275. **Киньябаев Ю.** Его умные советы будут согревать нам сердца // Башкортостан. 2005. 20 октября.
276. **Киньябулатов И.** Народный поэт у студентов // Совет Башкортостана. 1964. 13 мая.
277. **Киньябулатов Ю.** Наши души будут согревать мудрые советы // Башкортостан. 2005. 20 октября.
278. **Киселев Н.** «Я – россиянин» // Советская Башкирия. 1956. 26 мая.
279. **Ковалев В.** Сталин в моей жизни // Отечественные записки. 2006. 12 марта.
280. **Кожемякин С.** «Гений прежде всего народен» // Отечественные записки. 2011. № 14.
281. **Кожемякин С.** Ответственность перед человечеством // Советская Россия. 2014. 30 апреля.
282. **Кожемяко В.** Не уходи, дружба народов // Правда. 2004. № 134.
283. **Кожемяко В.** Горький праздник // Правда. 2011. № 93.
284. **Кожемяко В.** Необоримость духа и совести // Правда. 2014. № 27.
285. **Кожемяко В.** Год литературы без Шолохова? // Правда. 2015. № 9.
286. Коммерсантъ. 1991. 25 ноября.
287. **Корнешов Л., Панов Е.** Давид Кугультинов: «История создавалась не нами и не нам ее переписывать» // Российская газета. 1993. 10 июля.
288. **Кошелевская Б.** Ваши книги учат добру // Республика Башкортостан. 2004. 21 октября.
289. **Кривошеев А.** Новый памятник в Уфе по улице поэтической // Истоки. 2013. № 33.
290. **Кругликов А.** Символ надежды и веры // Правда. 2010. № 26.
291. **Кудаш С.** Наша гордость // Вечерняя Уфа. 1972. 20 ноября.
292. **Кудашева С.** Шли письма с фронта // Вечерняя Уфа. 2005. 5 февраля.
293. **Кудряшов Г.** Думы сердца в песню перелиты... // Известия. 1972. 30 мая.
294. **Кузьмина Е.** Трубачи бездны // Советская Россия. 2002. 18 апреля.

295. **Кулешов А.** И у нас сегодня праздник // *Вечерняя Уфа*. 1972. 20 ноября.
296. **Кулиев К.** *Добрая сила* // *Избранная лирика Мустая Карима*. М., 1965.
297. **Кулиев К.** Слово на празднике друга Мустая Карима // *Литературная Россия*. 1969. 17 октября.
298. **Кулиев К.** Лицо поэта // *Вечерняя Уфа*. 1972. 20 ноября.
299. **Кульмухаметова А.** Фронтовая лирика Мустая Карима помогает в трудную минуту // *Республика Башкортостан*. 2009. 13 февраля.
300. **Курамшина Г.** Альфия Каримова: «С годами наши вкусы все больше сходятся» // *Вечерняя Уфа*. 2004. 20 октября.
301. **Кутлугаллямов М.А.** То был лишь только ветер... Уфа: Китап, 1999.
302. **Кутлугаллямов М.А.** «Что у нас во дворе?» // *Кызыл тан*. 2004. 20 октября.
303. **Кутлугаллямов М.А.** Тепло мустаевского очага // *Учитель Башкортостана*. 2009. № 12.
304. *Кызыл тан*. 2003. 13 июня.
305. **Лебедев Н.** Хочу, чтобы снова были у нас большое кино и массовый зритель // *Правда*. 2016. № 7.
306. *Литературная газета*. 1954. 26 декабря.
307. Личный архив Мустая Карима.
308. **Локошенко М.** Эпоха Брежнева // *Правда*. 2017. № 124.
309. **Ломунова М.** Белые цветы иван-чая: Очерк о советских писателях. М.: Современник, 1986.
310. **Ломунова М.Н.** *Мустай Карим: Очерк творчества*. М.: Худож. лит., 1988.
311. **Лукиянин В.** Художник на изломе времени // *Урал*. 1989. № 10.
312. **Лях В.** Сын Дона // *Учительская газета*. 2015. № 3.
313. **Мавлютов Р.** Мысли о мастере // *Вечерняя Уфа*. 1994. 20 октября.
- 313а. **Майский А.** Милиция? Полиция? // *Правда*. 2011. № 55.
314. **Макаров И.** Долгая, долгая жизнь // *Республика Башкортостан*. 2005. 23 сентября.
315. **Макарова И.** Пусть живут и Люба Шевцова, и «Высота», и мои «Женщины» // *Правда*. 2016. № 7.
316. **Максимов П.** *Добрый мой сосед* // *Вечерняя Уфа*. 1994. 20 октября.
317. **Максимчук Н.** Нам всем хватало солнца и хлеба // *Советская Россия*. 2012. 19 января.
318. **Марванова Л.** С днем рождения, хранительница истории // *Вечерняя Уфа*. 1999. 7 сентября.
319. **Маргарита Суворова:** «Я – из Советского Союза» // *Правда*. 2013. № 94.

320. **Маршак С.Я.** Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. – М.: Правда, 1990.
321. **Медведев В.** Человек за спиной. М.: РУССЛИТ, 1994.
322. **Мерзабеков М.А.** Собственный корреспондент по Башкортостану. Уфа: Китап, 2008.
323. **Мерзабеков М.** В разоренной стране счастливым быть невозможно. Мустай Карим был историком и философом, художником и государственным // Республика Башкортостан. 2013. 22 октября.
324. **Мизиев К.** Три встречи в Народным поэтом // Вагандаш. 2014. № 10.
325. **Минеев М.** «Мой край, возлюбленный навеки...» // Советская Башкирия. 1985. 21 марта.
326. **Минеев М.** Исповедь Мустая Карима // Русский язык в башкирской школе. 1986. № 6.
327. **Минеев М.** Исповедь Мустая Карима // Русский язык в башкирской школе. 1987. № 1.
328. **Минеев М.** Наимудрейший в своем ауле... // Вечерняя Уфа. 1994. 20 октября.
329. **Минеев М.И.** Я – россиянин. Уфа: Изд-е БГУ, 2001.
330. **Минеев М.** За ним оставалось последнее слово // Республика Башкортостан. 2005. 20 октября.
331. **Мирсаитов Р.** Великое звание // Истоки. 2005. № 39.
332. **Мир-Хайдаров Р.** Поэт, любивший Малееву // Истоки. 2009. № 35.
333. **Михайлов Ю.** Преданная слава зовет к нам // Правда. 2011. № 92.
334. «Мне повезло с землей моей». Литературный альманах творческих работ учащихся Республики Башкортостан. Уфа, 2004.
335. **Мовчан П.** Запоздалое помилование // Литературное обозрение. 1987. № 4.
336. **Мордвинцев Г.** Мой Мустай Карим // Вечерняя Уфа. 2011. 18 сентября.
337. Мосты дружбы // Советская Башкирия. 1982. 30 декабря.
338. **Муллагулова А.М.** Звезда на небосводе национального духа // Учитель Башкортостана. 2009. № 10.
339. **Мусин Н.** Из плеяды великих // Башкортостан. 2004. 20 октября.
340. **Мустай Карим.** На пути к большому успеху // Из записной книжки. Красная Башкирия. 1947. 13 августа.
341. **Мустай Карим.** На рассвете нового года // Кызыл тан. 1948. 31 декабря.
342. **Мустай Карим.** Светлая судьба моей республики // Литературная газета. 1949. 23 марта.
343. **Мустай Карим.** Мы строим мир // Кызыл тан. 1949. 2 октября.
344. **Мустай Карим.** Голос поэта // Кызыл тан. 1949. 28 октября.
345. **Мустай Карим.** Город Октября // Кызыл Башкортостану 1949. 6 ноября.

346. **Мустай Карим.** Слова, исходящие от сердца // Кызыл тан. 1950. 11 февраля.
347. **Мустай Карим.** Продавец книги Шагимардан Абдрахманов // Совет Башкортостаны. 1950. 26 августа.
348. **Мустай Карим.** Москва, Колонный зал // Кызыл Башкортостан. 1950. 5 ноября.
349. **Мустай Карим.** Дума о старшем брате // Литературная газета. 1951. 8 февраля.
350. **Мустай Карим.** Вчера и завтра // Кызыл тан. 1951. 13 февраля.
351. **Мустай Карим.** Поэты в защиту мира // Красный Башкортостан. 1951. 3 июня.
352. **Мустай Карим.** Символ света и разума // Советская Башкирия. 1953. 5 апреля.
353. **Мустай Карим.** Не затерянная песня // Кызыл тан. 1953. 24 мая.
354. **Мустай Карим.** Писатель, боец партии // Ленинец. 1954. 28 сентября.
355. **Мустай Карим.** Заметки о поэзии // Советская Башкирия. 1954. 10 декабря.
356. **Мустай Карим.** Избранное. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1955.
357. **Мустай Карим.** От Октябрьского до Шкапово. Из путевых записок // Советская Башкирия. 1955. 30 октября.
358. **Мустай Карим.** «Я – россиянин». М.: Правда, 1956.
359. **Мустай Карим.** Мои думы // Советская Башкирия. 1956. 14 февраля.
360. **Мустай Карим.** Дружба, скрепленная трудом // Красная звезда. 1956. 24 февраля.
361. **Мустай Карим.** Учитель // Советская Башкирия. 1957. 17 апреля.
362. **Мустай Карим.** Я свидетель тому // Советская Башкирия. 1957. 6 ноября.
363. **Мустай Карим.** Наше счастье // Известия. 1957. 5 декабря.
364. **Мустай Карим.** Стихи и поэмы. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1958.
365. **Мустай Карим.** Коротко о себе // Мустай Карим. Стихи и поэмы. – М.: Гос. издательство художественной литературы, 1958.
366. **Мустай Карим.** Здравствуй, весна! // Советская Башкирия. 1958. 1 мая.
367. **Мустай Карим.** Наши ожидания // Советская Башкирия. 1958. 29 марта.
368. **Мустай Карим.** Партии рядовой // Ленинец. 1958. 22 июня.
369. **Мустай Карим.** Раскрылись веки неба // Литературная газета. 1959. 24 января.
370. **Мустай Карим.** Как песня, зовущая вперед... // Литературная газета. 1959. 29 января.

371. **Мустай Карим.** Вечное, как горный поток // Комсомольская правда. 1959. 1 февраля.
372. **Мустай Карим.** Здравствуй, Завтра! // Литературная Башкирия. 1959. № 12.
373. **Мустай Карим.** Пальма долголетия // Советская Россия. 1960. 6 ноября.
374. **Мустай Карим.** «Ты книгу распахнул, читатель мой...» // Ленинец. 1962. 24 марта.
375. **Мустай Карим.** Мудрые уроки // Знание. 1962. № 9.
376. **Мустай Карим.** Жизнь, драматургия, театр // Литературная Россия. 1970. 27 марта.
377. **Мустай Карим.** Время – конь крылатый. М., 1972.
378. **Мустай Карим.** Ответственная трасса // Литературная газета. 1972. 10 ноября.
379. **Мустай Карим** – гость нашей редакции // Ленинец. 1972. 30 ноября.
380. **Мустай Карим.** Избранное. Стихотворения. Поэмы. Сказки. Трагедии. М.: Худож. лит., 1973.
381. **Мустай Карим.** Зерна Победы // Советская Башкирия. 1975. 8 мая.
382. **Мустай Карим.** Мосты // Литературная Россия. 1976. 20 февраля.
383. **Мустай Карим.** «Правда в искусстве должна быть окрыленной» // Литературная газета. 1979. 10 октября.
384. **Мустай Карим.** Нет моды на поэзию (Беседа с А. Юриковым) // Советская культура. 1980. 26 февраля.
385. **Мустай Карим.** Волшебство простоты // Советская Россия. 1983. 12 марта.
386. **Мустай Карим.** Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1983.
387. **Мустай Карим.** Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1983.
388. **Мустай Карим.** Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1983.
389. **Мустай Карим.** Уберечь от отчаяния // Московские новости. 1983. 23 октября.
390. **Мустай Карим.** Сильнее, умнее, деловитей // Огонек. 1986. № 2.
391. **Мустай Карим.** «Архимед должен жить» // Литературная Россия. 1986. 3 октября.
392. **Мустай Карим.** Помилование. М.: Современник, 1987.
393. **Мустай Карим.** Притча о трех братьях. М.: Современник, 1988.
394. **Мустай Карим.** Уехал без обиды // Совет Башкортостаны. 1988. 4 марта.
395. **Мустай Карим, Рыфат Мавлютов.** Слова и суть // Литературная газета. 1988. 13 апреля.

396. **Мустай Карим.** Деревенские адвокаты: Повести. М.: Современник, 1989.
397. **Мустай Карим.** О национальном благородстве // Советская Россия. 1989. 4 января.
398. **Мустай Карим.** Время дорого, оно – не для распрей // Советская культура. 1989. 30 марта.
399. **Мустай Карим.** «Горжусь своей судьбой...» // Ленинец. 1989. 21 октября.
400. **Мустай Карим.** Возвращение. М.: Ордынка, 1994.
401. **Мустай Карим.** Уж лучше быть пессимистом // Советская Башкирия. 1994. 20 октября.
402. **Мустай Карим.** Сочинения: В 5 т. Т. 5. Уфа: Китап, 1999.
403. **Мустай Карим.** Репортаж с комком в горле // Кутлугаллямов М.А. То был лишь только ветер ... Уфа: Китап, 1999.
404. **Мустай Карим.** Жизнь и творчество. Уфа: Китап, 2000.
405. **Мустай Карим.** Выберем достойного // Ваш выбор. 2000. 18 марта.
406. **Мустай Карим.** Живите в радости // Ватандаш. 2000. № 6.
407. **Мустай Карим.** Разговор с писателем, или Еще раз о нравственном аспекте экономической реформы и ее ценностях // Экономика и управление. 2003. № 1.
408. **Мустай Карим.** Война и мечта // Дочь Башкортостана. 2003. № 5.
409. **Мустай Карим.** Узелки судьбы // Бельские просторы. 2002. № 9.
410. **Мустай Карим.** «Я озабочен судьбой республики» // Комсомольская правда в Уфе. 2003. 5 декабря.
411. **Мустай Карим.** «Я не был сторонним человеком своему времени» // Уфимские ведомости. 2003. 9 декабря.
412. **Мустай Карим.** Правда восторжествует // Республика Башкортостан. 2003. 12 декабря.
413. **Мустай Карим.** Мгновения жизни. Уфа: Китап, 2004.
414. **Мустай Карим.** Долгая дорога. Уфа: Китап, 2004.
415. **Мустай Карим.** «Я бы тоже предпочел умереть, чем жить в плену...» // Молодежная газета. 2004. 20 мая.
416. **Мустай Карим.** «Будет очень грустно на том свете без песни» // Йэшлек. 2004. 27 мая.
417. **Мустай Карим.** Лист и муравей // Йәншишма. 2004. 20 октября.
418. **Мустай Карим.** Юбилей // Кызыл тан. 2004. 20 октября.
419. **Мустай Карим.** «Не буду сегодня ворчать – завтра у меня день рождения!» // Комсомольская правда. 2004. 22 октября.
420. «Мустай – наш Пушкин», или Как оседлать строптивого коня... // Уфа. 2004. № 10.
421. **Мустай Карим.** Жизнь на миру // Татарский мир. 2004. № 15–16.
422. **Мустай Карим.** Вечернее застолье // Бельские просторы. 2004. № 9.
423. **Мустай Карим.** Мне повезло с учителями // Кафедра. 2004. № 12.

424. **Мустай Карим.** Памяти друга. Речь на вечере памяти Расула Гамзатова в Центральном Доме литераторов 3 ноября 2004 года // Патриот. 2004. №48.
425. **Мустай Карим.** Тоска // Истоки. 2005. № 39.
426. **Мустай Карим.** Дневники // Агидель. 2006. № 10.
427. **Мустай Карим.** Дневники // Агидель. 2006. № 11.
428. **Мустай Карим.** «Не буду жаловаться» // Ватандаш. 2006. № 10.
429. **Мустай Карим.** Когда покину мир земной... // Правда. 2013. № 114.
430. **Мухамадиев Р.** Колыбель поэта // Литературная газета. 2004. № 42.
431. **Мухаметшина З.** Его произведения воспринимаю как песню // Урал. 1994. 20 октября.
432. **Назаров Ю.** Несвоевременные чувства // Правда. 1993. 11 февраля.
433. На ремонт кремлевской столовой потратят 1,5 миллиарда рублей // Советская Россия. 2011. 24 сентября.
434. Народному поэту Башкортостана М. Кариму – 70 лет // Ленинец. 1989. 19 октября.
435. Независимая газета. 1992. 23 января.
436. «Не буду жаловаться...» // Истоки. 2012. № 42.
437. «Не буду жаловаться...» // Истоки. 2012. № 43.
438. Не лгите друг другу. Выступление Народного поэта Башкортостана Мустая Карима на республиканском совещании по образованию // Республика Башкортостан. 2004. 19 августа.
439. **Нефёдова Т.** Мустай Карим: «Мое моральное кредо: всегда жить на миру» // Вечерняя Уфа. 1999. 26 октября.
440. **Нигмати Р.** «Одинокая береза» // Советская Башкирия. 1953. 22 февраля.
441. **Никандров Н.Д.** Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001.
442. **Николаев П.А.** Поэт и человек // Карим М. Помилование: Повесть. М.: Дружба народов, 1999.
443. **Николаева Л.** Поэзия мудрости // Советская Башкирия. 1972. 19 ноября.
444. **Николенко И.** С верой в ясный горизонт. Мустай Карим о времени и своем к нему отношении // Республика Башкортостан. 2003. 1 декабря.
445. **Николенко И.** У каждого мгновения свои колокола // Республика Башкортостан. 2005. 20 октября.
446. **Николенко И.** Веселый грустный человек // Республика Башкортостан. 2006. 20 октября.
447. **Николенко И.** Мустай Карим – радость каждого дома // Республика Башкортостан. 2011. 20 октября.

448. **Новиков Д.** Культуру пробуют на классовый излом // Правда. 2010. № 78.
449. **Новосельский С.А.** Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Календарь для врачей на 1916 год. СПб., 1916.
450. **Нургалин З.** «Салават» с духом Салавата // Кызыл тан. 2004. 20 октября.
451. **Нургалин З.** Осиротели... // Башкортостан. 2005. 2 ноября.
452. **Нургалина Н.** Он и сегодня с нами... // Башкортостан. 2005. 2 ноября.
453. **Нурiev З.Н.** От аула до Кремля. Воспоминания и размышления. Уфа: Китап, 2000.
454. Общественные науки и современность. 1991. № 2.
455. О времени и о себе // Кировец. 1984. 7 июня.
456. **Огнёв А.** Советская молодежь и война // Правда. 2012. № 32.
457. «Оптимизация» библиотек // Правда. 2015. № 9.
458. **Орлов С.** Мост, с которого видны дали // Литературная газета. 1963. 23 февраля.
459. Осень патриарха // Республика Башкортостан. 2007. 20 октября.
460. Осиротела страна Айгуль // Республика Башкортостан. 2006. 21 сентября.
461. От Мустая Карима – министру Михаилу Лесину // Вечерняя Уфа. 2003. 6 июня.
462. «Отец был человеком светлой души» // Башкортостан. 2005. 20 октября.
463. «Оставшимся шло благословенье... Грядущему кладу земной поклон». Ушел из жизни Народный поэт Башкортостана Мустай Карим // Вечерняя Уфа. 2005. 22 сентября.
464. Отечественные записки. 2016. № 3.
- 464а. Памяти Мустая Карима // Истоки. 2006. № 1.
465. **Парфёнов А.** Стихи Мустая Карима // Октябрь. 1950. № 4.
466. **Парфёнов А.** Не «черная дыра», а вершина! // Правда. 2015. № 53.
467. Первый ельцинист // Правда. 2009. № 56.
- 467а. **Петрова Н.** Александр Адабашьян: Денежная цензура страшнее политической // Учительская газета. 2017. № 12.
468. Письмо башкирского народа башкирским джигитам – фронтовикам // Красная Башкирия. 1943. 22 августа.
469. Письмо башкирских джигитов – конногвардейцев – черниговцев башкирскому народу // Красная Башкирия. 1943. 31 октября.
470. **Подольских Ф.** Две школы // Советская Россия. 2011. 30 августа.
471. **Полухина Л.** Долге памяти // Литературная Россия. 1988. 9 сентября.
472. Посмотрим, посмотрим... // Вечерняя Уфа. 1994. 20 октября.
- 472а. **Поспелов В.** Мобильник превратят нас в психопатов // Советская Россия. 2011. 10 сентября.
473. **Потанин В.** «Не русский я, но – Россиянин» // Акция (г. Челябинск). 1994. № 47.

474. Поэт в России больше чем поэт... (Беседа Мустая Карима с Г. Иксановой) // Советская Башкирия. 1997. 6 ноября.
475. Поэт дружбы // Дружба. 1956. № 6.
476. Правда. 1937. 1 декабря.
477. Правда. 2005. № 107.
478. Правда. 2012. Информвыпуск.
479. Правда. 2012. № 11.
480. Правда. 2014. № 40.
481. Правда. 2015. 17–18 февраля.
482. Правда пять. 1995. 22 марта.
483. **Пригарин А.** Страна, которую мы потеряли // Правда. 1992. 19 декабря.
484. **Прилепин З.** Из Переделкино в Простоквашино. О литературе советской и нынешней // Советская Россия. 2015. 30 мая.
485. **Прилепин З.** «Скучная, как антисоветская библиотека» // Советская Россия. 2016. 19 марта.
486. **Причурин Л.** Помрачение просвещения // Отечественные записки. 2016. № 6.
- 486а. **Прощай, Поэт...** // Башкортостан. 2005. 22 сентября.
- 486б. **Пустобаев А.** Ничего себе «недоразумение» // Правда. 2013. № 85.
487. Пусть удивленных не будет // Кызыл тан. 2003. 5 декабря.
488. **Радость** нашего дома — 2. Пятиклассник Саша Егоров написал продолжение повести Мустая Карима // Вечерняя Уфа. 2004. 10 сентября.
489. **Разговор** с писателем, или еще раз о нравственном аспекте реформы и ее ценностях // Экономика и управление. 2003. № 1.
490. **Рамазанов Г.** Поэзия душевной щедрости, мудрой зрелости // Урал. 1972. № 12.
491. **Рахимкулов М.** «Своею жизнью я гордиться вправе...» // Ватандаш. 2009. № 11.
492. Решили, поговорим... Беседа с Мустаем Каримом // Кызыл тан. 2003. 13 июня.
493. Речь депутата Каримова М.С. // Советская Башкирия. 1960. 30 октября.
494. Российская газета. 2011. 19 августа.
495. **Руденко С.** Литература как национальная идея // Учительская газета. 2015. № 24.
496. Русская, советская культура как объект духовной войны // Правда. 2011. № 5.
497. **Рыжиков Л.Х.** Почему не хватает, почему отстаем. М.: Мысль, 1990.
498. **Ряшин В.** У супербогачей свой парад // Правда. 2013. № 57.
499. **Савельев И.** Другой Мустай Карим // Истоки. 2005. № 39.
500. **Саньяров Ф.** Отражение концепта «любовь» в поэзии Мустая Карима // Ватандаш. 2009. № 10.

501. **Сапрыкина Е.** Не бросай огонь, Мустай-агай! Слово о выдающемся башкирском сыне России // Патриот. 2004. №48.
502. С болью в сердце // Вечерняя Уфа. 2005. 27 сентября.
503. С верой в ясный горизонт... Мустай Карим – о времени и своем к нему отношении // Республика Башкортостан. 2003. 3 декабря.
504. Сегодня мы прощаемся с Мустаем Каримом... // Республика Башкортостан. 2005. 23 сентября.
505. **Сибгатуллин Ф.** Слово его – как источник сил // Республика Башкортостан. 2006. 18 октября.
506. **Сиватеев К.** Маяк надежды // Отечественные записки. 2016. № 3.
507. **Симкин Ф.** Один высокосный год. Записки на полях пульки // Бельские просторы. 2009. № 10.
508. **Симонов А.** Страшная статистика // Учительская газета. 2016. № 10.
509. **Синицын С.Г.** Гонение в действии пустом // Советская Россия. 1991. 13 июля.
510. **Славина Е.** Столица чествует юбиляра // Республика Башкортостан. 2004. 21 октября.
511. Слово Народного поэта Мустая Карима // Ленинец. 1968. 7 июня.
512. **Смирнов Вит.** Взлет в глубину (заметки о лирике Мустая Карима) // Волга. 1973. № 6.
513. **Смирнов Вит.** Прометей и его миссия // Урал. 1980. № 7.
514. **Смолин О.** Уроки для левых // Советская Россия. 2011. 24 марта.
515. **Собакин Т.** Хорошая сказка – дело объективное // Учительская газета. 2003. 9 декабря.
516. Советская Россия. 2012. 17 января.
517. Советская Россия. 2012. 16 февраля.
518. **Сопрыкина Е.** Не бросай огонь, Мустай-агай! Слово о выдающемся башкирском сыне России // Патриот. 2004. № 48.
519. **Сорокин В.** «Литература – дело государственное» // Правда. 2003. № 30.
520. **Сотников И.** Поэзия трудных дорог // Советская Башкирия. 1954. 4 ноября.
521. СССР был нашим общим домом // Правда. 2011. № 5.
522. **Старцев В.** Яркой сверкала звездой. Памяти Мустая Карима // Истоки. 2005. № 39.
523. **Стенограмма** выездного секретариата СП РСФСР в Ставрополе в 1984 году. М., 1985.
524. **Стрелец А.** Мустай Карим и чувашская поэзия // Истоки. 2006. № 41.
525. **Субетто А.** Порог черной дыры // Улики. 2011. № 8.
526. **Султангареев Р.** Ум, совесть и честь // Истоки. 1994. № 21.
527. **Султанова Р.** «Оставшимся я шлю благословенье» // Республика Башкортостан. 2009. 29 сентября.

528. **Сырлыбаева И.** Энциклопедия «Мустая Карима» // Бельские просторы. 2011. № 10.
529. **Сырлыбаева И.** По следам Мустая // Истоки. 2011. № 42.
530. **Тагиров Т.** Штрихи // Кызыл тан. 1994. 20 октября.
531. **Тайны** государственного архива // Комсомольская правда. 2011. 7 июля.
532. **Твардовский А.** О литературе. М.: Современник, 1973.
533. **Творчество**, отразившее век // Башкортостан. 2004. 20 октября.
534. **Тетерятников В.** Ограбят ли вновь русский народ? // Правда. 1996. 22 мая.
535. **Тиненёва В.** Мудрец из Кляшево шагает по республике // Республика Башкортостан. 2009. 16 сентября.
536. **Титова Е.** К дню рождения Поэта // Вечерняя Уфа. 2006. 20 октября.
537. **Толстой А.Н.** Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: ГИХЛ, 1949.
538. «Торопливые реки до моря не дойдут» // Советская Россия. 1994. 21 октября.
539. **Тугузбаева Ф.** Поэтом сделали потери и печали // Республика Башкортостан. 2009. 14 октября.
540. «Уж лучше быть пессимистом» // Советская Башкирия. 1994. 20 октября.
541. Улики. 2011. № 9.
542. Улыбка поэта // Башкортостан. 2004. 20 октября.
543. **Ульяшов П.** Два крика // Карим Мустай. Долгое-долгое детство. Повесть. М.: Дет. лит., 1989.
544. **Учительская газета.** 2011. № 8.
545. **Фаткуллин Ф.** Ушел, наверное, без обид // Кызыл тан. 2005. 1 ноября.
546. **Филиппов А.П.** На переломе веков // Валеев И.И. Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Мустая Карима. Уфа: Китап, 2005. С.3–20.
547. **Филиппов А.П.** Ушел, оставив целый мир // Истоки. 2005. № 39.
548. **Филиппов А.П.** Первый съезд без Мустая // Истоки. 2006. № 16.
549. **Филиппов А.П.** Нержавеющее оружие. Выступление на XIV съезде писателей Башкортостана // Истоки. 2006. № 17.
550. **Хайбуллин Г.** Остались вдвоем // Башкортостан. 2004. 20 октября.
551. **Хайбуллин Г.** Один год, оставшийся в памяти // Башкортостан. 2004. 20 октября.
552. **Хажиев Р.** Первый памятник // Республика Башкортостан. 2005. 20 октября.
553. **Хакимов А.** Мустай Карим. «Реки разговаривают» // Октябрь. 1964. № 11.
554. **Хакимов А.** Река жизни – река поэзии // Литературная газета. 1967. 1 марта.
555. **Халимов М.** Высокое гражданское звучание // Истоки. 1994. № 21.
556. **Харис Р.** Сотканые стихи // Кызыл тан. 2004. 20 октября.

557. **Харис Р.** Волшебная искра Мустая // Республика Башкортостан. 2009. 3 ноября.
558. **Харисов А.** Лирика Мустая Карима // Советская Башкирия. 1953. 4 января.
559. **Харрасов Ф.** Хочется бороться // Йэншишима. 2004. 20 октября.
560. **Холопов Ю.В.** Как исцелить душу творчества // Улики. 2013. № 6.
561. Хорошо, что ты рядом, Мустай (О Мустае Кариме говорят его современники) // Заман-Башкортостан. 1997. 30 апреля.
562. **Хренков Д.Т.** Мустай Карим. Литературный портрет. М.: «Советская Россия», 1969.
563. **Хужахметова Г.** Мироззрение Мустая Карима // Ватандаш. 2014. № 10.
564. **Хусаинов Г.** Мир удивительной поэзии // Башкортостан. 1994. 19 октября.
565. **Хусаинов А.** Потеря года // Уфа. 2005. № 12.
566. **Хусаинов А.** Человек солнечной стороны // Истоки. 2009. № 42.
567. **Хуциев М.** Талант истинно расцветает, когда востребован государством и обществом // Правда. 2016. № 7.
568. Человек, сохранивший гармонию мира // Республика Башкортостан. 2014. 21 октября.
569. Чувства добрые лирой пробуждать // Вечерняя Уфа. 1980. 3 апреля.
570. **Шамаев А.** Слово о поэте // Истоки. 2005. № 22.
571. **Шарипов С.** «И два осколка мины той...» // Литературная Россия. 1986. 9 мая.
572. **Шарипов С.** Песни в судьбе Мустая // Истоки. 2013. № 42.
573. **Шаров Л.** Письмо ангелу бездны // Смена. 2001. № 9.
574. **Шарова Е.** Крылатый памятник поэту // Республика Башкортостан. 2013. 23 августа.
575. **Шарова Е.** Шел по улице Мустай Карим... // Республика Башкортостан. 2017. 2 марта.
576. **Шафиков Г.** Мустай Карим с нами // Известия Башкортостана. 1994. 5 октября.
577. **Шафиков Г.** Жизнь, вобравшая эпоху // Советская Башкирия. 1994. 20 октября.
578. **Шафиков Г.** Глас поэта // Республика Башкортостан. 2004. 20 октября.
579. **Шергенг Н., Мкртумян Н.** Социальная природа совести // Ватандаш. 2012. № 1.
580. **Шерстобитова А.** «Ушел от нас всего лишь человек, а мир осиротел...» // Республика Башкортостан. 2005. 24 сентября.
581. **Шипицына Е.М.** Чего не было и что было в Советском Союзе // Правда. 2013. № 25.

582. **Широков В.** «Мир жив, пока мелодия жива...» // Литературная газета. 2004. № 42.
583. **Ширяев Б.** Национальное государство на территории Евразии // Евразийская хроника. Вып. 7. Париж, 1927.
584. **Шумилова М.** Его всегда будет не хватать нам // Вечерняя Уфа. 2005. 24 сентября.
585. **Шушпанов Г.** Он остается другом чувашской литературы // Вечерняя Уфа. 2005. 24 сентября.
586. **Шушпанов С.** Прощание с поэтом // Вечерняя Уфа. 2005. 24 сентября.
587. Эпоха Мустая Карима // Вечерняя Уфа. 2004. 20 октября.
588. Эта грусть необходима для вас и для Карима // Вечерняя Уфа. 2004. 19 августа.
589. **Юнусова Г.** Мустай Карим: «Поэта должны волновать и взрывы и оторвавшийся от дерева листок» // Центральная Уфа. 2004. № 2.
590. **Юнусова Ю.** Остается память... // Башкортостан. 2005. 20 октября.
591. **Юсупов Т.** Поэт и дуб // Башкортостан. 2004. 20 октября.
592. **Ягункова Л.** Девчонка из подземелья // Правда. 2002. № 125.
593. **Ягункова Л.** Светоч Шукшин // Правда. 2014. № 79.
594. **Язов Д.** Бесстыдно осменный подвиг // Улики. 2011. № 8.
595. **Ямбург Е.** Как живой с живыми говоря... // Учительская газета. 2007. № 49.
596. **Ямщиков Б.** Время следов не замечает // Республика Башкортостан. 2007. 17 июля.
597. **Ямщиков Б.** Был. Есть. И будет // Республика Башкортостан. 2009. 26 ноября.
598. «Я помню Ваши мудрые слова...» // Советская Башкирия. 1994. 20 октября.

Содержание

Саитов У.Г. Мустай Карим, общество и власть	3
«... не мы выбирали время, а время выбрало нас» (Вместо предисловия)	6
«Я принадлежу к самому счастливому поколению советских людей»	8
«С историей не судятся».....	36
«Люди забывают не только мертвых, но и живых»	47
«Война была большой школой для моего поколения»	100
«Без книги нет ни искусства, ни театра, ни балета, ни эстрады, ни даже литературы»	138
«Все поэты всегда так или иначе спорят с действительностью».....	226
«Хозяин времени – человек. И они всегда похожи друг на друга – Время и Человек» (Вместо заключения).....	269
Литература	274

Научно-популярное издание

Валеев Ильяс Иштуганович

МУСТАЙ КАРИМ И ЕГО ЭПОХА

В авторской редакции

Корректор *Л. Д. Петрова*

Компьютерная верстка *А. В. Косульниковой*

Подписано в печать 07.05.2019. Формат 60×84 1/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,45. Уч.-изд. л. 16,66.
Тираж 100 экз. Заказ № 12.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72.
<http://www.bashenc.ru>
E-mail: gilem@bashenc.ru

Отпечатано в ООО «Информационно-просветительский центр “Башакадемкнига”».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55.